Министерство культуры Республики Крым
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Республики Крым
«Крымский университет культуры, искусств и туризма»

ТАВРИЧЕСКИЕ СТУДИИ

№ 22 (2020)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АНТИКВА

Симферополь
2020

Рекомендовано к печати
Учёным советом ГБОУВОРК «Крымский университет
культуры, искусств и туризма»
(протокол № 12 от 30 сентября 2020 г.)

Редакционная коллегия:

Главный редактор — В. А. Горенкин, заслуженный работник культуры Республики Крым, кандидат политических наук, доцент, ректор ГБОУВОРК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Заместитель главного редактора — А. Ю. Микитинец, кандидат философских наук, доцент, проректор по научной работе ГБОУВОРК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Члены редакционной коллегии:

В. И. Нилова, доктор искусствоведения, профессор
Л. И. Редькина, доктор педагогических наук, профессор
О. В. Романько, доктор исторических наук, профессор
О. В. Резник, доктор филологических наук, профессор
А. В. Швецова, доктор философских наук, профессор
Л. А. Штомпель, доктор философских наук, профессор
О. М. Штомпель, доктор философских наук, профессор
А. Д. Шоркин, доктор философских наук, профессор
Э. Э. Ибрагимов, доктор экономических наук, доцент
Н. Л. Кабачёк, кандидат искусствоведения, доцент
Е. В. Донская, кандидат культурологии, доцент
О. Б. Элькан, кандидат культурологии, доцент
О. И. Микитинец, кандидат философских наук, доцент
М. Р. Скоробогатова, кандидат педагогических наук, доцент
Н. Г. Попович, доктор политических наук, кандидат филологических наук, доцент
А. В. Норманская, кандидат культурологии
С. А. Стасюк, кандидат искусствоведения, доцент

ГБУ РК «Восточно-Крымский
историко-культурный музей-заповедник»

В. Ф. Санжаровец, старший научный сотрудник
Т. В. Умрихина, кандидат философских наук, генеральный директор
Н. В. Быковская, заместитель генерального директора
Л. В. Блинова, ученый секретарь, ответственный за выпуск
Н. Н. Непомнящая, научный сотрудник

Г. Н. Гржибовская — литературный редактор
В. И. Цирульник — консультант по английскому языку
А. Н. Жаворонков — ответственный секретарь

Таврические студии № 22. — Симферополь : Из-во ООО «Антиква», 2020. — 196 с.

Журнал «Таврические студии» включён в национальную информационно-аналитическую систему РИНЦ.

За достоверность информации, содержание статей редакция ответственности не несёт. Мнения, высказанные авторами в статьях, могут не совпадать с точкой зрения редакционной коллегии.

ISSN 2307-8758 (print)

© ГБОУВОРК «Крымский университет культуры, искусств и туризма», 2020
© ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник», 2020
© Оформление. ООО «Антиква», 2020

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

ГБУ РК «ВОСТОЧНО-КРЫМСКИЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК»

ФГАОУ ВО «КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. И. ВЕРНАДСКОГО»

ГБОУВОРК «КРЫМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВ И ТУРИЗМА»

ФГБОУВО «КЕРЧЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МОРСКОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

МАТЕРИАЛЫ

МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ БОСПОРА

К 125-ЛЕТИЮ
ОТКРЫТИЯ
СКЛЕПА ДЕМЕТРЫ

Август 2020 г.

г. Керчь

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

В 2020 году исполнилось 125 лет с момента открытия Склепа Деметры – всемирно известного памятника античной погребальной архитектуры и живописи.

Именно этой значимой дате организаторы Международной научно-практической конференции «Археология и история Боспора» посвятили свой очередной научный форум, в котором традиционно приняли участие корифеи российской археологической науки, историки, сотрудники музеев, начинающие учёные.

Из-за пандемии коронавируса конференция проведена в заочном формате. В настоящем сборнике представлены научные доклады её участников.

Когда в 1895 году в Керчи, в предместье Глинище, во дворе дома мещанки Анны Зайцевой на 4-й Продольной улице, на территории бывшего некрополя столицы Боспорского царства Пантикапея, был открыт расписной склеп, то ни хозяйка земельного участка, ни немногочисленная на то время учёная общественность, изучавшая и описывавшая остатки античной цивилизации на территории Крыма, ещё не осознавали значения этой находки.

Склеп оказался неразграбленным. (Все предметы погребального инвентаря хранятся в настоящее время в Государственном Эрмитаже.) Самое ценное из найденного в усыпальнице – это настенные сюжетные росписи на тему мифа о богине Деметре и её дочери Коре, похищенной Плутоном – богом подземного царства. В честь удивительного изображения богини на центральном плафоне усыпальницу стали называть Склепом Деметры.

Уникальность росписей и гениально воплощённая во фресках склепа античным мастером идея цикличного возрождения, лежащая в основе древнегреческого мифа, стали причиной того, что Императорская Археологическая комиссия в 1908 году выделила средства на приобретение склепа и передачу его в ведение Керченского музея древностей.

С тех пор он охраняется государством и в настоящее время входит в состав Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника.

Едва ли можно назвать другой такой памятник, столь длительное время пребывавший в поле зрения специалистов различных направлений: археологов, историков античности, реставраторов. О нём знают все, кто хоть немного интересуется античной историей Боспорского царства.

В 1914 году известный учёный М. И. Ростовцев выполнил научное описание Склепа Деметры, ставшее основополагающим для всех последующих интерпретаций анализа живописи и сделанных там находок.

Спустя десятилетия состояние этого удивительного памятника, немало лет бывшего экскурсионным объектом, стало вызывать серьёзную озабоченность у научной общественности и специалистов, изучающих подобные погребальные сооружения.

Для спасения склепа по инициативе мецената, уроженца нашего города, выдающегося учёного-физика В. Д. Письменного и нынешнего генерального директора Восточно-Крымского музея-заповедника Т. В. Умрихиной в 1995 году был основан одноимённый Благотворительный фонд «Деметра», осуществивший в дальнейшем множество проектов по сохранению и популяризации культурного наследия Керчи.

Когда стало ясно, что склеп не может быть доступен для свободного посещения, так как это вызовет дальнейшее разрушение фресок, было принято решение сохранить подлинный памятник для археологов, реставраторов и искусствоведов, а для посетителей сделать его технологическую модель.

Создание подобных реплик древних памятников – общемировая практика. Немало знаменитых памятников истории и культуры – Кносский дворец на Крите, пещеры с первобытными наскальными рисунками во Франции и Испании, Фракийская гробница в Казанлыке (Болгария) – фактически являются «новоделами». Подлинные памятники либо утрачены, либо законсервированы и не могут посещаться как туристические объекты.

Авторами росписей созданного в 1997 году музея «Технологическая модель Склепа Деметры» стали керченские художники Татьяна и Николай Королёвы. Они полностью воссоздали внутренний вид и убранство усыпальницы – стены и потолок её расписаны фресками, до мельчайших деталей копирующими оригинал.

Интересно, что участь «быть спасаемой» постигла Деметру и в качестве технологической модели. Помещение музея, находящегося внутри первого яруса Большой Митридатской лестницы, оказалось в аварийном состоянии. Арочный свод конструкции лестницы, который в буквальном смысле провис над технологической моделью Склепа Деметры, вызывал опасения полного обрушения. Возникла острая необходимость в проведении спасательных работ.

Благодаря усилиям и кропотливой работе сотрудников музея-заповедника Н. Л. Кучеревской, В. В. Фролова и представителей АО «Баварский Дом» – организации, ведущей в 2019–2020 годах работы по реконструкции и реставрации лестницы, удалось избежать разрушения и сохранить технологическую модель.

Осуществлена консервация красочного слоя – нанесён слой, предохраняющий фрески от рассыпания. Внутри модели склепа установлена арочная подпорная конструкция. Для дополнительной защиты внутри помещения над сводом склепа возведён дублирующий арочный каркас. И только после проведения этих мероприятий состоялось решение о дальнейшем проведении реставрационных работ на этом участке.

На радость всем Технологическая модель Склепа Деметры сохранилась без изменений: помещение и фрески не пострадали, и в скором будущем – а мы на это очень надеемся – музей возобновит свою работу, удивляя и очаровывая посетителей красотой живописных изображений.

Два года спустя после открытия Технологической модели начал свою долгую жизнь в культурном пространстве Крыма, а затем России и всей Европы Международный фестиваль античного искусства «Боспорские агоны», ставивший в первые годы задачу – привлечь внимание общественности к сохранению античного наследия Пантикапея-Керчи. За двадцать с лишним лет своей истории он перерос в масштабный культурологический форум – «цивилизационный» мост из прошлого в будущее.

К юбилею знаменитого памятника выйдет в свет небольшой альбом, в котором иллюстрации и тексты позволят обычным посетителям музея познакомиться с историей открытия, изучения и популяризации Склепа Деметры. Учёные Института археологии РАН в соавторстве со специалистами Государственного Эрмитажа и Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника готовят к публикации монографию – самый подробный труд, посвящённый этому уникальному памятнику.

Оргкомитет конференции выражает глубокую признательность всем авторам и приглашает в 2021 году всех исследователей, занимающихся проблемами археологии и истории Боспора, на очередную научную конференцию. Она должна стать важнейшим событием среди многочисленных мероприятий в честь 195-летия официального открытия Керченского музея древностей.

Генеральный директор
ГБУ РК «Восточно-Крымский
историко-культурный музей-заповедник» ***Т. В. Умрихина***

УДК 904/902.2

Д. В. Бейлин, И. В. Рукавишникова

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В ЛЕНИНСКОМ РАЙОНЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ В 2019 ГОДУ

ARCHAEOLOGICAL EXPLORATION IN THE LENINSKY DISTRICT OF THE REPUBLIC OF CRIMEA IN 2019

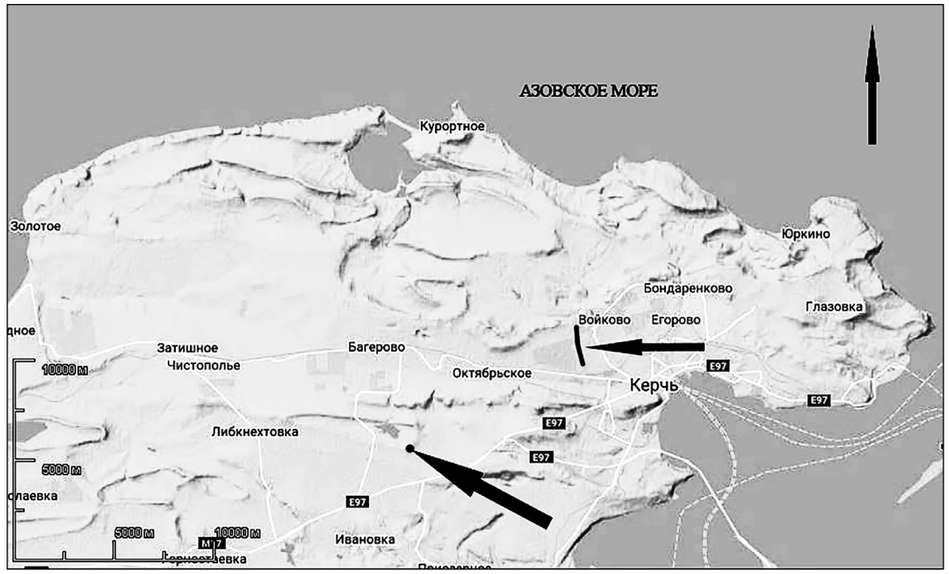
Аннотация. *В статье приводятся результаты недавних разведок в городе Керчи и Ленинском районе Республики Крым, на памятниках: «Катерлезский вал» и «Поселения “Конрат”», курганная группа «450-й квартал». Итогом разведочных работ является постановка на государственный учёт вновь выявленных объектов археологического наследия «Катерлезский вал» и «Поселения “Конрат”», скоординированы участки вала, подвергшиеся антропогенному воздействию, описаны курганы. В комплексе поселений «Конрат» выделены: «Хутор Конрат» (известен по картам XIX в.), поселение и некрополь I в. до н. э. – III в. н. э., поселение античного времени, поселение эпохи бронзы.*

Ключевые слова: *памятники археологии, Республика Крым, поселение, курганная группа, вал.*

Осенью 2019 г. авторами были проведены разведочные работы в городе Керчи и Ленинском районе Республики Крым. Основное внимание было сосредоточено на обследовании территории села Войково, а также территории урочища Хлебозавод, расположенного к югу от посёлка Багерово.

Обследование в городе Керчи проводилось севернее железнодорожного вокзала, за полотном железной дороги. Ранее, при проведении земляных работ севернее железнодорожной станции, были открыты несколько погребений римского времени. Разведочными работами, проведёнными в районе улицы Станция Керчь-2 выявлены единичные фрагменты тонкостенной красноглиняной и краснолаковой керамики, в том числе фрагмент венчика краснолакового кубка. В стратиграфическом профиле, в одном из бортов разведочного шурфа, отчётливо просматривался выброс материкового суглинка, который перекрыл слой погребённой почвы, что даёт повод исследователям предполагать здесь наличие участка некрополя римского времени.

В рамках разведочных работ отрядом дополнительно обследован, описан и координирован участок древнего земляного оборонительного вала и рва – Катерлезский вал. Также обследована курганная группа «450-й квартал». На территории Багеровского сельского поселения за границами населённого пункта в северо-восточной части урочища Хлебозавод, на гребне и склонах скалистого кряжа обследован комплекс разновременных поселений «Конрат».

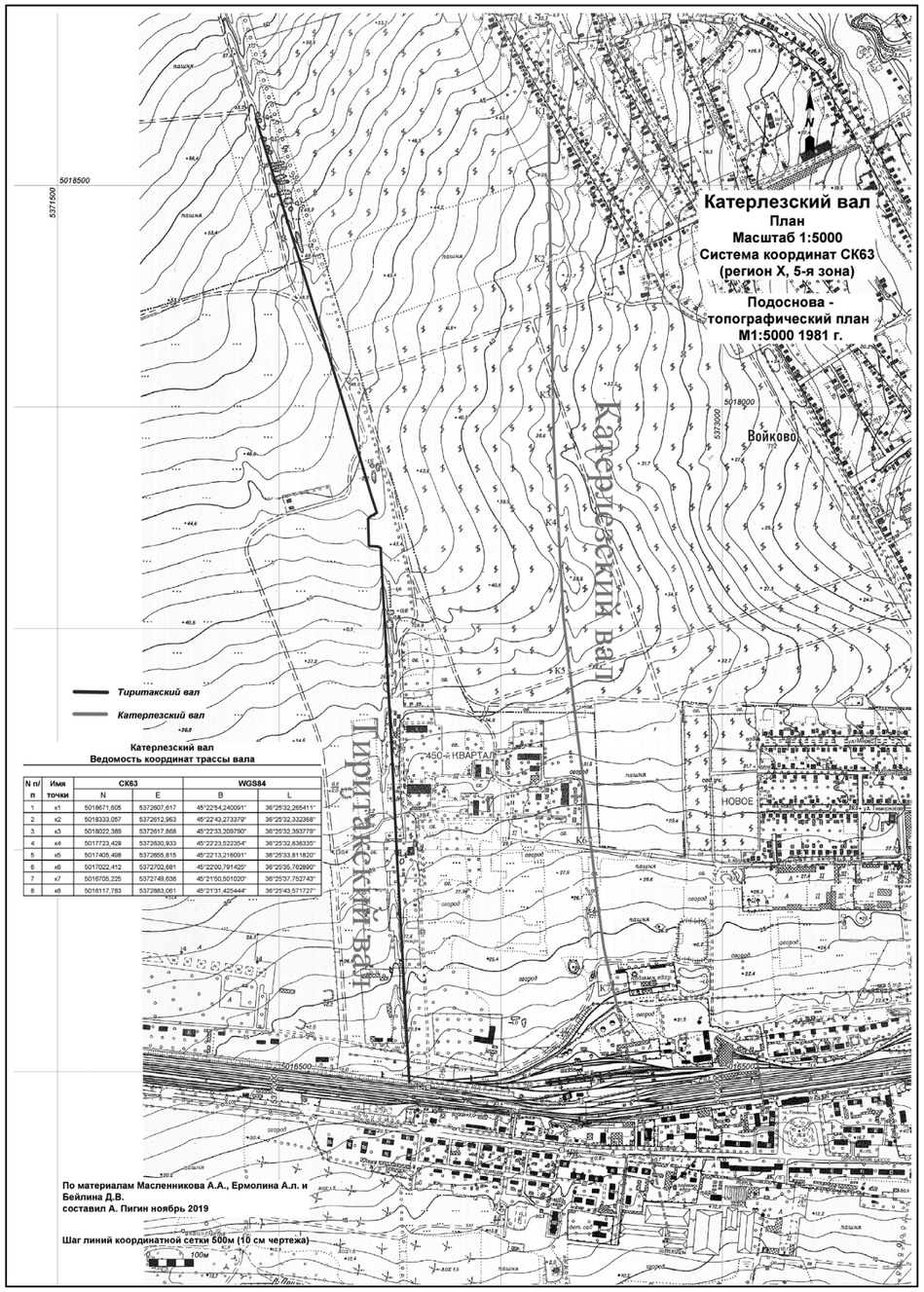

План-схема восточной части Керченского полуострова с указанием мест проведения разведочных работ

Особое внимание нашего исследования было сосредоточено на изучении района участка Тиритакского вала, проходящего от Золотого кургана до скалистой возвышенности, расположенной у северо-западной окраины села Войково. Этот участок вала хорошо описан в научной литературе и является, пожалуй, наиболее сохранившимся и изученным отрезком этой пограничено-оборонительной линии. История обследования участка представлена в монографии А. А. Масленникова и работах других исследователей [7, с. 131–154; 9, с. 26–37], поэтому мы не будем останавливаться на этом вопросе.

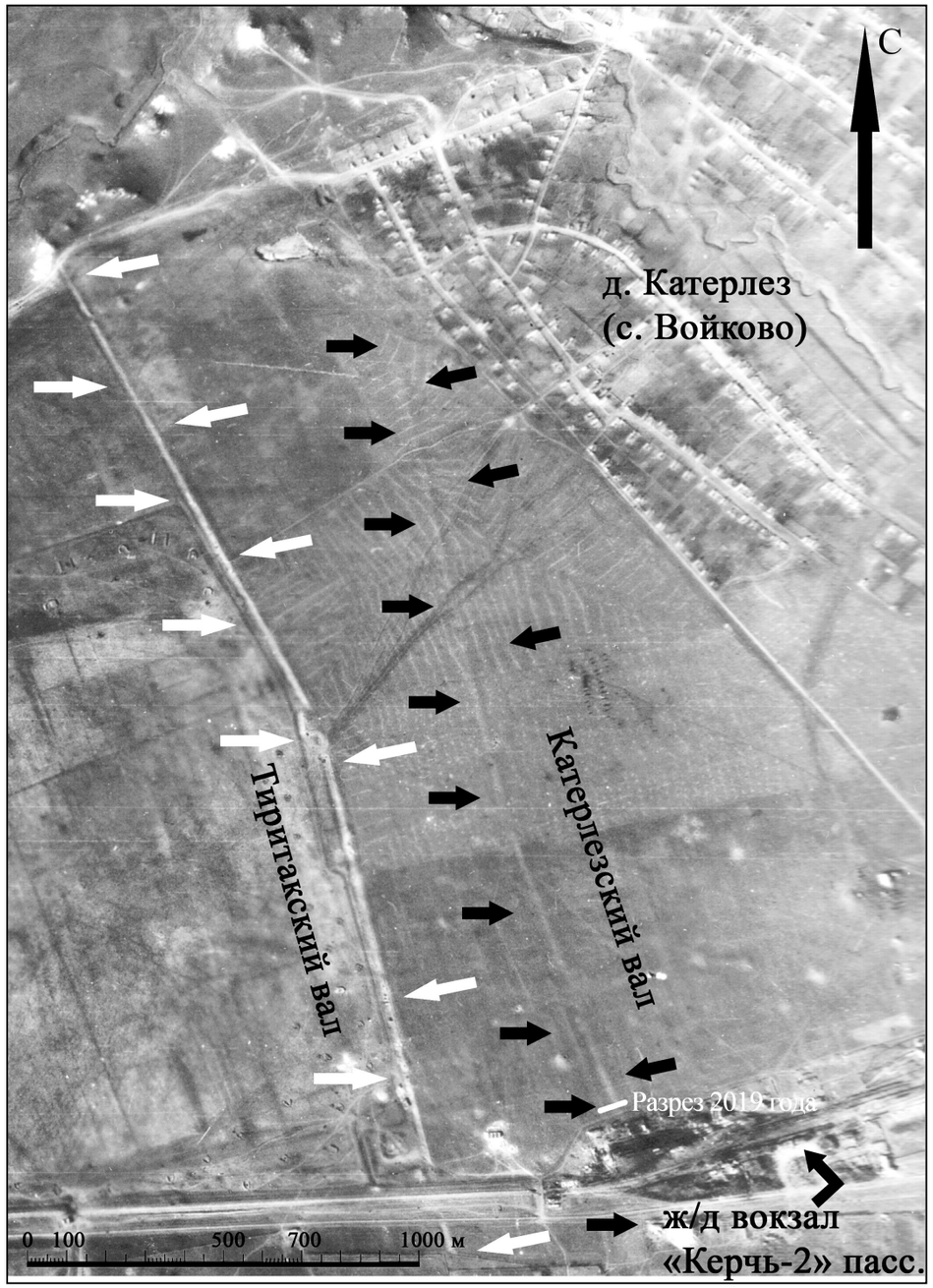
В очередной раз обратиться к вопросу о древних земляных пограничено-оборонительных сооружениях района села Войкова нам позволили обстоятельства, связанные с сооружением линии электропередачи для обеспечения нужд железнодорожного сообщения. Трасса линии электропередачи проходит через Тиритакский вал в районе его пересечения линиями железнодорожного полотна, где вал и ров в результате хозяйственного освоения территории лишь угадываются. Но если линия Тиритакского вала, проходящая от Золотого кургана к северо-западной окраине села Войково, хорошо прослеживается на местности, а в отдельных случаях достаточно точно реконструируется, то линия вала и рва, расположенного немного западнее упомянутого вала, на местности практически не видна. Этот вал и ров отчётливо видны на аэрофотоснимках 1942 и 1954 гг. [7, с. 169, рис. 113], как и проходивший западнее Тиритакский вал. На современных спутниковых снимках вал практически не просматривается, а на современных топографических картах и на другом доступном картографическом материале XVIII–XX вв. вал и ров вовсе не обозначены.

Основной задачей проведения дополнительного обследования ранее выявленного и описанного в научной литературе участка вала и рва являлись оценка его современного состояния в условиях развития частной жилой застройки западной части села Войково и подготовка археологических материалов для постановки объекта археологического наследия на государственный учёт. Ввиду этого,

N п/п	Имя точки	СК63		WGS84	
		N	E	B	L
1	к1	5018671,605	5372607,617	45°22'54,240091"	36°25'32,265411"
2	к2	5018333,057	5372612,963	45°22'43,273379"	36°25'32,332368"
3	к3	5018022,388	5372617,868	45°22'33,209790"	36°25'32,393779"
4	к4	5017723,429	5372630,933	45°22'23,522354"	36°25'32,836335"
5	к5	5017405,498	5372655,815	45°22'13,216091"	36°25'33,611820"
6	к6	5017022,412	5372702,681	45°22'00,791425"	36°25'35,762890"
7	к7	5016705,225	5372749,638	45°21'50,501020"	36°25'37,752743"
8	к8	5016117,783	5372863,061	45°21'31,425444"	36°25'43,571727"

Фрагменты трасс Тиритакского
и Катерлезского валов близ села Войково

Фрагмент трассы Тиритакского и Катерлезского валов
на аэрофотоснимке 1942 г.

согласно установленным правилам наименования вновь выявленных объектов археологического наследия, чтобы избежать повторения многочисленных номеров отрезков Тиритакского вала, а также некорректных названий объектов, в поданной учётной документации объект археологического наследия назван «Катерлезский вал».

Катерлезский вал расположен на территории Войковского сельского поселения Ленинского района Республики Крым и на территории муниципального образования городской округ Керчь. Участок вала и рва находится в 450–600 м к востоку от участка Тиритакского вала, проходящего от Золотого кургана до северо-западной окраины села Войково. Вал зафиксирован от северо-западной части села Войково до юго-западной части подземного водохранилища.

Трасса вала и рва исследовалась А. Л. Ермолиным в 2008 г., и тогда же сделан его разрез в 410 м к юго-западу от перекрёстка улиц Киевской и Шоссейной села Войково у грунтовой дороги, ведущей к керченскому аэродрому [8, с. 25–33]. По сообщениям исследователя, рассмотреть его на местности можно было только под косыми лучами солнца. Им определено место пересечения рва с грунтовой дорогой, ведущей на аэродром. В этом месте, в 10 м южнее дороги и параллельно ей, сделан стратиграфический разрез. Траншеей были разрезаны ров и вал. Вал практически уничтожен многократной распашкой, включая плантажную, но ров сохранился полностью. В стратиграфическом разрезе заполнения рва исследователь выделил два этапа строительства этого земляного оборонительного сооружения. В результате археологического изучения стратиграфического разреза вала А. Л. Ермолиным было выделено два этапа строительства рва или же его реконструкции, вызванной сезонными смывами супесчаного грунта, в котором он и был сооружён. Археолог датировал постройку вала и рва I в. до н. э., а его реконструкцию – IV в. н. э.

В 2019 г. в процессе визуального археологического обследования, проведённого сотрудниками Института археологии РАН на местности, координированы участки вала, которые не подверглись антропогенному воздействию в виде застройки частными домовладениями, а также комплексами построек, возведённых во второй половине XX в. При визуальном осмотре установлено, что вал и ров прослеживаются на длину до 2400 м. Вал отчётливо прослеживается на участке от улицы Киевской в юго-западном направлении (178,61°) на протяжении 835 м до улицы Шами-Заде, 41а (с. Войково). Трасса вала и рва чётко видна от улицы Катерлезской в юго-западном направлении (178,44°) на протяжении 139 м до улицы Полевой (с. Войково). Далее на юг и юго-восток вал прослеживается в виде едва заметного всхолмления высотой до 0,2 м, расположенного западнее т. н. улицы Абрикосовой, на дачных участках (г. Керчь) до северного угла бетонного забора водозаборной станции.

В северной части вала, на участке от улицы Киевской в юго-западном направлении (178,61°) на протяжении 835 м до улицы Шами-Заде, 41а, прослеженная высота вала составляет около 0,4 м при ширине до 20–25 м. Ров расположен с запада от вала и прослеживается на ширину от 6–8 до 10 м.

Далее на юг, между улицами Шами-Заде и Керченской (с. Войково) вал и ров прослеживаются слабо. Ширина вала – от 10 до 20 м, а высота фиксируется от 0,2 до 0,4 м. На этом отрезке он местами запахан.

От улицы Керченской вдоль улицы Абрикосовой и далее на юг вал по причине густой степной растительности практически не прослеживается.

Подъёмный археологический материал на трассе Катерлезского вала и рва зафиксирован в виде единичных находок позднеантичных амфор и амфор IV–II вв. до н. э.

В южной части обследованного участка вала и рва, в районе южной оконечности улицы Абрикосовой муни-

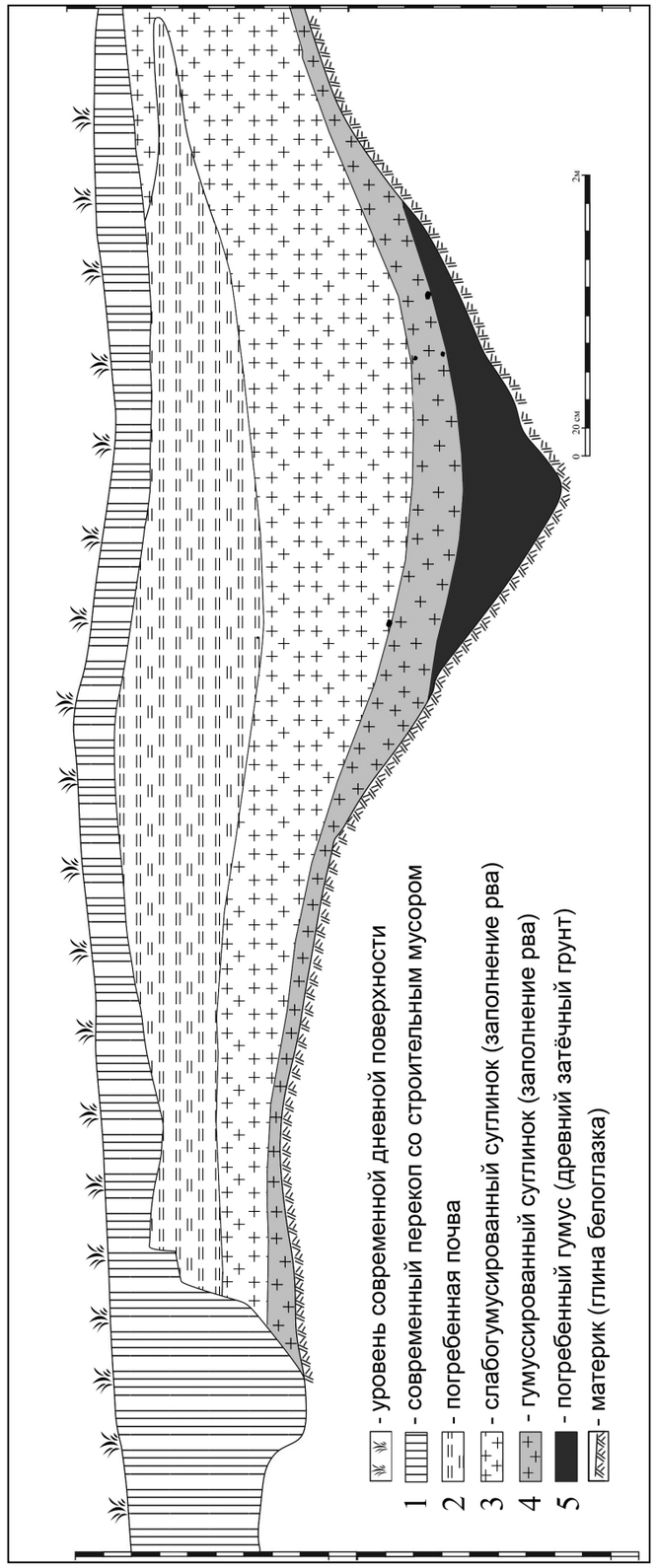

Рис. 4. Разрез южной части Катерлезского вала. Профиль северного борта. Чертеж

ципального образования «Городской округ Керчь», сделан стратиграфический разрез длиной до 20 м, ориентированный длинной осью в направлении запад – восток. К большому сожалению, длина разреза ограничена максимальной площадью разрешённых «Положением о порядке проведения археологических полевых работ...»[1] земляных работ на объекте археологического наследия. Здесь хотелось бы более подробно остановиться на описании стратиграфии заполнения рва.

1. Вверху стратиграфической траншеи прослежен слой строительного мусора, толщина которого варьировалась от 0,3 до 1 м (в западной части разреза).

2. Далее зафиксирован слой погребённой почвы серо-коричневого оттенка толщиной от 0,4 до 0,65 м. Слой представлен гумусированным грунтом. Сформировался он на практически заплывшем грунтом рве, что отчётливо видно на стратиграфическом разрезе. Практически над центральной частью рва слой имеет линзовидные очертания. Из этого слоя происходят немногочисленные и невыразительные находки керамики.

3. Ниже слоя погребённой почвы прослежен слой слабогумусированного суглинка светло-коричневого оттенка. Его толщина достигала 1,3 м. Наибольшая мощность слоя зафиксирована в центральной части рва, где слой линзовидно прогибается. Такая форма слоя свидетельствует о том, что ров заполнялся суглинком в течение достаточно длительного времени. Археологического материала в слое выявлено не было.

4. Затем прослежен слой заполнения рва. Этот слой представлен гумусированным суглинком. Его толщина не одинакова. Так, на крыльях рва слой имеет минимальную толщину – до 0,2 м, а в его центральной части мощность значительно больше – до 0,4–0,5 м. Здесь слой, как и предыдущий, имеет линзовидную форму, образованную в результате процессов смыва грунта с тела насыпи вала в ров. Археологический материал из слоя представлен фрагментами стенок гераклейских и хиосских амфор IV в. до н. э., а также фрагментами стенок красноглиняных амфор неустановленных центров производства, которые тоже можно отнести к IV–III вв. до н. э.

5. В нижней части рва прослеживается слой погребённого гумуса толщиной до 0,8 м. В нём обнаружены мелкие известняковые камни со следами оттёски и термического воздействия. Керамика представлена обломками стенок хиосских и гераклейских амфор IV–III вв. до н. э., фрагментами кровельной черепицы синопского и боспорского производства IV–III вв. до н. э., фрагментом ручки фасосской амфоры IV в. до н. э. и нижним прилепом ручки хиосской амфоры IV в. до н. э.

Ров в целом имеет V-образную форму. Отчётливо читаются выкопанные в материковом суглинке эскарп и контрэскарп. Ложе рва ровное, слегка уплощённое. Ширина вала по верхнему чётко зафиксированному на уровне материка краю составляет 7–7,5 м. Глубина рва от уровня материка составила 1,65 м. В процессе раскопок найдено несколько фрагментов керамики IV в. до н. э. – первых веков н. э.

Границы участка объекта установлены на основании визуального осмотра и определения границ вала и видимых границ рва. Объект является линейным. Длина объекта составляет примерно 2200 м. Ширина, зафиксированная на разных участках, – от 35 до 55 м. Трасса вала проходит по ровной местности, имеющей уклон в южном направлении. Перепад высот от северной зафиксированной оконечности вала к южной составил около 22 м. Северная часть вала от улицы Киевской в юго-западном направлении (178,61°) на протяжении 835 м до улицы Шами-Заде, 41а, распахивается. Далее на юг территория частично застроена частными домовладениями, частично задернована.

Южнее вал и ров уничтожены комплексом железнодорожной развязки станции Керчь-2 и жилой застройкой в районе улицы Вокзальное шоссе. Однако общее направление вала и рва указывает на то, что он выходил к горе Еврейской и далее, возможно, следовал в направлении горы Литвинской до скалистого массива, расположенного чуть западнее неё. После этого вал поворачивает к югу и, возможно проходя через микрорайон Солдатская Слободка, следует в район укреплённого поселения первых веков нашей эры Ак-Бурун II, а затем выходит к морю в районе психоневрологического интерната, расположенного по улице Колхозной. Можно также предположить, что вал и ров от горы Еврейской поворачивал на запад, доходя до Золотого кургана и, таким образом, являлся продолжением Тиритакского вала. Так или иначе, вопрос о продолжении трассы Катерлезского вала в южном и северном направлениях заслуживает отдельного исследования.

Выявление и постановка на государственный учёт подобного археологического объекта в настоящее время очень важны, так как ежегодно увеличивающиеся площади жилой и хозяйственной застройки в черте населённых пунктов не всегда сопровождаются археологическими обследованиями, а застройщики подчас игнорируют требования действующего законодательства.

Рядом с выявленной трассой Катерлезского рва обследована **курганная группа «450-й квартал»**. Она находится на территории муниципального образования город Керчь в 500–600 м к северо-западу от центрального входа в здание железнодорожного вокзала (Привокзальная площадь, 3). Непосредственно расположена между улицей Станция Керчь-2 с юга, улицей Ващенко с севера, улицей Кокорина с востока и улицей 450-й квартал с запада.

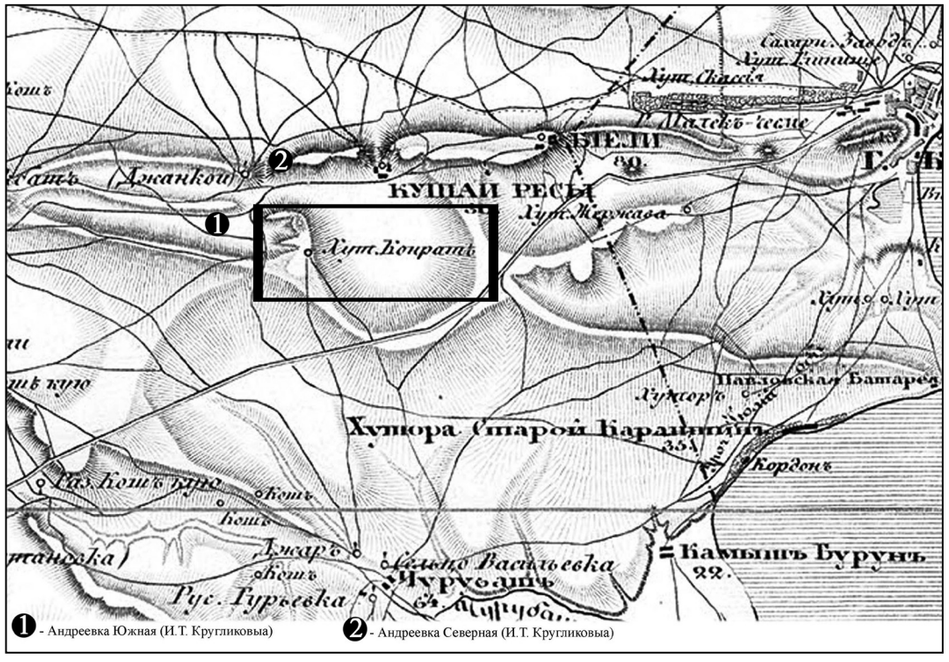
Курганная группа располагалась на участке поля между современной улицей Кокорина и линиями Тиритакского вала, идущего от Золотого кургана на север к северо-западной окраине села Войково (бывш. Катерлез) и Катерлезского вала. На аэрофотоснимках 40-х гг. прошлого столетия фиксируются насыпи не менее чем девяти курганов. На сегодняшний день отчётливо виден и визуально фиксируется лишь один курган из девяти. Он находится на необрабатываемом поле. Сохранившаяся высота курганной насыпи составляет примерно 2,5 м, а диаметр – не менее 50 м. Поверхность кургана носит следы многочисленных грабительских перекопов, которыми практически уничтожена и обезображена северная сторона кургана. Керамика на уровне современной дневной поверхности фиксируется в виде отдельных фрагментов амфор IV в. до н. э.

Примечательно, что довольно внушительная насыпь кургана (самый крупный курган группы) не включена в трассу Катерлезского вала, а располагается западнее на расстоянии всего 50 м.

Другим комплексом, исследования которого продолжены авторами, является «Комплекс поселений “Конрат”», расположенный на территории Багеровского сельского поселения в юго-восточной части урочища, где находится Андреевский пруд. Комплекс разновременных поселений занимает вершинную часть юго-восточной оконечности водораздельного скалистого хребта (наивысшая точка – гора Чанлугар/Чанлучар) и его склоны. С юго-запада к скалистому хребту примыкает урочище Хлебозавод, а с юго-востока – урочище Городище, в юго-восточной части которого расположено укреплённое поселение «11-й километр» (I в. до н. э. – III в. н. э.).

Наименование населённого пункта «хутор Конрат» нанесено на топографические карты Восточного Крыма 1842 г. (Топографическая карта полуострова Крыма. Съёмка полковника Бетева и подполковника Оберга. Лист VI) и 1865–1876 гг. (Трёхверстовка Крыма. Военно-топографическая карта губернии Таврической. Ряд XXXIII. Лист 15).

[1] Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчётной документации. Утверждено постановлением Бюро Отделения историко-филологических наук Российской академии наук от 20 июня 2018 г. № 32. Москва. 2018. Пункты 3.7, 3.9. С. 12–14.

Фрагмент трёхверстовки Крыма с указанием местоположения хутора «Конрат». Военно-топографическая карта губернии Таврической. Ряд XXXIII. Лист 15

Комплекс поселений выявлен разведками В. В. Веселова в конце мая 1964 г. и обозначен им как пункт № 650 – «Каменные сельскохозяйственные сооружения», расположенные в 1,5 км к юго-востоку от деревни Андреевка [2, с 175].

В ходе археологических разведок 2014 г. по трассе проектируемой ЛЭП энергомоста «Российская Федерация – полуостров Крым» Д. В. Бейлиным и А. Е. Кислым выявлены и даны предварительные границы комплекса поселений «Конрат», которые основывались на визуальных наблюдениях: осмотрах обнажений культурного слоя и бортов грабительских разрытий и перекопов, сборе археологического материала и фиксации видимых границ отдельных объектов комплекса в виде каменных стен, зольников. Одна из стен, сложенная из крупных камней, ограничивает комплекс поселений с северо-востока – востока (длина 200 м). Далее к северу зафиксирована курганная группа из 11 курганов. В 2015 г. экспедиция Историко-археологического музея-заповедника «Неаполь Скифский» под руководством Ю. П. Зайцева провела раскопки одной из насыпей, в которую были впущены средневековые погребения IX–X вв. [6, с. 294–309].

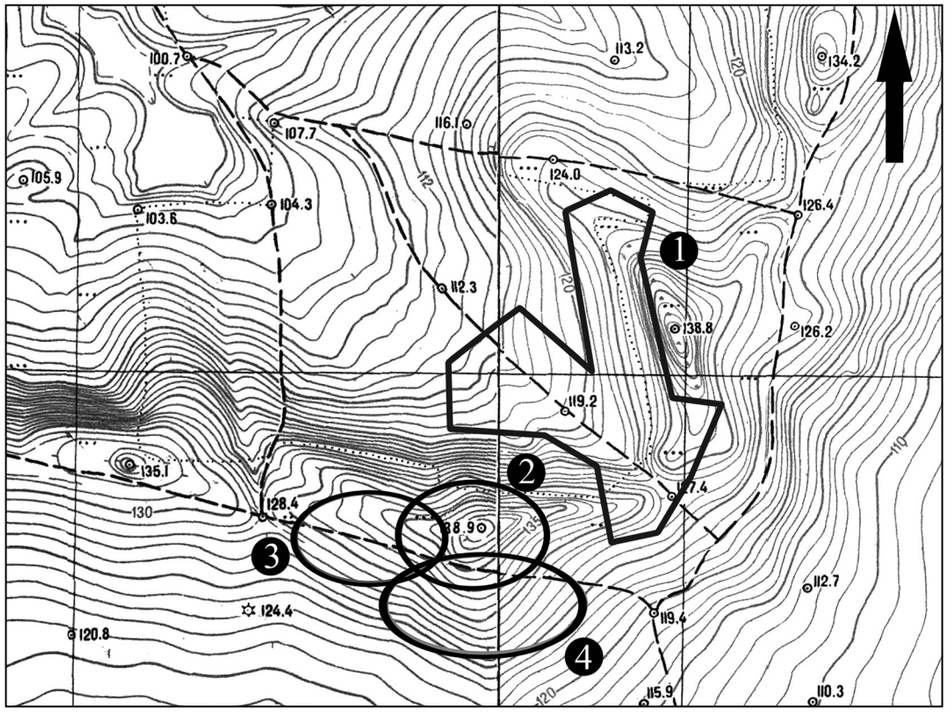
Комплекс поселений включает разновременные поселенческие структуры. Наиболее поздним поселением является комплекс усадеб, вероятно, начала XX в., расположенных по обе стороны вдоль старой дороги, ведущей к Андреевскому пруду с юго-востока. На местности они маркируются пятнами золистого грунта и невысокими валиками (остатки каменных и грунтовых оград). Шурфовки показали наличие достаточно мощного культурного слоя, насыщенного материалом конца XIX – начала XX в. Здесь же встречаются фрагменты керамики салтово-маяцкого времени и античного периода.

К поселению нового и новейшего времени относятся остатки построек, расположенные на вершине скалистой гряды и в её северо-западной части. Археологические комплексы представлены остатками каменных построек (конструкций) и зольниками, границы которых определены исследованиями 2019 г.

Одним из археологических объектов в комплексе поселений «Конрат» является укреплённое поселение рубежа эр и первых веков нашей эры (**поселение «Конрат II»**). Укреплённое поселение расположено на безымянной юго-восточной вершине скалистого хребта с отметкой 138,9 по балтийской системе высот. Остатки поселения представляют собой выходящие на уровень современной дневной поверхности отдельные участки каменных стен и канавы их выборок. Видимые линии стен позволяют реконструировать основную постройку – цитадель – как прямоугольную в плане. Плотный покров степной растительности не позволил на местности визуально проследить все сохранившиеся элементы строений. Наиболее отчётливо прослеживается западная стена строительного комплекса. Размеры комплекса укреплённого поселения составляют примерно 70 × 70 м.

Ниже по склонам, к востоку и западу от цитадели, расположены, вероятно, жилые постройки укреплённого поселения. К югу от цитадели находится зольник, диаметр которого превышает 45 м. С севера зольник разрезан полотном полевой грунтовой дороги, а южная его часть находится под лесопосадкой. Центральная часть зольника изрыта грабительскими ямами.

С запада поселение ограничено балкой, а с севера – крутым склоном скалистого холма, верхняя часть которого также покрыта культурными напластованиями первых веков нашей эры. К востоку от укреплённого поселения, на небольшом плато, в грабительских перекопах фиксируются обломки обработанных известняковых плит. Возможно, эта территория является частью некрополя поселения или могильника более позднего времени.

Фрагмент современной топографической карты с указанием археологических объектов комплекса поселений «Конрат»: 1 – поселение «Конрат» XIX в.; 2 – укреплённое поселение «Конрат II» (I в. до н. э. – III в. н. э.); 3 – поселение «Конрат III» (эпоха бронзы); 4 – поселение «Конрат IV» (IV–III вв. до н. э.)

Археологический материал, найденный на уровне современной дневной поверхности и в грабительских ямах как на самом поселении, так и на зольнике, позволяет датировать функционирование укреплённого поселения I в. до н. э. – III в. н. э.

В верховье балки, ограничивающей укреплённое поселение с запада, и на южном склоне скалистого хребта, на пашне, были обнаружены многочисленные фрагменты лепной посуды эпохи бронзы и отщепы кремня (**поселение «Конрат III»**). Фрагменты керамики эпохи бронзы соответствуют описанным фрагментам лепной посуды, обнаруженной И. Т. Кругликовой в нижних культурных напластованиях поселения Андреевка Южная, которое расположено в 1,6 км к северо-западу [5, с. 49]. При обследовании территории не зафиксировано ни развалов камня, ни каких-либо археологических комплексов, которые можно было бы проследить с уровня современной дневной поверхности. Однако концентрация фрагментов лепных сосудов эпохи бронзы может свидетельствовать в пользу локализации здесь именно поселенческих структур. Выявленное нами поселение эпохи бронзы можно предварительно отнести к катакомбной культурно-исторической общности (т. н. каменская культура Восточного Крыма) [3; 4; 2; с. 93–126].

К югу от поселения первых веков нашей эры (поселение «Конрат II») на пашенном поле зафиксировано скопление фрагментов керамики IV–III вв. до н. э. (**поселение «Конрат IV»**), представленных преимущественно обломками стенок и профильных частей амфор средиземноморских и южнопонтийских центров производства. Локальные скопления бутового камня фиксируются вокруг двух курганообразных возвышенностей, которые, вероятно, являются остатками жилых построек и из-за обилия камня не распахиваются. Территория распространения фрагментов транспортной тары IV–III вв. до н. э. достигает 6–8 га. Однако здесь при определении территории распространения археологического материала надо учитывать многолетнюю распашку территории.

Таким образом, в комплекс поселений «Конрат» входят как минимум четыре разновременных поселения. Выбор места для поселений в разное историческое время обусловлен наличием источников воды, территорией, пригодной для земледелия, и доминирующей в этой части скалистого хребта возвышенностью, с которой просматривается обширная территория северо-восточной и юго-восточной частей Керченского полуострова с практически всеми доминирующими высотами. Также следует отметить довольно развитую сеть дорог, зафиксированных на картах XIX в., так или иначе проходящих либо через комплекс поселений, либо в непосредственной близости от него. В этой связи необходимо указать и на то, что комплекс поселений расположен вблизи основной (центральной) транспортной артерии, проходящей через центральную часть Керченского полуострова [1, с. 6–12].

Итогом разведочных работ, проведённых отрядом, является постановка на государственный учёт вновь выявленных объектов археологического наследия «Катерлезский вал» и «Поселения “Конрат”».

Дальнейшее исследование выявленных объектов археологии, определение границ их территорий и постановка на государственный учёт будут продолжены отрядом в ближайшие полевые сезоны.

1. Бейлин Д. В. К вопросу об основных направлениях транспортных коммуникаций в первые века н. э. // Таврические студии. Исторические науки № 10. Симферополь, 2016. С. 6–12.

2. Веселов В. В. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. // Древности Боспора. Supplementum. Москва, 2005. Т. 2.

3. Кислый А. Е. Каменская культура Восточного Крыма // Наукові праці історичного факультету ЗДУ. Вып. 9. Запорожье, 2000.

4. Кислый А. Е. Население и памятники каменской культуры Восточного Крыма // Stratum plus. Археология и культурная антропология. Кишинёв, 2003. № 2. С. 93–126.

5. Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. Москва, 1975. 300 с.

6. Майко В. В., Пономарёв Л. Ю. Салтово-маяцкий могильник Конрат на Керченском полуострове (по результатам раскопок 2015 года) // История и археология Крыма. 2018. Вып. 7. С. 295–306.

7. Масленников А. А. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма / Рос. акад. наук, Ин-т археологии. Тула : Гриф и К, 2003 (ИПП Гриф и К). 279 с. : ил.

8. Ермолин А. Л. Вновь выявленные древние земляные оборонительные сооружения Восточного Крыма (по материалам археологических разведок) // Научные ведомости Белгородского государственного университета // Серия: История. Политология. 2012. № 1 (120). Вып. 21. С. 25–33.

9. Прокопенко С. Н., Супренков А. А. Валы Европейского Боспора: к истории изучения Акмонайского, Узунларского, Тиритакского и вала Безкровного // Классическая и Византийская традиция : сб. материалов XII междунар. конф. Белгород, 2018. С. 26–37.

10. Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчётной документации. Утверждено постановлением Бюро Отделения историко-филологических наук Российской академии наук от 20 июня 2018 г. № 32. Москва, 2018. П. 3.7, 3.9. С. 12–14.

1. Beilin D. V. On the Question of the Main Directions of Transport Communications in the First Centuries A. D. // Tauride Studios. Historical Sciences № 10. Simferopol, 2016. P. 6–12.

2. Veselov V. V. Consolidated Statement of the Results of Archaeological Exploration in the Kerch and Taman Peninsulas in 1949–1964 // Antiquities of Bosporus. Supplementum. Moscow, 2005. Vol. II.

3. Kisly A. E. Kamenka Culture of the Eastern Crimea // Scientific Works of the Historical Faculty of Zaporozhye State University. Issue IX. Zaporozhye, 2000.

4. Kisly A. E. Population and Monuments of the Kamenskaya Culture of the Eastern Crimea // Stratum Plus. Archeology and Cultural Anthropology. Kishinev, 2003. 2. P. 93–126.

5. Kruglikova I. T. Agriculture of the Bosporus. Moscow, 1975. 300 p.

6. Maiko V. V., Ponomarev L. Yu. Saltovo-Mayatsky Burial Ground Konrat on the Kerch Peninsula (based on the Results of Excavations in 2015) // History and Archeology of Crimea. 2018. Issue 7. P. 295–306.

7. Maslennikov A. A. Ancient Earthen Border-defensive Structures of the Eastern Crimea / Ros. Acad. Sciences, Institute of Archeology. Tula, Grif and K, 2003 (IPP Grif and K). 279 p.: ill.; 30 cm.

8. Ermolin A. L. Newly Identified Ancient Earthen Defensive Structures of the Eastern Crimea (based on Archaeological Exploration Materials) // Scientific Bulletin of Belgorod State University // Series: History. Political science. 2012. No. 1 (120). Issue 21. P. 25–33.

9. Prokopenko S. N., Suprenkov A. A. Shafts of the European Bosporus: on the History of the Study of the Akmonai, Uzunlar, Tyritak and the Bloodless Shaft // Classical and Byzantine Tradition. Collection of Materials of the XII international conference. Belgorod, 2018. P. 26–37

10. Regulations on the Procedure for Conducting Archaeological Field Work and Drawing up Scientific Reporting Documentation. Approved by the Resolution of the Bureau of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences dated June 20, 2018 No. 32. Moscow, 2018. Clause 3.7, 3.9. P. 12–14.

Annotation. *The article presents the results of recent exploration in the city of Kerch and the Leninsky district of the Republic of Crimea, on the monuments: «Katerlezsky Val» and the settlement «Konrat», the mound group «450 Kvartal». The result of the exploration work carried out by the detachment is the state registration of the newly discovered objects of the archaeological heritage «Katerlezsky Val» and «The settlement «Konrat», the sections of the embankment that were subjected to anthropogenic impact were coordinated, and the mounds were described. In the complex of settlements «Konrat» settlements were distinguished: «Khutor Konrat» (known from maps of the XIX century), a settlement and a necropolis of the 1st c. BC. – III century. AD, settlement of the IV–III centuries, settlement of the Bronze Age.*

Keywords: *monuments of Archeology, Republic of Crimea, Settlement, Barrow group, Rampart.*

УДК 902/904

А. М. Бутягин, В. П. Колосов, Н. М. Милихина

НОВЫЕ НАХОДКИ АНТИЧНОЙ СКУЛЬПТУРЫ ИЗ МИРМЕКИЯ

NEW FINDS OF THE CLASSICAL SCULPTURE FROM MYRMEKION

Аннотация. *В статье впервые публикуются три фрагментированных памятника мраморной монументальной скульптуры, найденные на городище Мирмекий в 2018 г. Это фрагмент большого надгробия с изображением головы юноши или девушки, относящийся к первой половине V в. до н. э., фрагмент торса от композитной скульптуры сидящего мужского божества, вероятно, I в. н. э. и уникальный торс скульптуры стоящего Асклепия высотой 1,15 м того же времени.*

Ключевые слова: *античная скульптура, архаика, классика, Мирмекий.*

Археологические открытия античной скульптуры встречаются не так часто даже в центральных областях греческого и римского мира. Каждая из них становится объектом самого пристального внимания специалистов и всех интересующихся историей античного искусства. Ещё более редки подобные находки на территории Северного Причерноморья в целом и Боспора в частности. Учитывая периферийное положение этого региона относительно месторождений мрамора и крупных художественных центров, внимание привлекают даже самые незначительные фрагменты каменной скульптуры. Обычно подобные открытия происходят в крупных городах Боспора, к которым в первую очередь относятся Пантикапей и Фанагория. Тем неожиданней стало открытие в течение одного полевого сезона трёх фрагментированных мраморных скульптур на городище Мирмекий, которое традиционно считается небольшим «аграрным» городком Боспорского государства [1, p. 166].

Городище Мирмекий давно и плодотворно исследуется археологами. Несмотря на то что исследована значительная его часть, до сих пор здесь не открыты остатки общественных сооружений, которые могли бы быть украшены мраморной скульптурой, хотя ордерные архитектурные фрагменты обнаружены [6, с. 317–329]. Любопытно, что начало археологическому изучению, можно сказать, положил выдающийся скульптурный памятник. Речь идёт о находке в 1834 г. мраморного аттического саркофага II в. н. э., украшенного рельефом и фигурами возлежащих на ложе мужчины и женщины [3]. Саркофаг неоднократно становился объектом научного изучения. В ходе работ Мирмекийской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа удалось найти ещё

два фрагмента саркофага (рельефного фриза и части женской фигуры от рельефа нижней части). Несмотря на выдающийся характер памятника, нет никаких сомнений в том, что он не имеет прямого отношению к городищу, так как был найден в погребальном сооружении, вероятно принадлежавшем правителю Боспорского царства. Следует отметить, что на некрополе Мирмекия в XIX – начале XX в. также находили фрагменты скульптурных изображений, высеченных из известняка, хотя их качество было не слишком высоким. За последние десятилетия скульптурных находок здесь не было.

При раскопках непосредственно слоёв поселения найдено относительно небольшое количество образцов скульптуры. Из раскопок В. Ф. Гайдукевича[1] происходит только один небольшой фрагмент мраморной плитки высотой 7 см с головой юноши, который числится как найденный в 1960 г. на участке «И» на поверхности у северо-восточного борта раскопа. Фрагмент обнаружен вне контекста и по каким-то причинам вообще не упоминался в публикациях, хотя эта находка была, без сомнения, лучшим образцом скульптуры, найденным в Мирмекии до начала 1990-х гг. Скульптура может быть отнесена к позднему эллинизму, а диадема на голове может свидетельствовать о том, что изображён кто-то из династии Птолемеев. В настоящее время фрагмент представлен в постоянной экспозиции Отдела Античного мира Государственного Эрмитажа.

В ходе раскопок экспедиции Ю. А. Виноградова обнаружено несколько фрагментов скульптур. Первая из них – мраморный обломок руки с фиалой, возможно, от статуи Кибелы; был найден в 1986 г. при раскопках в западной части памятника [5, № 161, с. 228]. Размер фрагмента – около 6 см, он предварительно датирован эллинистическим временем. Носит следы вторичной обработки. Размеры невелики, так что даже трудно предполагать, принадлежал он сидящей или стоящей статуе.

Наиболее интересна мраморная статуэтка сидящей Кибелы высотой 0,26 м, открытая в ходе работ 1992 г. на участке «С» в каменном завале римского времени [5, № 8, с. 48]. Статуя неплохо сохранилась. Она изображает богиню на троне со львом на коленях и тимпаном в правой руке. Левая рука, в которой должна была быть фиала, и носок правой ноги добавлены и укреплены на небольших пиронах. Не совсем ясно, была ли статуя композитной или пироны появились вследствие ремонта. В любом случае добавление носка ноги могло иметь экстраординарный характер, например, в результате ошибки скульптора или дефекта мраморной заготовки. Статуэтка потёрта, что заставляет предполагать её использование в ходе долгого времени. Предварительно датирована I–II вв. н. э. Эта скульптура, как и предыдущий фрагмент, в настоящее время находится в коллекции Восточно-Крымского музея-заповедника.

С 1993 г. находки скульптуры в Мирмекии чрезвычайно редки. Несмотря на то что находка небольших фрагментов мрамора на городище не редкость, нечасто удавалось обнаружить предметы, которые можно интерпретировать как фрагменты скульптуры. В 2005 г. при раскопках удалось обнаружить несколько эпиграфических памятников, в том числе неплохо сохранившуюся надгробную стелу. В этом же сезоне найден обломок стенки мирмекийского саркофага с частью женской фигуры от фронтальной сцены с Ахиллом на Скиросе. Помимо этого, обнаружены два мраморных фрагмента, вероятно являвшихся частью монументальной скульптуры. Во-первых, это цилиндрический фрагмент длиной 12,5 см со следом от пирона для крепления[2]. Несмотря на то что фрагмент сильно потёрт и оббит, его поверхность, по всей видимости, изображает складки одежды на руке. Весьма

[1] Инвентарный номер Мир. 60-39, полевой – М-60/908.

[2] Полевой номер М.2005-112, коллекционный – Кп 161579.

вероятно, что он является частью руки композитной статуи чуть меньше человеческого роста. Фрагмент найден к востоку от скалы акрополя на участке «Т», впоследствии слившемся с расположенным к западу участком «С», в результате чего образовался участок «ТС». Он находился в слое жёлтого суглинка, появившегося в ходе разрушения большой усадьбы, видимо происшедшего на рубеже III–IV вв. н. э. Во-вторых, найден разбитый надвое фрагмент длиной 16 см с изображением складок одежды[3]. К сожалению, он сильно повреждён. Второй фрагмент найден непосредственно в слое разрушения помещения 4 постройки 2, относящейся к римской усадьбе II–III вв. н. э., чьему разрушению и соответствует упомянутый выше слой жёлтого суглинка. Наконец, в 2008 г. в западной части участка «ТС», возле самой границы с участком «С», возле того места, где была обнаружена статуэтка Кибелы, найден ещё один скульптурный фрагмент. Он находился в каменном завале, перемешанном с жёлтым суглинком, о котором мы говорили выше. Мраморный фрагмент размерами 14,3 × 8,9 × 9,8 см представляет собой, по-видимому, часть тела, возможно, плеча крупной скульптуры с прекрасно исполненными складками одежды[4]. Качество обработки очень высокое и говорит о том, что мы имеем дело с частью импортной скульптуры, привезённой на Боспор из Эгеиды. Верхняя и нижняя стороны фрагмента тщательно отёсаны, как и прямоугольный выступ на внутренней части. Возможно, найденный фрагмент служил для ремонта крупной статуи или изначально был частью композитной скульптуры. К сожалению, точно определить тип скульптуры пока не представляется возможным. После 2009 г. работы в районе акрополя прекращены, а после их возобновления в 2013 г. никаких фрагментов скульптуры здесь обнаружить не удалось.

[3] Полевой номер М.2005-209, коллекционный – Кп 161650.

[4] Полевой номер М.2008-376.

В целом эти небольшие фрагменты мраморной скульптуры входили в число мраморных и известняковых профильных фрагментов, а также обломков эпиграфических памятников, которые периодически встречались в кладках построек и слое, связанном с разрушением усадьбы II–III вв. н. э. Это позволило предположить, что при строительстве усадьбы использовались материалы (в том числе остатки ордерных построек и скульптур), оставшиеся после разрушения какой-то культовой постройки, находившейся возле или непосредственно на скале акрополя Мирмекия. В таком случае находку крупных скульптур можно считать исключением, так как их использование в строительстве затруднительно.

В сезоне 2018 г. Мирмекийской экспедиции Государственного Эрмитажа удалось открыть сразу три памятника скульптуры. Некоторые из них, без всякого сомнения, являются очень редкими, если не уникальными, на территории Боспора.

Один из найденных фрагментов обнаружен в ходе исследования участка «М». Этот раскоп, расположенный на западной границе Мирмекия, исследовался экспедицией под руководством В. Ф. Гайдукевича в 1957–1958 гг., после чего не подвергался изучению и реставрации [4, с. 15–23]. Котлован раскопа зарос, а его южная часть оказалась засыпана мусором. Основной задачей раскопок стало выяснение наличия позднеархаической застройки на участке. В результате был неожиданно обнаружен участок некрополя второй половины VI в. до н. э. В следующем сезоне работы продолжились. Уникальная находка сделана в засыпи небольшой ямы, открытой в ходе работ 1950-х гг. и заполненной отвалом. Здесь среди камней был найден фрагмент мраморной плиты размерами 41 × 26,8 см при толщине около 17 см. Вероятно, он остался незамеченным во время предыдущих раскопок и сброшен в яму как отвал.

На одной из сторон фрагмента сохранилось изображение направленного вверх лица юной девушки или, возможно, юноши (рис. 1). Положение поднятого под углом вверх лица определяется уверенно, так как одна из сторон плиты является её краем. Несмотря на серьёзные повреждения рельефа, хорошо сохранились линия профиля, форма глаза и детали причёски. Нет никаких сомнений, что это фрагмент крупного мраморного надгробия с многофигурной (скорее всего, двухфигурной) композицией. На таких надгробиях, характерных для основных центров греческой культуры, начиная с позднеархаического времени изображались две фигуры, причём рядом с большой фигурой умершего могла быть помещена обращённая к ней фигура девушки (дочери или служанки) либо юноши (вероятно, сына). Толщина плиты, а также размер головы изображённого позволяют предполагать, что мы имеем дело с мраморной стелой очень большого размера, на которой умерший изображён в человеческий рост. Надгробие должно было быть ещё больше, так как, вероятно, включало завершение в виде фронтона. Открытие привозных погребальных рельефов такого размера на Боспоре всегда является исключительным событием, за всё время исследований их найдено меньше десятка. Наиболее близкой аналогией является фрагмент надгробия с юношей (из Эрмитажа), относящийся к первой половине V в. до н. э. [7, с. 45–47]. К этому же времени можно отнести и найденный фрагмент рельефа. Черты рельефа архаичны, но, видимо, не могут быть отнесены к архаическому периоду, а, вероятно, относятся к «строгому» стилю. Таким образом, надгробие может датироваться второй четвертью – серединой V в. до н. э. Местом изготовления, предположительно, может быть названа Малая Азия, хотя этот вопрос нуждается в дополнительном исследовании. Судя по окатанным краям, надгробие разбито в древности, а на территорию Мирмекия попало позднее, возможно, как строительный материал. Тем не менее транспортировка камня на значительное расстояние кажется маловероятной. Видимо, первоначально надгробие находилось на территории некрополя, прилежащей к городищу. Само по себе наличие надгробия такого высокого класса на некрополе Мирмекия говорит о том, что в составе его населения уже в первой половине V в. до н. э. (т. е., скорее всего, до полного разрушения поселения во второй четверти столетия) присутствовали люди, принадлежащие к элите Боспорского государства.

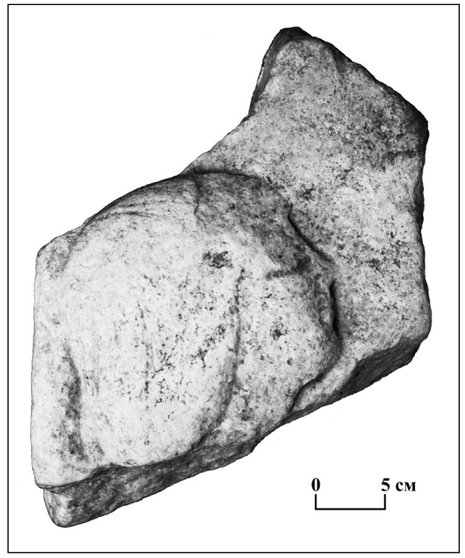

Рис 1. Мирмекий. Участок «М». Фрагмент мраморного надгробья с изображением головы девушки или юноши. V в. до н. э.

Ещё два памятника античной скульптуры открыты на участке «ТС», недалеко от мест обнаружения большей части подобных находок в 1990–2000-х гг. В ходе работ в восточной части участка зафиксирован слой коричневого суглинка, который образовался в XV в. после разрушения крупной постройки, открытой восточнее в 2016 г. В слое присутствовали завалы небольших камней, в одном из которых сделана неожиданная находка – небольшой мраморный торс сидящего обнажённого мужского божества (рис. 2). Верхняя часть фигуры и руки отбиты, хотя видно, что левая рука была поднята вверх, скорее всего сжимая посох-скипетр, а правая опущена на подлокотник. Судя по всему, статуя композитная, так как на

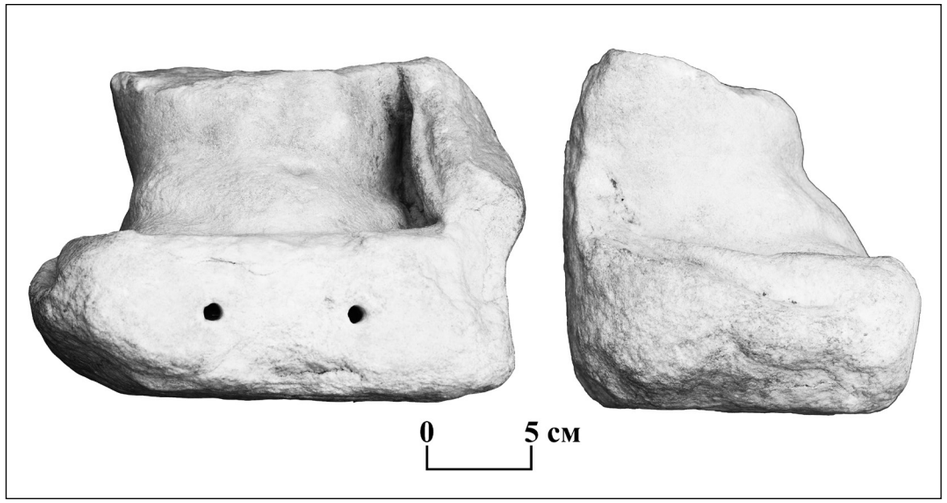

Рис 2. Мирмекий. Участок «ТС». Фрагмент мраморного торса сидящей фигуры мужского божества. I в. н. э.

её лицевой стороне сохранились отверстия для крепления ног. Нижняя и тыльная стороны фрагмента обработаны не слишком аккуратно, из чего можно заключить, что фигура сидела на троне с высокой спинкой. К сожалению, определить, кому принадлежит этот торс, весьма затруднительно. Такая иконография характерна для изображения самых могущественных и почитаемых богов, какими были Зевс, Посейдон или Серапис, однако на троне мог быть изображён Дионис или Асклепий. Статую подобного размера и также композитную (в отличие от нашего образца, отдельно сделан торс с руками и головой) обнаружили грабители в водах близи Байи (к западу от Неаполя), после чего скульптура оказалась в коллекции Музея Гетти в Лос-Анджелесе. Несколько лет назад она возвращена Италии [2, p. 1–2]. Статуя считается греческой работой I в. до н. э. Найденный в Мирмекии фрагмент, без сомнения, относится к привозной статуе, также сделанной в Эгейском бассейне, хотя, как кажется, может датироваться более поздним временем и относится к I в. н. э.; впрочем, не исключено его изготовление и появление на Боспоре в позднеэллинистическое время, после чего культовая статуя могла использоваться длительное время.

Самая удивительная скульптурная находка сделана также на участке «ТС», буквально в нескольких метрах от того места, где в 1992 г. найдена статуэтка Кибелы. В 2018 г. здесь исследовали слой жёлтого суглинка и находящиеся в нём многочисленные каменные завалы. Слой перекрывал кладки и уходил в помещения усадьбы II–III вв. н. э. При расчистке завала в западной части раскопа, прилежащей к участку «С», на котором в 1990-х гг. вела работы экспедиция под руководством Ю. А. Виноградова, обнаружен торс мраморной статуи, уходящий в завал под небольшим углом. В силу абсолютной уникальности обнаруженной находки статуя была немедленно полностью расчищена и извлечена. Она представляла собой мужской полуобнажённый торс, опирающийся на согнутую в локте левую руку, с которой свисает одежда (рис. 3). Её размеры – 1,15 × 0,48 × 0,28 м. Ноги статуи и правая рука отбиты, а голова и левая рука от локтя крепились на пиронах, от которых остались следы. На правой лопатке и плече скульптуры сохранились следы подтёски. Не исключено, что в древности она стояла в нише или была дополнительно укреплена для большей устойчивости. Несмотря на то что статуя найдена в каменном завале, её сохранность исключительна хорошая. Иконография скульптуры соответствует изображениям Асклепия, подобные которым распространены в римское время. Например, в экспозиции Керченского историко-археологического музея находится подобная скульптура меньшего размера и, видимо, более раннего времени [5, № 2, с. 40; 7, с. 259]. Эта находка весьма неожиданная, так как в Мирмекии пока не открыто храмов или иных крупных культовых комплексов, из которых могла бы происходить такая большая статуя. Нет никаких сомнений, что она привезена на Боспор. Можно датировать время её создания I в. н. э., а место производства нуждается в уточнении.

Находка столь крупной статуи заставляет ещё раз обратить внимание на другие находки возле акрополя Мирмекия. По представленным в этой работе данным видно, что из девяти упомянутых скульптурных фрагментов семь найдены в районе акрополя, причём все, кроме одного, так или иначе связаны со слоем разрушения римской усадьбы II–III вв. н. э. (фрагмент торса сидящего божества обнаружен в слое позднего Средневековья, который непосредственно залегает в слое жёлтого суглинка и, видимо, вынут из него и использован как строительный материал). Таким образом, можно предполагать, что концентрация скульптур в этом районе произошла в римское время. Однако тот факт, что все статуи найдены уже не in situ, говорит о том, что комплекс, к которому они относятся, должен был функциони-

Рис 3. Мирмекий. Участок «ТС». Мраморная фрагментированная статуя Асклепия. I в. н. э.

ровать в первые века нашей эры. Не исключено, что святилище, в котором находились статуи, располагалось прямо на скале акрополя или вблизи неё вплоть до середины II в. н. э., когда оно было разрушено, а освободившееся место использовано для сооружения царской гробницы. При этом фрагменты культовых статуй не выброшены или захоронены, а перемещены в новую усадьбу, которая появилась возле гробницы во второй половине II в. н. э. Здесь статуи находились вплоть до гибели античного Мирмекия на рубеже III–IV вв. н. э.

Выполненная работа ставит своей основной задачей представить научному сообществу комплекс мраморной скульптуры, происходящий из Мирмекия. Полученные результаты можно считать предварительными, они нуждаются в проверке и уточнении. Надеемся, что эти находки привлекут внимание специалистов по античной скульптуре и искусству Боспора, которые уделят им необходимое внимание.

1. Butyagin A. Investigations of the Myrmekion Expedition in 2014–2018 // Hyperboreus. 2019. Vol. 25. Fasc. 1. P. 161–169.

2. Jascol J. The J. Paul Getty Museum and Italian Officials Announce Agreement to Return First Century BC Sculpture to Italy // News from the Getty June 14, 2017. P. 1–2.

3. Бутягин А. М., Виноградов Ю. А. Мирмекийский саркофаг. Санкт-Петербург, Изд-во Гос. Эрмитажа, 2016. 48 с.

4. Бутягин А. М., Колосов В. П. Новый участок архаического некрополя Мирмекия (предварительное сообщение) // Таврические студии. Симферополь, 2018. Вып. 16. С. 15–23.

5. Зинько Е., Матковская Т., Иллариошкина Е. [и др.]. Античная скульптура. Из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Лапидарная коллекция. Т. 1. Киев : Мистецтво, 2004. 220 с.

6. Ковалевская Л. Е. Из истории архитектуры Мирмекия (Опыт реконструкции здания дорического ордера по архитектурным фрагментам) // МИА. № 85. 1958. С. 317–329.

7. Соколов Г. И. Искусство Боспорского царства. Москва : Изд-во МЭИ, 1999. 534 с.

1. Butyagin A. Investigations of the Myrmekion expedition in 2014–2018 // Hyperboreus. 2019. Vol. 25. Fasc. 1. P. 161–169.

2. Jascol J. The J. Paul Getty Museum and italian officials announce agreement to return first century BC sculpture to Italy // News from the Getty June 14, 2017. P. 1–2.

3. Butyagin A. M., Vinogradov Y. A. Myrmekion Sarcophagus. Saint Petersburg: Eds. State Hermitage Museum, 2016. 48 p.

4. Butyagin A. M., Kolosov V. P. A New Part of the Archaic Necropolis of Myrmekion (Preliminary Report) // Tauride Studios. Simferopol, 2018. 16. P. 15–23.

5. Zinko E., Matkovskaya T., Illarioshkina E. et al. Classical Sculpture from the Collection of the East Crimean Historical and Cultural Museum. Lapidary Collection. Volume I. Kiev : Mistetstvo, 2004. 220 p.

6. Kovalevskaya L. E. From the History of Architecture of Myrmekion (Experience in the Reconstruction of a Building of the Doric Order According to Architectural Fragments) // MIA. No. 85. 1958. P. 317–329.

7. Sokolov G. I. The Art of the Bosporus Kingdom. Moscow: Eds. MPEI, 1999. 534 p.

Annotation. *For the first time, the article publishes three fragmented marble monumental sculpture found at the Myrmekion settlement in 2018. This is a fragment of a large tombstone depicting the head of a young man or girl, dating back to the first half of the 5th century BC, fragment of a torso from a composite sculpture of a seated male deity, probably 1st century AD and the unique torso of a sculpture of standing Asclepius, 1.15 m high, dates from the same time.*

Keywords: *classical sculpture, archaic, classical, Myrmekion site.*

УДК 902; 904

Ю. А. Виноградов

ИЗ ИСТОРИИ ТАМАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ГАИМК[1]

FROM HISTORY OF TAMAN EXPEDITION OF SAHMC

Аннотация. *В истории советской археологии важное место занимает Таманская экспедиция ГАИМК (1930–1931 гг.) во главе с А. А. Миллером. Экспедиция провела масштабные разведки на Таманском полуострове и предприняла раскопки некоторых памятников. В ходе работ возник конфликт с археологами Государственного музея истории искусств. Руководство ГАИМК заняло в нём бескомпромиссную позицию. Этот конфликт, как представляется, стал главной причиной ликвидации Таманской экспедиции.*

Ключевые слова: *история науки, боспорская археология, Таманская экспедиция, Тмутаракань, Фанагория.*

В истории российской археологической науки менее всего изученным является советский период, в особенности 1920–1930-е гг. Вплоть до недавнего времени в этот сложнейший период существовало немало табу, которые не давали возможности составить ясное представление о реальной деятельности советских археологов. Сегодня, когда эти табу потеряли свою силу, огромное значение приобретает изучение архивных материалов. Использование их в полном объёме, без умолчания о фактах, которые сейчас могут показаться «некрасивыми» или даже скандальными, позволяет не только окунуться в атмосферу былых времён, но и лучше понять некоторые особенности современного состояния отечественной археологии. В данном случае имеется в виду античная археология, прежде всего связанная с изучением древностей Боспора Киммерийского.

В раннее советское время главной организацией, в рамках которой велись все археологические исследования в стране, являлась Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК), созданная в 1919 г. Изучение античной археологии тогда было сосредоточено в основном в Ольвии. Ещё в 1924 г. Б. В. Фармаковскому удалось возродить Ольвийскую экспедицию и на протяжении ряда лет успешно возглавлять её. Смерть Б. В. Фармаковского в 1928 г. стала большой потерей для советской науки и прежде всего для ГАИМК, поскольку с этого времени ведущую роль в изучении Ольвии стали играть не ленинградские, а украинские учёные, отношения с которыми порой не ладились [4, с. 164, 169]. Не трудно понять, что руководство

[1] Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ «А. А. Миллер и Таманская экспедиция ГАИМК (история, исследовательская деятельность, значение для современной науки)» 20-09-00180 А.

ГАИМК не могло смириться с таким положением и, вероятно, решило сменить акцент в развитии античной археологии с Ольвии на Боспор Киммерийский.

В 1930 г. создана Таманская экспедиция ГАИМК, в её рамках решено провести комплексное обследование Таманского полуострова, в ходе которого ставилась задача зафиксировать все археологические памятники, относящиеся к доисторической эпохе, железному веку, периоду античности и Средневековья. Стоит отметить, что поначалу исследования на Тамани планировалось организовать совместно с археологами Германии, но из этого ничего не вышло. Новый научный проект возглавил А. А. Миллер, имевший огромный опыт проведения масштабных археологических работ и в то время руководивший Северо-Кавказской экспедицией ГАИМК [1, с. 6–19]. С позиции современной науки результаты работ, предпринятые под его руководством на Тамани, представляются очень успешными [12, с. 242–243].

Не стоит думать, однако, что Александр Александрович планировал ограничиться проведением исследований только на Таманском полуострове. Нет, он смотрел гораздо шире. Было запланировано «развитие территориальных обследований в бассейне Кубани и по восточному берегу Азовского моря до устья Дона, т. е. до района, ранее проработанного Северо-Кавказской экспедицией ГАИМК» [11, л. 68 об.]. Более подробно об этих замыслах сказано следующим образом: «Одновременно с раскопками и детальным изучением основных тем, связанных с Таманским городищем, необходимо будет постоянно детализировать данные о поселениях в западной части полуострова и распространять территориальное обследование к востоку по Кубани, по её левому коренному берегу, а также и по восточному берегу Азовского моря до устья Дона. В этом случае мы в результате работ 1931–1933 гг. сможем получить ту объективную картину, которая теперь начинает обрисовываться лишь в отдельных её моментах» [10, л. 3]. Как видим, предполагалось охватить исследованиями огромную территорию от Кавказа до Дона. Такие работы, осуществлённые под единым руководством, по единому плану, на основании единых методических принципов, конечно, обещали дать великолепный научный результат. Всем этим замыслам, однако, не суждено было осуществиться.

Первый сезон работ Таманской экспедиции 1930 г. носил разведочный характер, но он в полной мере продемонстрировал перспективность дальнейших исследований [7, с. 26–29]. Из крупных античных городищ в сферу её деятельности оказались включены два памятника – Гермонасса (Тмутаракань) и Фанагория. Изучение первого из них было спланировано на три года таким образом, чтобы в 1931 г. провести изучение культурных напластований времени Средневековья, в 1932 г. сосредоточиться на исследовании римских и эллинистических слоёв, а в 1933 г. – классических и архаических [4, с. 20; 5, с. 169]. Понятно, что за три года вскрыть всю толщу многометровых напластований Гермонассы – задача сложная, почти невыполнимая, но таковым задуман первый шаг в изучении памятника, который, разумеется, должен был иметь продолжение. Во всяком случае, в 1931 г. раскопки Тмутаракани проводились в полном соответствии с намеченным планом [8, с. 58–60].

В отношении Фанагории возникли большие проблемы, связанные с тем обстоятельством, что на городище с 1927 г. раскопки велись Музеем изящных искусств (ГМИИ) под руководством Л. П. Харко и К. Э. Гриневича [6, с. 160–175]. Серьёзные разногласия по этому вопросу возникли уже в 1929 г. в Москве на заседании Главнауки, на котором обсуждался вопрос о плановых археологических работах на Таманском полуострове [6, с. 174–175]. Конечно, в ГАИМК понимали сложность ситуации, но были уверены, что сумеют с ней справиться. В этом отношении очень показателен документ, хранящийся в Научном архиве ИИМК РАН, – это письмо С. Н. Быковского, направленное А. А. Миллеру 10 августа 1930 г. С. Н. Быковский в то время являлся заместителем председателя ГАИМК по науке, т. е. был человеком весьма и весьма влиятельным, деятельность которого остаётся почти не изученной [6, с. 178, прим. 68]. Приведу длинное письмо почти полностью, поскольку всё это «кипение мути», сопровождающее первые шаги по организации экспедиции, проявляется в нём в очень наглядной форме [11, л. 77–79]: *«Глубокоуважаемый Александр Александрович! С большим удовлетворением прочитал Ваше письмо о таманских делах. Удовлетворён, конечно, не тем, что в письме сообщаются “приятные” вещи, а тем, что против занятой Вами в этом вопросе позиции и против Вашей тактики ничего не могут возразить. Могу констатировать факт полной продуманности, методичности в Ваших действиях и проч., и проч. Позвольте по этому поводу не распространяться. Считаю со своей стороны необходимым информировать Вас о том, что было предпринято по тому же делу из ГАИМКа и что ещё предстоит сделать. Опускаю всё то, что уже Вам известно.*

После Вашего отъезда я ещё раз был в Главнауке. Луппола уже там не застал, на что и не рассчитывал. Но я надеялся увидеться с Канчеевым. Не застал случайно и последнего. Вместо Канчеева пришлось разговаривать с Костенко, который является заместителем Канчеева. К Костенко я обратился с вопросом, чем объясняется странная несогласованность в посылке экспедиций на Тамань. Костенко ответил мне довольно раздражительно, что никакой несогласованности нет, а что в планах Главнауки (печатный план, который, между прочим, лишь на днях получен в ГАИМК) значится экспедиция Музея Изящных Искусств, а экспедиции ГАИМКа нет. Не зная ещё, что Вам открытый лист выдан, я нашёл возможным лишь протестовать против не включения в план экспедиции ГАИМКа, указав на её длительный характер (несколько лет), на безусловное участие немецких учёных с будущего года и на обещание Канчеева никому более открытых листов не выдавать. Разумеется, я не преминул отметить, что плановость заключается не в том, чтобы не посылать экспедиции, случайно не включённой в годичный план, а в том, чтобы многолетней экспедиции не мешать другими. При этом я добавил, что Вы уже выехали на Тамань. Костенко ещё раз заявил, что Ваш выезд – нарушение дисциплины и плановости, и виновники посылки Вашей экспедиции на Тамань должны понести наказание в виде дисциплинарного взыскания. Опять-таки, не зная о выдаче Вам открытого листа, я сослался на Луппола и Канчеева, с которыми имел разговор ранее, и выразил удивление, почему они не возражали против экспедиции ГАИМКа, если она незаконна. В общем, разговор закончился ничем, так как и тон, и содержание ответов Костенки не давали мне возможности вести дальнейшие разговоры – никакой надежды на благополучный результат переговоров не было.

По возвращении в Ленинград, я доложил обо всём Николаю Яковлевичу [Марру], и по его поручению составил отношение на имя Бубнова[2] *с изложением всех обстоятельств. Кроме того, в добавление к устному своему сообщению представил письменно докладную записку о переговорах с Костенко, что изложено в данном моём письме выше. (Случайно лишь в письме к Вам выше опущена одна деталь, имеющаяся в моей докладной записке: Костенко заявил мне в ответ на ссылки на Канчеева, что последний был “не в курсе дела”.) Таким образом, будем ждать, что ответит Бубнов. Быть может, совершенно независимо от обращения к Бубнову, надо будет поднять дело в РКИ*[3] *в порядке постановки вопроса о нарушении плановости в Главнауке. Вам понятно, что в интересах успешного разрешения вопроса с Вашей стороны требуется особенная выдержанность и тактичность, чтобы с формальной стороны никаких претензий к ГАИМКу [никто] не мог предъявить. Вместе с тем, как я полагаю, действительно не следует*

[2] А. С. Бубнов (1884–1938) с 1929 г. был народным комиссаром просвещения.

[3] Рабоче-крестьянская инспекция.

идти ни на какие компромиссы с Гриневичем и Харко. То есть все их попытки добиться соглашения надо вежливо и тактично, но настойчиво отклонять. Напротив, что касается местных учреждений, то с последними надо поддерживать теснейшие связи, чтобы местные работники, во всяком случае, были на стороне ГАИМКа, значит, следовательно, понимали бы установки ГАИМКа в Таманской экспедиции и проч., и проч. Всё это, как я заключил из Вашего письма, Вами и делается. Если я ещё раз об этом говорю, то лишь для того, чтобы яснее и полнее подтвердить солидарность с образом Ваших действий.

<...>

Что касается Вашего запроса относительно участия в конференции, то полагаю, что это участие не только не излишне, но и необходимо. Давать Вам лично от себя какие-либо директивы я, понятно, затрудняюсь. Николай Яковлевич уже Вашего письма не застал – он на Кавказе. Я полагаю, что Вы сами лучше определите образ действий в зависимости от обстановки и ряда привходящих условий. Одно пожелание я мог бы высказать – не слишком претендовать на [археологические] материалы. Я считаю, что их можно было бы не тащить в Ленинград, а оставить на месте, если, конечно, имеются достаточные гарантии к полной их сохранности и надлежащей заботе о них со стороны местных организаций. Это – вопрос и тактики и политики, как я понимаю. Впрочем, моё личное мнение, о чём считаю необходимым оговориться. Т. о. не смотрите на это как на директиву, а как на мнение или пожелание.

В отношении "инородных тел" (я – об экспедициях других учреждений) Вам следовало бы вести наблюдение и тщательно регистрировать те промахи и ошибки, которые ими будут допущены. Имею в виду, однако, не судебно-следовательский подход, а, во-первых, материал, которым можно будет аргументировать осенью в отстаивании плановости, во-вторых, это не исключает вмешательства в виде советов и т. п. вполне легальных действий для предотвращения явно нежелательных явлений, подобно тем, о которых Вы сообщаете. Т. е. я хочу сказать, упомянутое наблюдение не должно преследовать цели получить материал для названной аргументации, но и предотвращение всего того, что наносило бы вред делу научного исследования.

С приветом, С. Быковский».

Письмо заместителя председателя ГАИМК однозначно свидетельствует о том, что разбирательство дела, связанного с деятельностью двух археологических экспедиций на Таманском полуострове, имело место на заседании Главнауки летом 1930 г. и тоже не дало положительного результата. Для С. Н. Быковского вопрос о приоритете ГАИМК в изучении всех археологических памятников Таманского полуострова был, так сказать, решённым и не подлежащим обсуждению. Его письмо, в известном смысле, напоминает инструкцию по подготовке к войне, включающую следующие важнейшие положения:

• не идти ни на какой компромисс с Л. П. Харко и К. Э. Гриневичем;

• отклонять все их попытки достижения соглашения;

• вести наблюдение за действиями москвичей, фиксировать все их «промахи и ошибки», чтобы использовать добытую таким образом информацию в нужный момент;

• готовить союзников в среде местных научных учреждений.

Для лучшего понимания ситуации приведу письмо К. Э. Гриневича, адресованное А. А. Миллеру из Тамани 26 июля 1930 г. [11, л. 101]: *«Глубокоуважаемый Александр Александрович! Очень сожалею, что не имею возможности лично повидаться с Вами и обсудить создавшееся положение, когда две экспедиции находятся на Таманском полуострове. Я бы очень хотел устроить согласительное совещание для устранения ненужного параллелизма. Я до последнего момента не знал, что АИМК пошлёт экспедицию, в Главнауке же на заседании Ваш представитель сообщил, что он видит экспедицию АИМК, если она будет согласованной с нашей экспедицией, которая работает здесь уже 4 год. Экспедиция МИЗИС носит исключительно разведочный характер, хотя Открытый лист я имею и на раскопки. Моей задачей является установление границ Фанагории и изучение её культурных слоёв. Кроме того, я хочу ознакомиться с сетью мелких городищ на полуострове Фонтан и в районе Бугаза. Последнее – для установления экономики. Очень хотелось бы повидаться в районе Сенной, куда я еду, и побеседовать более детально.*

Я хотел бы познакомиться и с Вашими задачами, так как несомненно одно, что обе экспедиции являются прелюдией для больших работ с немцами. А так как до последнего момента переговоры с немцами шли через Археологическую Секцию ВОКС, то всё это меня интересует очень близко.

С приветом, К. Гриневич».

Не трудно понять, что это послание осталось без внимания. В начале августа 1931 г. сотрудники Таманской экспедиции ГАИМК предприняли в Фанагории самостоятельные работы, очертив границы городища и обозначив места, разрушающиеся в результате природного или антропоморфного фактора [9, с. 67–68; 10, л. 161, 164–165]. Именно в рамках этой экспедиции В. Ф. Гайдукевич провёл доследование фанагорийской керамической обжигательной печи [5, с. 51–92].

После 1931 г. раскопки Фанагории несколько лет не проводились, а деятельность Таманской экспедиции ГАИМК вообще прекратилась. Порой считается, что это было связано с волной сталинских репрессий, оказавших прямое влияние на судьбы учёных [6, с. 177], но вряд ли всё было столь однозначно. Логичнее считать, что репрессии наложились на весьма скандальную ситуацию, связанную с деятельностью на Таманском полуострове двух враждующих экспедиций, нарушением важнейшего для социалистической системы принципа планирования в научной деятельности и т. д. и т. п. Нет сомнения в том, что к разбирательству этой ситуации, так или иначе, были подключены органы госбезопасности, которые, естественно, стремились найти в ней проявление деятельности, враждебной советскому строю. Аресты начались через два года после обозначенного конфликта. Правда, один из руководителей раскопок в Фанагории, Л. П. Харко, вообще при этом не пострадал. К. Э. Гриневича арестовали в 1933 г. Как было сказано выше, в 1932 г., по существу, прекратились работы Таманской экспедиции ГАИМК, хотя в том году А. А. Миллер всё ещё продолжал руководить Северо-Кавказской экспедицией. Он был арестован в сентябре 1933 г., осуждён и из сталинских лагерей уже не вернулся [6, с. 185–187]. Кто знает, прояви С. Н. Быковский готовность к компромиссу, дело, связанное с археологическим изучением Таманского полуострова, не возникло бы вовсе или же аресты наиболее видных археологов были бы «отложены» до 1937 г.

1. Алёкшин В. А. А. А. Миллер и его вклад в развитие отечественной археологии // Музей. Традиции. Этничность. № 2. Санкт-Петербург : Российский этнографический музей, 2015. С. 6–19.

2. Виноградов Ю. А. Феномен Боспорского государства в отечественной литературе // Stratum plus. 2000. № 3. С. 98–128.

3. Виноградов Ю. А. Отдел истории античной культуры ИИМК РАН и его предшественники в РГАК – РАИМК (ГАИМК) – ИИМК АН СССР – ЛОИА АН СССР // Записки ИИМК РАН. 2009. № 4. С. 7–36.

4. Виноградов Ю. А. Отдел истории античной культуры // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014). Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2013. С. 160–190.

5. Гайдукевич В. Ф. Античные керамические обжигательные печи (по раскопкам в Керчи и Фанагории в 1929–1931 гг.). ИГАИМК. 1934. Вып. 80. 115 с.

6. Застрожнова Е. Г. Фанагория. История археологического изучения (конец XVIII – середина XX в.). Санкт-Петербург : Нестор-История, 2019. 308 с.

7. Миллер А. А. Таманская экспедиция ГАИМК [1930 г.] // СГАИМК. № 1. 1931. С. 26–29.
8. Миллер А. А. Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г. (Краткий предварительный отчет об исследованиях в Таманском городище) // СГАИМК. № 3–4. 1932. С. 58–60.
9. Миллер А. А. Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г. // СГАИМК. 1932. № 7–8. С. 67–68.
10. Научный архив ИИМК РАН (далее – НА ИИМК РАН). Ф. 2. Оп. 1. 1931 г. Д. 777.
11. НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1932 г. Д. 111.
12. Паромов Я. М. История археологических исследований на Таманском полуострове. Часть 2 (1918–1991) // БИ. 2020. Вып. 40. С. 239–305.

1. Alyokshin V. A. A. A. Miller and his contribution to the development of Russian archeology // Museum. Traditions. Ethnicity. No. 2. Saint Petersburg: Russian Ethnographic Museum, 2015. P. 6–19.
2. Vinogradov Yu. A. The phenomenon of the Bosporus state in Russian literature // Stratum plus. 2000. No. 3. P. 98–128.
3. Vinogradov Yu. A. Department of Classical Archaeology IHMC: the Main Stages of its History // Transactions of the Institute for the History of Material Culture. 2009. No. 4. P. 7–36.
4. Vinogradov Yu. A. Department of the History of Classical Culture // Academic Archeology on the Banks of the Neva (from RAHMC to IHMC RAS 1919–2014). Saint Petersburg : Dmitry Bulanin, 2013. P. 160–190.
5. Gaydukevich V. F. Classical Time Ceramic Kilns (from Excavations in Kerch and Fanagoria in 1929–1931). Reports of SAHMK. 1934. Vol. 80. 115 P.
6. Zastrozhnova E. G. Fanagoria. The History of Archaeological Research (late XVIII – mid XX century). Saint Petersburg: Nestor-History, 2019. 308 P.
7. Miller A. A. Taman Expedition of SAHMC [1930] // News of SAHMC. 1931. No. 1. P. 26–29.
8. Miller A. A. Taman Expedition of SAHMC in 1931 (Brief Preliminary Report on Research in the Site of Taman) // News of SAHMC. 1932. No. 3–4. P. 58–60.
9. Miller A. A. Taman Expedition of SAHMC in 1931 // News of SAHMC. 1932. No. 7–8. P. 67–68.
10. Scientific Archive of the IHMC RAS (hereinafter referred to as the SA IHMC RAS). F. 2. Op. 1. 1931. No. 777.
11. SA IHMC RAS. F. 2. Op. 1.1932. No. 111.
12. Paromov M. Ya. History of Archaeological Research on the Taman Peninsula. Part 2 (1918–1991) // Bosporos Studies. 2020. Vol. 40. P. 239–305.

Annotation. *An important place in the history of Soviet archeology is occupied by the Taman expedition of SAHMC (1930–1931), headed by A. A. Miller. The expedition conducted large-scale reconnaissance on the Taman Peninsula and undertook excavations of some sites. In the course of the work, a conflict arose with archaeologists of the State Museum of the History of Art (Moscow). The leadership of SAHMC took an uncompromising position in it. This conflict seems to be the main reason for the elimination of the Taman expedition.*

Keywords: *history of science, Bosporan archaeology, Taman expedition, Tmutarakan, Phanagoria.*

УДК 904:94(38).09

Н. И. Винокуров

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВА МЕЖДУ КРЕПОСТНЫМИ СТЕНАМИ И РВОМ РАННЕЙ ЦИТАДЕЛИ ГОРОДИЩА АРТЕЗИАН

ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК 2019 ГОДА

EXPLORING THE SPACE BETWEEN THE WALLS AND THE MOAT OF THE EARLY CITADEL OF THE ARTEZIAN SITE.

THE FIRST EXCAVATION RESULTS OF 2019

Аннотация. *В статье представлены результаты новейших раскопок городища Артезиан в Крымском Приазовье, полученные при исследовании пространства между ранней цитаделью и оборонительным рвом. Здесь найдены объекты и культурные напластования, сформированные до постройки ранней цитадели от IV в. до н. э. до 63 г. до н. э. и являющиеся важными индикаторами для уточнения общей хронологии городища и всего Боспора.*

Ключевые слова: *Боспорское царство, городище Артезиан, боспоро-римская война 44/45–49 гг. н. э., эллинизм, римское время, цитадель, землетрясение, хронология.*

Ранняя цитадель (акрополь городища Артезиан) погибла в 46/47 г., в начальный период боспоро-римской войны 44/45–49 гг. (Tac. Ann. XII. 15–21)[1], полностью раскопана [1, с. 207–278; 2, с. 5–16; 3, с. 50–60; 4, с. 67–77; 5, с. 9–16; 6, с. 38–44; 7, 46–65; 8; 9, с. 98–105; 10, с. 1–17; 11, с. 30–40]. Остались неизученными участки между крепостными стенами и оборонительным рвом. В последние годы они планомерно раскапываются, при этом обнаружено восемь изолированных объектов правильной планировки – *полуподвалы 1–8*, имевшие несколько строительных периодов, и сопряжённые с ними вымостки 1–3 *жилого горизонта 1* террас, связанных со временем бытования ранней цитадели (рис. 1).

Работы 2019 г. охватывали северо-восточную часть раскопа III площадью около 1200 кв. м и юго-западный угол раскопа I, затрагивая *следующие культурные напластования и связанные с ними строительные остатки:*

1) насыпи террас эпохи эллинизма, I в. до н. э. – рубежа нашей эры – I в. н. э.;

[1] Подробнее: [3, с. 50–60; 4, с. 67–77; 5, с. 9–16; 6, с. 38–44; 7, 46–65; 8; 11, с. 30–40; 9, с. 98–105; 12, с. 71–88; 13, с. 55–76; 14, с. 197–206; 15, с. 161–170; 16, с. 78–88; 17, с. 207–278; 18, с. 134–162].

Рис. 1. План ранней цитадели городища Артезиан

2) строительные остатки фортификационных сооружений ранней цитадели: траншея выборки западной крепостной стены 78.1 (ТВ-78.1);

3) строительные остатки бытовавших одновременно с цитаделью полуподвальных построек (полуподвала 5, полуподвала 8 и вымостки 4–6, стен 216 и 217), выстроенных в пространстве между крепостными стенами и оборонительным рвом ранней цитадели;

4) нивелировочный слой под строительство поздней цитадели середины – второй половины I в. н. э., отложившийся поверх руин цитадели, полуподвалов и золистого слоя;

5) строительные остатки поздней цитадели (стена 209) и слой её разрушения, оборонительный ров;

6) хозяйственные ямы I–IV вв.

На основании датировки находок и стратиграфических данных можно говорить о том, что нижние пласты насыпи террасы появились не ранее второй половины I в. до н. э. – рубежа нашей эры. При их сооружении были срезаны или повреждены более ранние культурные напластования и связанные с ними объекты эллинистического времени. Находки в переотложенных напластованиях большого количества орудий из кремня свидетельствуют также о подстилавших напластованиях эпохи энеолита-бронзы, которые переотложены в античный период бытования городища.

Выше этих напластований располагались слои и объекты, относившиеся к среднему ярусу насыпи террас рубежа – начала I в. н. э.

Данная публикация посвящена раскопанному в 2019 г. сооружению, расположенному севернее ранней цитадели и полуподвала 4, вплотную к оборонительному рву. Это строительные остатки большого здания, окончательно разобранного, судя по стратиграфическим данным, после вторичного использования до или во время реконструкции поздней цитадели при царе Савромате I (93–123 гг.).

Данный объект, условно названный *«караульным»,* выстроен между подпорными стенами 216 и 219 (рис. 2–3). Он представлял собой прямоугольную *постройку из сблокированных в одну линию помещений*, вытянутых с запада на восток. Его остатки сильно повреждены фундаментами крепостных сооружений (кладкой 69 и башней 3), многочисленными поздними ямами. Северной его границей была каменная подпорная стена 216, южной – полностью выбранная подпорная стена 219. Западная и восточная границы здания не открыты. На позднем этапе бытования его разделяла на два помещения поперечная перегородка – стена 217, ориентированная север – юг, от которой остался небольшой фрагмент кладки, примыкавшей к стене 216 с юга.

Если в 2018 г. изучался ярус, с которого на рубеже I–II вв. н. э. происходила засыпка руин постройки при сооружении контрфорса 209 поздней цитадели, при этом расчищен верх кладок 216–217, то в 2019 г. здание было полностью доследовано, в результате удалось выявить не только слой разрушения, но и расчистить его жилой горизонт – вымостку 5 очень хорошей сохранности.

Северная *стена 216* помещения, примыкавшая в стык под прямым углом к северо-западному углу башни 3, построена по шахматной схеме из квадров, промежутки между которыми заложены крупным и мелким бутовым камнем на жёлтой глине. Она ориентирована с востока на запад, с некоторым смещением по оси северо-запад – юго-восток. Общая длина кладки – не менее 19,20 м. От кладки обнаружены западный и восточный фрагменты, разделённые траншеей выборки. Первый западный отрезок кладки 216 в кв. Иж10/2 имел длину 1,71 м, ширину – 1,07 м, высоту – 0,47 м. Второй – восточный её фрагмент длиной 3,86 м, шириной 1,07 м, высотой до 0,50 м, расчищен в кв. Кж1/2, Кж1/4, Кж2/3. Верх кладки 216 находится на отметках -1,50–1,51. Квадры (1,14 × 0,64 × 0,57 м, 0,96 × 0,67 × 0,43 м, 1,03 × 0,67 × 0,47 м) установлены на постелистые стороны перпендикулярно кладке и выходили торцами на фасад. Система кладки – двухлицевая тычковая. Подошва кладки 216 не открыта, выявлен только один вертикальный ряд.

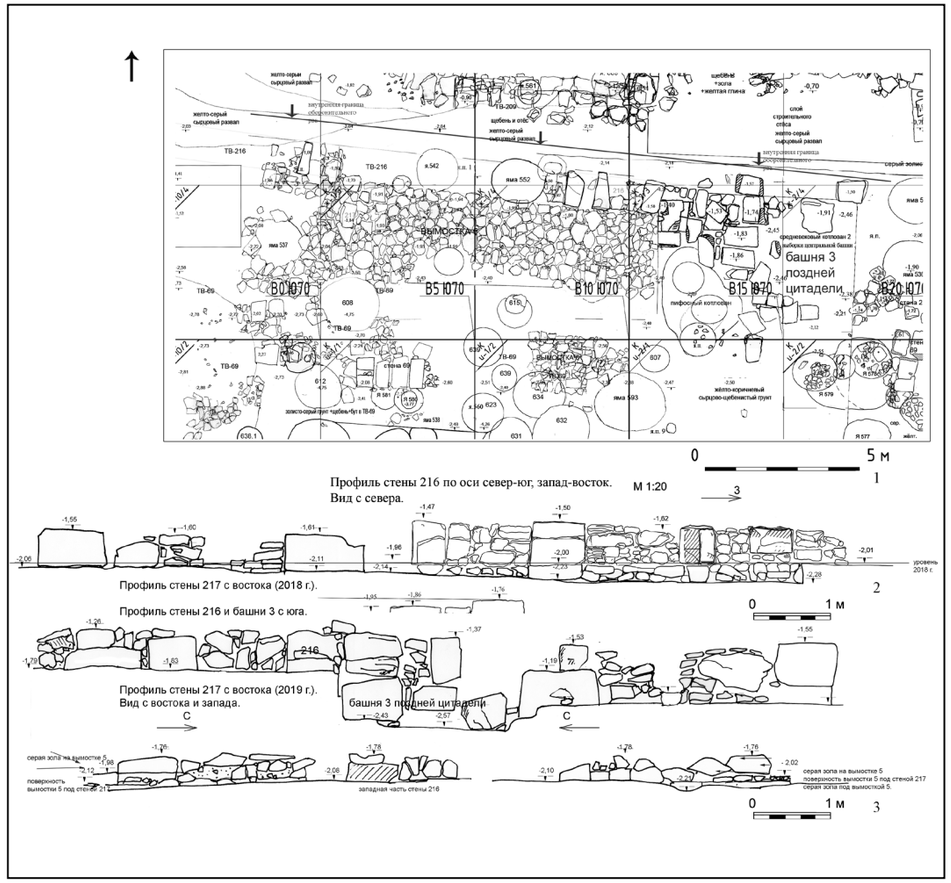

Рис. 2:
1 – выкадровка из плана северной прирезки с вымостками 5 и 6, жилыми горизонтами террас, башней 3 поздней цитадели и стенами 216–217;
2–3 – профиль стены 216 и стены 217 с востока и запада.
Северная прирезка. Раскоп III. 2019 г.

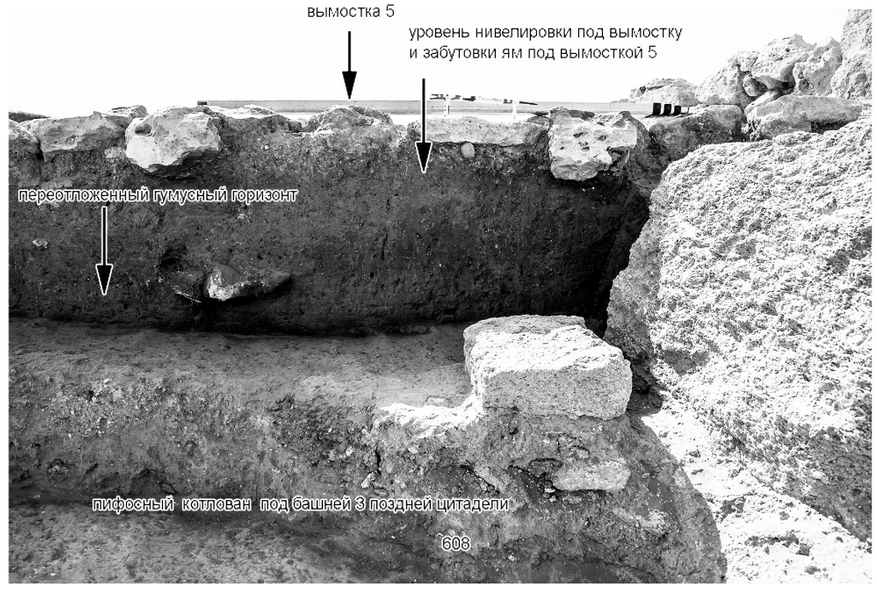

Рис. 3:
1 – вымостка 5 с востока;
2 – стратиграфия террасы под вымосткой 5 с востока (на месте прорезания строительным котлованом башни 3 поздней цитадели).
Отметки: –1,90–2,15. Северная прирезка раскопа III. 2019 г.

Место стыковки кладок 216 и 217 полностью выбрано, как и место соединения кладки стены 217 с южной стеной 219, разобранной в древности. Назначение здания с вымосткой 5 по причине повреждений не очень понятно. Возможно, это была караульная или дополнительная постройка, защищавшая (маскировавшая?) вылазную калитку рядом с северным входом в крепость, большой двор или какое-то хозяйственное сооружение. Возможно, когда будет вскрыта подошва кладки 216 и продолжение вымостки 5, уходящей под западный борт раскопа, функция данных объектов, выстроенных вдоль внутренней линии рва, будет установлена более определённо.

В 2018 г. с севера по створу стены открыты два больших оббитых квадра, имевших грубо околотую поверхность и следы прокала в виде красно-бурых пятен. Они были ориентированы длинными сторонами по линии внешнего фаса кладки 216 и установлены на постель. Здесь стена 216 выбрана строительным котлованом центральной башни 3 поздней цитадели, что затруднило интерпретацию строительных остатков, так как они примыкали к блокам фасада фундамента башни 3.

Восточный квадр 1 (1,04 × 0,76 × 0,36 м) находился у северо-восточного угла башни 3, западный квадр 2 (0,89 × 0,73 × 0,34 м) – по её центру. Они отстояли друг от друга на 2,36 м. Верх квадра 1 расчищен на отметке -1,50, квадра 2 – на отметке -1,57. Камни были установлены горизонтально, торцами в створ друг другу. Возможно, это были остатки фасадной кладки, которая защищала от размыва борт оборонительного рва, но не исключено, что квадры служили опорой лаг деревянного моста через ров.

Западнее каменного фрагмента кладка 216 выбрана и прорезана позднеантичными ямами 542 и 552. На месте разобранной кладки 216 осталась траншея выборки (ТВ-216) шириной до 1,10 м, длиной на западе 4,46 м, на востоке – 7,66 м, глубиной 0,10–0,18 м, заполненная серым глинистым грунтом, с небольшим количеством мелких обломков античной керамики, в основном стенок амфор.

Перпендикулярная стене 216 западная *стена 217*, вытянутая с юга на север, выполняла функцию внутренней перегородки. Она сохранилась гораздо хуже. От стены 217 остался небольшой фрагмент длиной 1,72 м, шириной 0,72 м. Он открыт ниже верха кладки 216 на 0,34–0,44 м, на отметках -1,70–1,84. В высоту кладка 217 уцелела на 0,22 м, на один-два вертикальных ряда. Она сложена по двухлицевой двухслойной постелистой ложковой на жёлто-коричневой глине из средних и больших блоков (0,76 × 0,54 м, 0,57 × 0,51 м, 0,74 × 0,39 м). Траншею выборки стены проследить не удалось. Участок западнее и восточнее кладки повреждён более поздними ямами с каменно-глинистой забутовкой, верх которых находился на отметках -1,66–1,70. Диаметр округлых горловин ям 0,80–1,20 м. Важно отметить, что кладка 217 перекрывает вымостку 5. Её подошвой являлись нивелировочные глинистые прослойки поверх вымостки 5, толщиной до 0,12–15 м, которые образовались в период бытования здания.

Что касается жилого горизонта – вымостки 5, пола постройки, то его удалось раскрыть в 2019 г. на значительной площади, включая переход на нижние террасы, к полуподвалам 4, 7 и 8. Размер вымощенного пространства между стенами 216 и Тв-219 – не менее 13,28 × 2,90 м, площадь – до 38,52 кв. м. Но вымостка 5 продолжалась и на запад, в плане она имела Г-образную форму, занимая в целом до 56 кв. м.

Вымостка 5 вытянута с запада на восток[2] и перекрыта сырцовым слоем разрушения. Скорее всего, вымостка синхронна раскопанным ранее вымосткам 1–3, севернее ранней цитадели. При этом вымостка 2, восточнее от неё, могла быть даже продолжением вымостки 5. Вполне допустимо, что вымостка осталась не от большого крытого здания, а от двора сложной формы между подпорными стенами террас, который был обращён узкой частью на восток, к предполагаемому северному входу в крепость. Чтобы приблизиться к оборонительным стенам и северным воротам между башнями, следовало пройти через западный мост-перемычку в оборонительном рве.

Исследование вымостки 5. В 2019 г. в северо-западном углу северной прирезки (в кв. Иж10/4, Кж1/3, Кж1/4, Кж2/3, Ии10/2, Ки1/1) раскопана хорошо сохранившаяся *вымостка 5* Г-образной формы. С севера она ограничивалась стеной 216 и её траншеей выборки, с юга – несохранившейся *южной подпорной стеной 219*, от которой не осталось ни одного камня. След траншеи выборки стены 219 не читался, но направление стены угадывалось по выровненному южному фасу вымостки 5 и северному фасу вымостки 6. Стены 216 и 219 отстояли друг от друга на ширину вымостки 5–2,90 м. В длину с запада на восток вымостка 5 прослежена на 13,28 м. На западе она уходит под банкет и западный борт раскопа. На востоке вымостка прорезана центральной башней 3 поздней цитадели. Возможным восточным её продолжением являлась вымостка 2/2017–2018, которая выявлена восточнее центральной башни. На западе вымостка 5 очень сильно повреждена позднеантичными ямами. Тем не менее сохранился участок мощения, уходящий наклонно вниз на юго-запад, на нижнюю террасу. Он прослежен под строительными остатками винодельни Арт-4/2018 первой половины I в. н. э., на границе кв. Иж10/4–Ии10/2. Периферийные участки вымостки 5 выбраны ещё в древности. Около ям вымостка сильно повреждена и сохранилась участками.

Вымостка 5 сложена из плит серого и серо-белого ожелезнённого мшанкового известняка полигональных очертаний средних размеров (0,72 × 0,68 м, 0,67 × 0,62 м, 0,39 × 0,38 м), на жёлтой глине. Щели между камнями забиты мелким бутом и известковой крошкой на серо-жёлтой вязкой глине. Среди плит вымостки обнаружен скол архитектурной детали из плотного мшанкового известняка. Подобные оббитые архитектурные фрагменты оказались сброшенными на дно ямы 628, расположенной южнее вымостки 5.

Уровень поверхности вымостки 5 близок к жилому горизонту 1 насыпи террас. Она имела уклон в западном и южном направлениях с перепадом высот до 0,25–0,40 м, особенно заметный на юго-западном её участке, расположенном на отметках -2,10–2,30. Наиболее возвышенная часть находилась вдоль стены 216 на отметке -1,90. С востока на запад поверхности вымостки 5 имела перепад высот до 0,21–0,25 м, плавно понижаясь от отметок -1,83/1,90 до -2,04/-2,08. Подобная разница в высотах наблюдалась на западном её участке, с севера на юг: от отметок -2,04/-2,08 до -2,26/-2,30. По-видимому, здесь (в кв. Иж10/4–Ии10/2) был устроен вымощенный камнем пологий пандус-переход с верхней на нижнюю террасу. Что касается верхнего участка вымостки 5, то там деформации и уклон её поверхности могли быть вызваны сейсмическими подвижками грунта, чему способствовали более ранние засыпанные ямы, плохо утрамбованные перед укладкой её полотна. Некоторые плиты вымостки лопнули по диагонали, выдвинулись на разный уровень по отношению друг к другу, что характерно для последствий сейсмических направленных воздействий на горизонтально расположенные строительные конструкции.

Более всего полотно вымостки деформировано сейсмическими подвижками грунта и последовавшими просадками плит над засыпанными ранними ямами. Две просадки над такими ямами наиболее заметны с северо-восточной части вымостки 5. Интересно, что провалы плит случились в древности, во время

[2] Вымостка 5 была сначала ошибочна принята за пол караульного помещения западнее башни 3 поздней цитадели, но после того, как были установлены следы прорезания её котлованом башни 3, стало очевидным, что вымостка 5 не имела отношения к поздней цитадели, а, скорее всего, относится к более ранним оборонительным сооружениям. Не исключена версия, что квартал и здание со стенами 216, 219, вымосткой 5 могли остаться от застройки, предшествовавшей ранней цитадели.

бытования здания. Жители не решились на капитальный ремонт, компенсируя неровности последовательными стяжками из глинистого жёлтого грунта. В результате на месте прогибов (1 и 2) полотна вымосток оказалось не менее 15 тонких прослоек жёлтой пластичной глины толщиной до 10–30 мм, которые хорошо просматривались в вертикальных срезах грунта над плитами вымостки. Некоторые прослойки разделялись мелкой известковой крошкой и едва заметным серым золистым натопом.

Такие просадки полотна вымостки 5, открытые южнее внутреннего фаса стены 216, однозначно показывают наличие под ней ранних засыпанных ям. В одном случае – над ямой 611 в кв. Кж2/3 в восточной части вымостки – плиты не провалились. Они сохранили своё первоначальное горизонтальное положение на отметке -1,89, хотя после постепенной утрамбовки засыпи под плитами образовалась пустота глубиной 0,48–0,52 м от устья.

Для исследования *ямы 611* нависавшие плиты вымостки 5 были разобраны. В раскопанном виде она оказалась неправильной колоколовидной формы. Сечение её устья 0,54 × 0,56 м, диаметр дна 1,62 × 1,55 м, глубина 2,22 м. Диаметр максимального придонного расширения 1,64 × 1,67 м. Ровное дно ямы находилось на отметке -4,27. Нижняя часть объекта выкопана в материковом грунте. В нижней части на востоке яма 611 врезана в более раннюю забутованную яму, расположенную восточнее, под фундаментом башни 3 поздней цитадели. Яма 611 выкопана с уровня подошвы вымостки 5 с подстилавшего её серого золистого слоя мощностью 0,05–0,07 м, который отложился на нивелированной насыпи террасы – тёмно-коричневой переотложенной погребённой почвы горизонта «В». Золистый слой образовался во время засыпки ранних ям мусорным грунтом на позднем этапе их функционирования. Аналогичный золистый слой обнаружен на дне ямы 611. Его мощность – около 0,15 м. Поверх него располагались сбросы тёмно-коричневого гумусного грунта, прослоенного золистыми линзами с мелкими углями, раковинами мидий, костями судака, отдельными костями животных, разрубленными для приготовления пищи.

Находки из ямного заполнения оказались немногочисленными, но интересными. Среди них отмечу: край желобчатого калиптера, ножку эллинистической амфоры Фасоса, профиль горла позднегераклейской амфоры типа С-Ia диаметром 92 мм, с клеймами в виде оттисков перстня с изображением головы мужчины вправо на изломе ручек горла (к. о. 141/2019), стенки и ручки других позднегераклейских амфор типа С-Ia рубежа 60–40-х гг. I в. до н. э. – первой четверти I в. н. э. [21, рис. 1, с. 167; 22, с. 14–25, рис. 3.А]; венчики нескольких простых гончарных кувшинов коричнево-серой глины, донца кувшинов красно-оранжевой и коричневой глины с серым ангобом; небольшое количество стенок и профильных частей лепной и краснолаковой керамики рубежа нашей эры; набор из 12 игральных фишек, изготовленных из грубо околотых керамических стенок, диаметром 30–50 мм: 1 – жетон из стенки краснолакового сосуда с отверстием по центру; 2–6 – жетоны из стенок амфор бежевой глины; 7–12 – жетоны из стенок амфор красной глины (к. о. 142/2019).

Выше плит вымостки 5 прослежено несколько уровней плотных и тонких утрамбованных глинистых прослоек, маркированных известковой крошкой и тонкой серой золистой утоптанной прослойкой, общей толщиной до 0,03–0,12 м, с отдельными горизонтально залегавшими небольшими фрагментами стенок простых гончарных сосудов. Они образовались во время ремонтов и подновления стен здания 216 и 219, которые выполняли также функцию подпорных стен террас.

Поверх этих утрамбованных прослоек-полов на отметках -1,50–2,15 залегал мощный (до 0,65 м) слой развала сырцовых кирпичей, глиняной обмазки и обломков черепицы от покрытия крыши. Необычным было обнаружить многочисленные фрагментированные эллинистические клеймёные боспорские черепицы, которые были на три с лишним столетия древнее других находок из слоя разрушения над вымосткой 5. Локальных сбросов более раннего культурного слоя в его толще не прослежено. Слой разрушения над вымосткой 5 не являлся результатом перекопов и последующего искусственного перемещения грунта. Он образовался одномоментно и может быть результатом сильного землетрясения первой половины I в. н. э., следы которого фиксировались ранее на всех раскопах городища. Подобный слой разрушения обнаружен в предшествующие полевые сезоны на расположенной восточнее вымостке 2[3]. Она раскопана в лизком стратиграфическом горизонте, на 0,16–0,23 м выше поверхности вымостки 5, на отметках -1,67–1,74.

В слое сырцового разрушения над вымосткой 5 найдены в большом количестве крупные фрагменты нескольких десятков гранёных и желобчатых калиптеров, соленов розовато-коричневой, красно-коричневой и коричневой глины, некоторые из обломков черепицы имели клейма и датировались эллинистическим временем. Интересны сбитое ретроградное эллинистическое клеймо 360–350-х гг. до н. э. на фрагменте солена розовато-коричневой глины, Боспор (?): ЕП[ΙΛΥ?], часть эллинистического боспорского клейма 380–370-х гг. до н. э. с буквами «ΙΗ» в прямоугольной рамке, которое продавлено тремя отпечатками пальцев на фрагменте солена розовато-коричневой глины среднезернистой с дутиками и жёлтыми известковыми включениями (к. о. 30–31/2019), а также часть ретроградного, плохо читаемого клейма 380–370-х гг. до н. э. в овальной рамке на стенке эллинистической черепицы IV–III вв. до н. э. розовато-коричневой глины ΦΑΝ]ΟΜΑ и сбитое, плохо читаемое клеймо 349–344 гг. до н. э. в овальной рамке на фрагменте солена красно-розовой глины ΣΠΑ[Ρ] (к. о. 3–4/2019)[4].

Среди находок в слое присутствовали два фрагмента венцов и два десятка стенок пифосов красно-коричневой глины и сиреневой синопской глины, профильные части и стенки позднегераклейских

[3] Вымостку 2 перекрывал мощный слой снивелированного в древности глинисто-золистого развала сырцовых построек с большим количеством крупных обломков желобчатых калиптеров длиной 486 мм и соленов коричневой глины в основном местного производства, некоторые из них удалось собрать почти полностью (к. о. 42/2017) (Отчёт ААЭ 2017 г., рис. 74–76.1). Толщина данного слоя разрушения до 0,40–0,50 м. Он залегал на отметках -1,40–1,67. В нём также найдены: стенки и обломки профильных частей позднегераклейских амфор типа С-Ia рубежа 60–40–х гг. I в. до н. э. – первой четверти I в. н. э. [21, рис. 1, с. 167; 22, с. 14–25, рис. 3.А], позднегераклейских амфор типа С-IVA$_1$ второй-третьей четверти I в. н. э. (п. о. 791, 1277, 1276/2017) [22, рис. 5.А], венчик позднесинопской амфоры типа Син IVa конца I в. до н. э.(?) – середины II в. н. э.(?) (п. о. 1287/2017) [21, с. 167; 22, с. 30–33, рис. 7.Б]; отдельные фрагменты стенок и донцев простых гончарных кувшинов и мисок на плоских и высоких поддонах, фрагмент венца кувшина или амфоры серой глины (п. о. 1290/2017), венчик простого гончарного сосуда коричневой глины (п. о. 341/2017), фрагмент венца толстостенного гончарного кувшина коричневой глины (п. о. 1291/2017); фрагмент венца кувшина красно-оранжевой глины с бежевым ангобом на поверхности (п. о. 1292/2017), фрагмент края миски коричневой глины (п. о. 1293/2017); стенки и ручки лепных сосудов коричневой глины, фрагмент венца краснолакового открытого сосуда, стенки и профили краснолаковых чаш различных типов, фрагмент донца гончарного кувшина коричневой глины с серо-бежевым ангобом с отверстием (п. о. 801/2017); фрагмент верха светильника красно-коричневой глины с серым ангобом (п. о. 1303/2017) (рис. 77.3); костяная игла с утраченным острием и двумя округлыми отверстиями для подвешивания в верхней части (к. о. 76/2017); угловой скол известняковой плиты надгробия или надписи с поверхностью обработанной под скарпель, из плотного бело-серого известняка, размером 410 × 240 × 170 мм (к. о. 89/2017), по структуре камня и его обработке напоминавшей фрагмент надгробия, найденный неподалёку на другом участке раскопа (к. о. 87/2017). В слое обнаружены деформированные и пережжённые медные монеты, которые определить не удалось (н. о. 11–12/2017) (Отчёт ААЭ 2017 г.).

[4] Любезное определение клейм принадлежит кандидату исторических наук А. Б. Колесникову.

амфор типа С-Ia рубежа 60–40-х гг. I в. до н. э. – первой четверти I в. н. э. [21, рис. 1, с. 167; 22, с. 14–25, рис. 3.А]; позднегераклейских амфор типа С-IVA$_1$ второй-третьей четверти I в. н. э. [22, рис. 5.А]; позднегераклейских амфор типа С-Ia рубежа 60–40-х гг. I в. до н. э. – первой четверти I в. н. э. [21, рис. 1, с. 167; 22, с. 14–25, рис. 3.А]. Отмечу находку ножек амфоры типа CIa (п. о. 1218/2019), ножки амфоры розовато-коричневой глины с серым ангобом (п. о. 1217/2019), позднегераклейских амфор типа С-IVA$_1$ (п. о. 39/2019), днища позднесинопских амфор (п. о. 47, 382/2019). Обломков простой гончарной и лепной керамики значительно меньше. Они представлены фрагментами закрытых и открытых сосудов на высоком и плоском поддонах. От краснолаковой керамики остались профили и стенки двух канфаров, фрагменты нескольких блюд рубежа нашей эры. Среди других находок отмечу: граффити на стенке амфоры светлой глины в виде нескольких перекрещенных линий (к. о. 9/2019), фрагмент постамента терракотовой фигурки коричневой глины (п. о. 989/2019); округлое ядро из песчаной конкреции средних размеров (к. о. 43/2019).

Возможно ли использование эллинистической черепицы в кровле построек первого века нашей эры? Сложно представить, что черепица могла эксплуатироваться столь долго, хотя выборка уцелевших черепиц из каких-то ранних развалин и применение её вторично вполне возможны.

Таким образом, на вымостках 2 и 5 слой разрушения первой половины I в. н. э. сходен по структуре включениям и находкам большого количества битой разновременной черепицы. Следует также отметить находку в данном слое разрушения на вымостке 2 в 2017 г. анонимного обола конца II в. – 63 г. до н. э. (н. о. 11/2017), возможно маркирующего время катастрофы.

Слой разрушения прорезан серией более поздних пифосных *ям № 630, 642, 599–606, 611.1* от хранилищных помещений цитадели. Ямы повреждены позднейшими перекопами, связанными с постройкой поздней цитадели, от них остались нижние придонные линзовидные углубления. Возможно, в период их бытования были выбраны полностью или частично стены 217, 219 и 216, чему не противоречат находки из ТВ-216. Траншея выборки стены 216, описанная выше, оказалась прорезанной пифосной ямой 630 (диаметром 0,64 м, глубиной 0,50 м) и ямой 642, от которой сохранилась каменная отмостка дна, служившая для установки корзины или ларя с овальным или прямоугольным основанием. В зольной засыпи ямы 630 (отметки верха -1,90, дна -2,40) содержались мелкие угольки, обломки желобчатых калиптеров коричневой глины местного производства, несколько обломков стенок пифосов и амфор, большая берцовая кость (телёнка?).

Остановлюсь на необычной конструкции отмостки ямы 642, открытой на отметке -1,80. В центре её находилась подпрямоугольная плита 0,80 × 0,52 × 0,13 м с оббитыми краями, которая лежала горизонтально на постелистой стороне. По периметру она была оконтурена мелким бутовым камнем, примыкавшим к бортам ямы, что позволяет реконструировать размер её дна: 1,26 × 0,78 м. Яма заполнена золистым серым грунтом, без находок. Остатки её заполнения прослежены над плитой.

Судя по расположению, пифосные ямы 599–606, 611.1 остались от большого хранилища, в котором сосуды вкопаны в шахматном порядке. Показательно, что ямы из-под пифосов открыты на уровне верхних камней стены 216 (на отметках -2,02–2,06). Они имели округлую в плане форму, диаметр 0,40–0,96 м, глубину 0,08–0,37 м; в разрезе были линзовидной формы. Только одна яма 602 в разрезе имела грушевидную форму. Верх их срезан. Вполне допустимо, что стена 216 ещё не была полностью разобрана и могла отгораживать хранилище с севера. Но южной стены 217 уже не было. Ямы заполнены серо-коричневым щебёнистым грунтом с небольшим количеством раковин мидий, кусочков печины и агломератовой крошки, с отдельными фрагментами костей животных и единичными фрагментами стенок античных амфор. Из находок нужно отметить ручку двуствольной амфоры в яме 599; фрагменты амфоры коричневой глины с жёлто-серым ангобом, части ручек лепного сосуда коричневой глины, два фрагмента одной женской терракотовой фигурки с изображением ступней, но разной серой и коричневой глины (к. о. 2/2019) из ямы 600; несколько стенок амфор красной и коричневой глины, кости животных и фрагменты краёв двух открытых краснолаковых сосудов из ямы 605.

Лучше пифосных ям сохранились большие хозяйственные ямы грушевидной в разрезе формы: яма *608*, расположенная в кв. Кж1/3, и *яма 610*, которая находилась юго-восточнее, в кв. Кж1/4. Они были, по-видимому, синхронны.

Яма 608 прорезала более раннюю эллинистическую *яму 636 (608.1),* большего объёма, но менее глубокую, от которой остались сегменты золистого заполнения в северо-восточном и юго-западном бортах ямы 608. Их заполнение перекопано многочисленными норами грызунов. Часть заполнения *ямы 636 (608.1)* при обвале бортов оказалась в яме 608. Судя по датировке амфорных клейм, эллинистическая *яма 636 (608.1)* была засыпана не ранее начала IV в. до н. э.

Размер эллинистической *ямы 636 (608.1)* может быть воссоздан в нижней придонной части ямы, диаметром в пределах 3,07 м, глубиной не менее 1,94 м (отметки верха -1,96, дна -3,90). Горловина ямы не сохранилась. Она заполнена очень плотным серо-коричневым золистым грунтом с прослойками гумуса и бутовым камнем, отдельными костями животных со следами кухонной разделки и термической обработки, углями, раковинами мидий, крупными обломками эллинистических амфор. В нём обнаружены: фрагменты желобчатого калиптера и соленов красной и коричневой глины, венчик и стенки пифосов красно-коричневой и сиреневой синопской глины, венчики, стенки, ручки эллинистических амфор (Гераклеи, Фасоса, Коса, Родоса, Южного Понта, включая венцы амфор гераклейского производства, венцы со следами красной краски над ручками (п. о. 2049/2019); горло амфоры гераклейского производства красно-коричневой глины с двустрочным ретроградным плохо пропечатанным клеймом начала IV в. до н. э.: Καλ-/λ ία + палица (к. о. 122/2019); ножку фассоской амфоры (п. о. 2047/2019); отдельные обломки стенок и ручек нескольких простых гончарных кувшинов коричнево-серой и красной глины; донце лекифа красно-коричневой глины диаметром 54 мм; небольшое количество стенок и венчик лепного горшка серой глины; три обломка краснолаковой керамики рубежа нашей эры, явно попавших в ямное заполнения из нор грызунов. Следует также отметить находки из *ямы 636 (608.1)*: борт сетчатого эллинистического лекифа светло-коричневой глины (п. о. 2054/2019); пряслице округлой формы из донца краснолакового лекифа серо-коричневой глины (к. о. 124/2019); часть стенки терракотовой фигурки с изображением складок одежды красно-коричневой глины (к. о. 123/2019).

Размер более поздней *ямы 608*: горловина – 1,23 × 1,32 м, дно – 1,40 × 1,60 м, сечение максимального расширения до 2,60 м, глубина 2,75 м. По-видимому, при устройстве ямы выбраны плиты вымостки 5. Её борта обвалены в древности (отметки верха -1,96, дна -4,71). Внутри ямного вместилища пласты материкового жёлтого суглинка перемешаны с серо-коричневым золистым заполнением ямы, в котором содержались крупные и средние бутовые камни, фрагменты плит, угли, кости животных, куски печины, раковины мидий, обломки стенок и профильных частей разновременной античной керамики. Горловина ямы из хорошо обработанных плит обрушилась на её дно. Их обломки обнаружены в разбитом состоянии в заполнении ямы. Толщина плит горловины 0,12–0,21 м. В яме также найдены: фрагменты гранёных и желобчатых калиптеров, соленов розовато-коричневой, красной и красно-корич-

невой глины, стенки и профильные части эллинистических амфор, в том числе венцы и ножка амфор гераклейского производства, на одном фрагменте горла находилось сбитое двухстрочное клеймо группы I (390-е гг. до н. э.): Δ[αματρ]ίο Ἰα, явно попавшее из ямы 636 (608.1) и уточнявшее время её засыпки; профильные части и стенки амфор рубежа нашей эры, из которых лучше датировались ручки позднегераклейских амфор типа С-Ia рубежа 60–40-х гг. I в. до н. э. – первой четверти I в. н. э. [21, рис. 1, с. 167; 22, с. 14–25, рис. 3.А]; позднегераклейских амфор типа С-IVA$_1$ второй-третьей четверти I в. н. э. [22, 2013, рис. 5.А]; стенки и венчик нескольких простых гончарных кувшинок красной и бежевой глины, венцы и стенки трёх лепных горшков бежевой и серой глины, профиль борта большого лепного кувшина с ручками серой глины овального сечения (п. о. 2287/2019) (рис. 112.*4–6*); донце лепной солонки чёрной глины (п. о. 2286/2019); небольшое количество стенок и профильных частей открытых краснолаковых сосудов рубежа нашей эры; скол части карниза (?) из известняка (п. о. 1159/2019), железный гвоздь (п. о. 2289/2019).

В верхней части золистого рыхлого заполнения предъямника ямы 608 обнаружена медная монета 37 г. н. э. Аспурга (14/15–37/38 гг. н. э.) (к. о. 169/2019)[5], датирующая время засыпки объекта.

Колоколовидная синхронная *яма 610* обнаружена на отметке -1,90 по мощной каменной забутовке, восточнее ямы 608, по одной с ней линии, в кв. Кж1/4. Она имела небольшой предъямник глубиной до 0,40 м, диаметром 0,68 м, на дно которого устанавливалась крышка. Она не сохранилась. Яма пробивала полотно вымостки 5. Размер объекта: сечение горловины 0,82 м, глубина 2,02 м (от устья до дна – 2,41 м); диаметр максимального придонного расширения до 1,84 м. Уплощённое дно ямы открыто на отметке -4,31. Его сечение 1,79 × 1,97 м. Борта обвалены. Вместилище ямы плотно забито глыбами мшанкового известняка с бутовым камнем, с прослойками серой золы, кухонными мусорными сбросами в жёлто-коричневом заполнении. В нём найдены мелкие обломки фрагментов стенок нескольких амфор красной и коричневой глины, простой гончарной, лепной и краснолаковой керамики, рубленые кости мелкого и крупного рогатого скота со следами термообработки, угли, кусочки печины. Среди находок выделялись: край массивной саманной жаровни, фрагменты гранёного калиптера и соленов коричневой глины, на одном из соленов красно-коричневой глины имелось на внутренней части граффити в виде глубоко прорезанной буквы А (к. о. 24/2019); стенки, ручки, донце позднегераклейских амфор типа С-IIIa конца I в. до н. э. – первой трети I в. н. э. [22, с. 24–26, рис. 4.А]; горло ойнохои светло-коричневой глины, профилированная ручка простого гончарного кувшина, стенки и два донца нескольких закрытых и открытых простых гончарных сосудов, стенки и днище лепных горшков серой глины; оббитый лепной кувшин мелкозернистой серой глины с утраченной ручкой и повреждённым устьем (к. о. 20/2019); профильные части нескольких краснолаковых кубков и канфаров рубежа нашей эры, край серолаковой чаши, несколько донцев краснолаковых открытых сосудов, серая морская галька.

Датировка ямы 610 – первая половина I в. н. э.

Южнее на 1,11 м от ямы 608 раскопана под строительными остатками поздней цитадели колоколовидная яма *612*. Она выявлена на границе кв. Ки10/2 – Ки1/1 по каменной забутовке на отметке -2,02. Её борта обвалены, как и горловина. Округлое устье было диаметром 1,46 × 1,54 м, глубина ямы 2,73 м. Её ровное дно сечением 2,01 × 2,05 м открыто на отметке -4,75. Яма заполнена жёлто-коричневым грунтом с бутовым камнем, прослойками серой золы, кухонными мусорными сбросами. На её дне находились оббитые архитектурные детали: карнизы и архитравы дорического ордера, высеченные из блоков плотного серо-белого мшанкового известняка. На их поверхности остались следы белой агломератовой штукатурки. Они сильно обожжены, закопчены, покрыты трещинами. Лицевые и стыковочные стороны деталей обработаны под скарпель, сохранили линейную разметку на плоских сторонах. Среди них были сильно повреждённые угловые блоки оббитых карнизов (п. о. 2582–2583/2019, размеры блоков: 620 × 270 × 215 мм, 640 × 370 × 215 мм; 2584–2587/2019) и архитравов со сбитыми и уцелевшими гуттами (размеры блоков: 400 × 395 × 185 мм, 360 × 285 × 155 мм, 610 × 380 × 170 мм) (к. о. 167/2019).

В ямной засыпи найдены крупные обломки стенок античных амфор светлой, красной и коричневой глины, простой гончарной, лепной и краснолаковой керамики, рубленые кости мелкого и крупного рогатого скота со следами термообработки, угли, кусочки печины. Среди находок: фрагменты желобчатых и гранёного калиптеров, обломки солена коричневой глины, стенки, венцы, горла трёх или четырёх позднегераклейских амфор типа С-Ia рубежа 60–40-х гг. I в. до н. э. – первой четверти I в. н. э. (п. о. 2372, 2575, 2063, 2492/2019 [21, рис. 1, с. 167; 22, с. 14–25, рис. 3.А]; на одном из горл типа С-Ia остались граффити в виде трёх перекрещенных линий, образовавших букву Н, перечёркнутую линией слева направо (к. о. 131/2019); стенки и днище позднегераклейских амфор типа С-IVA$_1$ второй-третьей четверти I в. н. э. (п. о. 2062/2019) [22, рис. 5.А]; венчик амфоры с воронкообразным горлом (п. о. 1249/2019); стенки и единичные находки профильных частей простой гончарной (кувшинов и мисок), лепной и краснолаковой керамики рубежа нашей эры, среди которых выделялся сегмент донца краснолаковой чаши с отверстием по центру (п. о. 2066/2019). Из других находок следует привести граффити на стенке амфоры в виде нескольких перекрещенных линий: розовато-коричневой глины с бежевым ангобом на поверхности (к. о. 132/2019); борт сероглиняного серолакового фигурного сосуда со стилизованным изображением завитков шкуры животного (козла или барана?) из двух фрагментов (к. о. 133/2019), серая морская галька полигональной формы.

Яма 612 могла предшествовать сооружению вымостки 5, её датировка – I в. до н. э. – рубеж I в. н. э.

Завершая предварительный обзор результатов раскопочных работ 2019 г. севернее ранней цитадели, следует сказать, что они представляются принципиальными для понимания всей стратиграфии центрального участка городища Артезиан.

Впервые на городище на большой площади обнаружены сильно повреждённые культурные слои и связанные с ними жертвенники и хозяйственные ямы эллинистического времени. Кроме того, выявлены напластования, предшествующие строительству ранней цитадели, а также отдельные строительные остатки, которые можно считать следами застройки, сблокированной с полностью уничтоженной *цитаделью «0»*. Последняя имела монументальные здания или храмовые постройки с элементами дорической и ионической ордерной архитектуры позднеэллинистического облика с крышами из каменной известняковой черепицы. Скорее всего, *цитадель «О»* и ордерные сооружения разрушены землетрясением 63 г. до н. э. Их руины разобраны на строительный материал, который затем был использован для возведения ранней цитадели. Нумизматические находки, уцелевшие в синхронных насыпях террас, этому не противоречат. Таким образом, фортификационные сооружения городища Артезиан имели три последовательных периода бытования:

1) цитадель «0» – эллинистический период, от 375–315 гг. с финальной точкой разрушения – *63 г. до н.* э.;

2) ранняя цитадель – I в. до н. э. – середина I в. н. э. с финальной точкой гибели в самом начале боспоро-римской войны 44/45–49 гг. – *46/47 г. н.* э.

[5] Монеты ААЭ определялись М. Г. Абрамзоном и М. М. Чорефом.

3. Поздняя цитадель, которая имела несколько продолжительных хронологических этапов жизни, от создания, реконструкции и запустения: середина I в. н. э. до 97–123 гг. с серьёзной реконструкцией при Савромате I – 97–123 гг. и далее до разрушения в ходе землетрясения 255–275 гг.; окончательное забвение и последующая разборка на строительный материал приходятся на конец III – IV в. н. э.

Итак, раскопки городища Артезиан, которые ведутся без перерыва уже четвёртый десяток лет, принесли зримые результаты. Они позволяют сделать стратифицированные и точно датированные нумизматическим материалом эталонные хронологические срезы, важные для истории всего античного Боспора. В дальнейшем предстоит очень внимательно разбираться со всеми случаями перекрытия и прорезания обнаруженных объектов, ям и фундаментов стен севернее ранней цитадели, тщательно сопоставляя найденные здесь нумизматические и другие датирующие материалы.

1. *Абрамзон М. Г., Винокуров Н. И., Трейстер М. Ю.* Два клада монет и ювелирных изделий времени римско-боспорской войны 45–49 гг. с городища Артезиан // ВДИ. 2012. № 3. С. 93–146.

2. Абрамзон М. Г., Винокуров Н. И., Трейстер М. Ю. Хронологические индикаторы и проблемы интерпретации слоя боспоро-римской войны городища Артезиан // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии (XV Боспорские чтения). Керчь, 2014. С. 5–16.

3. Винокуров Н. И. Гибель ранней «Цитадели» городища Артезиан // VI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации и катастроф. Керчь, 2005. С. 50–60.

4. Винокуров Н. И. Война, пожар или природная катастрофа: археологические критерии оценок последствий катастроф на памятниках античной археологии в Крымском Приазовье // IX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Militaria / В. Н. Зинько (ред.). Керчь, 2008. С. 67–77.

5. Винокуров Н. И. Боспоро-римская война 44/45–49 гг. и первая находка гладиуса в Крымском Приазовье // PARA BELLUM. 2009. № 31. С. 9–16.

6. Винокуров Н. И. Боспоро-римская война 44/45–49 гг. и гибель ранней цитадели городища Артезиан (по материалам раскопок 2004–2008 гг.) // ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие открытия и находки // А. А. Масленников, Н. А. Гаврилюк, А. А. Завойкин (ред.). Вып. I. Москва ; Киев, 2010а. С. 38–44.

7. Винокуров Н. И. Новые находки времени начала боспоро-римской войны на городище Артезиан в Крымском Приазовье в 2009 году // ДБ. Т. 14. Москва, 2010б. С. 46–65.

8. Винокуров Н. И. Археологические памятники в Крымском Приазовье (по материалам ААЭ 1988–2011). Тюбинген : Lap Lambert academic publishing, 2012. 680 с.

9. Винокуров Н. И. Раскопки помещения 10 (2009, 2011, 2013 гг.) ранней цитадели городища Артезиан (I–IV вв. н. э.) // Материалы Международной научно-практичной конференции «Археология и история Боспора» // Таврические студии. Исторические науки. № 6. Симферополь, 2014. С. 98–105. 146 с.

10. Винокуров Н. И. Два слоя пожара боспоро-римской войны 44/45–49 гг. на городище Артезиан в Восточном Крыму // ДБ. Т. 22. Москва, 2018. С. 56–72.

11. Винокуров Н. И. Городище Артезиан во второй половине I в. до н. э. – первой половине I в. н. э. // Российский научный журнал. 2013. № 1 (32). С. 30–40.

12. Дьяков В. Н. Пути римского проникновения в Северное Причерноморье: Понт и Мёзия // ВДИ. 1940. № 3–4. С. 71–88.

13. Кадеев В. И. Херсонес, Боспор и Рим в I в. до н. э. – III в. н. э. // ВДИ. 1979. № 2. С. 55–76.

14. Горончаровский В. А. Боспор и Рим в правление Митридата VIII // Античное государство: политические отношения и государственные формы в античном мире. Санкт-Петербург, 2002. С. 197–206.

15. Горончаровский В. А. Римско-боспорский конфликт 40-х годов I в. н. э. // ВДИ. 2003. № 3. С. 161–170.

16. Винокуров Н. И. Практика человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам раскопок ритуальных захоронений в Крымском Приазовье) // OPUS : Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 3. Москва, 2004. С. 78–88.

17. Abramzon M. G., Treister M. Y., Vinokurov N. I. Two Hoards of Coins and Jewellery Items from the Time of the Roman-Bosporan War of AD 45–49 from the Site of Artezian // ACSS. 2012. Vol. 18.2. P. 151–159.

18. Сапрыкин С. Ю., Винокуров Н. И., Белоусов А. В. Городище Артезиан в Восточном Крыму (Его жители и культы) // ВДИ. 2014. № 3. С. 134–162.

19. Винокуров Н. И., Крыкин С. М. Римская политика в Северном и Северо-Западном Причерноморье в середине I в. н. э // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 4 (2017). Москва ; Магнитогорск ; Новосибирск, 2017. С. 170–194.

20. Винокуров Н. И. Новые данные о конструкции ранней цитадели городища Артезиан в Крымском Приазовье // Боспорские исследования. Вып. XXXV / отв. ред. В. Н. Зинько. Керчь : Керченская городская типография, 2017. С. 180–207.

21. Внуков С. Ю. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. Часть II. Петрография, хронология, проблемы торговли. Санкт-Петербург, 2006. 320 с.

22. Внуков С. Ю. Амфоры римского времени городища Кара-Тобе // ДБ. Т. 17. Москва, 2013. С. 21–54.

1. Abramzon M. G., Vinokurov N. I., Treister M. Yu. Two Hoards of Coins and Jewelry of the Roman-Bosporan War of 45–49 from the Settlement of Artezian // VDI. 2012. № 3. P. 93–146.

2. Abramzon M. G, Vinokurov N. I., Treister M. Yu. Chronological Indicators and Problems of Interpretation of the Roman-Bosporan War Layer of the Artezian Settlement // Cimmerian Bosporus and the Barbaric World in the Period of Antiquity and the Middle Ages. Actual Problems of Chronology (XV Bospor Readings). Kerch, 2014. P. 5–16.

3. Vinokurov N. I. The Death of the Early «Citadel» of the Ancient Settlement of Artezian // VI Bosporan Readings. Cimmerian Bosporus and the Barbaric World in the Period of Antiquity and the Middle Ages. Periods of Destabilization and Disaster. Kerch, 2005. P. 50–60.

4. Vinokurov N. I. War, Fire, or Natural Disaster: Archaeological Criteria for Assessing the Consequences of Disasters at the Monuments of Ancient Archeology in the Crimean Azov region // IX Bosporan Readings. Cimmerian Bosporus and the Barbaric World in the Period of Antiquity and the Middle Ages. Militaria / V. N. Zinko (eds.). Kerch, 2008. P. 67–77.

5. Vinokurov N. I. The Roman-Bosporan War of 44/45–49 and the First Find of a Gladius in the Crimean Azov region // PARA BELLUM. 2009. No. 31. P. 9–16.

6. Vinokurov N. I. The Roman-Bosporan War of 44/45–49 and the Death of the Early Citadel of the Artezian Settlement (based on Excavations from 2004–2008) // ΣΥΜΒΟΛΑ. The Ancient World of the Northern Black Sea region. Recent Discoveries and Finds // A. A. Maslennikov, N. A. Gavrilyuk, A. A. Zavoykin (eds.). Vol. I. Moscow ; Kiev, 2010. P. 38–44.

7. Vinokurov N. I. New Finds of the Time of the Beginning of the Roman-Bosporan War on the Site of the Artezian in the Crimean Azov Region in 2009 // DB. T. 14. Moscow, 2010. P. 46–65.

8. Vinokurov N. I. Archaeological Sites in the Crimean Azov region (based on the finds from the AAE 1988–2011). Tübingen, 2012. 680 p.

9. Vinokurov N. I. Excavations of the Premises 10 (2009, 2011, 2013) of the Early Citadel of the Artezian Settlement (I – IV Senturies AD) // Materials of the International Scientific-practical Conference «Archeology and History of the Bosporus» // Tauride Studios. Historical Sciences. Simferopol, 2014. No. 6. P. 98-105.

10. Vinokurov N. I. Two Layers of the Fire of the Roman-Bosporan War 44/45–49 on the Settlement of Artezian in Eastern Crimea // DB. T. 22. Moscow, 2018. P. 56–72.

11. Vinokurov N. I. Artezian Settlement in the Second Half of the 1st Century BC – First Half of the 1st Century AD // Russian Scientific Journal. 2013. No. 1 (32). P. 30–40.

12. Dyakov V. N. Ways of Roman Penetration into the Northern Black Sea Region: Pontus and Moesia // VDI. 1940. No. 3–4. P. 71–88.

13. Kadeev V. I. Chersonese, Bospor and Rome in the 1st Century BC – III Century AD. // VDI. 1979. № 2. P. 55–76.

14. Goroncharovsky V. A. Bospor and Rome during the Reign of Mithridates VIII // Ancient State: Political Relations and State Forms in the Ancient World. Saint-Petersburg, 2002. P. 197–206.

15. Goroncharovsky V. A. Roman-Bosporan Conflict of the 40s AD // VDI. 2003. Number 3. P. 161–170.

16. Vinokurov N. I. The Practice of Human Sacrifice in Ancient and Medieval Times (вased on Excavations of Ritual Burials in the Crimean Azov Region) // OPUS: Interdisciplinary Research in Archeology. Moscow, 2004. Vol. 3. P. 78–88.

17. Abramzon M. G., Treister M. Y., Vinokurov N. I. Two Hoards of Coins and Jewelry Items from the Time of the Roman-Bosporan War of 45–49 AD from the Site of Artezian // ACSS. 2012. Vol. 18.2. P. 151–159.

18. Saprykin S. Yu., Vinokurov N. I., Belousov A. V. Ancient Settlement of Artezian in Eastern Crimea (Its inhabitants and cults) // VDI. 2014. Number 3. P. 134–162.

19. Vinokurov N. I., Krykin S. M. Roman Politics in the North and Northwest Black Sea Region in the Middle of the 1st Century AD // Problems of History, Philology, Culture. Moscow ; Magnitogorsk ; Novosibirsk, 2017. Vol. 4 (2017). P. 170–194.

20. Vinokurov N. I. New Data on the Design of the Early Citadel of the Artezian Settlement in the Crimean Azov Region // Bospor Research. Issue XXXV / Ans. Editor V. N. Zinko. Kerch: Kerch City Printing House, 2017. P. 180–207.

21. Vnukov S. Yu. Black Sea Amphoras of the 1st Century BC – II Century AD Part II Petrography, Chronology, Trade Problems. Saint-Petersburg, 2006. 320 p.

22. Vnukov S. Yu. Amphora of the Roman Time of the Kara-Tobe Settlement // Antiquities of the Bosporus. T. 17. Moscow, 2013. P. 21–54.

Annotation. *The article presents the results of the latest excavations of the Artezian settlement in the Crimean Azov region, obtained by exploring the space between the early citadel and the defensive moat. The excavations revealed construction remains and cultural strata that predated the early citadel. Discovered objects and complexes of finds, dating from the 4th century BC to 63 BC, are important indicators for clarifying the general chronology of the settlement and the Bosporan kingdom.*

Keywords: *Bosporan kingdom, Artezian settlement, Roman-Bosporan war 44/45–49 AD, Hellenism, Roman time, citadel, earthquake, chronology.*

УДК.94 (574.2)

Н. Г. Жантелиева

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ, НАУЧНАЯ И ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. Н. БЕРНШТАМА

LIFE PATH SCIENTIFIC AND ORGANIZATIONAL ACTIVITIES OF A. N. BERNSHTAM

Аннотация. *Статья посвящена изучению биографии и научной деятельности известного археолога, киргизоведа, историка, востоковеда, тюрколога профессора Александра Натановича Бернштама (1910–1956). С помощью историко-биографического метода проанализированы характерные особенности личности учёного. Некоторые штрихи к его биографии приведены впервые на основе первоисточников, выявленных в Институте истории материальной культуры РАН и музее-заповеднике «Херсонес Таврический». На основе новых данных автор обосновывает необходимость ещё более глубокого изучения личности А. Н. Бернштама как специальной темы диссертационного исследования и будущей монографии о жизни выдающегося учёного.*

Ключевые слова: *А. Н. Бернштам, личность, учёный, Севастопольский музей краеведения, история, археология.*

Выдающейся личностью в истории Кыргызстана является учёный и патриот киргизского народа Александр Натанович Бернштам. Период, когда был заложен фундамент археологической науки в Кыргызстане, вполне справедливо называют «Бернштамовской эпохой» [1, с. 11]. Это была эпоха, наполненная его идеями, теориями, регулярно и системно проводимыми экспедициями, результатом которой стало появление ряда работ по истории, археологии и этнографии киргизов.

В это время Бернштам жил и творил в Киргизии. Но, как известно, его научная и общественная деятельность начиналась в Севастополе, в годы работы в краеведческом музее.

О научной деятельности Бернштама писали в связи с его работой в Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), затем в научных учреждениях Киргизской ССР. Краткую биографию подготовили его ученики. Но, по всей видимости, само состояние советской науки того времени, когда не был распространён историко-биографический метод, не давало возможности писать о Бернштаме как о личности и оценить его творческую деятельность.

Первым отметил большой вклад А. Н. Бернштама в киргизоведение М. Ч. Кожобеков, написавший несколько работ о его общественной и научной деятельности. М. Ч. Кожобеков привлек

рукописи А. Н. Бернштама, хранящиеся в рукописном отделе Национальной академии наук Кыргызстана [2, с. 3].

С приобретением независимости в Кыргызстане появились труды, юбилейные статьи, но в них были одни и те же данные и мало информации о жизни и деятельности учёного. Сведения о крымском периоде жизни вообще отсутствовали. Впервые они были выявлены крымскими исследователями. Молодой ученый В. В. Акимченков, работая с материалами по севастопольским научно-общественным образовательным центрам, детально, на основе архивного материала изучил также архив Севастопольского музея краеведения и впервые затронул крымский период жизни А. Н. Бернштама. В. В. Акимченков ссылался на статьи В. Алёкшина и других авторов, которые впервые обратились к личному делу Бернштама [3, с. 85]. Сборник трудов В. Алёкшина и других авторов содержит более подробные биографические сведения о нём, обнаруженные в Научном архиве ИИМК.

Автор данной статьи впервые привлекает личное дело, хранящееся в одном из архивов Кыргызстана [4, с. 473].

На основе изучения архивов в Санкт-Петербурге и Бишкеке нам удалось дополнить биографию А. Н. Бернштама. Его родиной был город Керчь. Отец, Натан (Нутан) Бернштам (год рождения неизвестен), умер в 1919 или 1920 г.; мать (урожд. Шейндель) родилась в 1890 г., умерла в 1943 г. в возрасте 53 лет в Ленинграде, когда А. Н. Бернштам жил в Киргизии. По всей видимости, он был единственным ребёнком в семье.

Натан Бернштам родом из еврейской колонии Львово в Херсонской губернии, был образованным человеком, окончил экстерном гимназический курс, потом служил конторщиком на заводе Бухштаба в Керчи [5, с. 326].

Отец А. Н. Бернштама был большевиком, но керченская организация, как и большинство южных организаций, находилась под влиянием меньшевиков [6, л. 5]. Революция 1905 г. оставила след в его жизни. Он был арестован. В 1906 г. поселился в Крыму.

В период Гражданской войны Натан был красноармейцем, стал членом РКП(б). На военной службе занимал должность агента по оперативным сводкам. Тяжело ранен на Перекопском фронте, скончался в 154-м эвакуационном пункте. После смерти Н. Бернштама его сыну вручили удостоверение РККА. Он также получил свидетельские показания жителей селения Курман о судьбе отца.

Интересна и жизнь матери А. Н. Бернштама. Она была дочерью кустаря-ювелира, с 1917 г. (по другим данным – с 1916 г.) работала счетоводом на консервной фабрике в Керчи, затем учителем в Севастополе, а также на предприятиях закрытого типа (1924–1933 гг.), с 1933 по 1940 г. в Ленинграде служила в типографии «Печатный двор».

Родила она сына в 20-летнем возрасте. По воспоминаниям самого Бернштама, до 1924 г. у него был костный туберкулёз ног. В тот год семья перебирается в Севастополь, ставший вторым родным городом для 13-летнего Александра. В школу № 8 им. А. В. Луначарского он поступил в 1924 г. и окончил 17 июня 1927 г. Трудовая жизнь молодого Александра началась в Севастопольском музее краеведения – «кабинетная», «полевая» работа... Это было время формирования будущего учёного.

От практиканта по археологии и этнографии на общественных началах в школьные годы вырос до заведующего этнографическим (этноэкономическим) отделом Севастопольского музея краеведения [7, с. 11].

Севастопольский музей краеведения с историко-археологическим сектором во главе с Павлом Петровичем Бабенчиковым (1882–1947) стал школой, вырастившей молодого краеведа и экскурсовода.

Помимо научно-исследовательской работы, музей привлекал молодёжь к экспедициям на территории Крыма. Первыми его учителями и руководителями в этих экспедициях стали П. П. Бабенчиков и известный крымский археолог Н. Репников. Они научили его будущей профессии археолога, т. е. чертить, вести раскопки курганов по научной методике, монтировать передвижные выставки и т. п.

Именно в период работы в музее (1925–1928 гг.) у А. Н. Бернштама зародилась любовь к археологии, к путешествиям, к открытию неизвестного, непознанного, к поиску своей terra incognita. Он научился обрабатывать музейные коллекции, вести общественную работу, фотографировать – и эти навыки служили ему до конца жизни.

Итогом совместной работы сотрудников музея стало создание карт по Гераклейскому полуострову и торговых путей Крыма. В перспективе стоял вопрос о подготовке нового путеводителя по Севастополю, чем и занялся и А. Н. Бернштам.

В этот период, кроме работы экскурсовода, он исполнял обязанности заведующего этнографическим отделением и старосты музея. Также работал в городском совете старостой экскурсионных курсов и по совместительству являлся председателем бюро туристов райкома ВЛКСМ. Полученные знания и навыки были использованы им в экспедициях по изучению Крыма [8, с. 90].

А. Н. Бернштам начинает участвовать во всесоюзных совещаниях, конференциях и съездах по краеведению, а по своей другой специальности – в археолого-этнографических совещаниях, географическом съезде и др.

Такая активная общественная работа сопровождалась ростом интереса к научным исследованиям и стала для него хорошей школой. Побывал он в 1926 г. на Керченской конференции, в которой участвовали 135 представителей научных организаций, в том числе Севастопольский музей краеведения.

Год спустя, 10–13 сентября, состоялась Херсонесская конференция. Она была посвящена 100-летию начала раскопок в Херсонесе (1827–1927 гг.). В ней участвовали 88 человек из четырёх союзных республик и 20 городов Союза.

Это была большая Всесоюзная конференция. Членами почётного президиума являлись известные политические лидеры и учёные: Сталин, Калинин, Рыков, Луначарский, Вели Ибрагимов, Шугу, Марр, Покровский, Формаковский и Айна.

Наибольшим числом делегатов были представлены: Симферополь – 19 человек, Севастополь – 18, Москва – 16, Ленинград – 10. Приняли участие в конференции делегации от 57 учреждений и организаций, среди которых наибольшее число было от Таврического общества истории, археологии и этнографии (8 делегатов) и Севастопольского музей краеведения. В составе его делегаций были Павел Петрович Бабенчиков, Оскар Андреевич Окунев, его аспирантский товарищ Станислав Францевич Стрежелецкий, молодой Александр Натанович Бернштам и Николай Петрович Кацур.

Кроме того, в последние годы работы в Севастополе А. Н. Бернштама включили в совет музея краеведения, и в 1928 г. он стал его научным сотрудником.

По всей вероятности, работа в Севастопольском музее краеведения и определила выбор будущей специальности – «музееведение и этнография». Продолжавшаяся три года музейная деятельность завершилась летом 1928 г. По всей видимости, причинами ухода стали отъезд на учёбу и болезнь ноги, травму которой он получил во время экскурсии в музее краеведения.

В том же году Александр с матерью переехал в третий, ставший его родным город Санкт-Петербург, поскольку не попал в Московский государственный университет, а поступил в Ленинградский государственный университет на этнографическое отделение географического факультета. 1928-й считается годом начала вхождения А. Н. Бернштама в ленинградскую школу учёных. До конца жизни он оставался в составе ленинградской школы археологов, внёсшей большой вклад в развитие киргизской школы археологов и историков. Об этом мы подробно писали в других работах.

Бернштам был хорошо успевающим студентом, он активно выступал перед аудиторией с докладами на различные

темы. Один из его докладов был посвящён краеведению. Успешная работа привела к тому, что в 1929 г. он являлся секретарём научного кружка и членом студенческой секции Центрального бюро краеведов Ленинградской группы, членом Президиума организационного комитета Методического краеведческого отдела, членом Президиума Ленинградского областного бюро краеведения.

По всей видимости, Александр хотел прекратить активную деятельность из-за болезни ног, но, несмотря на это, его не освободили от работы.

22–24 марта 1930 г. в Москве состоялась IV краеведческая конференция РСФСР. Последним вопросом программы этой конференции были выборы Центрального бюро краеведения. Новое ЦБК избрали в составе единого органа, находящегося в Москве. Избранными оказались Л. Г. Смидович, академик Г. И. Кржижановский, Н. К. Крупская, академик Н. Я. Марр, Н. Ф. Преображенский, Р. Л. Самойлович, А. А. Тахо-Годи, студент А. Н. Бернштам и другие.

Общественная работа А. Н. Бернштама продолжилась участием в научной жизни вуза. В марте 1929 г. по поручению студенческой секции Александр Натанович уже ездил в Саратов для организации проведения конференции, т. е. стал её организатором.

С 1930 г. он начал заниматься исследованиями археологии и истории Средней Азии, а также в области этнографии, интерес к которой зародился ещё в период работы в Севастопольском музее краеведения. Его первая публикация посвящена жилищу крымских татар («Жилище крымского предгорья. Опыт социологического анализа». 1931 г.).

Уже тогда его деятельность была высоко оценена. В частности, С. П. Толстов отметил значительную роль Бернштама в становлении и развитии нового направления в советской этнографии – изучение истории и культуры тюркских народов.

С 1931 г. он поступает в аспирантуру в ГАИМК. В 1932–1935 гг. А. Н. Бернштам работает в Государственном Эрмитаже, в 1932 г. – в Музее этнографии, в отделе Востока.

В 1933 г., ещё будучи аспирантом, он едет на работу в Киргизию в составе археологической экспедиции, совмещая её с общественной и научной работой в Комитете наук при СНК Киргизской ССР.

В начале Великой Отечественной войны Бернштам руководил сектором истории в Киргизском филиале Академии наук СССР. Это был пик его активной деятельности. «План Бернштама» начал работать: во-первых, это подготовка археологов из числа киргизов; во-вторых, время написания истории киргизов и Кыргызстана с привлечением археологических и письменных источников. Бернштам первым стал рассматривать отдельно историю киргизов и Кыргызстана. Основные проблемы, над которыми работал исследователь, – этногенез, древняя культура и искусство киргизского народа.

В послевоенный период преследования учёных А. Н. Бернштам попал в число тех, кто был обвинён в «буржуазном национализме». Первыми в Киргизской ССР его работы подвергли критике Ильясов, Каракеев, Раззаков, Самарин и другие [9, л. 29].

Следует отметить, что критика научной деятельности Бернштама была необоснованной и несправедливой. Ведь именно благодаря его работам стало возможным открытие сакской и усуньской культур, изучение древней культуры киргизского народа. Он также внёс свою лепту в изучение и локализацию средневековых городов, в изучение искусства и архитектуры Средней Азии.

1. Бернштам А. Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана / сост.: К. И. Ташбаева, Л. М. Ведутова. Бишкек, 1997. 11 с.

2. Кожобеков М. Ч. Материал А. Н. Бернштама в отделе рукописей и публикации АН Киргизской ССР. Из истории археологии Древнего Тянь-Шаня / отв. ред.: К. И. Ташбаева, Д. Ф. Винник. НАН КР ; Ин-т истории. Бишкек : Илим, 1995. 3 с.

3. 3. Акимченков В. В. «Академия в миниатюре»: Севастопольский музей краеведения (1923–1939) [Текст] / моногр. : Акимченков. Киев ; Симферополь, 2012. 85 с.

4. Жантелиева Н. Г А. Н. Бернштам в годы Великой Отечественной войны [Текст] Н. Г. Жантелиева // Международная научно-практическая конференция. Сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.): проблемы решения. Бишкек, 20–21 апреля 2015 г. 473 с.

5. Древние культуры Евразии: материалы международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама [Текст] / [В. А. Алёкшин, Л. Б. Кричко, Л. А. Соколова и др.]. Санкт-Петербург: Инфо-ол, 2010. 326 с.

6. Центральный государственный архив политической документации Кыргызстана (далее – ЦГА ПД КР). Ф. 56. Оп. 1241. Д. 56. 5 л.

7. Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 10–13 сентября 1927 года. По случаю столетия херсонесских раскопок (1827–1927). Севастополь, 1927. 7 с.

8. Раззаков И. Нам нельзя терять время. Документы страницы жизни. Бишкек, 2005. 90 с.

9. ЦГА ПД КР. Ф. 56. Оп. 4. Д. 674. 29 л.

1. Bernshtam A. N. Selected Works on Archeology and History of the Kyrgyz and Kyrgyzstan / comp. K. I. Tashbaeva, L. M. Vedutova. Bishkek, 1997. 11 p.

2. Kozhobekov M. Ch. Material of A. N. Bernshtam in the Department of Manuscripts and Publications of the Kyrgyz SSR Academy of Sciences. From the History of Archeology of the Ancient Tien Shan // ed. by K. I. Tashbaeva, D. F. Vinnik. Of National Academy of Sciences. Institute of History. Bishkek: Ilim, 1995. 3 p.

3. Akimchenkov V. V. «Academy in Miniature»: Sevastopol Museum of local lore (1923–1939) [Text] / Monograph : Akimchenkov. Kiev ; Simferopol, 2012. 85 p.

4. Zhantelieva N. G. A. N. Bernshtam in the Years of the Great Patriotic War [Text] N. G. Zhantelieva // International Scientific and Practical Conference. Preserving the Historical Memory of the Great Patriotic War (1941–1945): Problems of Solution. Bishkek, April 20–21, 2015. 473 p.

5. Ancient Cultures of Eurasia: Materials of the International Scientific Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of A. N. Bernshtam [Text] / [V. A. Alekshin, L. B. Krichko, L. A. Sokolova, etc.]. Saint Petersburg : Info-ol, 2010. 326 p.

6. Central State Archive of Political Documentation of Kyrgyzstan (hereinafter – CSA of PD of KR). F. 56. Inv. 1241. C. 56. 5 sheets.

7. The Second Conference of Soviet Archaeologists in Chersonesos on September 10–13, 1927. On the Occasion of the Centenary of the Chersonesos Excavations (1827–1927). Sevastopol, 1927. 7 p.

8. Razzakov Ishak. We Have no Time to Lose. Documents of the Life Page. Bishkek, 2005. 90 p.

9. CSA of PD of KR. F. 56. Inv. 4. C. 674. 29 sheets.

Annotation. *The article is devoted to the study of the biography and scientific activity of the famous archaeologist, Kyrgyz scholar, historian, orientalist, Turkologist Professor Alexander Natanovich Bernshtam (1910–1956). The characteristic features of the scientist's personality are analyzed using the historical and biographical method. Some touches to his biography are given for the first time on the basis of primary sources identified in the Institute of the history of material culture of the RAS and the historical and archaeological Museum-reserve «Chersonesos Tauric». Based on the new data obtained, the author justifies the need for an even deeper study of the personality of A. N. Bernshtam as a special topic of his dissertation research and future monograph on the life of an outstanding scientist.*

Keywords: *A. N. Bernshtam, personality, scientist, Sevastopol Museum of local lore, history, archeology.*

УДК 904

Д. В. Журавлёв, Н. В. Быковская

ПОЗДНЕГРЕЧЕСКИЕ СВЕТИЛЬНИКИ И ИХ ИМИТАЦИИ В СОБРАНИИ ВОСТОЧНО-КРЫМСКОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

LATE GREEK LAMPS AND THEIR IMITATIONS FROM THE COLLECTION OF THE EAST-CRIMEAN HISTORICAL AND CULTURAL MUSEUM-PRESERVE

Аннотация. *В статье публикуются коллекция аттических и коринфских светильников позднеантичного времени, а также серия боспорских имитаций, воспроизводящих аттические светильники с изображением Афины.*

Ключевые слова: *светильники, иконография, боспорские имитации.*

Коллекция античных светильников Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника – одна из крупнейших в России. В научный оборот уже введены первые два тома [3; 4], третий том, посвящённый провинциально-римским светильникам, подготовлен к печати.

В III–IV вв. н. э. Афины являются важным центром, изготавливающим глиняные лампы. Ещё с начала III в. н. э. здесь начинается массовое производство светильников, первоначально копирующих популярные коринфские образцы. Затем афинские мастера создают свои иконографические мотивы. Расцвет этого производства приходится на период после герульского разгрома в Афинах в 267 г. н. э. – в это время афинские светильники заполнили рынки Восточного Средиземноморья, а также в массовых количествах появились и в Северном Причерноморье.

Впервые для Северного Причерноморья их выделил О. Вальдгауер в каталоге светильников Эрмитажа. Он представил не только афинские импортные светильники, относящиеся к различным мастерским [1, № 472, 474, 477, 478, 484, 486, 490–492], но и их причерноморские подражания [1, № 475, 484]. Ряд светильников из Херсонеса и его округи издан В. И. Кадеевым [8, с. 164–165), а также Л. Хршановски и Д. В. Журавлёвым [21, № 63, 67, 68, 70; 33; 34]. Много афинских светильников из различных центров хранится в Одесском

археологическом музее [9, № 158–160, 163, 166, 214–216]. Недавно появилась статья А. Каривиери [26, p. 155–160], специально посвящённая афинским светильникам в Причерноморье.

Популярность афинских светильников на местных рынках привела к целой серии подражаний, которые имели лишь локальное распространение. Надо отметить, что подобные имитации производились и в других регионах, например на территории современной Болгарии [12, с. 166–169, табл. I–II].

На рисунке 1 изображены следующие светильники.

1 – светильник красноглиняный. Тулово округлой формы; дно плоское, рожок короткий. Щиток заглублён, отделён от плечиков бороздкой. В центре щитка – рельефное полузатёртое изображение в виде фигуры крылатого Эрота – с лирой в левой руке, справа – плектрон, сбоку слева – заливное отверстие. Плечи покатые, гладкие. Ручка вертикальная, в виде выступа, выполнена в одной форме со светильником. Глина красно-коричневая, с множественными известковыми включениями. На рожке – следы копоти.

Размеры: l – 7,8 см, d – 6,0 см, h – 2,3 см.

Сохранность: верхняя часть ручки утрачена, сколы.

Китей. Раскоп IV, кв. 135, шт. 13. Раскопки Е. А. Молева, 1989 г.

Архив ВКИКМЗ: оп. 2, ед. хр. 1116.

КП-115270; КС-1534.

Литература: [13, с. 220, табл. 77, *6*; 78, *6*].

Аттика. Находки ламп с подобной иконографией широко распространены в Греции – в Коринфе [19, pl. XV, *1124*], Афинах [27, S. 111. Abb. 9; 30, pl. 16, *684–688*; 25, p. 156. pl. 34, *5*; 17, S. 107–108, N 383–417, Taf. 11–12], а также в Малой Азии – Милете [29, Abb. 46, *4*] и Тарсе [23, pl. 109, *384*]. Хронология этих светильников по-прежнему является дискуссионной – если Б. Беттгер придерживается датировки от последней трети III в. до середины IV в. н. э. (восемь поколений форм, после герульского разгрома 267 г.) [17, S. 107–108], то А. Каривиери относит экземпляры с подобной иконографией к концу IV в. [25, p. 156]. Её датировка базируется на анализе комплекса H 7:5 конца IV – начала V в. н. э. с монетами Аркадия (395–408 гг.) [25, p. 281]. В связи с затёртым состоянием щитка мы не можем полностью исключить, что перед нами иной иконографический тип – подобно эрмитажному – Эрот, несущий на штанге (коромысле?) два короба, вправо [1, табл. XXVII, *259*]. Впрочем, этот сюжет представлен на типичном светильнике Loeschcke VIII.

2 – светильника фрагмент. Сохранилась часть щитка, отделённого от плеч врезными бороздками. В центре щитка фрагмент неясного изображения – руки с рукоятью меча, занесённого для удара (?). Глина светлая, плотная, лак (?) светло-коричневый.

Размеры: 1,9 × 1,5 см.

Сохранность: большая часть тулова с рожком и ручка утрачены, сколы.

Пантикапей. Раскопки В. П. Толстикова, 1995 г., № 121, раскоп Ц–С, кв. 205, шт. 8.

Архив ВКИКМЗ: оп. 2, ед. хр. 1405.

КП-135490; КС-1803.

Судя по глине, светильник может быть аттического или коринфского производства. Однозначное определение иконографии затруднительно. В случае, если он афинский, вероятно изображение двух сражающихся гладиаторов, правый из которых занёс над собой меч для удара [см., например: 30, pl. 23, *l*; 17, Taf. 31]. Этому предположению, впрочем, противоречит оформление плечиков большинства известных нам аттических светильников. Б. Бетгер датирует серию аттических светильников с такими изображениями в промежутке между 270 и 350 гг. н. э. Не исключено и зеркальное воспроизведение изображения упавшего на одно колено гладиатора с мечом в руках [22, pl. XLIX, *463*] или менады с кинжалом [см., например: 24, Taf. 8, *37, 40*]. Ещё один возможный вариант – перед

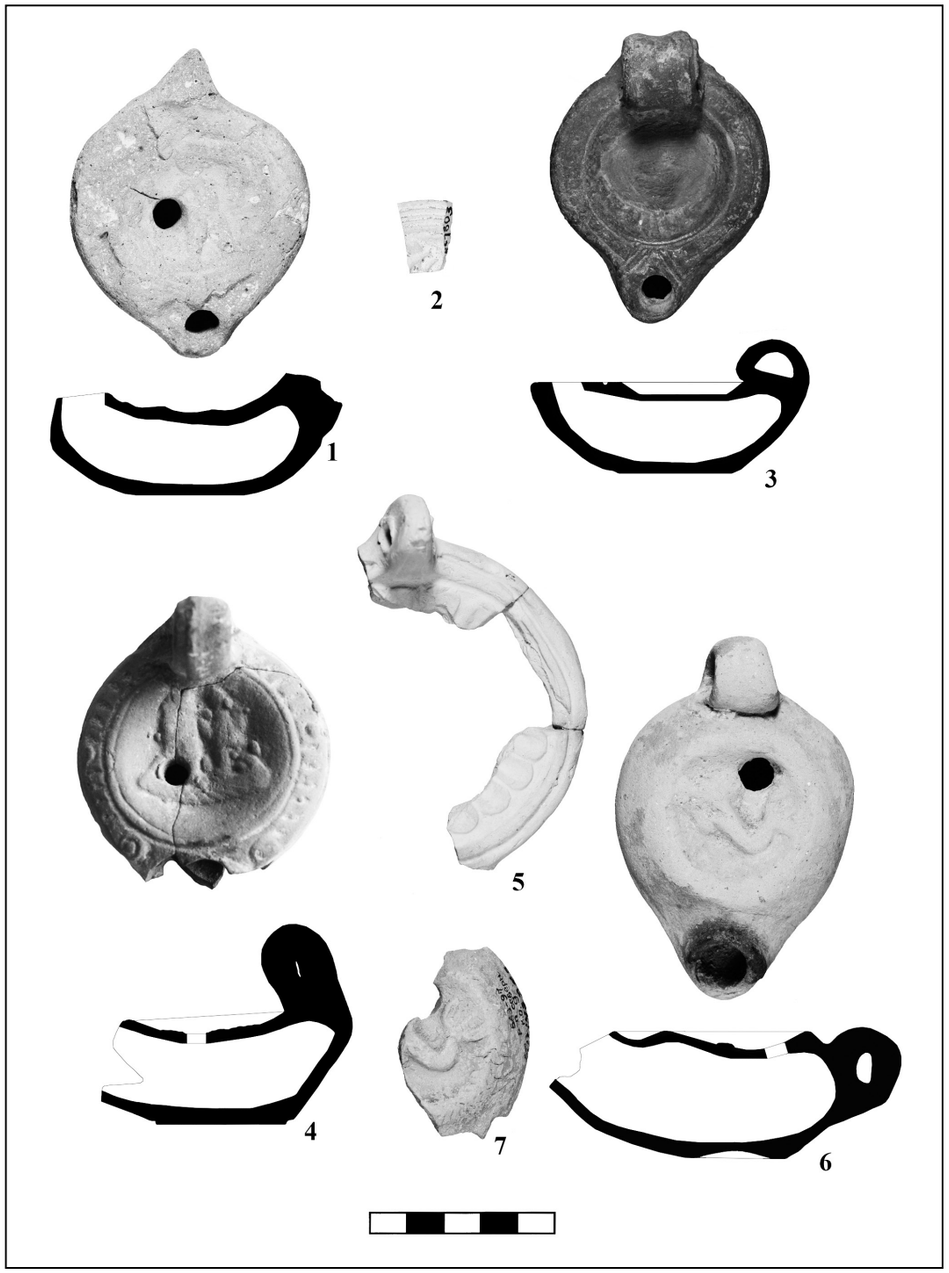

Рис. 1. Позднегреческие светильники и их имитации.
Рисунки Р. Г. Синенко, фото С. В. Ольховского

нами коринфский светильник с изображением кентавромахии (битва кентавра с лапифом со щитом и занесённым мечом). Такой светильник представлен в собрании Британского музея [14, p. 38, fig. 43, Q3252; p. 404; pl. 117] и датируется второй половиной II – первой половиной III в. н. э. [14, p. 404]. Более ранний светильник с волютами из Античного собрания Берлинских музеев с изображением гладиатора [24, S. 20. Taf. 7, *30*] имеет другие характеристики глины и лака [ср. также: 31, Taf. 9, Kat. 66].

3 – светильник краснолаковый. Тулово округлое, дно плоское. Плечи узкие, горизонтальные, украшены рельефным пояском окружностей с точкой в центре, очерченным двумя врезными линиями. Щиток вогнут, реставрирован. На щитке сохранился фрагмент рельефного орнамента в виде окончаний листьев многолепестковой розетты (?). Рожок короткий, трапециевидный, украшен двойной врезной линией. Ручка вертикальная, петлевидная, широкая. Глина коричнево-серая. Сверху светильник покрыт коричнево-серым, с подтеками лаком, сильно закопчён.

Сохранность: центр щитка догипсован, затонирован, заливное отверстие утрачено, сколы.

Размеры: l – 7,5; d – 5,6; h – 2,4 см.

Из коллекции купца Д. Г. Бурылина. Поступил в 1947 г. из Ивановского музея (бывш. Иваново-Вознесенский).

Архив ВКИКМЗ: оп. 2, ед. хр. 67.

КП-11974; КС-37.

К-6920; К-433; И-Вм-163 архо.

Broneer Type XXVIII. Рожок светильника имеет характерную коринфскую форму – вариант 2 [19, p. 105, fig. 49, *2*], а плечи – ближе к варианту 16 [19, p. 103, fig. 489, *16*]. Впрочем, детали оформления рожка встречаются и у аттических светильников [см., например: 30, pl. 30]. Полные аналогии светильнику не найдены. Важно отметить, что у оригинальных коринфских светильников ручка изготавливалась в одной форме со светильником, а цвет глины заметно отличался. По всей видимости, это местный причерноморский светильник позднеантичного времени, воспроизводящий популярную форму. Производство светильников этого типа начинается уже в конце II в. н. э. и продолжается в III–IV вв. н. э.

4 – светильник красноглиняный. Тулово округлое, с плоским дном, очерченным врезной бороздкой, в центре – неясный оттиск. Плечи узкие, покатые, украшенные геометрическим орнаментом в виде рельефных окружностей с точками в центре и вертикальных насечек, отделены от вогнутого широкого щитка двумя врезными линиями и невысоким валиком. На щитке рельефное изображение; возможно, лодка с двумя фигурами. Узкое отверстие для заливания масла смещено относительно центра. Ручка вертикальная, петлевидная, профилированная. Глина розовато-коричневая, плотная, с мелкими известковыми включениями. На тулове у основания рожка – следы копоти.

Размеры: l – 6,6; d – 6,5; h – 2,8 см.

Сохранность: склеен из двух фрагментов, рожок утрачен, догипсован, сколы.

Из коллекции купца Д. Г. Бурылина. Поступил в 1947 г. из Ивановского музея (бывш. Иваново-Вознесенский).

Архив ВКИКМЗ: оп. 2, ед. хр. 67.

КП-12024, 19304; КС-87, КС-553 (склеены).

К-6975; К-488; И-Вм-170 архо.

Изображение лодки хорошо известно на щитках римских светильников. Нечёткий оттиск на нашем светильнике не даёт возможности точно сказать, показана ли лодка с парусами или с двумя сидящими в ней фигурами. Оба эти типа с различными вариациями широко представлены в музейных собраниях [29, Abb. 28, *14–15*; 22, pl. XXXIV, *929*; LXII, *617*; 28, Taf. 36, *163–167*; 14, p. 45, fig. 56; и т. д.]. Возможно, публикуемый светильник является имитацией аттических светильников (оригинальные светильники имеют оттиснутую в форме ручку и иную форму дна) [см., например: 30, pl. 21, N 1029; 17, S. 183,

Taf. 39; 25, fig. 29]. На этих светильниках представлено изображение лодки с парусами.

Первая половина IV в. н. э.

5 – светильника фрагменты. Тулово округлое, с узкими, украшенными глубокими рельефными бороздками плечами. Ручка сделана в одной форме со светильником, вертикальная, в виде выступа овальной формы с узким сквозным отверстием по центру, декорирована бороздками. На остатках щитка – фрагмент рельефной многолепестковой розетки. Глина светло-коричневая, плотная, с мелкими блёстками.

Размеры: 1) 4,5 × 4,5; 2) 4,7 × 2; 3) 4 × 0,9 см.

Сохранность: два фрагмента склеены; большая часть тулова с рожком утрачена, сколы.

Генеральское Восточное. Раскопки А. А. Масленникова, 1991 г., № 495, святилище, помещение 1.

Архив ВКИКМЗ: оп. 2, ед. хр. 1138.

КП-121585; КС-1608.

Литература: [11, с. 116, рис. 58, *б*].

Находки подобных светильников встречены на Афинской агоре [30, p. 151, pl. 30, *1713* (со списком аналогичных светильников), датировка – около середины IV в. н. э.]. Среди светильников Афинского Керамика есть светильники как середины IV в., так и второй половины этого столетия [17, Taf. 56, *3535*, S. 233 (датировка 350–360 гг.) или Taf. 67, *3964, 3967, 3968*; S. 256 (датировка 360–390 гг.)]. Учитывая неаккуратное оформление нижней части светильника и основания ручки (в частности, отсутствуют характерные нарезки), можно говорить и о местной имитации. Датировка А. А. Масленникова – «первые века н. э.» [11, с. 100]. Мы предполагаем дату в пределах середины – второй половины IV в. н. э., точнее сказать по нашему фрагменту сложно.

6 – светильник красноглиняный. Тулово биконическое, на слабо выраженном кольцевом поддоне, со слегка вогнутым дном. Рожок короткий, округлый, слегка приподнят, со следами копоти. Вокруг горизонтального щитка – невысокий валик. На щитке – рельефное изображение плывущего дельфина влево. Заливное отверстие смещено к краю щитка. Ручка вертикальная, петлевидная. Глина оранжево-коричневая, с мелкими известковыми включениями.

Размеры: l – 9,5; d – 5,8; h – 3,2 см.

Сохранность: сколы, часть рожка утрачена.

Из раскопок Керченского музея до 1917 г.

КП-11984; КС-47.

Инв. № 4554; V, 114; К-6959.

Точных аналогий этому светильнику найти не удалось. Представляется, что это позднеримская локальная имитация, возможно воспроизводящая иконографию аттических светильников [19, pl. 17, *1261, 1266*, *1270*; 30, pl. 20, *939*; 25, fig. 24; 17, S. 245, Taf. 61, *3725, 3733*]. Иконография изображения дельфина на светильниках: [14, fig. 92, p. 72–73]. Не ранее IV в. н. э.

7 – светильника краснолакового фрагмент. Плечи покатые, широкие, гладкие. В центре щитка – фрагмент рельефного изображения дельфина (хвост), плывущего влево. Глина красно-коричневая, с мелкими включениями. Щиток покрыт красно-коричневым лаком.

Размеры: 5,0 × 3,7 см.

Сохранность: большая часть тулова с рожком и ручка утрачены, сколы, трещины.

Городище у села Белинского. Раскопки В. Г. Зубарева, 1997 г., № 9, раскоп Северный, помещение 2.

Архив ВКИКМЗ: оп. 2, ед. хр. 1475.

КП-143983; КС-1952.

То же, что КС-47. Не ранее IV в. н. э.

Одним из характерных типов боспорских позднеантичных ламп были круглые светильники с изображением на щитке бюста влево [5, табл. 8, *7*; 10, с. 35, рис. 8, *1*; 7, рис. 6, *2*; 34, p. 220, fig. 12).

Публикуя подобный светильник из собрания Народного музея в Варшаве [16, P. 326, N 317, Tabl. XCI], М. Бернхарт атрибутировала изображение на щитке как бога Мена и сопоставляет форму светильника с коринфским [19, p. 270, N 1316, fig. 195]. Согласившись с польской исследовательницей в близости формы светильника к коринфским (а точнее – к аттическим) прототипам, мы не согласны с интерпретацией иконографического прототипа. Действительно, на аттических светильниках известно изображение Мена в профиль, но перед ним в таком случае обязательно присутствовали двойные секиры [см., например: 18, pl. 12, *502*; 17, Taf. 22, *911–955*; 60, *3703, 3704*; Taf. 61, *3705, 3706*], отсутствующие на нашем изображении. Подобная же неточность присутствует и в публикации светильников Китея [13, с. 219]. В. С. Забелина описывает изображение на аналогичном светильнике как «бородатую голову в профиль и в венке, в обрамлении круга из волют и насечек» и находит в ней «что-то общее с профилем на монетах Савромата IV и Рискупорида VI» [5, с. 323].

Мы предполагаем, что эти светильники являются локальными низкокачественными имитациями аттического типа светильников с изображением Афродиты в стефане и ожерелье, которые датируются III–IV вв. н. э. [15, pl. XIII, *6*; 27, S. 115, Abb. 17; S. 125. Abb. 39; 30, pl. 15, *640–644*; 25, p. 153–154; 17, Taf. 6, *124, 128, 129*; Taf. 7, *130, 136, 143, 146, 149, 162, 167, 169, 170, 173*]. В качестве прототипа можно рассматривать и аттический светильник из Kenchreai, неподалёку от Коринфа [32, p. 58, pl. 12, N 266), хотя он имеет более скромную орнаментацию плеч. Сравнительно близкие изображения известны и на коринфских светильниках [20, p. 495, fig. 56–58].

Б. Беттгер, проследивший развитие «поколений» форм светильников после герульского разгрома 267 г., отмечает присутствие светильников с этим сюжетом с 1-го по 8-е поколение, соответственно с последней трети III в. н. э. по 337–350 гг. [17, S. 96–98]. А. Каривиери отмечает бытование этого типа светильников, основанного на архетипе, в Аттике до VI в. н. э. [25, p. 154; pl. 48].

На территории Боспорского царства наибольшее количество подобных имитаций происходит из комплексов IV–V вв. н. э. [6, рис. 51, *256*].

У нас нет объяснения, почему именно этот тип иконографии аттических светильников был выбран боспорскими ремесленниками для производства имитаций. Отметим, что орнаментация плеч этих светильников зачастую различается, абрис тулова может иметь различные очертания, что говорит об использовании различных форм.

8 – светильник красноглиняный с изображением бюста на щитке. Тулово имеет грушевидную форму, дно плоское, рожок короткий, имеет большое, слегка вытянутое отверстие для фитиля. Круглый щиток заглублен, отделён от плечиков двумя бороздками. В центре щитка – рельефное изображение женского бюста влево; справа от бюста, у края щитка – отверстие для заливания масла. Плечи украшены рельефным орнаментом в виде расположенных попарно двойных спиралей и поперечных валиков. На рожке – следы копоти. Глина красно-коричневая, с мелкими известковыми включениями.

Размеры: l – 6,4; d – 5,0; h – 2,5 см.

Сохранность: ручка утрачена, сколы на тулове, рельефное изображение оттиснуто нечётко.

Из коллекции купца Д. Г. Бурылина. Поступил в 1947 г. из Ивановского музея (бывш. Иваново-Вознесенский).

Архив ВКИКМЗ: оп. 2, ед. хр. 67.

КП-11998; КС-61.

К-6882; К-511; И-Вм-197 архо.

9 – светильник как Кат. 8. Но тулово имеет неправильную округлую форму, ручка петельчатая, сомкнута.

Размеры: l – 7,0; d – 5,1; h – 3,0 см.

Сохранность: скол на тулове, рельефное изображение оттиснуто нечётко.

Из коллекции купца Д. Г. Бурылина. Поступил в 1947 г. из Ивановского музея (бывш. Иваново-Вознесенский).

Архив ВКИКМЗ: оп. 2, ед. хр. 67.

КП-12027; КС-90.

К-6882; И-Вм-197 архо.

10 – светильник как Кат. 8. Изнутри, в центре отверстия для масла, заметны следы круглого рабочего инструмента. Вертикальная ручка в виде выступа, сделанная в ходе поздней реставрации.

Размеры: l – 6,7; d – 4,7; h – 2,8 см.

Сохранность: ручка утрачена, мелкие сколы.

Из коллекции купца Д. Г. Бурылина. Поступил в 1947 г. из Ивановского музея (бывш. Иваново-Вознесенский).

Архив ВКИКМЗ: оп. 2, ед. хр. 67.

КП-12035; КС-98.

К-6883; И-Вм-174 архо.

На рис. 2 изображены следующие светильники.

11 – светильник как Кат. 8. Рожок короткий, немного вытянут. Ручка вертикальная, петлевидная, профилированная двумя бороздками, сомкнута. Глина красно-коричневая, с известковыми включениями, местами светильник покрыт светлым ангобом.

Размеры: l – 7,2; d – 4,3; h – 2,5 см.

Сохранность: сколы, трещины.

Из довоенных поступлений в Керченский музей.

КП-12101; КС-164.

К-6991; К-1673; К-434.

12 – светильник как Кат. 11. По краю щитка – неровное отверстие для заливания масла, частично прорезавшее изображение.

Размеры: l – 7,1; d – 4,1; h – 3,3 см.

Сохранность: мелкие сколы по тулову.

Из коллекции купца Д. Г. Бурылина. Поступил в 1947 г. из Ивановского музея (бывш. Иваново-Вознесенский).

Архив ВКИКМЗ: оп. 2, ед. хр. 67.

КП-12103; КС-166.

К-6908; И-Вм-199 архо.

13 – светильник как Кат. 11. Тулово слегка вытянуто, ручка профилирована тремя бороздками.

Размеры: l – 6,7; d – 4,8; h – 3,5 см.

Сохранность: сколы, трещины, налепы глины.

Из раскопок Керченского музея до 1917 г.

КП-12108; КС-171.

ИНВ. № 4601; V, 112; К-6881; К-1668.

14 – светильник как Кат. 11. Глина красно-коричневая, с известковыми включениями, местами поверхность покрыта светлым ангобом.

Размеры: l – 7,1; d – 4,2; h – 3,2 см.

Сохранность: сколы, трещины.

Из раскопок Керченского музея до 1917 г.

КП-12109; КС-172.

Инв. № 4600; V, 61; К-6947; К-1665.

15 – светильник как Кат. 11. Тулово неровное, рожок слегка заострён. Светильник сильно закопчён.

Размеры: l – 7,0; d – 4,8; h – 2,2 см.

Сохранность: сколы на тулове.

Из довоенных (?) поступлений в Керченский музей.

КП-121119; КС-182.

К-7005; К-6.

16 – светильник как Кат. 11. Рожок короткий, имеет большое, слегка вытянутое отверстие для фитиля; отверстие для заливания масла частично прорезает изображение. Поверхность покрыта светлым ангобом.

Размеры: l – 7,3; d – 4,9; h – 2,6 см.

Сохранность: мелкие сколы.

Пантикапей. Приобретён в 1892 г., был найден в Шлагбаумском переулке «в катакомбах».

КП-12162; КС-225. К-119/2.

На рисунке 3 изображены следующие светильники.

17 – светильник как Кат. 11. Отверстие для заливания масла подтреугольной формы со скруглёнными углами, покрыт светлым ангобом.

Размеры: l – 7,5; d – 5,1; h – 3,1 см.

Сохранность: сколы, трещины, рельефное изображение оттиснуто слабо.

Некрополь Пантикапея. Раскопки В. В. Шкорпила, найден 27 сентября 1902 г. в гробнице 405 (217).

Архив ВКИКМЗ: оп. 2, ед. хр. 106, 107.

КП-12182; КС-245.

1142; К-313/1.

18 – светильник как Кат. 11.

Размеры: l – 6,7; d – 5,2; h – 2,9 см.

Сохранность: сколы, трещины.

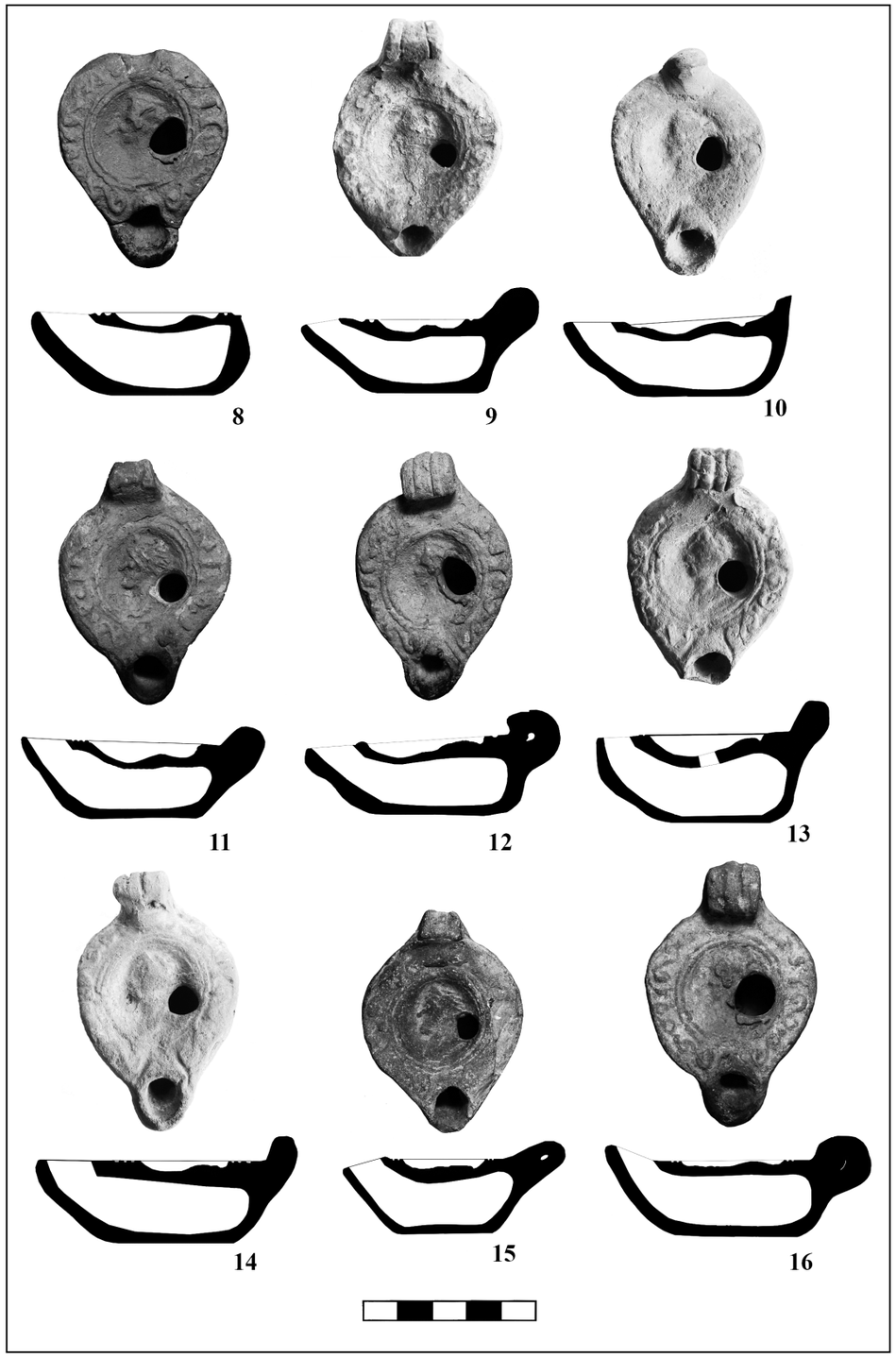

Рис. 2. Боспорские светильники с изображением бюста.
Рисунки Р. Г. Синенко, фото С. В. Ольховского

Тиритака. Раскопки Д. С. Кирилина, 1974 г.

Архив ВКИКМЗ: оп. 2, ед. хр. 488.

КП-12251; КС-314.

К-11924.

19 – светильник как Кат. 11. Тулово неровное, асимметричное, поверхность покрыта светлым ангобом; на ручке виден отпечаток пальца по сырой глине.

Размеры: 7,0 × 4,7 см.

Сохранность: сколы, рельефное изображение оттиснуто слабо.

Китей. Раскопки Е. А. Молева, 1974 г., № 194, раскоп I, 8 / зап. бровка.

Архив ВКИКМЗ: оп. 2, ед. хр. 462.

КП-12394; КС-465.

Литература: [13, с. 219, табл. 73, *3*; 74, *3*].

20 – светильник как Кат. 11.

Размеры: 7,5 × 5,1 × 3,4 см.

Сохранность: сколы, трещины, рельефное изображение оттиснуто слабо.

Зенонов Херсонес. Раскопки А. А. Масленникова, 1980 г., № 15, раскоп «Стена», кв. А, шт. 3.

Архив ВКИКМЗ: оп. 2, ед. хр. 657.

КП-64269; КС-1136.

21 – светильник как Кат. 11.

Размеры: 6,3 × 5,0 × 2,8 см.

Сохранность: сколы на рожке, вся поверхность оббита.

Зенонов Херсонес. Раскопки А. А. Масленникова, 1979 г., № 14, раскоп «Берег», кв. 13-а.

Архив ВКИКМЗ: оп. 2, ед. хр. 599.

КП-45331; КС-1143.

22 – светильник как Кат. 11.

Размеры: 7,0 × 5,2 × 2,4 см.

Сохранность: сколы.

Тиритака. Раскопки В. Ф. Гайдукевича, 1939 г., № 103.

Архив ВКИКМЗ: оп. 2, ед. хр. 387, 392.

КП-77243; КС-1272.

Литература: [2, с. 115, рис. 140, *8*].

23 – светильник как Кат. 11. Рельефный орнамент плеч не пропечатан. На тулове сохранился корень вертикальной петлевидной ручки.

Размеры: 7,5 × 5,1 × 3,4 см.

Сохранность: склеен из двух фрагментов, ручка утрачена, сколы, трещины.

Зенонов Херсонес. Раскопки А. А. Масленникова, 1981 г., № 116, раскоп «Стена», кв. А, шт. 3.

Архив ВКИКМЗ: оп. 2, ед. хр. 657.

КП-77258; КС-1286.

24 – светильник как Кат. 11.

Размеры: 7,0 × 5,0 × 2,2 см.

Сохранность: часть ручки утрачена, догипсована, мелкие сколы на тулове по всей поверхности.

Зенонов Херсонес. Раскопки А. А. Масленникова, 1981 г., № 186.

Архив ВКИКМЗ: оп. 2, ед. хр. 657.

КП-77263; КС-1291.

25 – светильник как Кат. 11.

Размеры: l – 6,6; d – 5,3; h – 2,2 см.

Сохранность: ручка утрачена, сколы.

Зенонов Херсонес. Раскопки А. А. Масленникова, 1983 г., № 36, раскоп «Город», шт. 4.

Архив ВКИКМЗ: оп. 2, ед. хр. 775.

КП-103271; КС-1399.

На рисунке 4 изображены следующие светильники.

26 – светильник как Кат. 11. На тулове сохранился корень вертикальной петлевидной ручки. Сбоку, в нижней части светильника, стенки деформированы в процессе производства.

Размеры: l – 6,5; d – 4,9; h – 2,6 см.

Сохранность: ручка утрачена, сколы, вмятины.

Зенонов Херсонес. Раскопки А. А. Масленникова, 1983 г., № 38, раскоп «Город», кв. В7, яма 38.

Архив ВКИКМЗ: оп. 2, ед. хр. 775.

КП-103275; КС-1400.

27 – светильник как Кат. 11. Боковая поверхность нижней части тулова сбоку деформирована – производственный брак. Глина светло-коричневая, с известковыми включениями, поверхность покрыта светлым ангобом.

Размеры: l – 7,3; d – 3,5; h – 2,0 см.

Сохранность: склеен из трёх фрагментов, нижняя часть ручки утрачена, сколы.

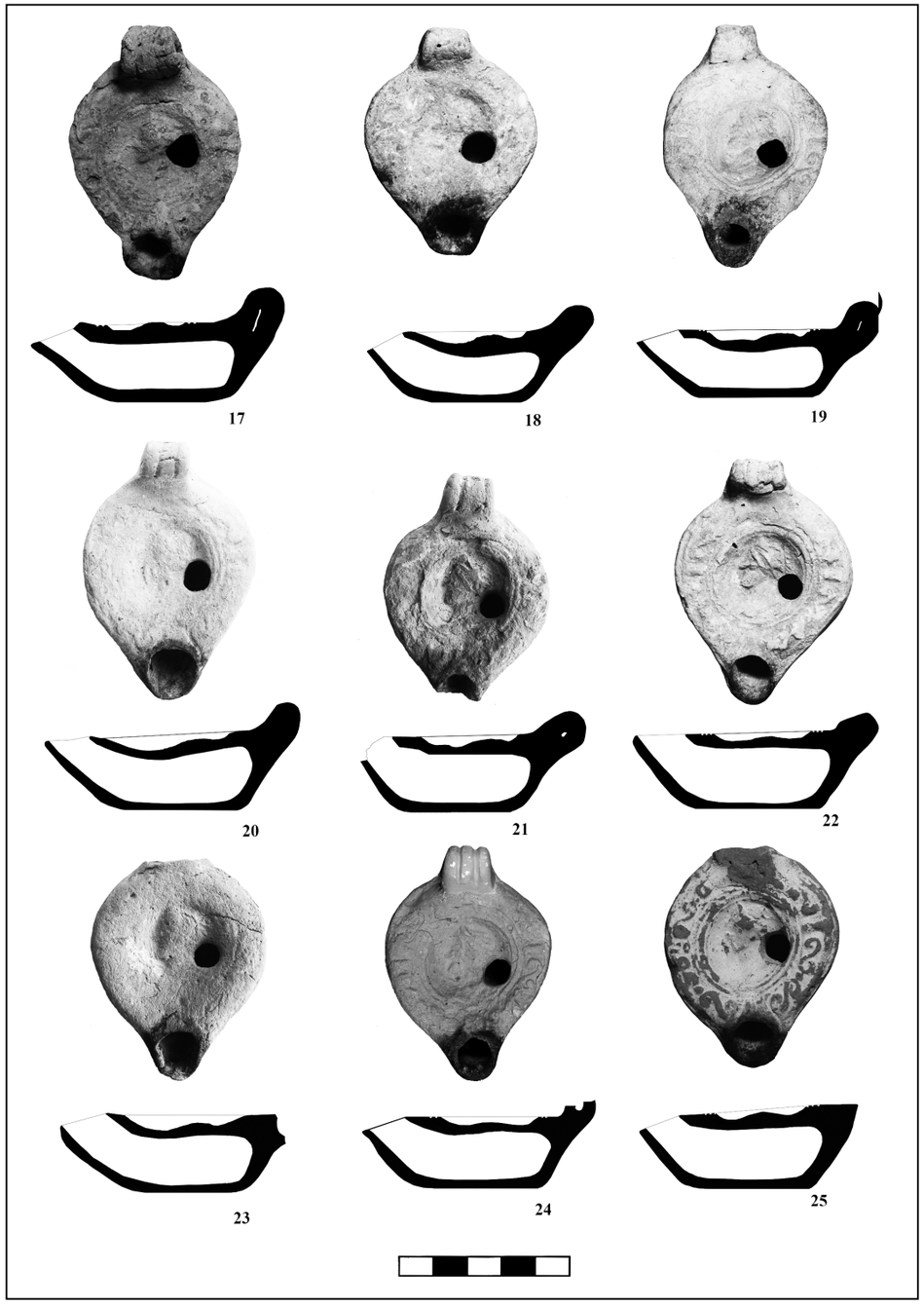

Рис. 3. Боспорские светильники с изображением бюста.
Рисунки Р. Г. Синенко, фото С. В. Ольховского

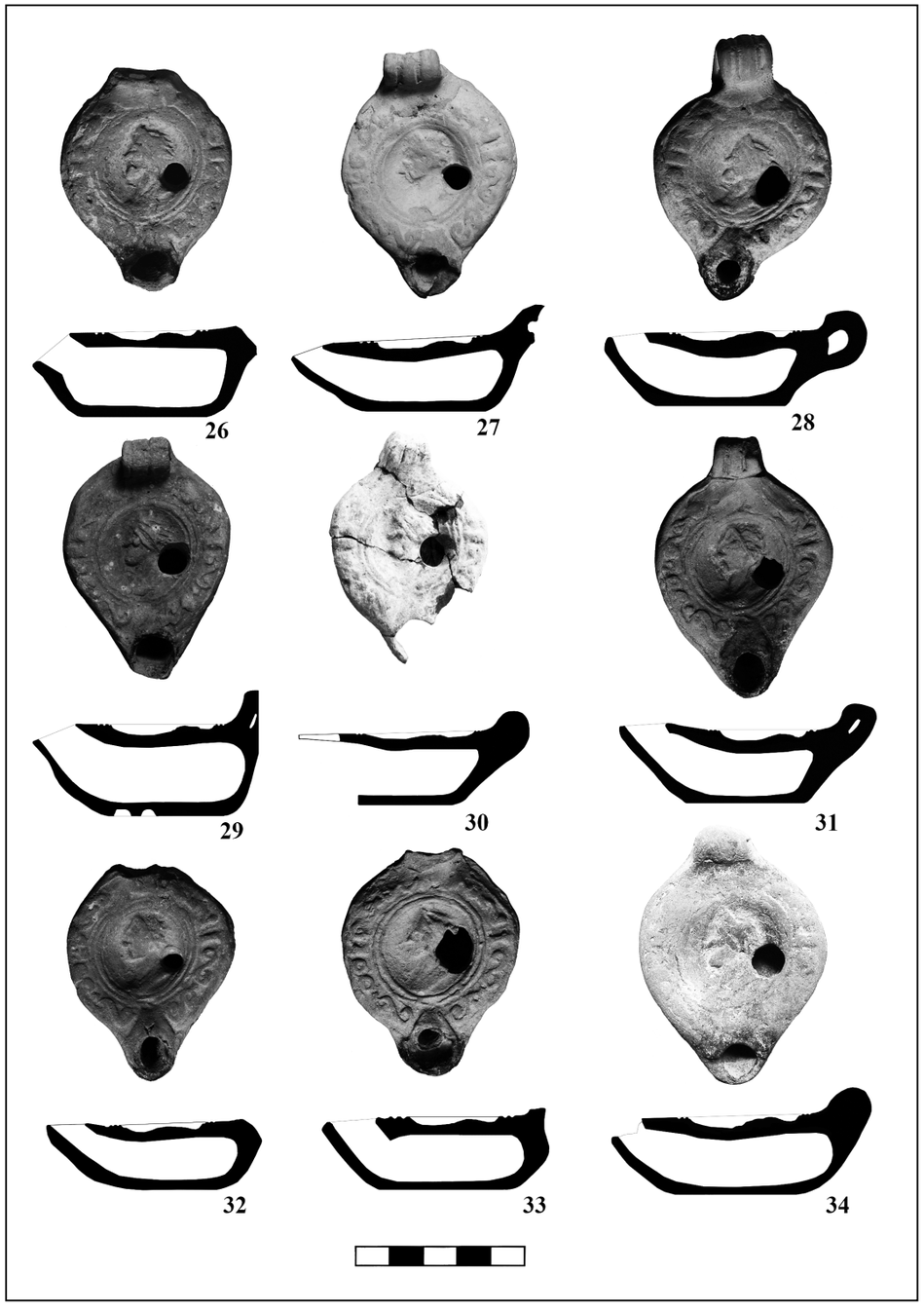

Рис. 4. Боспорские светильники с изображением бюста.
Рисунки Р. Г. Синенко, фото С. В. Ольховского

Поселение «Салачик». Раскопки А. А. Масленникова, 1983 г., № 337, зачистка скалы.

Архив ВКИКМЗ: оп. 2, ед. хр. 985.

КП-112329; КС-1517.

28 – светильник как Кат. 11. Ручка профилирована четырьмя бороздками, прикреплена со смещением относительно центра. Глина красно-коричневая, с мелкими кварцевыми и известковыми включениями, сверху светильник покрыт светлым ангобом.

Размеры: l – 7,7; d – 5,0; h – 2,6 см.

Сохранность: сколы.

Некрополь «Старожилово». Раскопки А. А. Масленникова, 1988 г., № 39, склеп 3.

Архив ВКИКМЗ: оп. 2, ед. хр. 986.

КП-115138; КС-1528.

Литература: [10, рис. 8, *1*].

29 – светильник как Кат. 11.

Размеры: l – 7,3; d – 5,1; h– 2,7 см.

Сохранность: сколы, трещины.

Некрополь Пантикапея. Раскопки О. Д. Чевелёва, 1991 г., № 9, склеп 1, по ул. Кирова (Комсомольский парк).

Архив ВКИКМЗ: оп. 2, ед. хр. 1132, л. 25.

КП-121111; КС-1600.

30 – светильник как Кат. 11. Глина пережжённая, поверхность светильника была покрыта светлым ангобом (?). Весь светильник сильно обгорел.

Размеры: l – 7,0; d – 5,3; h – 2,3 см.

Сохранность: склеен из семи фрагментов, нижняя часть тулова с рожком утрачена.

Некрополь поселения «Сиреневая бухта». Раскопки А. А. Масленникова, 1995 г., № 356, погр. 73.

Архив ВКИКМЗ: оп. 2, ед. хр. 1400, л. 54.

КП-136520; КС-1848.

Литература: [11, с. 143].

31 – светильник как Кат. 11.

Размеры: l – 7,5; d – 5,3; h – 2,9 см.

Сохранность: ручка подклеена, сколы.

Городище у с. Белинское. Раскопки В. Г. Зубарева, 1997 г., № 15, раскоп «Северный», пом. 3.

Архив ВКИКМЗ: оп. 2, ед. хр. 1475, л. 18, рис. 102, л. 113.

КП-143985; КС-1954.

Литература: [7, с. 201].

32 – светильник как Кат. 11. Рожок вытянут, слегка заострён, имеет овальное отверстие для фитиля.

Размеры: l – 6,7; d– 5,0; h – 2,1 см.

Сохранность: ручка утрачена, сколы, вмятины.

Городище у с. Белинское. Раскопки В. Г. Зубарева, 1998 г., № 40, раскоп «Северный», яма 8 (вторая половина IV – первая половина V в. н. э.).

Архив ВКИКМЗ: оп. 2, ед. хр. 1535, л. 180-б.

КП-144772; КС-1972.

Литература: [7, с. 201, рис. 8, *1*].

33 – светильник как Кат. 11. Неровное отверстие для заливания масла, частично прорезавшее изображение бюста.

Размеры: l – 6,7; d – 5,3; h – 2,4 см.

Сохранность: ручка утрачена, сколы, вмятины.

Городище у с. Белинское. Раскопки В. Г. Зубарева, 1998 г., № 66, раскоп «Северный», пом. 6. Из слоя первой половины IV в. н. э.

Архив ВКИКМЗ: оп. 2, ед. хр. 1535, л. 183.

КП-144773; КС-1973.

Литература: [7, с. 201, рис. 7, *1*].

34 – светильник как Кат. 11. Отверстие для заливания масла частично прорезает изображение бюста. Глина розовато-коричневая, с известковыми и мелкими кварцевыми включениями.

Размеры: l – 7,2; d – 4,7; h – 2,2 см.

Сохранность: потёрт, мелкие сколы.

Тиритака. Раскопки В. Н. Зинько, 2002 г., № 49, кв. 11, котлован, СК-2, 1 шт.

Архив ВКИКМЗ: оп. 2, ед. хр.1657.

КП-154440; КС-2165.

1. Вальдгауер О. Ф. Императорский Эрмитаж. Античные глиняные светильники. Санкт-Петербург, 1914.

2. Гайдукевич В. Ф. Раскопки Мирмекия в 1935–1938 гг. // МИА. № 25. Москва ; Ленинград, 1952. С. 135–220.

3. Журавлёв Д. В., Быковская Н. В., Желтикова А. Л. Светильники VI – первой половины III вв. до н. э. Коллекция светильников из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Т. 1. Киев, 2007.

4. Журавлёв Д. В., Быковская Н. В., Желтикова А. Л. Импортные эллинистические светильники. Боспорские светильники III в. до н. э. – IV в. н. э. Коллекция светильников из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Т. 2. Киев, 2010.

5. Забелина В. С. Античные глиняные светильники Пантикапея // Археология и искусство Боспора. Сообщения ГМИИ. Москва, 1992. Вып. 10. С. 298–328.

6. Засецкая И. П. Материалы боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н. э. // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып. 3. С. 23–105.

7. Зубарев В. Г., Крайнева А. А. Светильники городища «Белинское» // ДБ. Москва, 2004. Т. 7. С. 199–216.

8. Кадеев В. И. Импортные светильники I–IV вв. из Херсонеса // СА. 1969. № 3. С. 159–170.

9. Левина Э. А. Античные светильники Одесского археологического музея (I–VI вв. н. э.). Одесса, 1992.

10. Масленников А. А. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. Москва, 1997.

11. Масленников А. А. Грунтовые некрополи сельских поселений Караларского побережья (Восточный Крым) первых веков н. э. // ДБ. Москва, 2000. Т. 3. С. 136–200.

11. Масленников А. А. Сельские святилища Европейского Боспора. Москва, 2007.

12. Минчев А. Едно ателие за имитации на атически лампи в Марцианопол // Известия на Народния музей Варна. Варна, 1977. XIII (XXVIII). С. 166–169.

13. Молев Е. А. Светильники Китея. Приложение IV // Е. А. Молев. Боспорский город Китей. Боспорские исследования. Supplementum 6. Симферополь ; Керчь. 2010. С. 205–253.

14. Bailey D. M. A Catalogue of the Lamps in the British Museum. Vol. III. Roman Provincial Lamps. London: British Museum Publications, 1988.

15. Basset S. E. The Cave at Vari. VI. The Terra-Cotta Lamps // AJA. 1903. VII. P. 338–349.

16. Bernhard M. L. Lampki starozytne. Warszawa, 1955.

17. Böttger B. Die keiserzeitlichen Lampen vom Kerameikos. Kerameikos. Bd. XVI. München, 2002.

18. Bovon A. Lampes d'Argos. Études Péloponnésiennes. V. Paris, 1966.

19. Broneer O. Corinth IV, 2. Terracotta Lamps. Cambridge, 1930.

20. Bruneau Ph. Lampes corinthiennes // BCH. 1971. 95. P. 437–501.

21. Chrzanovski L., Zhuravlev D. Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum, Moscow. Studia archaeologica. 96. Roma, 1998.

22. Deneauve J. Lampes de Carthage. Paris, 1969.

23. Goldman H., Jones F. F. The Lamps // H. Goldman (Ed.). Excavations at Gözlü Kule, Tarsus. Princeton, 1950. Vol. I. P. 84–134.

24. Heres G. Die Römischen Bildlampen der Berliner Antiken-Sammlung. Berlin, 1972.

25. Karivieri A. The Athenian Lamp Industry in Late Antiquity. Helsinki, 1996.

26. Karivieri A. Athenian lamps in the Black Sea area // C.-A. Roman, N. Gudea (Eds.). Trade and Local Production of Lamps from the Prehistory until the Middle Age. Lychnological Acts 2. Acts of the 2nd International Congress on Ancient and Middle Age Lighting Devices (Zalău – Cluj-Napoca, 13th – 18th of May 2006). Cluj-Napoca, 2008. P. 155–160.

27. Kübler K. Zum Formwandel in der spätantiken attischen Tonplastik // JdI. 1952. Bd. 67. S. 99–145.

28. Leibundgut A. Die Römischen Lampen in der Schweiz. Bern, 1977.

29. Menzel H. Antike Lampen in Römisch-Germanischen Zentralmuseum zu Mainz. Mainz, 1954.

30. Perlzweig J. Lamps of the Roman Period. The Athenian Agora. Princeton, 1961. Vol. VII.

31. Thöne C. Die Griechischen und Römischen Tonlampen. Mainz am Rhein, 2004.

32. Williams H. Kenchreai. Eastern port of Corinth. Vol. V. The Lamps. Leiden, 1981.

33. Zhuravlev D. Late Scythian grave with a lamp from Belbek IV necropolis in the South-Western Crimea // D. Zhuravlev (Ed.). Fire, light and light equipment in the Graeco-Roman world. BAR International Series. 1019. Oxford, 2002. P. 75–80.

34. Žuravlev D. Lighting equipment of the Northern Pontic area in the Roman period: imports and local production // V. Gabrielsen, J. Lund (Eds.). The Black Sea in Antiquity: Regional and Interregional Economic Exchanges. Black Sea Studies. Aarhus University Press, 2007. Vol. 6. P. 209–237.

1. Waldhauer O. F. The Imperial Hermitage. Antique Clay Lamps. Saint Petersburg, 1914.

2. Gaidukevich V. F. Excavations of Myrmekion in 1935–1938 // MIA. No. 25. Moscow ; Leningrad, 1952. P. 135–220.

3. Zhuravlev D. V., Bykovskaya N. V., Zheltikova A. L. Lamps of the VI – First Half of the III Centuries BC. Collection of Lamps from the Collection of the Kerch Historical and Cultural Reserve. Vol. 1. Kiev, 2007.

4. Zhuravlev D. V., Bykovskaya N. V., Zheltikova A. L. Imported Hellenistic Lamps. Bosporan Lamps of the III Century BC – IV Century AD. Collection of Lamps from the Collection of the Kerch Historical and Cultural Reserve. Vol. 2. Kiev, 2010.

5. Zabelina V. S. Antique Clay Lamps of Pantikapaion // Archeology and Art of Bosporus. The Papers of the State Museum of Fine Arts. Moscow, 1992. Issue 10. P. 298–328.

6. Zasetskaya I. P. Materials of the Bosporan Necropolis of the Second Half of the IV – First Half of the V Centuries AD // Materials on the Archeology, History and Ethnography of Tavria. Simferopol, 1993. Issue III. P. 23–105.

7. Zubarev V. G., Krayneva A. A. Lamps of the Settlement «Belinskoe» // Antiquities of Bosporus. Moscow, 2004. Vol. 7. P. 199–216.

8. Kadeev V. I. Imported Lamps of I–IV Centuries from Chersonesos // Soviet Archaeology. 1969. No. 3. P. 159–170.

9. Levina E. A. Antique Lamps of the Odessa Archaeological Museum (I–VI Centuries AD). Odessa, 1992.

10. Maslennikov A. A. Family Crypts of the Rural Population of the Late Antique Bosporus. Moscow, 1997.

11. Maslennikov A. A. Rural Sanctuaries of European Bosporus. Moscow, 2007.

12. Минчев А. Едно ателие за имитации на атически лампи в Марцианопол // Известия на Народния музей Варна. Варна, 1977. XIII (XXVIII). С. 166–169.

13. Molev E. A. Lamps of Kitei. Appendix IV // E. A. Molev. The Bosporan City of Kitei. Bosporan Research. Supplementum 6. Simferopol ; Kerch. 2010. P. 205–253.

14. Bailey D. M. A Catalogue of the Lamps in the British Museum. Vol. III. Roman Provincial Lamps. London: British Museum Publications, 1988.

15. Basset S. E. The Cave at Vari. VI. The Terra-Cotta Lamps // AJA. 1903. VII. P. 338–349.

16. Bernhard M. L. Lampki starozytne. Warszawa, 1955.

17. Böttger B. Die keiserzeitlichen Lampen vom Kerameikos. Kerameikos. Bd. XVI. München, 2002.

18. Bovon A. Lampes d'Argos. Études Péloponnésiennes. V. Paris, 1966.

19. Broneer O. Corinth IV, 2. Terracotta Lamps. Cambridge, 1930.

20. Bruneau Ph. Lampes corinthiennes // BCH. 1971. 95. P. 437–501.

21. Chrzanovski L., Zhuravlev D. Lamps from Chersonesos in the State Historical Museum, Moscow. Studia archaeologica. 96. Roma, 1998.

22. Deneauve J. Lampes de Carthage. Paris, 1969.

23. Goldman H., Jones F. F. The Lamps // H. Goldman (Ed.). Excavations at Gözlü Kule, Tarsus. Princeton, 1950. Vol. I. P. 84–134.

24. Heres G. Die Römischen Bildlampen der Berliner Antiken-Sammlung. Berlin, 1972.

25. Karivieri A. The Athenian Lamp Industry in Late Antiquity. Helsinki, 1996.

26. Karivieri A. Athenian lamps in the Black Sea area // C.-A. Roman, N. Gudea (Eds.). Trade and Local Production of Lamps from the Prehistory until the Middle Age. Lychnological Acts 2. Acts of the 2nd International Congress on Ancient and Middle Age Lighting Devices (Zalău – Cluj-Napoca, 13th – 18th of May 2006). Cluj-Napoca, 2008. P. 155–160.

27. Kübler K. Zum Formwandel in der spätantiken attischen Tonplastik // JdI. 1952. Bd. 67. S. 99–145.

28. Leibundgut A. Die Römischen Lampen in der Schweiz. Bern, 1977.

29. Menzel H. Antike Lampen in Römisch-Germanischen Zentralmuseum zu Mainz. Mainz, 1954.

30. Perlzweig J. Lamps of the Roman Period. The Athenian Agora. Princeton, 1961. Vol. VII.

31. Thöne C. Die Griechischen und Römischen Tonlampen. Mainz am Rhein, 2004.

32. Williams H. Kenchreai. Eastern port of Corinth. Vol. V. The Lamps. Leiden, 1981.

33. Zhuravlev D. Late Scythian grave with a lamp from Belbek IV necropolis in the South-Western Crimea // D. Zhuravlev (Ed.). Fire, light and light equipment in the Graeco-Roman world. BAR International Series. 1019. Oxford, 2002. P. 75–80.

34. Žuravlev D. Lighting equipment of the Northern Pontic area in the Roman period: imports and local production // V. Gabrielsen, J. Lund (Eds.). The Black Sea in Antiquity: Regional and Interregional Economic Exchanges. Black Sea Studies. Aarhus University Press, 2007. Vol. 6. P. 209–237.

Annotation. *In the article the collection of Attic and Corinthian late Roman lamps is published, as well as a group of Bosporan imitations, represented Attic lamps with depiction of Athena.*

Keywords: lamps, iconography, Bosporan imitations.

УДК 94(3)

В. Г. Зубарев, С. В. Ярцев, С. Л. Смекалов

МАТЕРИАЛЫ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ВРЕМЕНИ ИЗ РАСКОПОК ГОРОДИЩА «БЕЛИНСКОЕ» В 2019 ГОДУ

MATERIAL OF LATE ANTIQUE AND EARLY MEDIEVAL TIME FROM THE EXCAVATION OF SETTLEMENT «BELINSKOYE» IN 2019

Аннотация. *В статье приводятся результаты новейших археологических раскопок на городище «Белинское» в Восточном Крыму. Авторы привлекают материал V–IX вв., включая находки двух могил, захоронения из которых были разрушены в салтовское время.*

Ключевые слова: *Боспорское царство, Белинское городище, салтово-маяцкая культура.*

Городище «Белинское» является не только крупнейшим памятником античной эпохи на полуострове, но и объектом, важным с точки зрения изучения истории Восточного Крыма позднеантичного и раннесредневекового времени. Дело в том, что городище пережило разгром второй половины III в. н. э. и продолжило своё существование в IV – первой половине V в. н. э. Однако культурного слоя между серединой V в. н. э. и IX в. на городище «Белинское» пока не выявлено. Нет пока и материала, выходящего за рамки середины V в. н. э., предшествующего салтовскому периоду. В то же время в ходе раскопок в северной и восточной частях городища, как правило, в слоях античного времени неоднократно встречены погребения преимущественно безынвентарные, которые ранее связывались либо с носителями салтовской археологической культуры, либо с финальным этапом в истории античного городища. Исследованные в 2019 г. остатки двух могил на квадрате № 25, в отличие от найденных ранее, вырыты на участке, который интенсивно использовался в хозяйственной деятельности в салтовский период. Основания ям под пифосы впущены в могильные углубления в скальном грунте. Таким образом, отнесение погребений к салтовскому времени исключается. С другой стороны, на заключительном этапе истории античного поселения (третий строительный период) на этом участке располагалась постройка (помещение № 60) и одновременные погребения внутри неё, на наш взгляд, маловероятны. Этими обстоятельствами и вызвано предварительное отнесение остатков могил

ко времени между античным и салтовским периодами в истории поселения.

Могила № 1 выявлена в западной части квадрата № 25 на расстоянии 0,8–1,0 м к северо-западу от фундамента стены № 169. Могильная яма была, по-видимому, впущена в слой жёлто-коричневого суглинка. Верхняя часть уничтожена в салтовский период. Сохранилось лишь основание, вырубленное в скальном грунте жёлтого ракушечника. Основание ямы трапециевидное в плане. Ориентация с северо-запада на юго-восток. Длина могилы – 2,1–2,2 м, ширина в северо-западной части – 0,5 м, в юго-восточной – 0,8 м. Углы ямы округлые, стенки и дно неровные, глубина – 0,4 м.

Могила № 2 выявлена в северной части квадрата № 25 на расстоянии 0,1–0,3 м к северу от фундамента стены № 169 и 1,1–1,8 м от могильной ямы № 1. Была впущена в слой жёлто-коричневого суглинка. Верхняя часть уничтожена в салтовский период. Сохранилось только основание, вырубленное в скальном грунте жёлтого ракушечника. Основание ямы трапециевидное в плане. Ориентация с северо-запада на юго-восток. Длина – 2,5 м. Ширина в северо-западной части – 0,7 м, в юго-восточной – 1,0 м. Углы ямы округлые, стенки и дно неровные, глубина – 0,4 м.

Обе могилы заполнены одинаковым грунтом жёлто-коричневого суглинка с примесью незначительного количества камней, аналогичного по структуре слою жёлто-коричневого суглинка на остальной площади квадратов.

В отдельных местах (вблизи ям под пифосы) прослеживаются включения тёмно-серой супеси, содержащие фрагменты керамики салтовского облика (фрагменты неорнаментированных стенок сероглиняных горшков). Грунт заполнения могил не связан с процессом погребения и попал в могилы уже после их ликвидации. В этой связи материал из него рассматривается как общий с окружающим могилы слоем жёлто-коричневого суглинка.

Находки из слоя жёлто-коричневого суглинка в заполнении могил № 1 и 2 представлены в основном фрагментами стенок различных глиняных сосудов (80 фрагментов, в том числе пять стенок сероглиняных горшков салтовского типа). Из профилированных частей, взятых на зарисовку, отмечены фрагмент ручки амфоры типа 84 по И. Б. Зеест (могила № 1) и фрагмент венчика лепного сосуда. Коллекционный материал включает в себя фрагмент изделия из белого ракушечника (алтарь?), игральную кость (могила № 2), морскую гальку (игральная фишка?).

Собственно помещение № 60, на площади которого и были обнаружены могилы, выявлено в ходе разбора каменного завала к северо-востоку от стены № 160 и сохранилось в виде кладок фундаментов стен № 167 и 168. Сохранились они фрагментарно и большей частью разрушены в результате активного использования участка в хозяйственных целях в салтовский период. Точные размеры помещения и его планировку установить пока не представляется возможным. Более или менее поддаётся реконструкции юго-западный участок, где можно предположить соединение стены № 167 со стеной № 165 и продление остатков фундамента стены № 168 в юго-западном направлении до соединения с фундаментом стены № 161. В этом случае можно говорить о едином здании, состоявшем как минимум из двух помещений (подобный тип построек на городище «Белинское» известен на раскопе «Северный»). Площадь исследованного в 2019 г. участка помещения № 60 внутри ограничивающих его стен составила 11,76 кв. м.

Стена № 167 ограничивает помещение № 60 с юго-запада. Направление стены: северо-запад – юго-восток. Кладка фундамента стены сохранилась на участке длиной 2,7 м. Максимальная высота кладки – 0,4–0,5 м. Сохранность – до двух рядов кладки. Ширина фундамента – 0,6 м. Кладка иррегулярная, трёхслойная, двухлицевая. Северо-восточный и юго-западные фасы сложены из необработанных известняковых камней. При этом нижний слой кладки представлен крупными необработанными камнями жёлтого ракушечника и белого из-

Городище «Белинское». Раскоп «Восточный». Квадрат № 25. Могила № 1

Городище «Белинское». Раскоп «Восточный». Квадрат № 25. Могила № 2

вестняка (0,4 × 0,3 × 0,15; 0,5 × 0,3 × 0,25), уложенные «логом». Кладочный раствор глинистый. Между фасами располагается слой забутовки с мелким бутовым известняковым камнем, перемешанным с суглинком. Камни подножия стены углублены в слой жёлто-коричневого суглинка мощностью 0,3 м.

Стена № 168. Ограничивает помещение № 60 с юго-востока. Небольшой участок кладки фундамента выявлен в слое тёмно-серой супеси на глубине 0,3–0,4 м от дневной поверхности. Направление стены: северо-восток – юго-запад. Кладка фундамента стены сохранилась на участке длиной 1,5 м. Максимальная высота кладки – 0,4 м. Сохранность – до двух рядов кладки. Ширина фундамента – 0,55 м. Кладка иррегулярная, однослойная, двухлицевая. Кладка состоит из необработанных камней жёлтого ракушечника и белого известняка (0,4 × 0,8 × 0,05; 0,45 × 0,56 × 0,1), уложенных «логом». Кладочный раствор глинистый. Камни подножия стены углублены в слой жёлто-коричневого суглинка мощностью 0,3 м.

Однозначного ответа о времени бытования помещения № 60 нет. Стратиграфическое положение остатков фундаментов стен № 167 и 168 (основание фундамента выше фундамента стены № 169 и впущено в слой жёлто-коричневого суглинка, перекрывающего остатки фундамента стены № 169) позволяет предварительно отнести эту постройку к третьему строительному периоду второй половины IV – первой половины V в. н. э. Находки из слоя жёлто-коричневого суглинка внутри помещения № 60 насчитывают 112 предметов. Большая часть из них представлена керамическим боем в виде стенок амфор, гончарной и лепной посуды. Профилированные фрагменты, взятые на зарисовку, включают в себя фрагмент венчика амфоры типа F по Д. Б. Шелову, фрагмент венчика боспорской амфоры неопределённого типа, фрагмент ручки и ножку амфоры типа Делакеу, фрагменты венчиков и ручек лепных сосудов.

При зачистке стены № 168 в слое жёлто-коричневого суглинка найдены фрагмент венчика амфоры типа 72 по И. Б. Зеест, фрагмент венчика краснолаковой миски и фрагмент ручки красноглиняного кувшина.

Коллекционный материал представлен железным гвоздём и игральной костью, найденными при зачистке материковой скалы в слое жёлто-коричневого суглинка с большой примесью золы.

Остеологический материал включает в себя 47 фрагментов костей домашних животных.

Слой внутри помещения № 60 существенно нарушен в ходе хозяйственной деятельности в салтовский период. По крайней мере, подготовка четырёх ям под пифосы привела к существенному его смещению. Заполнение, относящееся ко времени функционирования помещения, было полностью уничтожено или смешалось со слоем тёмно-серой супеси салтовского времени. Этот слой, перекрывавший все строительные остатки на квадрате № 25, лежал прямо на слое жёлто-коричневого суглинка, а в местах нахождения ям под пифосы смешивался с ним. Слой жёлто-коричневого суглинка в верхней своей части (в том числе и вблизи остатков фундаментов стен), скорее всего, является переотложенным в ходе рытья ям. Возможно, именно в промежутке между серединой V в. н. э. и IX в. здесь было осуществлено два погребения (могилы № 1–2), что также не способствовало сохранению культурного слоя предшествующего времени in situ. Таким образом, находки из слоя жёлто-коричневого суглинка не могут рассматриваться как материал, синхронный времени бытования (или времени разрушения) постройки. Они связаны с более ранним периодом, с периодом функционирования стены № 169, и учитывались в рамках статистического анализа именно в таком контексте.

Из археологических находок, соотносимых уже с раннесредневековым слоем тёмно-серой супеси (салтовского периода), можно отметить следующие объекты.

Помещение № 59. Кладка фундамента стены № 160, ограничивающей помещение № 59 с северо-востока (квадраты № 24–25), выявлена под дерновым покрытием в слое тёмно-серой супеси в 2015 г. на глубине 0,1–0,2 м от дневной поверхности. Она была пристроена к фундаменту стены № 165, поверх которого сделана надстройка с использованием кладки типа «ёлочка» (разобрана в 2015 г.). Такую же надстройку имел фундамент стены № 161 (разобрана в 2018 г.). Общность строительной технологии в отношении трёх стен, ограничивающих внутреннее пространство помещения № 59, позволяет рассматривать его как единое целое, несмотря на то что вновь пристроенная стена расположена под острым углом к фундаменту стены № 165.

Помещение № 59 сохранило прежнюю ориентацию по оси юго-запад – северо-восток, увеличившись в северо-восточном направлении. Площадь исследованного в 2019 г. участка внутри ограничивающих помещение стен составила 26,46 кв. м.

Стена № 160. Направление стены: север – юг. Северный участок примыкает к фундаменту стены № 165, частично перекрывая его. Южный участок стены разрушен. На его месте имеется мощный каменный завал. Кладка фундамента стены сохранилась на участке длиной 3,6 м. Максимальная высота кладки – 0,2–0,3 м. Сохранность – до одного ряда кладки. Ширина фундамента – 0,7–0,8 м. Кладка иррегулярная, однослойная, двухлицевая. Кладка сложена средневековым методом «ёлочка» из крупных необработанных камней жёлтого ракушечника и белого известняка (0,75 × 0,6 × 0,2; 0,65 × 0,4 × 0,25; 0,7 × 0,35 × 0,3). Кладочный раствор глинистый. Камни подножия стены лежат на мощном слое 0,5–0,6 м каменного завала, образованного вследствие разрушения стен более ранних помещений. Культурный слой (тёмно-серая супесь), с которым соотносится помещение № 59, на большей площади помещения выбран в 2015 г. В 2019 г. исследовался небольшой участок в северном углу помещения между стенами № 160 и № 166.

Материал из засыпи помещения № 59 (тёмно-серая супесь) типичен для салтовского времени. Большую его часть составляют фрагменты стенок амфор причерноморского типа и стенок салтовских сероглиняных горшков. Профилированные фрагменты глиняной посуды, взятые на зарисовку, представлены фрагментами ручек амфор причерноморского типа, носиком ойнохойи (салтовский период), девятью стенками салтовских сероглиняных горшков с однотипным орнаментом в виде параллельных линий и фрагментом венчика лепного сосуда с орнаментом в виде косых насечек по краю венчика. Из ранних примесей отметим ножку амфоры типа 3.15 по А. П. Абрамову (Менда).

Яма № 162. Ямное пятно было обнаружено при зачистке материковой скалы внутри периметра помещения № 57. Горловина ямы на уровне материковой скалы была плотно забита камнями в грунте тёмно-серой супеси. Диаметр ямного пятна – 0,5 м. Под каменным завалом – однородный жёлто-коричневый суглинок с большим количеством античного и средневекового материала. Яма вырублена в материковой скале жёлтого ракушечника. Она округлая в плане и колоколовидная в разрезе. В первоначальном варианте устье ямы имело каменную облицовку. На это, в частности, указывает вырубленный в скале уступ шириной 0,4–0,5 м и глубиной до 0,5 м. Диаметр горловины в верхней части устья составляет 1,3–1,4 м, в нижней – 0,7–0,8 м. В 2019 г. грунт заполнения ямы был выбран частично на глубину до 1,5 м от верхнего края устья.

Общее количество находок из грунта заполнения ямы № 162 в 2019 г. составило 248 предметов. Амфорный материал представлен фрагментами ручек амфор причерноморского типа, развалом амфоры причерноморского типа, фрагментами дна амфор причерноморского типа, фрагментами венчиков амфор типа Делакеу, фрагментами ручек амфор типа D/F по О. С. Ивановой, типа F и E по Д. Б. Шелову, фрагментом ручки амфоры типа 84 по И. Б. Зеест и фрагментом венчика амфоры коричневой глины неопределённого типа. Особо отметим раннюю «примесь» в виде ножки амфоры типа 3.29–3.30 по А. П. Абрамову (Гераклея). Фрагменты керамики салтовского облика включают в себя фрагменты венчиков сероглиня-

ных горшков, фрагменты стенок сероглиняных горшков с орнаментом в виде параллельных линий, фрагмент дна сероглинянного горшка, фрагменты венчиков ойнохойи, фрагменты стенок толстостенного сосуда (амфоры?) с орнаментом в виде параллельных линий.

Столовая посуда на гончарном круге представлена фрагментами профилированных частей коричневоглиняных и красноглиняных кувшинов. Лепная посуда включает в себя фрагменты венчиков, ручек и дна лепных сосудов. Изделия из стекла представлены донцем и фрагментом стенки сосуда с синим каплевидным включением. В коллекционную опись включены четыре предмета: кремнёвый скребок, гагатовая бусина, дипинти в виде пересекающихся линий красной краской на стенке амфоры и культовый тарапан.

Конструкция *ямы № 162* идентична типу ям второго строительного периода, часть из которых была исследована в 2017–2018 гг. на раскопе «Восточный», в непосредственной близости от ямы № 162. Две из ям сохранили крышку и были заполнены грунтом менее чем наполовину.

Вероятно, устье ямы № 162 подверглось разрушению в салтовский период, и тогда же яма была окончательно засыпана.

Ямы № 166, 164, 165, 167. Яма № 164 была обнаружена при выборке грунта заполнения из могилы № 1. Ямы № 165–167 – при выборке грунта заполнения могилы № 2. Все они представляют собой выдолбленные в скальном грунте жёлтого ракушечника углубления конусовидной или округлой формы.

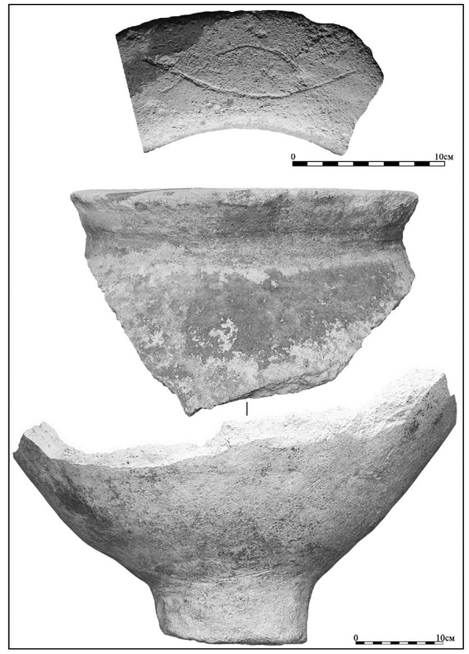
Яма № 166: диаметр в верхней части – 0,6 м, в нижней – 0,25м, глубина – 0,2 м. Яма № 164: диаметр в верхней части – 0,35 м, в нижней – 0,2 м, глубина – 0,2 м. Яма № 165: диаметр в верхней части – 0,35 м, в нижней – 0,2 м, глубина – 0,2 м. Яма № 167: диаметр в верхней части – 0,5 м, в нижней – 0,3 м, глубина – 0,2 м.

Все ямы представляют собой выдолбленные в скале углубления под основание пифоса. Большая часть пифоса была врыта в слой античного времени (жёлто-коричневый суглинок). Этот же слой заполнил ямы после того, как пифосы из них были изъяты. Лишь один пифос сохранил положение in situ своей нижней, вкопанной в грунт части. Верхняя часть, включая фрагменты венчика, была разбита и лежала в обломках в каменном завале. По форме венчика пифос относится к салтовскому времени (определение В. В. Майко). На верхней поверхности венчика имеется граффити в виде двух пересекающихся овальных линий (изображение рыбы?).

Находки из грунта заполнения нижней части пифоса (яма № 166) представлены ножкой амфоры типа F по Д. Б. Шелову, фрагментом венчика лепного сосуда, фрагментами стенок амфор и лепной посуды, фрагментами печины. Особо отметим коллекционные находки: фрагмент лепной статуэтки (голова барана) и крышку пифоса.

Из грунта заполнения ямы № 167 происходит фрагмент венчика пифоса и несколько незначительных фрагментов стенок амфор и лепной посуды. В грунте заполнения ям № 164 и 165 находки отсутствуют.

В заключение отметим, что, помимо интересного во всех смыслах участка городища, давшего нам богатый материал позднеантичного и раннесредневекового времени, находки указанной эпохи были выявлены здесь также и вне строительных остатков. Все они датируются салтовским периодом, IX – первой половиной X в. Основной материал, полученный в ходе выборки слоя тёмно-серой супеси, включает в себя 246 предметов, из которых 238 – фрагменты стенок керамических изделий. Прочие находки представлены фрагментом ручки амфоры причерноморского типа, фрагментами стенок сероглиняных горшков с орнаментом в виде параллельных линий. Лепная посуда включает в себя фрагмент ручки с насечками в виде перекрещивающихся линий и фрагментов венчиков.

Городище «Белинское». Раскоп «Восточный». Квадрат № 25. Помещение № 60. Венчик и дно пифоса. На верхней плоской стороне венчика расположено граффити в виде двух пересекающихся овальных линий (изображение рыбы?)

Городище «Белинское». Раскоп «Восточный». Квадрат № 25. Помещение № 60. Могилы № 1 и 2. Ямы № 166, 164, 165, 167

Annotation. *The article presents the results of the latest archaeological excavations at the settlement «Belinskoye» in the Eastern Crimea. The authors draw on material dated from 5th to 9th centuries, including the finds of two graves, the content of which were destroyed in the Saltov time.*

Keywords: *Bosporan Kingdom, Belinskoye settlement, Saltovo-Mayaki culture.*

УДК 902.01; 903.23; 903.57

М. Е. Клемешова

ОБ ОДНОЙ ГРУППЕ ЛЕПНОЙ КЕРАМИКИ ИЗ НЕКРОПОЛЯ ВОЛНА-1 НА ТАМАНИ

ABOUT ONE SET OF HAND-MADE POTTERY FROM VOLNA-1 NECROPOLIS FROM TAMAN

Аннотация. *В статье приведены результаты изучения одной из групп лепной керамики из некрополя Волна-1 на Таманском полуострове. Показано, что ряд сосудов, погребений и комплексов относится не к античному времени, а к эпохе поздней бронзы, локальному прикубанскому варианту срубной культурно-исторической общности.*

Ключевые слова: *срубная керамика, некрополь Волна-1.*

Некрополь Волна-1 в юго-западной части Таманского полуострова открыт и исследован в 2015–2019 гг. экспедициями ООО «Ирида» (руководитель И. В. Цокур) и Института археологии РАН (руководители: П. С. Успенский, Р. А. Мимоход). Лепная посуда входила в состав инвентаря 70 погребений и 29 выявленных при раскопах комплексов. В общей сложности обнаружено 124 лепных сосуда[1]. Основная их часть относится к античному времени. Однако при исследовании технологии изготовления и морфологии такой посуды из раскопок 2017–2019 гг. было установлено, что часть её принадлежит к эпохе поздней бронзы – керамическому комплексу локального прикубанского варианта срубной культурно-исторической общности [9; 10]. Крайняя фрагментарность исходного материала, а также то, что лепная керамика античного времени Азиатского Боспора представлены весьма слабо, при первичной её обработке авторами раскопок все сосуды были отнесены к античной эпохе. Кроме того, правильную их атрибуцию усложнял факт обнаружения некоторых из них в непосредственной близости от погребений с греческой круговой керамикой, в результате чего они отнесены к инвентарю этих захоронений.

Первые отличия выявлены в результате проведения анализа состава формовочных масс лепной посуды по методике, разработанной А. А. Бобринским [1; 2]. Исследования показали, что часть сосудов сделана из формовочной массы, отличающейся от использовавшейся для изготовления лепной керамики античного времени из некрополя Волна-1. Для данной группы керамики она составлена по рецепту «глина + шамот + органический раствор (предположительно, вымжка из навоза животных)». Для посуды же из погребений и комплексов VI–II вв. до н. э. характерно использование илистого сырья и формовочных масс из глины с дресвой (как правило, из кальцита), что соответствовало ранее полученным результатам исследования керамики ряда памятников Таманского полуострова [4, с. 268–269; 6, с. 314–315; 5; 3, с. 195–196].

Морфологические особенности реставрированных сосудов также позволили констатировать отсутствие сходства сосудов этой технологической группы с известными формами лепной посуды античного времени боспорских памятников. Полное соответствие им обнаружено в типах сосудов локального прикубанского варианта срубной культурно-исторической общности, выделенного И. А. Сорокиной [7, с. 138, рис. 4; 5, 1–3; 7, 3; 9, с. 16; 10, с. 281–283, рис. 3]. Относящиеся к нему памятники расположены в основном на правобережье Кубани, на западе в их ареал входит Тамань, где И. А. Сорокиной учтены два объекта этого времени [10, с. 279, рис. 1].

Выявленное сходство ряда сосудов из некрополя Волна-1 с формами керамики срубной культуры Прикубанья вызвало необходимость установить, что собой представляют погребения, из которых они происходят, и могут ли они относиться к срубной культурно-исторической общности (КИО).

Для погребений локального прикубанского варианта срубной КИО И. А. Сорокиной отмечены следующие особенности [9, с. 10, 14–15, 10, с. 280–282; 12, с. 173]:

1) впускные в невысокие курганы (0,3–2 м) погребения, расположенные, как правило, в верхних слоях насыпи; допускается использование естественных возвышенностей;

2) два типа ям – прямоугольных просторных и щелеподобных, признаки использования овальных;

3) отсутствие перекрытий, крайняя редкость подстилок, охры, костей животных, отсутствие мела;

4) общесрубная поза (сильноскорченная на левом боку, восточная ориентировка, руки перед грудью) с отклонениями в пределах нормы, но с большим количеством правобочных погребений;

5) резкое преобладание восточной ориентировки при меньшем проценте северо- и юго-восточной и при значительном – западной;

6) обряд положения в могилу «жаровен» (частей крупных сосудов);

7) своеобразный керамический комплекс;

8) сосуд перед лицом и грудью, реже – у затылка, встречается в 58 % случаев, в 19 % – по два и более;

9) крайняя редкость иного инвентаря, кроме керамики;

10) керамика имеет оранжевую, реже – бурую поверхность, в придонной части во многих случаях шершавую. У основной массы поверхность ровная, без следов заглаживания травой; основная примесь – шамот;

11) классические срубные остроребёрные сосуды практически отсутствуют.

Большая часть перечисленных признаков характерна для погребений некрополя Волна-1, содержащих указанную керамику. Она обнаружена в 15 погребениях (погребения 425, 449 западное, 472, 477, 547, 570, 576, 577, 604, 605, 654, 840, 885, 929, 953) и 12 отдельных комплексах – 229, 246, 279, 317, 333 (у погребения 533), 250, 341, комплекс у погребений 424, 338, 353, 455, 474), в которых находились 1–3 сосуда.

Для погребений с такой керамикой характерны следующие черты:

1) овальные, овально-трапециевидные или прямоугольные ямы;

2) скорченность погребённого (как правило, сильная);

3) восточная (девять случаев) или северо-восточная ориентация погребённого (три случая);

4) положение погребённого преимущественно на левом боку (семь случаев – в тех ситуациях, когда это можно было установить);

5) присутствие одного-двух сосудов (в комплексе 353 – три сосуда);

6) положение сосуда перед лицом погребённого (семь случаев); второй сосуд (при наличии) ставился перед грудью (два случая);

7) отсутствие какого-либо иного инвентаря;

8) керамика нелощёная, без орнамента;

[1] Благодарю Р. А. Мимохода и И. В. Цокур за предоставленную возможность работы с керамическими материалами и за разрешение упомянуть неопубликованные погребения и комплексы.

9) формовочная масса сосудов – «глина + шамот + выжимка из навоза животных» (в одном случае добавлена дресва из кальцита).

В общей сложности обнаружено 45 сосудов, относящихся к прикубанскому варианту срубной КИО. И. А. Сорокина выделяет пять присущих ему типов сосудов [8, с. 51–57, рис. 13; 9, с. 8–10; 10, с. 281, рис. 3], уточняя, что сосуды типа V – классическая срубная острорёберная форма – в Прикубанье практически отсутствует. Это явление наблюдается и в керамике некрополя Волна-1 – преобладающая часть сосудов относится к типам I–IV. Основные формы – горшки и миски с прямыми конусовидными или слабо выпуклыми стенками. Один из сосудов с формой тулова, аналогичной мискам типа I, является кружкой с отломанной, поставленной вертикально ручкой (погребение 840). «Жаровня» – фрагмент крупного горшка – обнаружена в одном случае (погребение 605). И. А. Сорокина отмечает отсутствие ручек у сосудов как характерную особенность керамического комплекса Прикубанья, крайнюю редкость орнамента на керамике, обязательность закраины у дна (у всех типов сосудов, лишь банки типа Iа иногда её не имеют) [10, с. 281]. Последнее также можно отметить в исследованной керамике.

Хронологические рамки существования памятников срубной культуры в Прикубанье их исследователи – И. А. Сорокина и Э. С. Шарафутдинова – описывают по-разному. Оба автора относят их появление ко времени не ранее рубежа XV–XIV вв. до н. э. [9, с. 21–22; 10, 283; 13, с. 79]. Период их бытования И. А. Сорокина рассматривает по XII в. до н. э. включительно (предсабатиновский и сабатиновский период) [9, с. 21–22; 10, с. 283; 12, с. 176], а Э. С. Шарафутдинова распространяет его также и на белозёрское время, т. е. с рубежа XV–XIV вв. до н. э по X в. до н. э., на основании выделения в Прикубанье нескольких комплексов белозёрского времени [13, с. 78–79; 14, с. 192–193]. По мнению И. А. Сорокиной, в связи с тем что такие находки пока единичны, вопрос о верхней дате срубных прикубанских погребений пока надо считать открытым [11, с. 54]. Это же положение подтверждено ею в монографии 2001 г. [12, с. 175].

Таким образом, датировать погребения и комплексы с керамикой локального прикубанского варианта срубной КИО из некрополя Волна-1 в настоящее время допустимо в достаточно широких пределах – с рубежа XV–XIV вв. по X в. до н. э., опираясь на мнения ведущих исследователей. Возможно, в будущем появятся какие-либо основания для уточнения времени появления этих объектов.

1. Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. Москва : Наука, 1978. 272 с.

2. Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). Самара : изд-во СамГПУ,1999. С. 5–109.

3. Камелина Г. А. Лепная керамика поселения Голубицкая 2 // XIX Боспорские чтения. Симферополь ; Керчь : Соло Рич, 2018. С. 192–198.

4. Клемешова М. Е. Результаты исследования лепной керамики поселения и некрополя Вестник-1 из раскопок 2010–2012 гг. (по данным технико-технологического анализа) // КСИА. 2017. Вып. 247. С. 249–264.

5. Клемешова М. Е. Смешанные составы формовочных масс лепной керамики как индикатор межкультурных контактов на юго-востоке Азиатского Боспора // Сборник тезисов конференции «Археологические источники и культурогенез. Греки и варварский мир Северного Причерноморья: культурные традиции в контактных зонах», Санкт-Петербург : в печати.

6. Клемешова М. Е., Ломтадзе Г. А. Некоторые особенности керамического комплекса конца II – I вв. до н.э. поселения Ахтанизовская-4 // Боспорский феномен. Материалы научной конференции. Ч. 2. Санкт-Петербург, 2018. С. 310–317.

7. Сорокина И. А. Погребения эпохи поздней бронзы в Нижнем Прикубанье // СА. 1985. Вып. 3. С. 136–151.

8. Сорокина И. А. Погребения эпохи поздней бронзы в Западном Предкавказье (к методике исследования) // Археологические открытия на новостройках. Вып. 1. Москва : Наука, 1986. С. 33–69.

9. Сорокина И. А. Памятники срубной культуры Западного Предкавказья (по данным погребального обряда) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва, 1987.

10. Сорокина И. А. О прикубанском варианте срубной культурно-исторической общности // Древности Ставрополья. Москва : Наука, 1989. С. 279–287.

11. Сорокина И. А. Поздний период бронзового века в Западном Предкавказье // Археология Адыгеи. Майкоп, 1995. С. 42–73.

12. Сорокина И. А. Курганные могильники Закубанья. Краснодар : Крайбибколлектор, 2001. 282 с.

13. Шарафутдинова Э. С. Новые данные о памятниках эпохи поздней бронзы и начала раннего железа на Кубани // Древние культуры Прикубанья. Ленинград : Наука, 1991. С. 70–91.

14. Шарафутдинова Э. С. Памятники конца эпохи поздней бронзы на Нижнем Дону и Степном Прикубанье // СА. 1991. Вып. 1. С. 184–196.

1. Bobrinsky A. A. Pottery-making of Eastern Europe. Sources and methods of study. Moscow : Science, 1978. 272 p.

2. Bobrinsky A. A. Pottery Technology as an Object of Historical and Cultural Study // Actual Problems of Study of Ancient Pottery-making (collective monography). Samara : Publishing House of Samara State University, 1999. P. 5–109.

3. Kamelina G. A. Hand-made Pottery of Golubitskaya 2 Settlement //XIX Bosporanian Readings. Simferopol ; Kerch : Solo Rich, 2018. P. 192–198.

4. Klemeshova M. E. Results of the Study of Hand-made Ceramics from 2010–2012 excavations at the Vestnik-1 Setlement and Necropolis // KSIA. 2017. 247. P. 249–264.

5. Klemeshova M. E. Mixed Compounds of Hand-made Pottery Pastes as an Indicator of Cross-cultural Contacts in the South-East of Asiatic Bosporus //The Digest of Thesis of the Conference «Archaeological Sources and Cultural Genesis. Greeks and Barbarian World of Northern Black Sea Coast: Cultural Traditions in Contact Zones». Saint Petersburg: in print.

6. Klemeshova M. E., Lomtadze G. A. Some Features of the Ceramic Complex of the late 2nd and 1st centuries BC from the Settlement of Akhtanizovskaya-4 // Bosporanian Phenomenon. The Materials of Scientific Conference. Part 2. Saint Petersburg, 2018. P. 310–317.

7. Sorokina I. A. Burials of Late Bronze Epoch in Low Kuban Region // SA. 1985. Issue 3. P. 136–151.

8. Sorokina I. A. Burials of Late Bronze Epoch in Western Precaucasian Region (to the methods of researching) //Archaeological Discoveries on the Territories of New Construction. Moscow : Science, 1986. Issue 1. P. 33–69.

9. Sorokina I. A. The Sites of Cut Down Culture of Western Precaucasian Region (according to funerary rite). Dissertation Abstract. M., 1987.

10. Sorokina I. A. About Kuban Region Variant of Cut Down Community // The Antiquities of Stavropol Region. Moscow : Science, 1989. P. 279–287.

11. Sorokina I. A. Late Period of Bronze Age in Western Precaucasian Region // Archaeology of Adygea. Maikop, 1995. P. 42–73.

12. Sorokina I. A. Barrow Necropolises of Trans-Kuban Region. Krasnodar : Kraybibcollector, 2001. 282 c.

13. Sharafutdinova E. S. New Data about the Sites of Late Bronze Epoch and of the Beginning of Early Iron Age in Kuban Region // Ancient Cultures of Kuban Region. Leningrad : Science,1991. P. 70–91.

14. Sharafutdinova E. S. Sites of the End of Late Bronze Epoch and of the Beginning of Early Iron Age in Low Don and Steppe Kuban Region // SA. 1991. Issue 1. P. 184–196.

Annotation. *The paper presents the results of researching of one set of hand-made pottery from Volna-1 necropolis from Taman peninsula. It is proved that a series of vessels, burials and complexes is dated not to antique period but to late bronze epoch, relates to local kuban variant of cut down cultural and historical community.*

Keywords: *cut down pottery, Volna-1 necropolis.*

УДК 9;902/904

Н. Л. Кучеревская, Ю. Л. Белик

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТАМГООБРАЗНЫХ ЗНАКОВ НА ПАМЯТНИКЕ ИЗ РАСКОПОК БИЕЛИ

TO THE INTERPRETATION OF TAMGA-LIKE SIGNS AT THE MONUMENT FROM THE EXCAVATION OF BIELI

Аннотация. *Статья вводит в научный оборот новый памятник с тамгообразными знаками из раскопок Биели, многократно использованный на протяжении всего существования поселения как в античный период, так и в средневековый. Предложена интерпретация знаков-тамг в контексте их бытования в среде местного населения.*

Ключевые слова: *тамга, знак, лапидарный памятник, Биели.*

В 2017 г. в результате археологических исследований поселения в зоне строительства железнодорожных подходов к мостовому переходу через Керченский пролив в фонды Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника поступил комплекс предметов, выявленных на территории объекта археологического наследия «Биели».

Раскопки произведены экспедицией научно-исследовательского отдела «Керченская крепость» под руководством Ю. Л. Белика.

Поселение Биели представляет собой сложный, многослойный памятник, существовавший с перерывами на протяжении тысячелетий. На всей площади раскопа зафиксированы отдельные кладки и целые сохранившиеся строения хазарского периода VIII–X вв. н. э. Традиционная для салтово-маяцкой культуры каменная кладка сопровождается керамическим материалом этого периода.

В XVI–XVIII вв. эти же сооружения, с небольшими изменениями, были приспособлены для нужд представителей другой культуры, в частности жителей поселения Биели. Наиболее поздний слой относится к жизнедеятельности крымскотатарского поселения.

Заимствование ряда традиционных приёмов и вторичное использование ранних элементов каменных конструкций – отличительная особенность строительной традиции населения Биели, а инновации в строительной технике задают необходимую динамику всех сфер деятельности человека внутри цивилизации.

После тщательного изучения полученных в результате раскопок материалов ряд выводов будет уточнён и скорректирован. На данном же этапе мы можем заключить, что в некоторых случаях постройки использовались полностью или частично как в хазарский период, так и в более поздний – в XV–XVIII вв., с учётом ряда изменений.

Камень (к. о. 689) найден в квадрате 25 по линии Е. В слое удалось обнаружить более 30 фрагментов стенок гончарных красноглиняных сосудов и несколько фрагментов стенок лепных сосудов. В нижележащем слое, наряду с керамикой более позднего времени, были выявлены фрагменты античной керамики (фрагменты амфорных ножек, стенки амфор).

Археологический комплекс поселения предоставил множество выполненных из местного известняка предметов хозяйственного назначения, а также ряд архитектурных деталей (13 предметов), два антропоморфных фрагментированных изваяния, навершие мусульманского надгробия в виде тюрбана и два каменных изделия (урна и плита с крестом).

Среди архитектурных деталей выявлен фрагмент архитравной балки прямоугольной формы, со слегка скруглённой (видимо, в результате вторичного использования) верхней гранью (инв. № КЛ-2819). Размеры сохранившегося фрагмента: высота – 40 см, длина – 58 см, толщина – 21–17 см.

Архитравная балка обколота снизу. Поверхность левой боковой грани обтёсана, верхняя плоскость обработана суммарно. Лицевая поверхность архитектурной детали сбита вместе с венчающей профилировкой и фасциями, сохранились остатки выступа верхней фасции высотой около 16 см. Правая угловая грань была профилирована, однако повреждённость поверхности не даёт возможности точного определения архитектурного облома, высота которого составляла 14,5–16 см. Переход от профилированной части к гладкой отвесной плоскости блока решён при помощи двух ремешков (высотой 1 см).

На оборотной поверхности архитрава, обработанной оттёской и зашлифованной, нанесены несколько тамгообразных знаков. В левой части, внизу, глубокими неровными линиями врезан триденс с горизонтальной перекладиной, заканчивающейся чуть загнутыми вниз гастами (рис. 1, *1*; рис. 2). Правее и выше его едва заметен знак Рескупорида III (рис. 1, *2*; рис. 2) в виде маленькой окружности с расходящимися от неё вверх и в стороны несимметричными наклонными гастами, левая загнута под углом вниз; правая изогнута посередине и в верхней части крючком изгибается вниз. Поверхность поверх тамги Рескупорида III тщательно оттёсана мелкой троянкой и зашлифована. В середине блока, над нижним сколом, – длинная горизонтальная черта, над ней глубоко врезанный знак в виде греческой *лямбды* с горизонтальной перекладиной или сколом в верхнем углу наклонных гаст.

В правой части поверхности со знаками угадываются две ровные горизонтальные линии – следы разметки нижних двух строк почти полностью уничтоженной древнегреческой надписи, от которой сохранились фрагменты двух букв нижней строки: правая наклонная гаста *хи* и *альфа,* вероятно, часть слова χαίρε. Эпитафия была выполнена тонкими, ровными, аккуратными линиями, с лёгким наклоном вправо. Начертание *хи,* наклонные гасты которой были близко поставлены, и особенно *альфы* – с прямой горизонтальной перекладиной и выступающим над верхним углом навершием гасты дают основание для приблизительной датировки надписи концом I – началом II в. н. э. [2, с. 10, табл. III, *5*].

Поверх остатков этой ранней надписи неровными грубыми насечками высечены греческие буквы, среди которых читаются *йота* с крупными прямыми апексами (?) или *тау* (?), *эта, омикрон* (?), вероятно нанесённые в II в. н. э. [2, с. 11, табл. IV, *1*].

На верхней грани каменного блока, среди оставленных камнерезным инструментом насечек, заметны знаки в виде окружности с расходящимися в стороны и вверх двумя скруглёнными ответвлениями – слева (рис. 1, *3*; рис. 2) и ретроградной *ню* – справа (рис. 1, *4*; рис. 2).

Таким образом, группа лапидарных памятников со скоплениями тамгообразных знаков пополнилась ещё одним экземпляром, побывавшим в использовании как минимум четыре раза. Вероятно, первоначально блок из известняка служил архитравной балкой античной постройки, в конце I – начале II в. н. э. он использовался в качестве надгробия, при

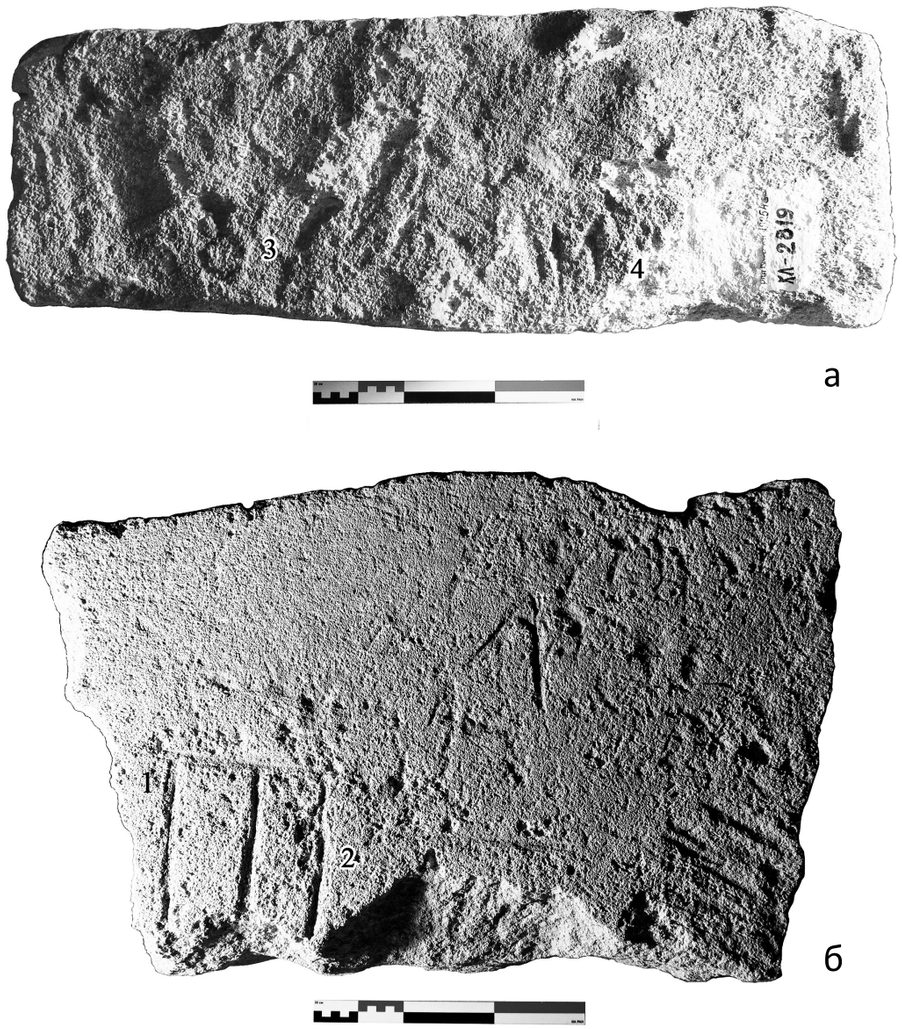

Рис. 1. Фото лицевой стороны (а) и верхней грани (б) с тамгами

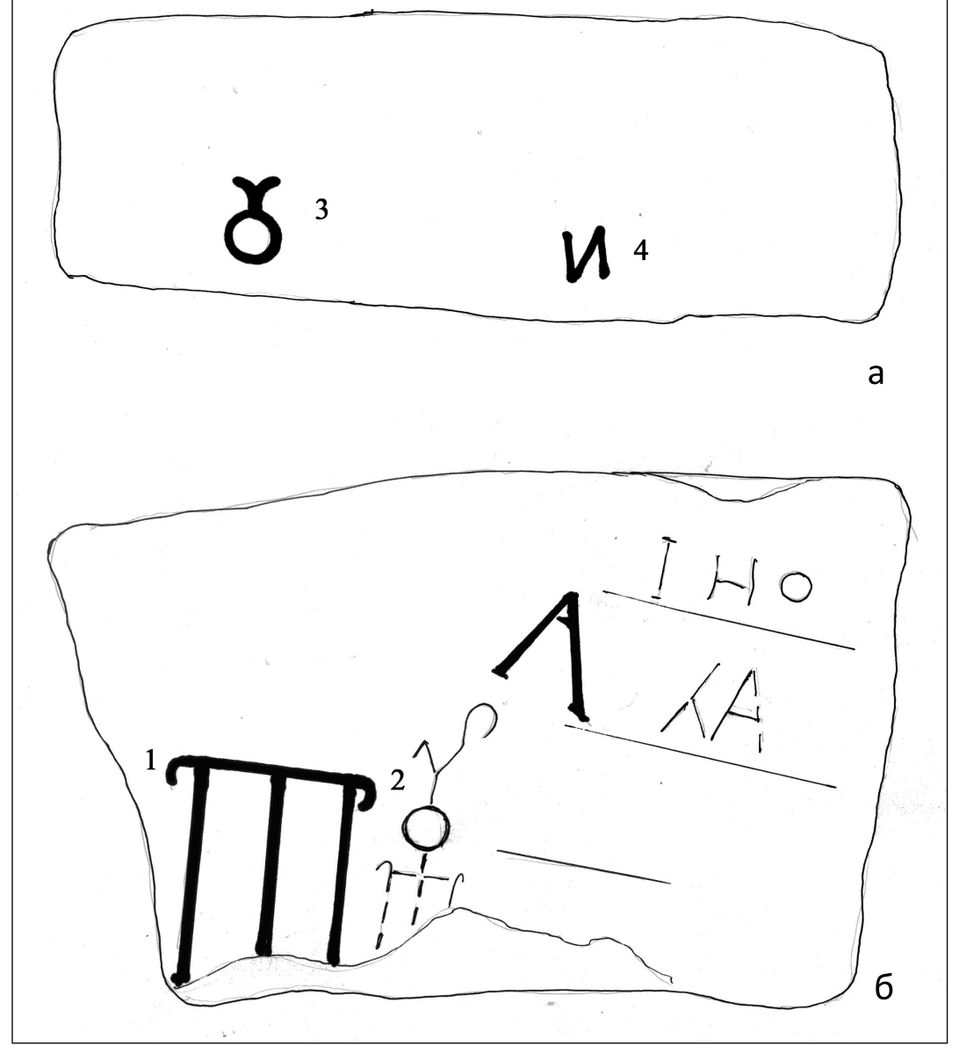

Рис. 2. Прорисовка знаков на лицевой стороне (а) и верхней грани (б)

этом архитектурный облом был стёсан. В II в. н. э. поверх этой ранней надписи вырезана поздняя, крайне небрежно. Во втором десятилетии – первой четверти III в. н. э. на плиту нанесены первые знаки-тамги, которые впоследствии были дополнены в результате бытования памятника.

Точным основанием для определения даты символов служит царский знак Рескупорида III (210–222), часто встречающийся на лапидарных памятниках. Самая близкая аналогия ему – тамга на плите со скоплением знаков (инв. № КЛ-1144) [12, с. 64, № 17; 7, с. 158, № 25]. Знак Рескупорида III имеется также на надгробии Филарсена, сына Феодора (инв. № КЛ-1142) из некрополя Мирмекия, датированном первой половиной I в. н. э. [8, с. 209, № 1; 12, с. 56, № 9; 5, № 529; 6, № 529; 7, с. 150, № 9]; на стеле Папа, сына Деметрия, с надписью фиаса конца I – начала II в. н. э. (инв. № КЛ-1147) [12, с. 54–55, № 7; 5, № 82; 6, № 82; 13, с. 53; 7, с. 150–151, № 10]; на фрагменте плиты из раскопок В. Г. Зубарева поселения Белинское в 2001 г. (инв. № КЛ-2133) [11, с. 77; 7, с. 151–152, № 12], на боковой грани обломка стелы с остатками изображения женщины на троне (инв. № КЛ-1289) [12, с. 55, № 8; 7, с. 151, № 11], на верхней грани плиты с многочисленными сарматскими знаками (инв. № КЛ-1150) [12, с. 104–105, № 48; 7, с. 160, № 27] и на одной из поверхностей антропоморфного изваяния (инв. № КЛ-869), найденного на Глинище, со слов продавшего его в Керченский музей в 1914 г. Л. Ф. Деминенко [4, с. 245, рис. 8, 9; 12, с. 69, № 21; 3, с. 102, табл. XXXI, рис. 7; 7, с. 162, № 28; 10, с. 37, № 10].

Знак в виде перевёрнутого трезубца с загнутыми вниз отрогами – триденс – также довольно распространён на памятниках лапидарной коллекции ВКИКМЗ. Как правило, триденс является составной, нижней частью царских знаков Риметалка (131–153), Тиберия Юлия Евпатора (154–174?), Савромата II (174/175–210), Рескупорида III (210–222), относимых С. А. Яценко ко второму пе-

риоду существования тамг царей Боспора [13, с. 45–46]. Триденс без индивидуально изменяемого навершия на Боспоре встречен впервые.

Знак в верхней части плиты, правее середины, может быть и греческой буквой *лямбда,* и тамгообразным знаком, зафиксированным на керченской «писаной» плите (инв. № КЛ-1150) [12, с. 104–105, № 48; 13, с. 143, 159, рис. 9; 7, с. 160–161, № 27], и на фасе плиты, известной как «энциклопедия сарматских знаков» (инв. № КЛ-715) [1, с. 57; 12, с. 103, № 48; 3, с. 105–108, табл. XXXII–XXXVI; 7, с. 160–161].

Знак в виде окружности с верхними ответвлениями, вырезанный на верхней грани архитектурной детали из поселения Биели, имеет сходство со знаком на шипе стелы со сценой прощания (инв. № КЛ-208) [9, с. 92–93, 101, рис. 21; 7, с. 152–153, № 14]. Ретроградная *ню* зафиксирована на плите с изображением двух тамгообразных знаков (инв. № КЛ-2389) из раскопок В. Г. Зубарева в 2006 г. на поселении Белинское [7, с. 162, № 29].

Знаки, нанесённые на поверхности каменного блока, многократно использованного при строительстве, в некрополе и сакральном месте (о чём свидетельствует скопление тамг), – результат длительного бытования памятника и применения в неких ритуальных действиях в позднеантичный период и, возможно, средневековый.

Археологические данные, в частности нумизматика, свидетельствуют о довольно мирной сменяемости населения Биели, основным занятием которого на всём протяжении существования поселения была торговля. Полиэтничный состав его жителей, восприимчивость к заимствованию иных традиций и вероятное отсутствие строгих религиозных догм породили своеобразный тип синкретичной культуры. Очевидно, жители Биели в разные исторические периоды вкладывали в тамгообразные знаки на каменной плите свой смысл и соотносили их с собственными обычаями и верованиями (суевериями). Использование тамг в среде тюркоязычных народов в качестве оберегов и знаков родовой и племенной принадлежности обусловило длительное сохранение знаков позднеантичного периода и, возможно, использование их в ритуальной практике местного населения.

1. Бобринский А. А. Производство археологических раскопок в Керчи и окрестностях ея // ОАК за 1891 г. Санкт-Петербург, 1893. С. 22–68.

2. Болтунова А. И., Книпович Т. Н. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // Нумизматика и эпиграфика. Т. 3. Москва, 1962. С. 3–31.

3. Драчук В. С. Системы знаков Северного Причерноморья (тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры). Киев, 1975. 175 с.

4. Иванова А. П. Боспорские антропоморфные надгробия // СА. 1950. Вып. 13. С. 239–254.

5. Корпус боспорских надписей. Москва ; Ленинград, 1965. 950 с.

6. Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций. Санкт-Петербург, 2004. 431 с.

7. Кучеревская Н. Л. Памятники с тамгообразными знаками из коллекции керченского лапидария: каталог // Научный сборник Керченского заповедника. III. Симферополь, 2011. С. 145–166.

8. Марти Ю. Ю. Неопубликованные археологические памятники Керченского историко-археологического музея им. А. С. Пушкина // ВДИ. 1941. № 1. С. 198–212.

9. Матковская Т. А. Образ боспорянки (по материалам Керченского лапидария) // БИ. Вып. 2. Симферополь, 2002. С. 89–102.

10. Молева Н. В., Кучеревская Н. Л. Антропоморфные изваяния из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Лапидарная коллекция. Т. 5. Керчь, 2016. 252 с.

11. Сапрыкин С. Ю., Масленников А. А. Граффити и дипинти хоры античного Боспора. Симферополь ; Керчь, 2007. 319 с.

12. Соломоник Е. И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959. 300 с.

13. Яценко С. А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. Москва, 2001. 189 с.

1. Bobrinsky A. A. The Production of Archaeological Excavations in Kerch and its Environs // UAC for 1891. St.-Petersburg, 1893. P. 22–68.

2. Boltunova A. I., Knipovich T. N. Essay on the History of Greek lapidary Writing on the Bosporus // Numismatics and Epigraphy. T. III. M., 1962. P. 3–31.

3. Drachuk V. S. Sign Systems of the Northern Black Sea Region (tamga-like signs of the North Pontic Periphery of the Ancient World of the first Centuries AD). Kiev, 1975. 175 P.

4. Ivanova A. P. Bosporus Anthropomorphic Tombstones // SA. 1950. Vol. XIII. P. 239–254.

5. The Corpus of the Bosporus Inscriptions. M. ; L., 1965. 950 P.

6. Corpus of the Bosporus Inscriptions. Album of Illustrations. SPb., 2004. 431 P.

7. Kucherevskaya N. L. Monuments with tamga-like Signs from the Collection of the Kerch Lapidary // Scientific Compilation of the Kerch Reserve. III. Simferopol, 2011. P. 145–166.

8. Marty Yu. Yu. Unpublished archaeological Sites of the Kerch Historical and Archaeological Museum named after A. S. Pushkin // MAH. 1941. No 1. P. 198–212.

9. Matkovskaya T. A. The Image of the Bospian Woman (based on Materials from the Kerch Lapidary) // BR. II. Simferopol, 2002. P. 89–102.

10. Moleva N. V., Kucherevskaya N. L. Anthropomorphic Statues from the Collection of the East Crimean historical and cultural Museum-Reserve. Lapidary Collection. V. Kerch, 2016. 252 P.

11. Saprykin S. Yu., Maslennikov A. A. Graffiti and Dipinty of the Choir of the ancient Bosporus. Simferopol–Kerch, 2007. 319 P.

12. Solomonik E. I. Sarmatian Signs of the Northern Black Sea Region. Kiev, 1959. 300 P.

13. Yatsenko S. A. Signs-Tamgas of the Iranian-speaking Peoples of Antiquity and the early Middle Ages. M., 2001. 189 P.

Annotation. *The article introduced into scientific circulation the new monument with tamga-like sings from the excavation of Bieli, which was repeatedly used throughout the existence of the settlement in antiquity and medieval periods. An interpretation of the tamgs in the context of their existence amond the population of the settlement is proposed.*

Keywords: *tamga, sign, lapidary monument, Bieli.*

УДК 721

И. З. Лозинский, Е. Г. Литвиненко

КЕРЧЬ – ДВУХЪЯРУСНЫЙ ГОРОД

KERCH – DOUBLE-TIER CITY

Аннотация. *В статье рассматривается потенциал горы Митридат в Керчи как места создания музейно-исследовательского кластера и двухуровневого города: с музеефикацией археологических раскопок и античных склепов как нижнего яруса с последующей регенерацией исторических кварталов над ними, на верхнем уровне.*

Ключевые слова: *Керчь, Пантикапей, музейно-археологический комплекс, музеефикация раскопок, регенерация среды.*

Об особом статусе города Керчи в градостроительном отношении свидетельствует отдельная глава в «Строительном уставе 1857 г.», издававшемся в Санкт-Петербурге. Она посвящена строительным комитетам в Одессе, Таганроге и Керчи [1].

Хорошей иллюстрацией могут стать строки из книги В. А. Шкварикова «Планировка городов России XVIII и начала XIX века», посвящённые городу Керчи: «Пространственная ось, соединяющая вершину горы Митридат и бесконечную поверхность моря, определила архитектурно-планировочную организацию ансамбля центра города, где пространственный ритм лестницы, подводящей к мавзолею, построен на числовом и геометрическом расчёте восприятия композиции в движении и по времени. <...> В этих примерах воплотились лучшие черты градостроительных замыслов выдающихся архитекторов России, с их глубоким чувством ансамбля» [2, с. 226, 228]. И хотя первоначальный план 1821 г. не предполагал застройку горы Митридат, он заложил фундаментальные основы развития города, «сохранившего в своей архитектуре и планировке черты позднего русского классицизма» [2, с. 216].

Если сегодня рассматривать пространство вокруг Митридатской лестницы, то мы увидим, что начиная с нижнего марша и до самого верха (Обелиска и зоны нынешних раскопок) сохранились в более-менее узнаваемом историческом виде лишь три дома (ул. 23 Мая 1919 года, 131; 1-й Митридатский пер., 36; ул. Рыбакова, 5). Остальные здания не имеют ничего общего с дореволюционной застройкой, изуродованной до неузнаваемости не столько войной, сколько нерадивыми начальниками, а в последнее время собственниками, которые возводят свои строения не только без какой-либо согласованной документации, но, скорее всего, и без какого бы то ни было проекта. И это происходит на территории, которая изначально застраивалась целыми улицами, чтобы сохранить архитектурную гармонию города и целостность восприятия. В пояснительной записке к историческому опорному плану центральной части Керчи 1979 г. И. И. Кроленко отмечает: «Её [застройки Керчи] наиболее заметной чертой является чувство ансамбля, объединяющее разнообразные по масштабу и функции сооружения в единый целостный организм. Характерным проявлением такого градостроительного подхода является организация фронта жилой застройки улиц в виде серии правильно чередующихся фасадов домов и оград с воротами, выполненных, несомненно, по одному образцовому проекту. Архитектура фасадов отличается тонкостью профилировок и пристрастием к ионическому ордеру, иногда в сочетании с рустом; в некоторых случаях бросается в глаза архаичность стиля, напоминающая образцы ещё второй пол. XVIII в. Особое обаяние застройке придаёт местный строительный материал – керченский известняк, в обращении с которым мастера достигают высокого совершенства» [3]. При этом, надо отметить, что все хозяйственные постройки, как правило, пристраивались к каменным стенам, ограничивающим владения, и имели односкатные черепичные крыши, благодаря чему их не было практически видно с улицы. Сами стены оформлялись профилями и карнизами, что делало их частью единого стилистического решения. Получалась довольно живописная структура, остатки которой читаются и сейчас, если присмотреться к изрядно руинированным домам. Поскольку наделы периметрально обносились стенами, часть из которых шла поперёк склона, то можно было увидеть ступенчатые спуски каменных ограждений с достаточно крупным шагом – по 3–4 м в длину. Перепад ступеней обуславливался крутизной склона. Такие крупные и простые элементы воспринимались довольно своеобразно, контрастируя с детализированными фасадами домов и ворот. Чем-то это напоминало сочетание крепостных стен и построек внутри них, где контраст между грубой кладкой с простыми членениями и тонко проработанной пластикой гражданских объектов создавал особую игру масштабов. Некоторые владения соединялись между собой, и, поскольку они были расположены на существенном уклоне, то появлялись террасы, пандусы, ступени и подпорные стены, которые придавали кварталам живописный вид и роднили их с греческими и итальянскими собратьями небольших приморских городов.

Вся эта застройка практически утрачена на сегодняшний день и лишь угадывается в снимках с высоты птичьего полёта и очертаниях некоторых фрагментов каменных стен. Особенно досадно, что здесь же, на руинах истории, стали появляться, причём уже в новейшее время, нелепые объёмы, совершенно не вписывающиеся в исторический контекст центра и особенно уродливо «торчащие» на фоне Митридатской лестницы, которая к лету 2020 г. совершенно преобразилась. Чуть севернее лестницы городская ткань сохранилась лучше, но тоже выглядит по-разному: в основном это частные одно-двухэтажные строения. Некоторые представляют собой довольно живописные объекты с аутентичными, немного руинированными стенами владений и въездными воротами. В других с трудом узнаются очертания старинных домов. Часто обросшие массой пристроек и гаражей, они скорее похожи на спонтанные дачные постройки. А где-то очевидна полная замена старого дома на абсолютно новое «самобытное творение». И уже совсем редко можно увидеть исторические здания в относительно хорошем состоянии, и они, как правило, принадлежат организациям. Всю застройку, кроме разве что самовольно возведённых зданий, объединяют общая ветхость, угрожающие трещины от фундаментов до карнизов, отсутствие центральной канализации, благодаря чему на улицах то там, то тут чувствуется специфический запах.

Очевидно, что в этих обстоятельствах необходим полный аудит всего жилого фонда на предмет износа несущей способности конструкций и инженерных сетей. И очевидно, в какой-то момент будет необходимо признать, что

его значительная часть является аварийной и без глубокой реконструкции или полной перестройки не может считаться пригодной для жилья.

Осознание этого факта как данности в конце концов приведет к принятию непростых решений в отношении судьбы всей селитебной зоны на горе Митридат.

Фактическая смена статуса города и огромный потенциал для его развития как культурного центра подразумевают его неминуемый рост населения. В этих условиях важно предотвратить хаотичный характер неконтролируемой застройки горы, грозящий превратить её в нагромождение нелепых объёмов, не обеспеченных к тому же необходимыми инженерными мощностями. Это обозначает только одно – освоение всей этой территории должно решаться в рамках единой концепции с упором на регенерацию среды как уникального градостроительного явления. Если сегодня не отследить эту ситуацию, то завтра панорама Митридата станет самой яркой иллюстрацией неэффективности как региональных, так и муниципальных властей.

Скорее всего, мы вышли на понятие музеефикации самой городской среды, которая должна быть тщательно восстановлена и приспособлена к нуждам города и его жителей. Планировочная структура такого музея под открытым небом должна развиваться по мере развития города: постепенно, планово и в увязке с тем, как быстро могут решаться смежные задачи – в основном юридического и изыскательского характера. Должны быть приняты определённые правила застройки в историческом городе, подтверждённые охранными зонами, в границах которых проводится либо реставрация и воссоздание, либо глубоко продуманная реконструкция. Необходимо проявить высокий уровень компетентности, чтобы целенаправленная работа по регенерации исторической среды не превратилась в формальную отчётность, за которой не стоят реальные действия.

С другой стороны, важным, если не главным, фактором исследований в городе, насчитывающем более 26 веков своей истории, является работа археологов. Скрытые в земле остатки древностей могут сильно изменить наши представления о соотношении ценности подземного и наземного уровней. Но важно отдавать себе отчёт, что все изыскательские работы должны предприниматься в увязке с существующим контекстом застройки, и надо подходить к этому вопросу очень аккуратно.

Известно, что согласно Федеральному закону № 73, статья 36, пункт 3 [4], любое новое строительство (в том числе восстановление утраченных зданий) в непосредственной близости с ОКН должно начинаться со спасательной археологии. Если исходить из того, что задачи борьбы с незаконным самостроем, а также проблемы ветхого и аварийного жилья так или иначе будут решены, то при всей сложности процесса с юридической точки зрения эти мероприятия превращаются в дополнительную возможность, практически в уникальный шанс для расширения археологических исследований. Раскопки в этих местах становятся доступными, что особенно важно на восточном и юго-восточном склонах горы, поскольку эта сторона Митридата формирует панораму с моря и ключевые архитектурные картины из центральной и прибрежной частей города. По предположению руководителя Боспорской археологической экспедиции В. П. Толстикова, проводящего раскопки городища Пантикапей вот уже более 50 лет, остатки древних строений могут залегать на глубине 4–6–8–10 м от уровня существующих высотных отметок. Но ещё более примечателен тот факт, что характер и датировка находок на восточном и юго-восточном склонах совершенно непредсказуемы – могут быть открыты как подпорные стены античных террас, так и фундаменты крепостей более позднего периода, а возможно, и основания древних кварталов.

Ещё до войны, в середине 1930-х гг., были открыты фундаменты оборонительных стен акрополя Пантикапея. Раскопки проводил Юлий Юльевич Марти. И сейчас на южном склоне можно увидеть блоки внушительных размеров, что, скорее всего, говорит в пользу наличия остатков строений и артефактов на восточном склоне. Таким образом, возникает вопрос приоритетов, и мы оказываемся перед выбором, что предпочесть – никем ещё не виданные археологические артефакты юго-восточного и восточного склонов горы Митридат, хранящие, возможно, тайны тысячелетий, или восстановление аутентичной городской ткани, скажем, на период до 1918 г., когда было сделано довольно много фотографий, в том числе и немецкая аэрофотосъёмка (рис. 1).

Разрабатывая проект реконструкции города Керчи, мы также ломали голову над этой дилеммой. С одной стороны, глупо не использовать ситуацию полного хаоса растерзанной застройки и не исследовать то, что всё равно необходимо расчищать то ли от ветхости, то ли от самостроя. А с другой стороны, даже если предположить, что археологи найдут нечто действительно выдающееся, то насколько презентабельно будут выглядеть раскрытые фундаменты строений и крепостных стен. Так или иначе возникнет вопрос их укрытия и обустройства. В таком случае будет необходимо застроить навесами от осадков главную доминанту города, к тому же на важной градостроительной оси, что будет создавать ощущение хаоса и незаконченной стройки по соседству с вновь отреставрированной Митридатской лестницей.

Возникшая в процессе подобных размышлений идея создания двухъярусного города послужила универсальным ключом к решению сразу нескольких задач:

- воссоздание утраченной дореволюционной застройки;
- исследование склона на предмет археологии;
- создание единого музейного комплекса на горе Митридат, куда будут включены как обнаруженные строения древности и артефакты, так и расширенная экспозиция из музейных фондов и запасников.

Своеобразным толчком к этому стала почти никем не оспариваемая необходимость воссоздания разрушенного после войны Музея древностей, являющегося почти точной копией храма Гефеста под Афинским Акрополем. Действительно, воссоздавая музей на свободных

Рис. 1. Немецкая аэрофотосъёмка 1918 г.

территориях юго-западного склона, мы видим проблему острой нехватки площадей для Восточно-Крымского музея-заповедника, испытывающего огромный дефицит хранилищ, лабораторий и экспозиционных площадей под ежегодно накапливающиеся экспонаты. Дополнительный объём Гефестиона сам по себе эту проблему не решает, поскольку площадей будет всё равно недостаточно. Концепция же двухъярусного города позволит музею развиваться и расширяться, включая в себя освоение новых участков. Это и есть идея параллельного развития сразу двух пространств: наземного и подземного. Нижний ярус – экспозиционные площади, где, вполне вероятно, могут быть обнаружены объекты археологии, а верхний – вновь воссозданная застройка периода XIX – начала XX в. (рис. 2).

Однако важно отметить, что двухъярусный город на восточном и юго-восточном склонах горы Митридат может стать естественным продолжением уже по факту существующего двухуровневого города, нижним уровнем которого служит система склепов на северном склоне, датируемых I–VI вв. н. э., соединённых между собой в единую систему грабительскими лазами и с XIX в. находящихся под «верхним ярусом» – частной жилой застройкой (рис. 3).

В газете «Утро России» от 29 апреля 1910 г. имеется следующая заметка: «Керченский домовладелец М. Н. Франгопуло, живущий на одной из средних улиц по горе Митридат, производя закладку фундамента нового дома, открыл каменную дверь в какой-то погреб. Дверь представляла собой плиту со стёршейся от времени головой льва, держащего в пасти железное заржавевшее кольцо. Когда плита была поднята, под нею открылась лестница, состоящая из 30–40 каменных ступеней, ведущих в квадратный цементированный склеп, в котором найдены плиты с греческими надписями, мраморная статуя Деметры в натуральную величину, несколько серебряных, бронзовых и одна золотая ваза, ваза из глины, наполненная золотыми и серебряными монетами времён Митридата. Всё найденное Франгопуло предполагает преподнести в дар московскому Историческому музею, склеп же хочет использовать для своих хозяйственных надобностей, так как он и до сей поры очень прочен и удобен» [5].

На данный момент для посетителей доступна только Технологическая модель одного из 3000 выявленных склепов – Склепа Деметры. Тем не менее может быть вновь открыта и музеефицирована часть некрополя in situ. Некоторые склепы (Сорака, Кулаковского, «Сабазиастов», «Двойной» и др.) сохранили росписи – геометрические узоры и фигурные изображения, которые также представляют больший интерес для

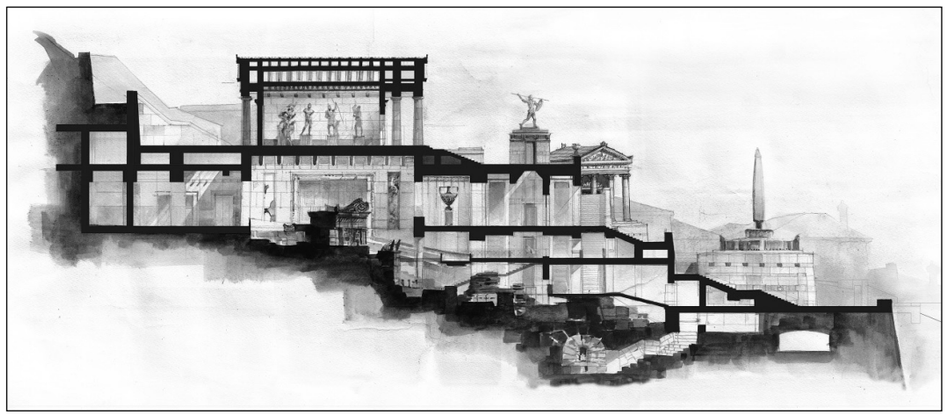

Рис. 2. Проект музейного комплекса на горе Митридат. Разрез по Музею древностей. Нижний ярус – экспонирование археологических раскопок, верхний – регенерация исторических кварталов

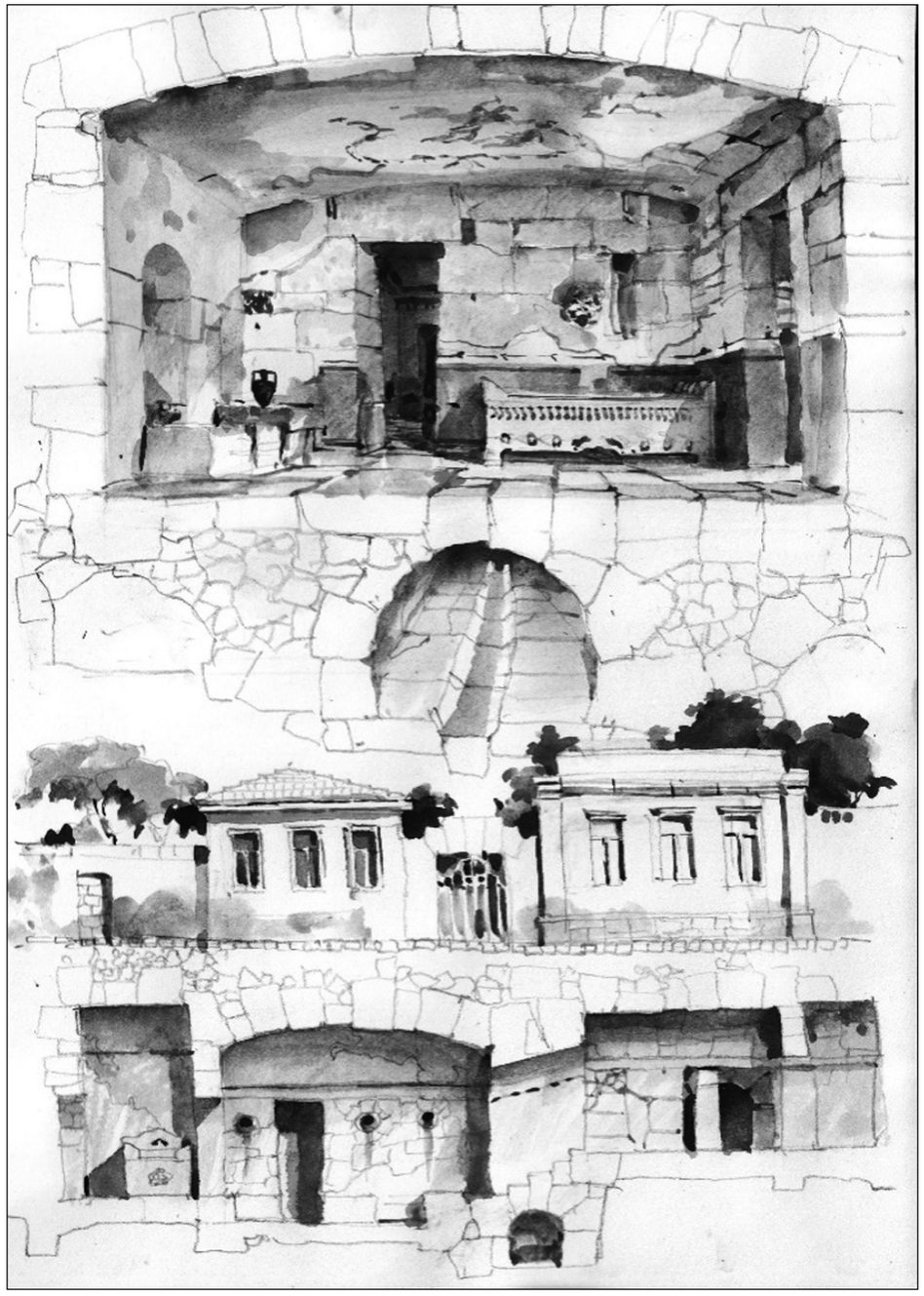

Рис. 3. Существующий двухъярусный город – система склепов под жилой застройкой на северном склоне горы Митридат

экспонирования. П. А. Дюбрюкс лично показывал в 1817–1818 гг. великому князю Михаилу Павловичу и императору Александру I открытые им на Митридате склепы.

Интересно, что в интернете до сих пор можно обнаружить предложения об экскурсиях по подземному некрополю, но такие путешествия подразумевают хорошую физическую подготовку и известную отвагу.

В 2014 г. Н. Ф. Федосеев и А. П. Пигин провели работу по совмещению всех сохранившихся планов с указанием расположения расписных склепов, а также по их привязке к местности картографическими методами [6]. Были сопоставлены планы Ю. А. Кулаковского (1896 г.), М. И. Ростовцева (1913 г.), Ю. Ю. Марти, план городского землемера (1930-е гг.) и современные спутниковые снимки. Данный материал служит основанием для разработки архитектурной концепции музеефикации системы античных склепов, которые должны стать частью объёмного и многопланового музейно-археологического комплекса на горе Митридат (рис. 4, 5, 6).

Всё это позволяет надеяться на успех дальнейших археологических изысканий на свободных участках горы. Если же вернуться к исследованиям юго-восточного склона горы Митридат, то они могут стать дополнительным основанием для воссоздания Музея древностей как одного из самых ярких музейных зданий Керчи, сама архитектура которого была как будто призвана восполнить утраты античного периода. По нашему предложению, смежные с воссозданным музеем пространства, включая потенциальные находки, предполагается перекрыть в тех же отметках, что и существующие естественные террасы. В образовавшихся полуподземных объёмах, фасадом для которых служат наклонные подпорные стены, должны быть созданы музейные пространства, важной частью экспозиции в которых и станут раскрытые объекты археологии. Ближе к Митридатской лестнице такие помещения превращаются в своеобразный подиум, создающий многоуровневую основу для воссоздания на ней утраченной застройки XIX в. Над раскрытой и углублённой раскопками территорией с фундаментами и древними кладками появится объёмная искусственная скорлупа, дополняемая наружными лестницами, подпорными

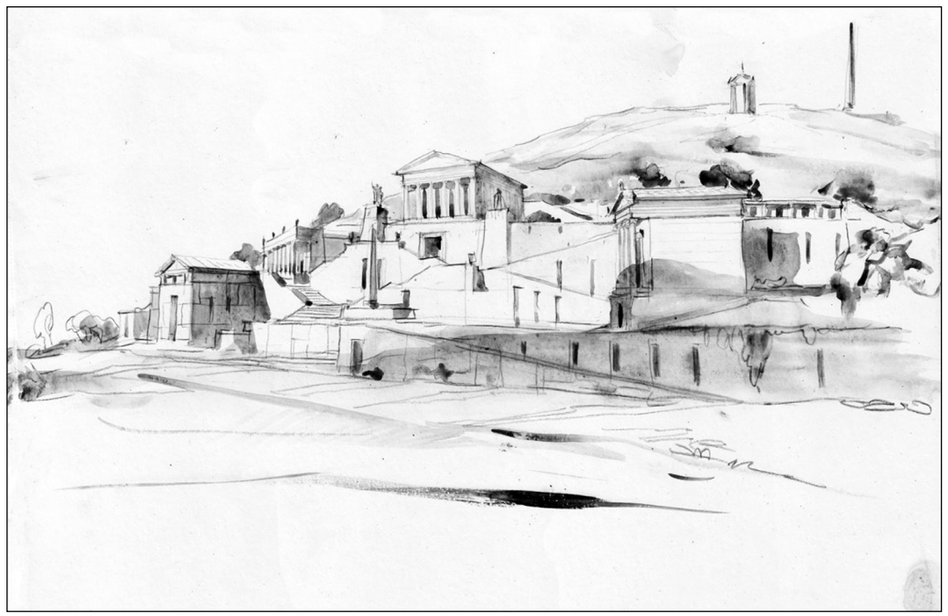

Рис. 4. Проект музейного комплекса на горе Митридат

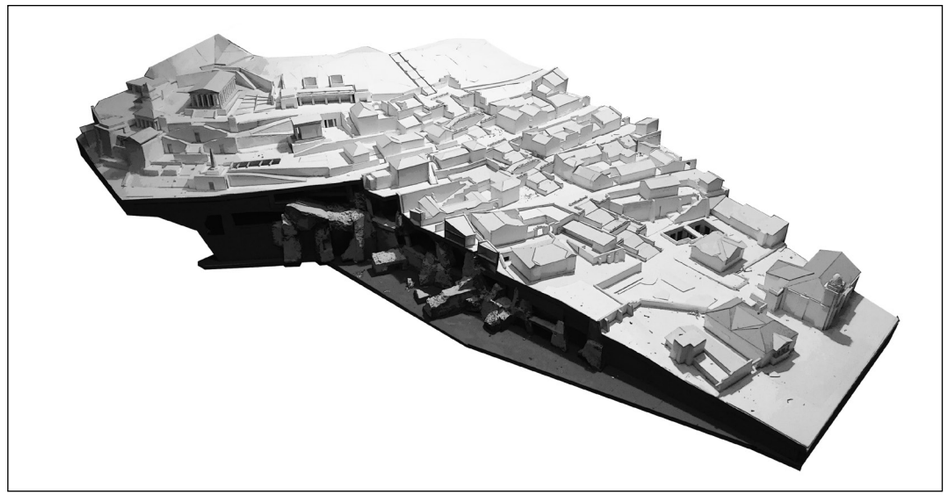

Рис 5. Макет музейно-археологического комплекса на горе Митридат

стенами и пандусами, соединяющими площадки на разных высотах. Такая система разработки уровней в зоне регенерации способна не только максимально близко воспроизвести прихотливый рельеф старых домовладений, но и послужить логичным продолжением античной темы в проекте Джорджо Торичелли. По сути, основное здание нового музея будет выглядеть как развитый стилобат, несущий дорический храм Гефеста, на котором возникают и другие античные строения, связанные с ним в единую композицию. Такой принцип буквального цитирования был достаточно широко распространён при строительстве музеев в Европе, особенно в конце XIX в. Отчасти это объясняется доминированием классического стиля в определённый период, но здесь можно проследить и некую тенденцию превращения подобных объектов в городские экспонаты, демонстрирующие общеевропейское родство с античной историей даже там, где её и в помине не было. Примером могут служить здания Государственного античного собрания в Мюнхене и мюнхенской же Глиптотеки или Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве. Тем более это актуально для таких городов, как Афины с их Национальным археологическим музеем и Рим, где музей-памятник Витториано доминирует над всей окружающей застройкой строем коринфского ордера, поднятым на внушительный подиум и крыльями парящих скульптур.

Было бы уместным напомнить некогда казавшийся утопичным принцип ретроразвития, сформулированный профессором МАРХИ, архитектором Б. К. Ерёминым, как «целенаправленного возрождения утраченных историко-архитектурных ценностей города, позволяющего переосмыслить и скорректировать систему ценностей, сложившуюся в общественном сознании в результате длительного пренебрежения наследием» [7, с. 52]. Этот принцип предполагает не просто документальное восстановление городской среды, но и прогнозирование вектора развития определённой градостроительной ситуации при возможности его продолжения в благоприятных условиях. И тогда становится очевидным, что постепенно появлявшиеся классические знаковые объекты – Гефестион, часовня Стемпковского, усадьба П. М. Милеанта, Митридатская и Константиновская лестницы – были частью тенденции по закладке более развитой и обустроенной городской ткани на склоне горы Митридат, исключая лишь самую вершину, где в 1883 г. подтверждён «запрет на строительство, поскольку эта территория считалась зарезервированной для строительства

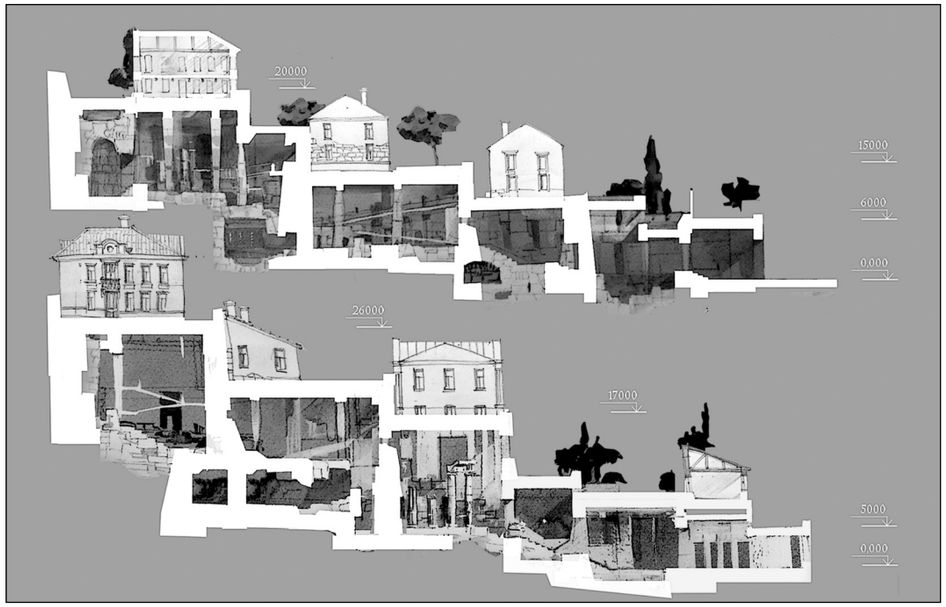

Рис. 6. Проект музейного комплекса на горе Митридат. Разрез по жилым кварталам

новой керченской крепости» [3] (счастливое обстоятельство, которому мы обязаны относительной сохранностью античного культурного слоя) Эти объекты были своего рода фундаментом для возведения нового города на горе, заложенного ещё до Крымской войны, поражение в которой сильно скорректировало эти планы.

В книге «Таврическая губерния во время Крымской войны» [8] Арсений Маркевич описывает удручающую картину послевоенного упадка середины 1850-х гг., когда в городе только начинали восстанавливать разорённое хозяйство. После артобстрелов Гефестион покрылся трещинами и, кое-как отремонтированный, был превращён в православный храм, чем немало удивлял путешественников. Пройдя через испытания трёх войн – Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной – он пал под ударом некомпетентности советских чиновников, которые также снесли часовню Стемпковского и множество объектов в нижней части города: Троицкий собор, дом Домгера, бывшую гимназическую церковь, остатки прибрежных кварталов и т. д.

Вернувшись на современном уровне к идее воссоздания Музея древностей, нельзя не сказать о православном храме Иоанна Предтечи – древнейшем на территории современной России (VIII–XI вв.). В 1963 г. группой археологов под руководством Т. И. Макаровой и А. Л. Якобсона неподалёку от него были найдены фундаменты зданий древнего русского города Корчева Тмутараканского княжества. Проектом предлагается их раскрытие и консервация с тем, чтобы сделать объектами показа и частью благоустройства бывшей Предтеченской площади (ныне им. Ленина). Эти раскопки находятся на оси Митридатской лестницы и являются логичным продолжением идеи двухуровневого города, спускающегося к морю. В условиях, когда Керчь вновь обрела статус одного из важнейших городов страны, мы имеем шанс создать действительно уникальный комплекс, в котором будут соседствовать руины греческого, римско-византийского, раннехристианского и других периодов в истории города.

Смело можно утверждать – для решения столь амбициозной задачи должна быть сформирована команда профессионалов в совершенно разных областях, поскольку очевидно, что для реализации подобных планов потребуются нетривиальный подход и весьма неординарное мышление.

Уже в процессе работы над проектом выяснились два любопытных факта.

Во-первых, в 2018 г. в Совет министров Республики Крым поступило предложение Госкомитета по охране культурного наследия о регенерации исторической среды в районе Митридатской лестницы [9].

Во-вторых, в том же году президент РАН А. М. Сергеев и глава Республики Крым С. В. Аксёнов на совместном заседании приняли решение о создании рабочей группы по формированию концепции многофункционального музейно-исследовательского кластера в городе Керчи. О важности реализации данного проекта пишет в статье генеральный директор ВКИКМЗ Т. В. Умрихина [10].

Будут ли воплощены в жизнь эти планы и каким образом – покажет время.

Чем глубже мы прорабатываем проект музейного кластера, привлекая к этой работе разнопрофильных специалистов в области археологии, сейсмики, охраны объектов культурного наследия и других, тем более логичной и безальтернативной нам кажется идея создания двухъярусного города. Такой подход позволит не только решить локальную проблему музеефикации раскопок с одновременной регенерацией исторической среды, но и завершить важный градостроительный ансамбль, венчающий главную высотную доминанту города – гору Митридат.

1. Свод законов Российской империи. Т. 12. Ч. I. Глава IV. Учреждения и уставы строительные. Санкт-Петербург : Типография придв. книгопр. К. К. Ретгера, 1857.

2. Шквариков В. А. Планировка городов России XVIII и начала XIX века // Москва : Всес. акад. архитектуры, 1939. С. 216–228.

3. Г. Керчь. Исторический опорный план центральной части. Т. 1. Пояснительная записка. Москва, 1979.

4. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 № 73-ФЗ (последняя редакция).

5. Утро России. 1910. 29 апр.

6. Пигин А. П., Федосеев Н. Ф. Локализация расписных склепов некрополя Пантикапея картографическими методами // История и археология Крыма. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. Вып. 3. С. 114–122.

7. Парамонова Д. Грибы, мутанты и другие: архитектура эры Лужкова. Москва : Стрелка Пресс, 2013. 100 с.

8. Маркевич А. И. Таврическая губерния во время Крымской войны: по архивным материалам. Симферополь : Тип. Тавр. Губ. Земства, 1905. 260 с.

9. Письмо заместителя председателя заведующего архитектурно-реставрационным отделом Государственного комитета по охране культурного наследия А. В. Жаворонкова заместителю председателя Совета министров Республики Крым В. Г. Нахлупину от 31.05.2018.

10. Умрихина Т. В. Музейный кластер «Восточный Крым» как инструмент сохранения и развития музейных объектов // Таврические студии. Симферополь : ООО «Антиква», 2018. № 16. С. 198–205.

11. Зинько Е. А. О топографии позднеантичного некрополя Пантикапея // Боспорские исследования : сб. / ред.-сост. В. Н. Зинько. Симферополь, 2003. Вып. 3. С. 49–61.

12. Сохин М. Ю. Исследование восточной части катакомбного некрополя Пантикапея в 2001–2002 гг. // Древности Боспора. Москва, 2003. Т. 6. С. 276–287.

13. Михайлова М. Б. Основные этапы формирования Керчи в XVIII–XIX вв. // Архитектурное наследство. Москва : Стройиздат, 1976. Вып. 25. С. 50–57.

14. Михайлова М. Б. Крымская война в Керчи. Восстановление и развитие города во второй половине XIX века // Архитектурное наследство. Москва : Стройиздат, 2007. Вып. 48. С. 221–238.

15. Керченская старина : сб. ст. / ред.-сост.: Н. В. Быковская, Н. В. Небожаева, В. Ф. Санжаровец. Симферополь : Бизнес-Информ, 2015. Вып. 1. 343 с.

1. Code of Laws of the Russian Empire. Vol. 12. Part I. Chapter IV. Construction Institutions and Charters. Saint-Petersburg : Printing House of the Court Bookseller K. K. Retger, 1857.

2. Shkvarikov V. A. Planning of Russian Cities of the XVIII and Early XIX Centuries // Moscow : All-Union Academy of Architecture, 1939. P. 216–228.

3. Kerch City. Historical Reference Plan of the Central Part. Vol. I. Explanatory Note. Moscow, 1979.

4. Federal Law «On objects of Cultural Heritage (historical and Cultural Monuments) Peoples of the Russian Federation» dated 25.06.2002. No. 73-FZ (Last Edition).

5. Morning of Russia. 1910. April 29.

6. Pigin A. P., Fedoseev N. F. Localization of Painted Crypts of the Panticapean Necropolis by Cartographic Methods // History and Archeology of the Crimea. Simferopol: Legacy of Millennia, 2016. Issue 3. P. 114–122.

7. Paramonova D. Mushrooms, Mutants and others: Architecture of the Luzhkov Era. Moscow : Strelka Press, 2013. 100 p.

8. Markevich A. I. Tauride Province during the Crimean War: according to Archival Materials. Simferopol Printing House, Tauride Provincial District Council in 1905. 260 p.

9. Letter of the Deputy Chairman of the head of the Architectural and Restoration Department of the State Committee for the Protection of Cultural Heritage A. V. Zhavoronkov to the Deputy Chairman of the Council of Ministers of the Republic of Crimea V. G. Nakhlupin dated 31.05.2018.

10. Umrikhina T. V. Museum Cluster «Eastern Crimea» as a Tool for Preserving and Developing Museum Objects // Tauride Studios. Simferopol : Antikva, 2018. No. 16. P. 198–205.

11. Zinko E. A. on the Topography of the Late-Antique Necropolis of Panticapea // Bosporan Studies / Collection Editor-compiler V. N. Zinko. Simferopol, 2003. Issue III. P. 49–61.

12. Sokhin M. Yu. Research of the Eastern Part of the Catacomb Necropolis of Panticapea in 2001–2002 // Antiquities of Bosporus. Moscow, 2003. Vol. 6. P. 276–287.

13. Mikhailova M. B. The Main Stages of Formation of Kerch in the XVIII–XIX Centuries // Architectural Heritage. Moscow, 1976. Issue 25. P. 50–57.

14. Mikhailova M. B. The Crimean War in Kerch. Restoration and Development of the City in the Second Half of the XIX Century // Architectural Heritage. Moscow, 2007. Issue 48. P. 221–238.

15. Kerch Antiquity. A Collection of Articles. Ed.-comp. N. V. Bykovskaya, N. V. Nebozhaeva, V. F. Sanzharovets. Simferopol : Business-inform, 2015. Issue 1. 343 p.

Annotation. *Article examines the potential of mount Mithridat in Kerch as a place for creating a museum and research cluster and the emergence of a two-level city: with the museification of archaeological excavations and ancient crypts as the lower tier and the subsequent regeneration of historical quarters above them, on the upper level.*

Keywords: *Kerch, Panticapaeum, museum-archaeological complex, archeological site preservation, environment regeneration.*

УДК 904 (470) «08/09»

В. В. Майко, А. В. Куликов, А. М. Михайлов

НЮРНБЕРГСКИЕ СЧЁТНЫЕ ЖЕТОНЫ ИЗ РАСКОПОК 2017–2018 ГОДОВ ПОСЕЛЕНИЙ КЕРЧЕНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

NUREMBERG COUNTING TOKENS FROM EXCAVATIONS 2017–2018 SETTLEMENTS OF KERCH PENINSULA

Аннотация. *Благодаря масштабным раскопкам последних пяти лет поселений позднесредневекового и нового времени на территории Керченского полуострова обнаружены счётные жетоны, изготовленные в Германии, прежде всего в Нюрнберге. До сегодняшнего дня они не обобщены и практически не опубликованы. В статье делается попытка ввести в научный оборот счётные пфенниги, обнаруженные в 2017–2018 гг. на поселениях Биели, Луговое Северо-Западное, Кош-Кую. Все изделия зафиксированы в культурном слое или заполнении хозяйственных объектов. Ввиду отсутствия их в погребениях сделан вывод о том, что на полуострове они первоначально могли использоваться по своему прямому назначению.*

Ключевые слова: *Керченский полуостров, раскопки 2017–2018 гг., поселения нового времени, счётные жетоны Нюрнберга.*

Счётные жетоны, изготовленные преимущественно в городе Нюрнберге в период второй половины XVII – начала XIX в., давно стали надёжным историческим источником. Практически полностью известны списки мастеров, этих изделий и годы их работы. Уверенно систематизированы как морфологические, так и орнаментальные типы и их функциональное назначение в разные периоды их существования [16].

В России исследования, начавшиеся ещё в начале 1950-х гг. [12, с. 130–138; 15, с. 135], получили дальнейшее развитие в начале нынешнего тысячелетия. Основанием послужили многочисленные жетоны, обнаруженные на территории Сибири и Урала. Привозившиеся в этот регион в XVII и XVIII вв. русскими купцами для меновой торговли, они были обнаружены во многочисленных археологических комплексах [8, с. 130–134]. Богаты и разнообразны их коллекции в частных и музейных собраниях. Отечественными учёными они практически полностью каталогизированы [9; 10, с. 921–934]. Убедительно доказано, что использовались они не только как жертвенные приношения или для украшения женской одежды народов Урала, Поволжья и Сибири, но и как платежные средства [3, с. 188–189].

Достаточно полно изучены счётные жетоны, обнаруженные в Бессарабии в основном в Одесской области Украины. Опубликованы изделия, происходящие из раскопок последних лет Белгород-

Днестровского и территории Одесской области в целом [4, с. 23–24]. Полностью каталогизированы, тщательно проанализированы и практически полностью опубликованы жетоны, хранящиеся в Одесском археологическом музее [5, с. 69–109] и музее города Вилково [6, с. 133–140]. Важно отметить, что многие из них имеют археологический контекст, не связанный, в отличие от Сибири и Урала, с каким-либо погребальными сооружениями.

Вместе с тем, по справедливому мнению специалистов, за исключением экземпляров, относящихся к категории «Россика» [11], общий каталог счётных жетонов из разных регионов территории Восточной Европы пока не составлен [9].

Сказанное в полной мере справедливо и для Крымского полуострова. В нашем регионе долгое время крымские счётные жетоны были известны в основном в среде коллекционеров и не вводились в научный оборот. Связано это с отсутствием археологических раскопок памятников XVII–XIX вв.

Ситуация кардинально изменилась за последние четыре года. Благодаря реализации различных инфраструктурных проектов развития полуострова, с 2016 по 2019 г. были проведены беспрецедентные по масштабам охранные исследования, в том числе сельских крымскотатарских поселений XVII–XIX вв. Наибольшие объёмы раскопок пришлись на территорию Керченского полуострова, где только в течение 2017–2018 гг. исследованы три поселения интересующего нас времени.

Именно в этот период широкими площадями раскопано поселение Биели близ села Октябрьского к западу от Керчи [1, с. 35–39; 2, с. 29–36; 14, с. 301–322]. В культурном слое памятника зафиксировано два нюрнбергских, один османский счётные жетоны и одно подражание нюрнбергскому жетону. Они совсем недавно частично опубликованы с очень кратким комментарием [14, с. 322, рис. 22].

В 2017 г. широкой площадью вдоль проектируемой тогда трассы «Таврида», возле поворота на село Тасуново (бывш. Кош-Кую) было исследовано синхронное поселение Кош-Кую. Обнаруженный в заполнении жилого помещения жетон в настоящий момент полностью атрибутирован и опубликован [13, с. 119, рис. 2, 7]. К моменту написания данной работы это пока единственный введённый в научный оборот экземпляр с конкретным археологическим контекстом.

В этом же году проводились раскопки синхронного поселения Луговое Северо-Западное 1, расположенного к северо-западу от одноимённого села. В культурном слое памятника найдено сразу шесть западноевропейских жетонов, которые впервые публикуются только сейчас.

Нельзя не добавить, что в 2016 г. очень широкими площадями раскопаны четыре синхронных поселения на территории Кировского района Республики Крым. В материалах памятника Карабай найден один, а Бахчи-Эли – шесть жетонов. Только в этом году они будут введены в научный оборот [7].

Нюрнбергские жетоны обнаружены и на других аналогичных сельских поселениях, раскопанных большими площадями, в этих и других регионах Крыма. Только после их рубрикации можно будет приступить к аргументированному анализу их распространения и роли в торговле и быту.

Приведём краткую характеристику счётных жетонов, обнаруженных в материалах указанных выше поселений Керченского полуострова.

1. Жетон счётный (рис. 1, *1*). Германия. Нюрнберг. Мастер Иоганн Якоб Лауэр (Iohann Jakob Lauer). 1806–1865 гг. Вес 1,55 г. Диаметр 15 мм. Поселение Луговое Северо-Западное, раскопки 2017 г. Раскоп 1. Культурный слой. Латунь. Пробито отверстие.

Аверс: изображение восходящего солнца. На концах его лучей – пять звёздочек, выше – полумесяц. Круговая легенда: IOH. LAUER. RECH. PFE.

Реверс: изображение парусника влево. Круговая легенда: PLUS ULTRA. Под урезом монетного поля фамильный инициал «L».

2. Жетон счётный (рис. 1, *2*). Германия. Нюрнберг. Мастер Иоганн Якоб Лау-

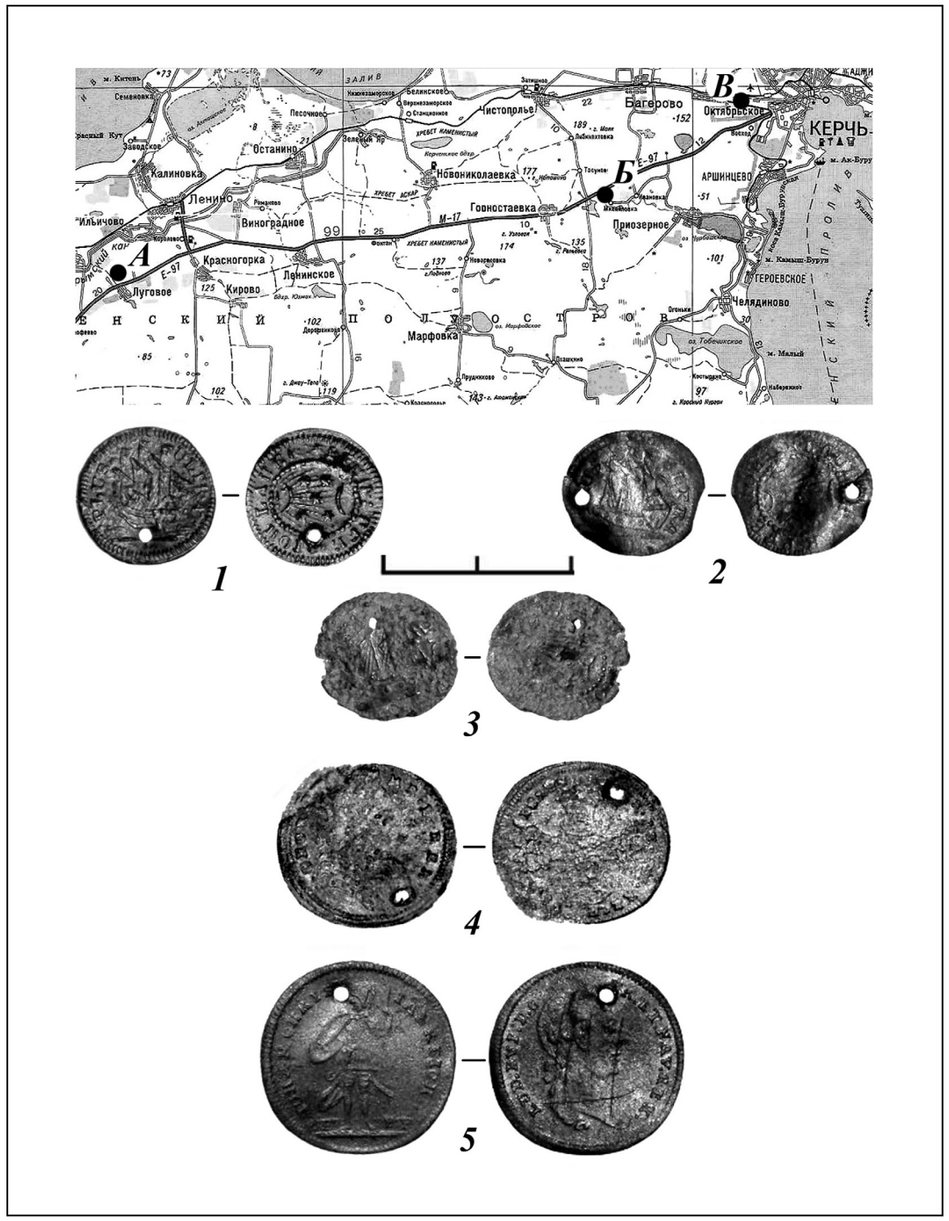

Рис. 1. Месторасположение поселений нового времени и счётные жетоны из материалов раскопок поселения Луговое Северо-Западное 1: А – Луговое Северо-Западное 1; Б – Кош-Кую; В – Биели

эр (Iohann Jakob Lauer). 1806–1865 гг. Вес 1,45 г. Диаметр 13 мм. Поселение Луговое Северо-Западное, раскопки 2017 г. Раскоп 1. Культурный слой. Латунь. Пробито отверстие.

Аверс: изображение восходящего солнца. На концах его лучей – пять звёздочек, выше – полумесяц. Круговая легенда: IOHAN. LAUER. RECH. PFE.

Реверс: изображение парусника влево. Круговая легенда: PLUS ULTRA. Под урезом монетного поля фамильный инициал «L».

3. Жетон счётный (рис. 1, *3*). Германия. Нюрнберг. Мастер Иоганн Якоб Лауэр (Iohann Jakob Lauer). 1806–1865 гг. Вес 1,50 г. Диаметр 14 мм. Поселение Луговое Северо-Западное, раскопки 2017 г. Раскоп 1. Культурный слой. Латунь. Пробито отверстие.

Аверс: изображение восходящего солнца. На концах его лучей – пять звёздочек, выше – полумесяц. Круговая легенда: IOH. LAUER. RECH. PFE.

Реверс: изображение парусника влево. Круговая легенда: PLUS ULTRA. Под урезом монетного поля фамильный инициал «L».

4. Жетон счётный. Германия (рис. 2, *5*). Нюрнберг. Имя мастера разобрать сложно. Вес 2,2 г. Диаметр 18 мм. Поселение Биели, раскопки 2017 г. Культурный слой. Латунь. Пробиты большое неровное отверстие по центру и маленькое подквадратное, аккуратное в верхней части.

Аверс: в точечном круге изображение державы в драйпасе. По кругу легенда, разобрать которую сложно.

Реверс: возможно, изображение Меркурия. Легенду по кругу разобрать сложно.

5. Жетон счётный. Германия (рис. 2, *1*). Нюрнберг. Мастер Корнелиус Лауфэр (Cornelius Lauffer). 1658–1711 гг. Вес 2,2 г. Диаметр 18 мм. Поселение Луговое Северо-Западное, раскопки 2017 г. Раскоп 1. Культурный слой. Латунь.

Аверс: в точечном круге изображение державы в драйпасе. По кругу легенда: ANFANG BEDENCKS ENDT (точечная розетка).

Реверс: справа в монетном поле крупное изображение солнца-личины с четырьмя звёздочками на конце лучей и изображение крупного месяца слева. По кругу легенда – CORNELIVS LAVFFER RECH.PFEN.

6. Жетон счётный. Германия (рис. 2, *2*). Нюрнберг. Мастер Корнелиус Лауфэр (Cornelius Lauffer). 1658–1711 гг. Вес 2,2 г. Диаметр 32 мм. Поселение Кош-Кую, раскопки 2017 г. Заполнение помещения на юго-западной периферии раскопа. Латунь. Пробито большое подквадратное отверстие по центру и маленькое округлое в верхней части.

Аверс: в точечном круге изображение державы в драйпасе. По кругу легенда: GOTTES·REICH·BLEIBT·EWIG (точечная розетка).

Реверс: изображение трёх корон и трех лилий. По кругу легенда: CORNELIVS LAVFFER REIH DFEN.

7. Жетон счётный. Германия (рис. 2, *3*). Нюрнберг. Мастер Вольф Иеронимус Хофманн (Wolf Hieronymus Hofmann). 1719–1741 гг. Вес 2,0 г. Диаметр 31 мм. Поселение Биели, раскопки 2018 г. Культурный слой. Латунь. Пробито отверстие.

Аверс: в точечном круге изображение державы в драйпасе. По кругу легенда: GOTTES·REICH·BLEIBT·EWIG (точечная розетка).

Реверс: в точечном круге изображение солнца-личины, на концах лучей пять звёздочек, справа от него – полумесяц. По кругу легенда: WOLF·HIER·HOFMANN:RECHN:PFN (точечная розетка).

8. Жетон счётный. Германия (рис. 1, *5*). Фюрт (Саксония). Мастер Иоганн Христиан Рейх (Iohan Christian Reich). 1740–1814 гг. Вес 2,5 г. Диаметр 21 мм. Поселение Луговое Северо-Западное, раскопки 2017 г. Раскоп 1. Культурный слой. Латунь. Пробито отверстие.

Аверс: бюст французского короля Людовика XVI вправо, с изображением молодого лица, перечёркнутый пятью линиями. По кругу легенда: LUD. XVI. D. G. FR. ET. NAV. REX.

Реверс: изображение Минервы – богини мудрости, стоящей с копьём, мечом и щитом влево. По кругу легенда: IOHAN CHRISTIAN REICH RE PF.

9. Жетон счётный. Германия (рис. 1, *4*). Нюрнберг. Мастер Иоганн Фредерик Вейдингер (Iohann Friedrich Weidinger). 1710–1765 гг. Вес 2,3 г. Диаметр 19 мм. Поселение Луговое Северо-Западное, раскопки 2017 г. Раскоп 1. Культурный слой. Латунь. Пробито отверстие.

Аверс: «античный» профиль английского короля Георга II в лавровом венке, доспехах и тоге вправо. По кругу легенда: GEOR...M R?...REX?; возможно, GEORG·II D· G·M·B·R·F· H·S·R· или GEORG·LVD·D·G·M·B·F· REX.

Реверс: изображение креста из геральдических щитов Франции, Англии, Шотландии и Ирландии, с вершинами, увенчанными коронами, с розами и перьями в углах. Букв между щитами не видно. От круговой легенды сохранились отдельные трудноразличимые буквы: возможно, WEIDINGERS·RECHN·PF CO (верх короны французского герба) IOHANN (верх короны ирландского герба) FRIED или WEIDINGERS·RECH·PF (верх короны Шотландского герба) IOHANN.

10. Подражание счётному жетону (рис. 2, *6*). Поселение Биели, раскопки 2018 г. Культурный слой. Свинец. Припаяно ушко, обломанное в древности, под которым пробито отверстие.

Аверс и реверс – круговая нечитаемая легенда из букв, имитирующих латинские, в центре, в круге такая же нечитаемая круговая легенда из букв, имитирующих латинские.

Существует несколько вариантов типологизации счётных жетонов, критериями для которых являются либо имя мастера и мастерской, соответственно, и хронология изделия, либо орнаментальные мотивы, либо функциональное назначение. Отдельной категорией являются жетоны, подражавшие монетам. Применяя все эти критерии, можно сказать, что в анализируемом материале первую категорию, одну из наиболее многочисленных, составляют т. н. корабельные жетоны мастера Иоганна Якоба из династии Лауэров с изображением солнца, месяца и звёзд, и парусника с легендой PLUS ULTRA. Аналогичная ситуация и на сельских поселениях Юго-Восточного Крыма [7]. Все жетоны датируются самым концом XVIII – началом XIX в., использовались они прежде всего в качестве украшений.

Не менее многочисленную группу составляют счётные жетоны с изображением драйпаса с державой разных мастеров, таких как Иоганн Якоб Дитцель и Вольф Иеронимус Хофманн, преимущественно Корнелиус Лауфэр. Сюжеты жетонов различны, но преобладает солнечный лик со звёздами и месяцем. На сельских поселениях юго-востока Крыма таких жетонов – единицы [7]. Хронологическими рамками их производства является первая половина XVIII в. Не исключено использование подобных изделий на первом этапе в качестве счётных жетонов, а затем – украшений. Отметим, что на жетоне из Лугового Северо-Западного 1 (рис. 2, *1*) отверстие не пробито. Есть два жетона с двойными отверстиями (рис. 2, *2,5*), причём одно из них, крупное, расположено по центру изделия, не могло быть предназначено для удобства ношения.

Отдельную категорию составляют жетоны с изображением бюстов правителей европейских стран, которые в большей или меньшей степени подражали европейским монетам. Таких жетонов на рассматриваемых поселениях обнаружено пока два – оба с поселения Луговое Северо-Западное 1. Ещё два жетона происходят из материалов поселений Юго-Восточного Крыма [7]. Рассмотрим их подробнее.

Несомненный интерес представляет жетон с изображением бюста Людовика XVI (1774–1792 гг.). Нет сомнений в том, что выпускались они в качестве подражаний луидорам 70-х – первой половины 80-х гг. XVIII в. В настоящее время выделено несколько их стабильных вариантов. Первый – это изделия с бюстом короля влево и тремя вариантами круговой легенды, в том числе и нашего варианта [9, с. 182, № 1; с. 191, № 9; с. 197, № 5–6], и оборотной стороной с обязательным изображением богини Минервы вправо с круговой легендой ARMIS NUNC TOTA. Под урезом двустрочная легенда

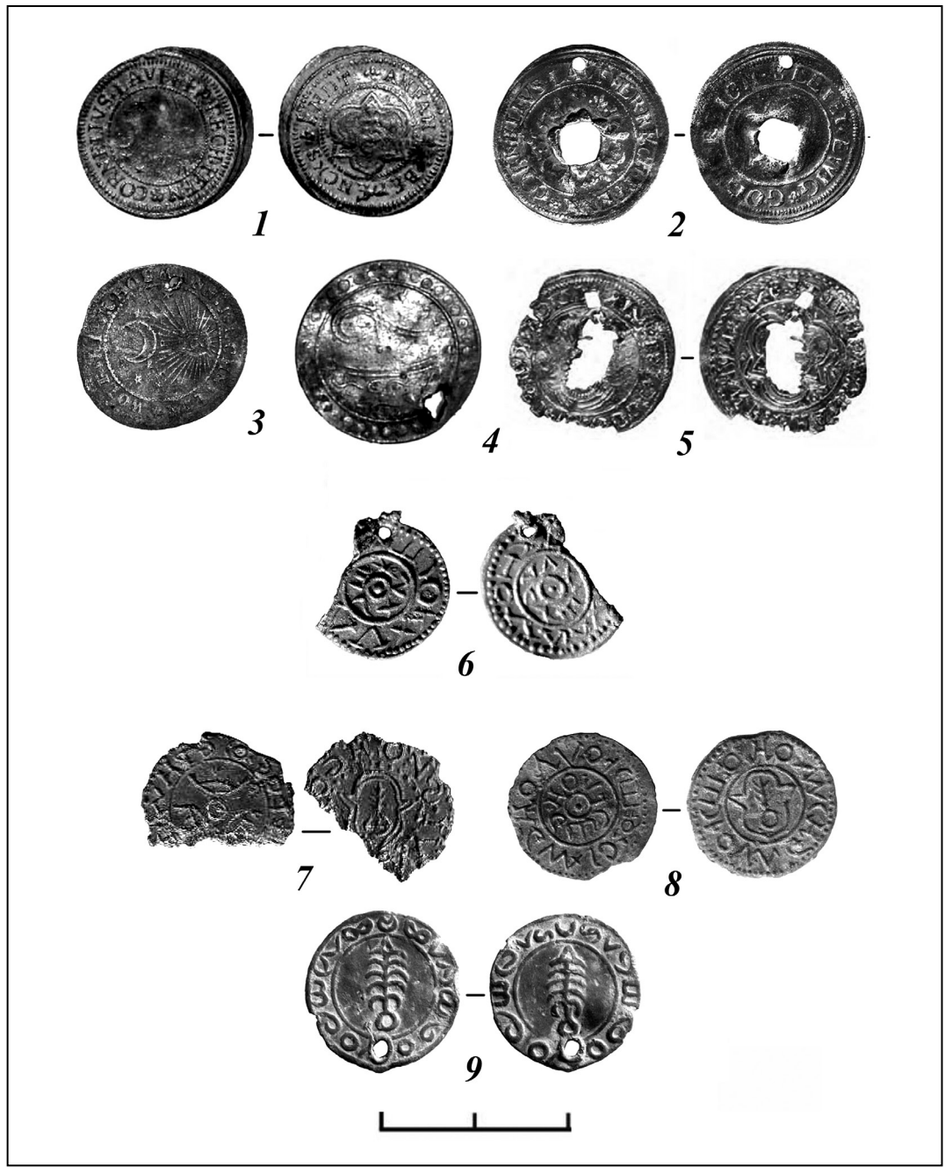

Рис. 2. Счётные жетоны из материалов раскопок поселений нового времени Керченского полуострова и аналогии подражаний счётным жетонам: 1 – Луговое Северо-Западное 1; 2 – Кош-Кую; 3-6 – Биели; 7 – Бессарабия [Кокоржицкая Т. Н., Корпусова И. В., Шаронов А. А. Жетоны Нюрнберга в собрании музея Вилково // Записки отдела нумизматики и торевтики Одесского археологического музея. Вып. 3. Одесса, 2017. С. 138. Рис. 1, 19]; 8 – Пруды Кировского района Республики Крым [по: https://rasmircoins.ucoz. ru /forum]; 9 – Крым [по: https://forum.violity.com]

RECH·PF IGK. Большее распространение получил вариант этих жетонов с сокращённым вариантом легенды под урезом изображения IGK [9, с. 178, рис. А.21, 1]. Исходя из инициалов, производство изделий совершенно убедительно связывается с мастером Иоганном Георгом Кунсманном (Iohann Georg Kunstmann) (1761–1780 гг.) [16, p. 539–540] и датируется 1775–1780 гг. [9, с. 182, № 1]. Второй вариант, который типологически ближе нашему, представляют жетоны с легендой на аверсе LUD·XVI·D·G·FR·ET·REX и на аналогично оформленном реверсе – с именем мастера ULRICH DORN RP (Ульрих Дорн) (ок. 1783 г.) [16, p. 536; 9, с. 202, № 16].

Тем не менее специалистами высказано предположение о том, что жетоны этого варианта изготавливались в мастерской Иоганна-Христиана Рейха (ок. 1740–1814 гг.), находившейся в городе Фюрт (Саксония). Публикуемый жетон из Лугового с полным именем мастера полностью подтверждает эту версию. Нельзя не обратить внимания, что особенностями публикуемого изделия является поворот бюста Людовика XVI вправо, как и у единичных жетонов с упрощённой легендой IGK, но, самое главное, поворот Богини Минервы влево. Отметим и сознательную «порчу» портрета перечёркнутыми линиями. Интересно отметить, что совершенно аналогичный жетон, в деталях повторяющий описанный, обнаружен в материалах поселения Унгут, расположенного в Кировском районе в 2,6 км к юго-западу от села Шубино[1]. Ещё один жетон этого же мастера, с изображением Людовика XVI и легендой OPTIMO RINCIPI, обнаружен на поселении Карабай в Юго-Восточном Крыму [7, рис. 1, 2]. В целом хорошо известно, что жетоны с изображением Людовика XVI выпускали также нюрнбергские мастерские Э. Л. З. Лауэра (1762–1833 гг.), Й. Я. Дитцеля, А. Хогера.

Представляет интерес и счётный жетон с изображением английского короля Георга II, встреченный в Таврике, по нашим сведениям, впервые. К сожалению, сохранность жетона очень плохая, что значительно затрудняет его атрибуцию. Тем не менее на аверсе чётко просматривается начало легенды с именем короля (GEOR...), а на реверсе – четыре геральдических щита Франции, Англии, Шотландии и Ирландии, образующие геральдический крест. Тем не менее, кроме отдельных букв, разобрать легенду реверса затруднительно. Вероятнее всего, исходя из аналогий и наличия восьми букв в правой части легенды, её вариантом является либо GEORG·II D·G·M·B·R·F·H·S·R либо GEORG·LVD· D·G·M·B·F· REX. Ввиду отсутствия скрещённых букв между лучами геральдического креста нам надо ориентироваться именно на такие аналогии. Наиболее близкими типологически являются жетоны, изготовленные мастером Иоганном Фредериком Вейдингером, с легендой либо WEIDINGERS· RECHN·PF CO (верх короны французского герба) IOHANN (верх короны ирландского герба) FRIED, либо в сокращённом варианте WEIDINGERS·RECH·PF (верх короны шотландского герба) IOHANN. Специалистам хорошо известно, что этот мастер специализировался в основном именно на изготовлении жетонов, официально подражавших мелким монетам различных правящих династий Европы, в том числе и Англии. Жетоны Вейдингера с бюстом Георга I на реверсе и изображением фруктового дерева под сияющим солнцем, являвшиеся исключительно счётными единицами, встречаются реже [9, с. 193, № 12–13]. На наш взгляд, нет оснований связывать публикуемый жетон с мастером Иоганном Якобом Дитцелем, который на своих жетонах, подражающих монетам Георга I [5, рис. 3, 3] и Георга II, между лучами геральдического креста помещал скрещённые буквы «С». Основная же масса жетонов Дитцеля с бюстом Георга II и легендой GEORG·A· D·G·M:BF· REX· на оборотной стороне имеет повторяющийся сюжет в виде фруктового дерева под сияющим солнцем.

Наибольший интерес представляет, безусловно, свинцовая имитация нюрн-

[1] Охранные раскопки 2019 г. В материалах этого поселения известны и другие жетоны, заслуживающие отдельной публикации.

бергского счётного жетона, обнаруженная в ходе раскопок поселения Биели в 2018 г. (рис. 2, *6*). Убедительная аргументация подобной атрибуции данных изделий была высказана Т. Н. Кокоржицкой и И. В. Корпусовой и проиллюстрирована экземпляром, хранящимся в собрании музея города Вилково Одесской области Украины [6, с. 138, рис. 1, 19] (рис. 2, *7*). На одной стороне совершенно чётко угадывается примитивное подражание драйпасу, выполненное двойной линией, и державе с крестом в виде древа, на другой – ещё более грубая стилизация наиболее распространённого изображения корон и трёх лилий нюрнбергских жетонов. Круговые легенды свидетельствуют об абсолютном незнании резчиком букв латинского алфавита. Это только имитации латинских букв, из которых отдельные литеры не позволяют сопоставить их с оригиналом. Крымским коллекционерам хорошо известен ещё один, пока также уникальный в своём роде, экземпляр, обнаруженный в материалах поселения нового времени возле села Пруды Кировского района Республики Крым[2] (рис. 2, *8*), изготовленный из сплава олова. На лицевой стороне его помещена подобная стилизация драйпаса и державы с ярко выраженным древом вместо креста с аналогичной круговой легендой. На другой же стороне расположены две круговые нечитаемые легенды с кругом в центре, абсолютно аналогичные изделию из Биели. Также в Крыму известно одно изделие, ещё дальше отстоящее от нюрнбергского прототипа[3] (рис. 2, *9*). На его обеих сторонах помещены только стилизованный крест от драйпаса в виде древа, напоминающего скелет рыбы, и круговой симметричный орнаментальный мотив, отдалённо имитирующий надпись.

Таким образом, подражание счётному жетону из Биели далеко от оригинального изделия. Единственным напоминанием о прототипе может служить только имитация латинской надписи, аналогичная жетонам из Вилково и Прудов. Полная тождественность некоторых буквенных знаков заставляет предположить одного резчика или группы связанных друг с другом ремесленников, работавших на заказ. Не исключено, что и вилковский жетон имеет крымское происхождение. Функциональная принадлежность анализируемых изделий не вызывает сомнений. Это украшения, призванные заменить в орнаментации костюма утерянные или пришедшие в негодность оригинальные счётные нюрнбергские жетоны. При этом резчик или резчики, безусловно имевшие перед глазами оригинальные образцы, даже не пытались придать легенде схожесть с латинской надписью.

Попытки копировать нюрнбергские жетоны свидетельствуют об их определённой ценности для жителей сельских поселений. Вероятно, в Крыму, в отличие от сибирских регионов, их было не так много. Отметим, что все три рассматриваемых поселения раскопаны на огромной площади, составляющей от 1/4 до 1/3 всего объекта, а жетонов найдено не более десятка, что значительно меньше, чем монет. Подобная ситуация характерна и для Юго-Восточного Крыма, где на огромной раскопанной площади четырёх крупных поселений нового времени найдено всего семь жетонов [7]. Конечно, надо учитывать тот факт, что поселения не подвергались разрушению, они были покинуты жителями, успевавшими забрать всё, представлявшее хотя бы небольшую ценность.

Одним из факторов небольшого количества нюрнбергских изделий на территории татарских поселений нового времени может служить и широкое использование для украшения костюма местных подражаний османским монетам. Одно из подражаний, широко известных на территории полуострова, было обнаружено в 2018 г. при раскопках поселения Биели (рис. 2, *4*). На одной из сторон чётко просматривается стилизованная тугра и трёхстрочная арабская легенда. Совершенно очевидно, что такие подражания использовались для украшения прежде всего крымскотатарских фесок. Изготавливались они в Крыму, в пользу чего свидетельствует штемпель, найденный близ городища Чуфут-Кале. Он служил для изготовления подражаний очень высокого качества и являлся частью вальцевального станка с несколькими штемпелями, в том числе и более схематичного и упрощённого варианта [15, с. 135–140].

Таким образом, масштабные раскопки сельских крымскотатарских поселений Крыма нового времени показали, что счётные нюрнбергские жетоны являются обязательной составляющей комплекса индивидуальных находок. Их количество невелико, в большинстве случаев меньше обнаруживаемых монет. Не исключено, что первоначально они использовались по прямому назначению, а со временем становились украшением костюма.

[2] Опубликовано на сайте rasmircoins.ucoz.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rasmircoins.ucoz.ru/forum/18-3912-1.

[3] Опубликовано на сайте forum.violity.com [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://forum.violity.com/viewtopic.php?t=1373834&view=next.

1. Белик Ю. Л. Некоторые особенности использования традиционных строительных приёмов на поселении Биели // XIX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации. Симферополь ; Керчь, 2018. С. 35–39.

2. Белик Ю. Л., Лютов Е. Е., Лютова Е. А. Поселение Биели. История возникновения и развития (на материалах археологических раскопок 2017 г.) // Копыл. Историко-краеведческий альманах. 2018. № 4 (28). С. 29–36.

3. Еманов А. Г. Нюрнбергский счётный пфеннig в Сибири // Европа: международный альманах. Вып. 8. Тюмень, 2008. С. 188–189.

4. Кокоржицкая Т. Н., Корпусова И. В. О находках счётных жетонов на территории Одесской области // ПриPONTийский меняла: деньги местного рынка. III Международный Нумизматический Симпозиум. Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2014. С. 23–24.

5. Кокоржицкая Т. Н., Корпусова И. В. Жетоны Нюрнберга в собрании Одесского археологического музея // Записки отдела нумизматики и торевтики Одесского археологического музея. Вып. 1. Одесса : СМИЛ, 2010. С. 96–109.

6. Кокоржицкая Т. Н., Корпусова И. В., Шаронов А. А. Жетоны Нюрнберга в собрании музея Вилково // Записки отдела нумизматики и торевтики Одесского археологического музея. Вып. 3. Одесса : Ирбис, 2017. С. 133–140.

7. Майко В. В., Гаврилов А. В. Западноевропейские счётные жетоны из раскопок поселений юго-восточного Крыма // ПриPONTийский меняла: деньги местного рынка. VII Международный Нумизматический симпозиум. Симферополь, 2020 (в печати).

8. Пушкарёв А. А. Западноевропейские счётные жетоны из погребальных археологических комплексов Сибири: историографический обзор // Вестник Томского государственного университета. История. Томск, 2013. Вып. 6 (26). С. 130–134.

9. Пушкарёв А. А. Нюрнбергские жетоны в Западной Сибири как исторический источник. Дисс. на соискание учёной степени к. и. н. Томск, 2019 / А. А. Пушкарёв [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000672819.

10. Пушкарёв А. А. Нюрнбергские жетоны XVI–XIX вв. на территории России // Былые годы. 2019. Т. 53. Вып. 3. С. 921–934.

11. Руденко И. Нюрбернские счётные жетоны. Россика. Ростов-на-Дону, 2012. 520 с.

12. Спасский И. Г. Счётные жетоны // Исторический памятник русского полярного мореплавания XVII века. Москва ; Ленинград, 1951. С. 130–138.

13. Сейдалиев Э. И., Нарожный Е. И., Соков П. В. Охранно-спасательные исследования на поселении Кош-Кую (предварительные итоги) История и археология Крыма. Т. 8. Симферополь : ООО «Колорит», 2018. С. 116–119.

14. Федосеев Н. Ф., Куликов А. В., Бейлин Д. В., Куликова Е. В. Охранно-спасательные работы на железнодорожных подходах к Крымскому мосту: «комплекс поселений Биели» // История и археология Крыма. Т. 11. Симферополь : ООО «Колорит», 2019. С. 301–322.

15. Чореф М. М. К вопросу о локализации производства реплик восточных монет, использовавшихся для составления монист народами Западной Сибири // Причерноморье. История политика, культура. 2016. Вып. 19 (6). Серия А. С. 135–140.

16. Mitchener M. Jetons, Medallets and Tokens. Vol.1 Medieval period & Nuremberg. London : Seaby, 1988. 704 p.

1. Belik Yu. L. Some features of the use of traditional construction techniques at Bieli settlement // XIX Bosporus readings. Bosporus Kimmeric and barbaric world during antiquity and the Middle Ages. Traditions and innovations. Simferopol ; Kerch, 2018. P. 35–39.

2. Belik Yu. L., Lyutov E. E., Lyutova E. A. Settlement Bieli. History of emergence and development (on the materials of archaeological excavations of 2017) // Kopyl. Historical and local history almanac. 2018. Vol. 4 (28). P. 29–36.

3. Emanov A. G. Nuremberg accounting pfennig in Siberia // Europe: international almanac. Tyumen, 2008. Vol. VIII. P. 188–189.

4. Kokorzhitskaya T. N., Korpusova I. V. On finds of accounting tokens in the territory of Odessa region // PriPONtisky changed: money of the local market. III International Numismatic Symposium. Theses of reports and communications. Sevastopol, 2014. P. 23–24.

5. Kokorzhitskaya T. N., Korpusova I. V. Nuremberg tokens in the collection of the Odessa Archaeological Museum // Notes of the Department of Numismatics and Torevtics of the Odessa Archaeological Museum. Odessa, 2010. Vol. I. P. 96–109.

6. Kokorzhitskaya T. N., Korpusova I. V., Sharonov A. A. Nuremberg tokens in the collection of the museum of Vilkovo // Notes of the Department of Numismatics and Torevtics of the Odessa Archaeological Museum. Odessa, 2017. Vol. III. P. 133–140.

7. Maiko V. V., Gavrilov A. V. Western European accounting tokens from excavations of settlements of south-eastern Crimea // PriPONtisky changed: money of the local market. VII International Numismatic Symposium. Simferopol, 2020. (in the press).

8. Pushkarev A. A. Western European accounting tokens from burial archaeological complexes of Siberia: historiographical review. Journal of Tomsk State University. Tomsk, 2013. History № 6 (26). P. 130–134.

9. Pushkarev A. A. Nuremberg tokens in Western Siberia, as a historical source. Thesis for the degree of Ph.D. Tomsk, 2019 / A. A. Pushkarev [Electronic resource]. Access mode: http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000672819

10. Pushkarev A. A. Nuremberg tokens of the XVI–XIX centuries on the territory of Russia // Past years. 2019. Vol. 53. Issue. 3. P. 921–934.

11. Rudenko I. Nurebern accounting tokens. Rossika. Rostov-on-Don, 2012. 520 p.

12. Spassky I. G. Counting tokens // Historical monument of Russian polar navigation of the 17th century. Moskow ; Leningrad, 1951. P. 130–138.

13. Seydaliyev E. I., Narozhny E. I., Sokov P. V. Conservation and rescue research at Kosh-Kyu settlement (preliminary results) // History and archaeology of Crimea. Simferopol, 2018. Vol. VIII. P. 116–119.

14. Fedoseev N. F., Kulikov A. V., Beilin D. V., Kulikova E. V. Security and rescue works on railway approaches to the Crimean Bridge: «Bieli settlement complex» // History and archaeology of Crimea. Simferopol, 2019. Vol. XI. P. 301–322.

15. Choref M. M. On the issue of localization of production of replicas of eastern coins used to compose monists by peoples of Western Siberia // Black Sea region. History of the politician, culture. 2016. Vol. XIX (VI). Series A. P. 135–140.

16. Mitchener M. Jetons, Medallets and Tokens. Vol. 1. Medieval period & Nuremberg. London : Seaby, 1988. 704 p.

Annotation. *Thanks to large-scale excavations on the territory of Kerch Peninsula over the past five years of settlements of late medieval and new times, counting tokens made in Germany, primarily in Nuremberg, were discovered in their materials. To date, they are not generalized and are almost unpublished. The article attempts to introduce into scientific circulation counting pfennigs discovered in 2017–2018 in the settlements of Bieli, Lugovoye northwestern, Kosh-Kuyu. All products are fixed in the cultural layer or filling of household objects. Due to their absence from the burials, it was concluded that on the peninsula they could initially be used for their intended purpose.*

Keywords: *Kerch Peninsula, excavations 2017–2018, settlements of new times, counting tokens of Nuremberg.*

УДК 902/904

А. А. Малышев, М. Б. Медникова

О ПЕРСПЕКТИВАХ ИЗОТОПНОГО ИЗУЧЕНИЯ МОБИЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА НА ПОЛУОСТРОВЕ АБРАУ

CONCERNING PROSPECTS OF ISOTOPIC STUDY OF MOBILITY OF POPULATION DURING BOSPOR KINGDOM PERIOD IN ABRAU PENNINSULA

ФГБУН «Институт археологии» РАН

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ 17-29-04313 офи_м

Аннотация. *Изотопные исследования палеоантропологических материалов – важное и актуальное направление современных междисциплинарных исследований в археологии, позволяющее определить степень мобильности древнего населения. В пилотном исследовании впервые представлены результаты масс-спектрометрического определения соотношения изотопов стронция в материалах из археологических раскопок с полуострова Абрау. Эта территория, между античными поселениями Горгиппией и Ториком, заселённая племенами торетов и керкетов, с середины 1 тысячелетия до н. э. вошла в сферу влияния Боспорского царства. Данные изотопного анализа позволяют оценить возможное появление мигрантов первого поколения на полуострове Абрау в период серьёзных демографических изменений рубежа нашей эры. Наибольшее разнообразие изотопных сигналов встречено при анализе образцов, происходящих из раскопок Раевского городища и некрополя. В некрополе были похоронены местные жители, в то время как при разрушении и пожаре Раевского городища погибли мигранты, выросшие не на полуострове Абрау.*

Ключевые слова: *Боспорское царство, полуостров Абрау, исследование мобильности древнего населения, анализ изотопов стронция.*

По сведениям древних авторов, в VI–I вв. до н. э. на территории от Горгиппии (ныне Анапа) до Торика (ныне Геленджик), юго-западнее синдов обитали племена керкетов и торетов (*Ps.-Skyl. 72–75; Strabo. XI. 2, 1; Plin. NH. VI. 17*). Большая часть известных сегодня археологических памятников догреческого населения предгорий – могильники, датируемые в пределах VI–IV вв. до н. э. Их многочисленность косвенно свидетельствует о довольно высокой плотности местного населения в этот период. Говоря об инокультурных влияниях, особенно следует отметить длительное воздействие прикубанского населения (осёдлого или полуосёдлого меотского, и сменяющих друг друга со временем

в степной и пойменной части региона кочевников) на местную культуру предгорий. Оно прослеживается в погребальных комплексах местной культуры уже с предскифского времени, что позволяет рассматривать археологические памятники предгорий как составную часть единой культурно-исторической общности. Соседство с античными центрами повлекло за собой определённые демографические изменения. По материалам аборигенных некрополей фиксируется увеличение числа погребальных комплексов со второй половины VI в. до н. э. Большая часть захоронений датируется в пределах V в. до н. э. Определённый демографический взрыв может объясняться как возрастанием политической и экономической стабильности, так и вытеснением аборигенного населения с просторов расположенной севернее Синдики в предгорья.

Быт обитателей этого региона традиционно связан с морем. Одним из основных источников биоресурсов были море и прибрежная зона. Появление в Причерноморье греков и основание античных центров существенно изменило образ жизни аборигенного населения: основным источником их доходов становится достаточно оживлённая навигация, осуществлявшаяся вдоль побережья. Античные источники отмечают опытность керкетов-торетов в мореходстве, причём, несмотря на периодические попытки боспорских правителей, начиная, наверное, с Эвмела (в кон. IV в. до н. э.) (*Diod. XX. 26.*), покончить с морским разбоем, пиратство оставалось одним из основных занятий населения прибрежных районов Юго-Восточного Причерноморья.

Судя по упоминаниям торетов в титулатурах боспорских правителей Левкона I (389/8–349/8 гг. до н. э.) и Перисада I (344/3–311/0 гг. до н. э.) как подвластного народа, население предгорий было вовлечено в орбиту боспорского влияния в конце V – IV в. до н. э. Археологические данные о продвижении боспорян на восток и юго-восток датируются концом IV – III в. до н. э. Это в свою очередь приводит к вооружённым конфликтам с населением сопредельной территории.

Греки-боспоряне способствовали распространению в регионе нового античного хозяйственного уклада. В IV в. до н. э. здесь возникают многочисленные античные усадьбы. Значительным подспорьем для организации сообщения и транспортировки грузов явилась речная система региона, по которой, в частности, на Раевское городище доставлялась черепица для перекрытия и осуществлялся сплав строевого леса в Анапскую бухту. Сложная политическая ситуация на Боспоре повлекла в I в. до н. э. демографические изменения; в I в. н. э. наблюдается очевидный рост населения в прибрежной зоне, возможно, благодаря активным миграционным процессам. Наконец, в V в. эта территория была захвачена Великим переселением народов. Таким образом, объективная оценка степени мобильности местного населения может служить важным источником информации о динамике исторических процессов на полуострове Абрау.

Инструментом для изучения степени прижизненной подвижности древнего населения в последние годы служат изотопные исследования. Метод масс-спектрометрической оценки соотношения изотопов стронция в останках людей, найденных при археологических раскопках, даёт возможность обнаружить мигрантов первого поколения в составе палеопопуляций. Выявляемая изотопными исследованиями мобильность бывает отражением изменений социального статуса индивидуума – например, вступления в брак или увода в плен (рабство), занятий торговлей или (реже) массовых миграций населения на далёкие расстояния [4].

Стронций поступает в организм человека с водой и пищей и имеет геохимические характеристики скальных формаций и почвенных отложений, типичных для постоянных мест проживания. Метаболически активная скелетная система претерпевает постоянные химические и структурные изменения, поэтому образцы костной ткани несут информацию о геохимической обстановке последних лет жизни человека. В отличие от них, образцы зубной эмали, остающейся после минерализации неизменной, запечатлевают информацию о геохимической ситуации, в которой человек жил в детстве. Исключением служат зубы мудрости, формирующиеся позже [1, 2, 3, 4].

Сравнение изотопных сигналов зубной и костной тканей помогает установить степень прижизненной мобильности конкретного человека. Анализ контрольных образцов (раковин моллюсков, почвы, воды, растений) из местности, где археологами найдены древние останки, важен для понимания локальной геохимической ситуации и для ответа на вопрос, был покойный по происхождению «местным» или «неместным» жителем.

В рамках данной работы проведено пилотное исследование изотопных показателей у населения полуострова Абрау с середины I тысячелетия до н. э. вплоть до Средневековья.

По стандартной методике на базе ВСЕГЕИ РАН производилось масс-спектрометрическое изучение соотношения изотопов стронция в 39 образцах (аналитик Е. С. Богомолов, ИГГД РАН, Санкт-Петербург).

В том числе исследованы 28 образцов зубной эмали и костной ткани людей, останки которых обнаружены при раскопках разновременных некрополей и поселений (см. таблицу).

Результаты изотопного анализа Sr из образцов, характеризующих окружающую среду, зубную и костную ткани обитателей полуострова Абрау в античный период и Средневековье

№	Образец	Памятник	$^{87}Sr/^{86}Sr$
1	2	3	4
1	Раковины моллюсков	Мысхако	0,707637 ± 8
2	Раковины моллюсков	с. Озерейка	0,707933 ± 10
3	Раковины моллюсков	Лобанова Щель	0,708583 ± 10
4	Раковины моллюсков	Бедрички	0,708108 ± 10
5	Раковины моллюсков	Родники	0,707795 ± 10
6	Раковины моллюсков	Цемдолин	0,707851 ± 10
7	Раковины моллюсков	Дюрсо	0,708030 ± 20
8	Раковины моллюсков	Широкая Балка	0,707919 ± 10
9	Раковины моллюсков	Абрау	0,707903 ± 10
10	Раковина моллюска	Дубки	0,707925 ± 9
11	Растения Раевского городища	Раевское городище	0,708197 ± 10
12	Клык верхней челюсти	Лобанова Щель, погр. 3	0,708747 ± 10
13	Первый моляр нижней челюсти	Широкая Балка, погр. 291	0,708459 ± 14
14	Резец нижней челюсти	Лобанова Щель, погр. 14	0,708645 ± 17
15	Первый моляр нижней челюсти	Цемдолинский могильник, погр. 14	0,708057 ± 26
16	Первый моляр нижней челюсти	Мысхако, яма 29	0,708384 ± 24
17	Первый моляр нижней челюсти	Мысхако (раск. 2002 г.)	0,708506 ± 14
18	Первый моляр нижней челюсти	Мысхако, яма 88	0,708213 ± 18
19	Фрагменты зубной эмали (премоляр – первый моляр	Широкая Балка, погр. 236	0,70820 ± 25
20	Резец нижней челюсти	Широкая Балка, погр. 322	0,708242 ± 23
21	Первый моляр верхней челюсти	Широкая Балка, погр. 182, скифское время	0,708470 ± 22
22	Первый моляр верхней челюсти, муж. (?)	Лобанова Щель, погр. 8, костяк 3	0,709197 ± 22

Окончание таблицы

1	2	3	4
23	Второй резец нижней челюсти	Лобанова Щель, погр. 9, костяк 2(+3)	0,708430 ± 44
24	Первый моляр нижней челюсти	Лобанова Щель, погр. 12, костяк 2 659	0,708643 ± 10
25	Первый моляр нижней челюсти	Раевский некрополь, погр. 6	0,708329 ± 9
26	Премоляр	Раевский некрополь – 3	0,708904 ± 16
27	Премоляр верхней челюсти	Раевский некрополь, погр.8	0,709340 ± 8
28	Первый моляр верхней челюсти	Раевский некрополь – 3, погр.11	0,709242 ± 18
29	Первый моляр нижней челюсти	Раевское городище, № 10	0,711741 ± 12
30	Премоляр верхней челюсти	Раевское городище – II, кв. D-7	0,710378 ± 16
31	Первый моляр нижней челюсти	Родники, погр.1	0,708321 ± 15
32	Первый моляр верхней челюсти	Родники, погр. 3, костяк 5	0,708321 ± 15
33	Первый моляр верхней челюсти	Родники, погр. 3, костяк 1	0,708916 ± 15
34	Закладка моляра	Родники, погр. 13, костяк.4	0,708007 ± 12
35	Премоляр нижней челюсти	Родники, погр. 3	0,708198 ± 13
36	Резец нижней челюсти	Родники, № 2	0,708204 ± 13
37	Первый моляр нижней челюсти	Бедрички-3, кв. Б3	0,708523 ± 11
38	Первый моляр нижней челюсти	Бедрички-3, кв. 5	0,709248 ± 13
39	Амулет (свод черепа человека)	Дубки	0,708068 ± 8

В качестве контрольных использовались образцы растительности и раковины наземных моллюсков, собранные в 2018–2019 гг. в одиннадцати местонахождениях на полуострове Абрау, к которым приурочены важные археологические комплексы (поселения и некрополи) античного периода.

Навески проб массой до 200 мг истирались в агатовой ступке до получения мелкодисперсной субстанции. Далее промыванием проб в течение одного часа в растворе 1N HCl удалялись вторичные загрязнения. Затем центрифугированием из раствора выделялись чистые субстанции образцов, которые в дальнейшем подвергались разложению в смеси азотной и плавиковой кислот. Степень разложения контролировалась с помощью центрифугирования. По достижении полного разложения образцов из них производилось выделение стронция для изотопного анализа методом катионообменной хроматографии на смоле марки AG50W-X8. Изотопный анализ Sr проводился на мультиколлекторном масс-спектрометре TRITON в статическом режиме. Коррекция на изотопное фракционирование стронция выполнялась при помощи нормализации измеренных значений по отношению $^{88}Sr/^{86}Sr$ = 8.37521. Нормализованные отношения приводились к значению $^{87}Sr/^{86}Sr = 0.71025$ в международном изотопном стандарте NBS-987. Контроль чистоты эксперимента выполнялся путём сравнения экспериментально полученного значения отношения $^{84}Sr/^{86}Sr$ с истинной природной величиной, равной 0.05658.

Рассмотрение контрольных образцов, которыми послужили преимущественно раковины наземных моллюсков, демонстрирует достаточно гомогенную геохимическую ситуацию в пределах полуострова Абрау (соотношение изотопов стронция $^{87}Sr/^{86}Sr$ варьирует в пределах 0,707637–0,708).

Сопоставление изотопных сигналов, характеризующих период детства, с контрольными образцами свидетельствует, что в целом население региона демонстрирует связь с локальными геохимическими условиями.

Образцы зубной ткани, взятые из погребений автохтонного населения в некрополе Лобанова Щель, соответствуют локальному геохимическому сигналу, характеризующему природную среду (0,708583).

Вместе с тем некоторое повышение показателей (индивидуум из погребения 8, костяк 3) до 0,709197 может отражать использование в детском возрасте пищевых ресурсов, выращенных в другой местности.

Характеристика контрольных образцов с места локализации Цемдолинского некрополя (0,707851), ассоциируемого, предположительно, с группой поздних меотов, очень близка к значению показателя, полученного для образца зубной эмали погребённого (0,708057 – что означает проживание на этой территории на протяжении по крайней мере одного поколения.

Сравнение геохимических условий на археологическом памятнике Мысхако (0,707637) с изотопными сигналами людей, погибших при разорении этого прибрежного поселения, свидетельствует, что это население в детстве использовало пищевые ресурсы не только местного происхождения.

Природные условия крупного археологического комплекса Широкая Балка также характеризуются низкими изотопными сигналами (0,707919), и вновь изотопные сигналы жителей Широкой Балки несколько повышены.

Большой интерес представляют результаты изучения важного античного центра – комплекса Раевского городища (геохимический локальный сигнал 0,708197). Примечательно, что останки людей, погребённых в соответствии с принятыми обрядами на Раевском некрополе, демонстрируют показатели, свидетельствующие о том, что их детство прошло в местных условиях. Этим они отличаются от людей, которые погибли при разрушении и пожаре Раевского городища и их останки остались непогребёнными. Последние отличаются высокими изотопными сигналами, не характерными для полуострова Абрау в целом (0,711741, 0,710378), что позволяет предположить их мигрантное происхождение и, возможно, по-новому оценить их роль в момент разорения Раевского городища.

Изотопное исследование антропологических материалов из раскопок античного некрополя Родники говорит о том, что здесь, по крайней мере на протяжении одного поколения, жило местное население. Первые анализы, произведённые для средневековых захоронений памятника Бедрички, также не выявляют присутствия мигрантов в первом поколении.

Изотопные исследования мобильности древнего населения – важное и актуальное направление, позволяющее исследовать динамику исторических процессов с опорой на независимый источник. На примере материалов, поступивших из археологических раскопок на полуострове Абрау, впервые были сопоставлены изотопные сигналы, характеризующие среду обитания, и характеристики зубной и костной ткани жителей полуострова начиная с раннего железного века до Средневековья. Установлено, что население середины I тысячелетия до н. э., относимое к керкетам и торетам, не отличалось высокой мобильностью и использовало пищу, выращенную в месте проживания. Позднее жители прибрежных поселений Мысхако, Широкая Балка, античного поселения Родники, не будучи мигрантами, благодаря торговым связям, возможно, употребляли в пищу продукты, выращенные в других местах. Наибольшее разнообразие изотопных сигналов встречено при анализе образцов, происходящих из раскопок Раевского городища и некрополя. В некрополе были похоронены местные жители, в то время как при разрушении и пожаре Раевского городища погибли люди, выросшие не на полуострове Абрау мигранты, которые остались непогребёнными.

1. Инновационные сезонные миграции и система жизнеобеспечения подвижных скотоводов в пустынно-степной зоне Евразии: роль социальных групп / Н. И. Шишлина [и др.] // Stratum plus. №. 2. Archaeology and Cultural Anthropology Late Prehistory of Eurasia: Social Models and Cult Practices, 2018. С. 69–90.

2. Bentley R. A., Price T. D., Stephan E. Determining the ‘local’ 87Sr/86Sr range for archaeological skeletons: a case study from Neolithic Europe // Journal of Archaeological Science. 2004. Vol. 31. P. 365–375.

3. Montgomery J. Passport from the past. Investigating human dispersals using strontium isotope analysis of tooth enamel // Annals of Human Biology. 2010. V. 37. P. 325–346.

4. Sjögren K-G., Price T. D., Kristiansen K. Diet and Mobility in the Corded Ware of Central Europe // PLoSONE. 2016. V. 11(5). e0155083. doi:10.1371/journal.pone.0155083

1. Innovative seasonal migrations and life support system of mobile nomads in arid steppes of Eurasia: role of social groups / N. I. Shishlina [et al.] // Stratum plus. №. 2. Archaeology and Cultural Anthropology Late Prehistory of Eurasia: Social Models and Cult Practices, 2018. P. 69–90.

2. Bentley R. A., Price T. D., Stephan E. Determining the ‘local’ 87Sr/86Sr range for archaeological skeletons: a case study from Neolithic Europe // Journal of Archaeological Science. 2004. Vol. 31. P. 365–375.

3. Montgomery J. Passport from the past. Investigating human dispersals using strontium isotope analysis of tooth enamel // Annals of Human Biology. 2010. V. 37. P. 325–346.

4. Sjögren K-G., Price T. D., Kristiansen K. Diet and Mobility in the Corded Ware of Central Europe // PLoSONE. 2016. V. 11 (5). e0155083. doi:10.1371/journal.pone.0155083

Annotation. *Isotopic studies of palaeoanthropological materials are valuable branch of modern interdisciplinary research in archaeology. It provides opportunity to evaluate level of mobility of ancient humans. Pilot study presents results of mass-spectrometric evaluation of strontium isotopes in materials from archaeological excavations in Abrau penninsula. This territory between antique settlements Gorgippia and Torik was settled by tribes of Torets and Kerketes. Since the middle of 1st millennium BC it was influenced by Bospor Kingdom. Data of isotopic analysis allow to evaluate possible appearance of migrants of first generation in Abrau penninsula during remarkable demographic changes of the 1st cent. BC – 1st cent. AD. The most diversity of isotopic signals was discovered by analysis of samples from excavations of Raevsky settlement and necropolis. In necropolis were buried local citizens, as well people, who died in destruction and fire of Raevsky settlement were incomers, who were grown in other geochemical conditions.*

Keywords: *Bospor kingdom, Abrau peninsula, study of mobility of ancient population, analysis of strontium isotopes.*

УДК 902/904

А. М. Новичихин

Н. И. ВЕСЕЛОВСКИЙ – АРХЕОЛОГ И ИСТОРИК АНАПЫ

N. I. VESELOVSKY – ARCHEOLOGIST AND HISTORIAN OF ANAPA

Аннотация. *Статья посвящена вкладу выдающего российского учёного, профессора Петербургского университета Н. И. Веселовского в изучение археологии и истории города Анапы.*

Ключевые слова: *Н. И. Веселовский, Анапа, археология, история.*

В 2019 г. Анапскому археологическому музею исполнилось 110 лет. Открытие в начале XX в. музея в Анапе было предопределено более чем двухтысячелетней историей города. Анапская земля хранила и хранит немало материальных свидетельств древних эпох, время от времени извлекаемых из недр истории исследователями-археологами.

Николай Иванович Веселовский. Фото 1887 г. (Манцевич А. П. Курган Солоха. Л. : Искусство, 1987. Рис. 1)

Появление музея в Анапе связано с деятельностью выдающегося российского археолога Николая Ивановича Веселовского (1848–1918).

Николай Иванович Веселовский родился 12 ноября 1848 г. в Москве. В 1867 г. окончил Вологодскую гимназию и поступил на факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета, где специализировался по «арабско-турецкому разряду». Его студенческое исследование «О податях и повинностях, налагавшихся монголами на побеждённые народы» удостоено медали.

По окончании университетского курса молодой ориенталист был оставлен в университете для подготовки магистерской диссертации «Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве с древнейших времён до настоящего», успешно защищённой в 1877 г. После защиты диссертации Веселовский утверждён доцентом, а с 1890 г. – «исправляющим должность профессора».

В 1885 г. он командирован в Среднюю Азию (Туркестанский край) для проведения археологических изысканий. С начала 1890-х гг. приступает к археологическому изучению курганных древностей юга России [4, с. 12; 6, с. 165–167; 7, с. 68–72].

В 1894 г. Николай Иванович провёл свои первые раскопки на Кубани, в том числе в районе Анапы. В 1895 г., как следует из сообщения в газете «Кубанские областные ведомости», учёный был специально командирован Императорской Археологической комиссией для изучения курганов в Кубанской области [1, с. 64]. За 22 года, с 1894 по 1917 г., учёный исследовал на Кубани около 500 курганов, многие из которых достигали 10 м и более в высоту [22, с. 362]. Ему принадлежит слава первооткрывателя Майкопской археологической культуры, названной по раскопанному Веселовским в 1897 г. в Майкопе десятиметровому кургану Ошад, содержавшему богатейшее царское захоронение III тыс. до н. э. В числе раскопанных археологом на Кубани курганов – такие эталонные для изучения древних культур скифов, меотов, сарматов памятники, как Келермесские, Ульские, Костромские и Елизаветовские курганы, курганы Зубовско-Воздвиженской группы, курганные погребения «Золотого кладбища». В одной из работ по истории археологических исследований Кубани прозвучало, что Н. И. Веселовский обладал огромным полевым опытом и прекрасной интуицией, позволившими ему совершить выдающиеся археологические открытия [23, с. 71]. Помимо опыта и интуиции, учёному были присущи выдающаяся работоспособность и несомненный талант в деле организации археологических экспедиций. 500 курганных насыпей, раскопанных только на Кубани, впечатляют. А ведь Николай Иванович одновременно вёл раскопки в Крыму, на Украине, в области Войска Донского, на Ставрополье. И везде результаты раскопок были блестящими. Достаточно вспомнить открытые им богатейшие скифские царские курганы Солоха [9], Огуз, Чмырёва могила и др.

Веселовский не оставлял без внимания и анапские древности. Дело в том, что своей археологической «штаб-квартирой» он избрал Анапу, где в 1895 г. поселился на даче. По словам старожилов, он снимал небольшой особняк с башенкой из жёлтого кирпича, что сохранился и поныне на углу улиц Таманской и Пушкина. В одном из писем, сообщая адресату место пребывания, Николай Иванович указывает: «Анапа, собственный дом» [8, с. 47]. В этом доме Н. И. Веселовский прожил до 1917 г., отлучаясь в столицу и во многочисленные экспедиции.

Дача Н. И. Веселовского на углу улиц Пушкина и Таманской. Фото автора. 2009 г.

В течение четырёх сезонов он вёл раскопки в Анапе. Вот краткая их хроника и основные итоги.

1894 г.

Район кирпичных заводов – исследован каменный склеп III–I вв. до н. э., служивший семейной усыпальницей, в которой были погребены девять человек.

Местность Махотра – раскопаны шесть средневековых курганов (X–XII вв.).

Станица Гостагаевская – в раскопанном кургане открыто катакомбное погребение эпохи бронзы [16, с. 14, 82–85, 86, 87].

1895 г.

Продолжение раскопок курганов в местности Махотра – раскопано пять курганов, в том числе с погребениями по обряду кремации, одно из которых сопровождалось христианским нательным крестом [17, с. 27, 135–137].

1903 г.

Раскопки курганов в Джемете, среди находок – фрагмент мраморного рельефа с изображением головы Медузы Горгоны.

Лысая гора – исследован курган с каменной гробницей античного времени.

Станица Гостагаевская – раскопано несколько курганов [18, с. 77–80].

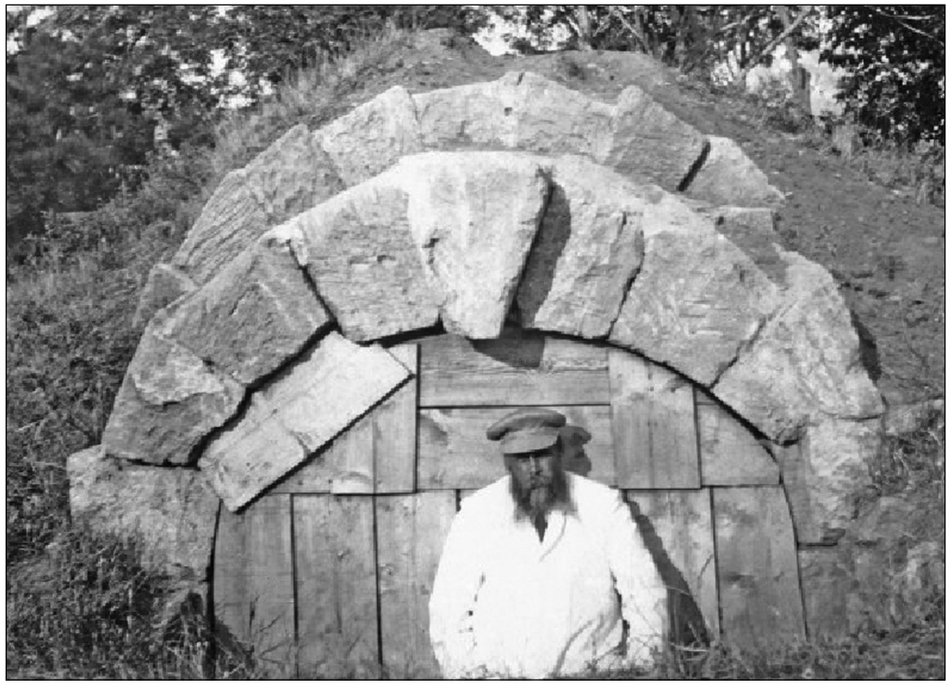
1908 г.

Близ станицы Анапской раскопан курган с каменным расписным склепом IV–III вв. до н. э. – склепом «Героон» [19, с. 119–122].

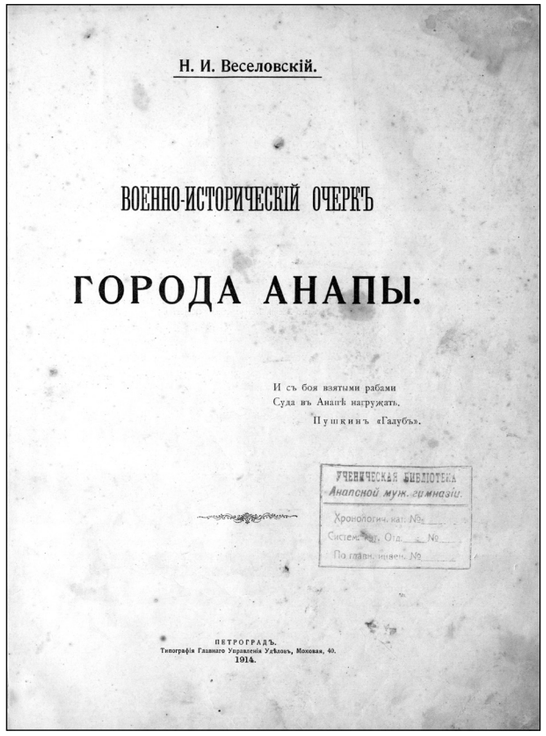
Последняя находка привлекла внимание археологической общественности. Для фиксации сохранившихся фрагментов росписи был командирован художник М. В. Фармаковский. Описание склепа включено в альбом академика М. И. Ростовцева «Античная декоративная живопись на Юге России» [20, с. 4, табл. XXVII–XXXI].

Кроме того, как сообщает Веселовский в отчёте о раскопках: «Склеп, по желанию Анапской городской управы, перевезён в г. Анапу и поставлен в городском саду» [19, с. 122]. В научном архиве Института истории материальной культуры РАН сохранилась фотография, запечатлевшая Николая Ивановича в Анапе, у входа в восстановленный склеп [7, вклейка].

Проводившиеся в окрестностях Анапы археологические раскопки действительно всегда привлекали внимание анапчан (или как они себя тогда именовали – анапцев). В начале XX в., по словам современника, «в среде местных жителей, к числу которых надо отнести и живущего в Анапе уважаемого профессора Н. И. Веселовского, явилась мысль основать здесь историко-археологический

Н. И. Веселовский у склепа, восстановленного в городском саду Анапы. Фото 1915 г. (Длужневская Г. В. Археологические исследования в европейской части России и на Кавказе в 1859–1919 гг. (по документам Научного архива ИИМК РАН). СПб. : ЛЕМА, 2014. Вклейка)

Н. И. Веселовскій.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

ГОРОДА АНАПЫ.

И съ боя взятыми рабами
Суда въ Анапѣ нагружать.
Пушкинъ «Галубъ».

УЧЕНИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
Анапской муж. гимназіи.
Хронологич. кат. №
Систем. кат. Отд. №
По алфавит. указ. №

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Главнаго Управленія Уѣлзовъ, Моховая, 40.
1914.

Титульный лист книги Н. И. Веселовского «Военно-исторический очерк города Анапы». Экземпляр, хранящийся в Анапском археологическом музее

музей». «В осуществление» идеи создания музея упомянутый выше расписной склеп был разобран, перевезён в Анапу и 16 (29) июля 1909 г. торжественно открыт для всеобщего обозрения в городском саду. В расположенном рядом здании курзала вскоре открылся «кабинет древностей», судя по всему, из подаренных жителями города случайных археологических находок и небольшой коллекции приобретений, хранившихся на даче у Н. И. Веселовского [14].

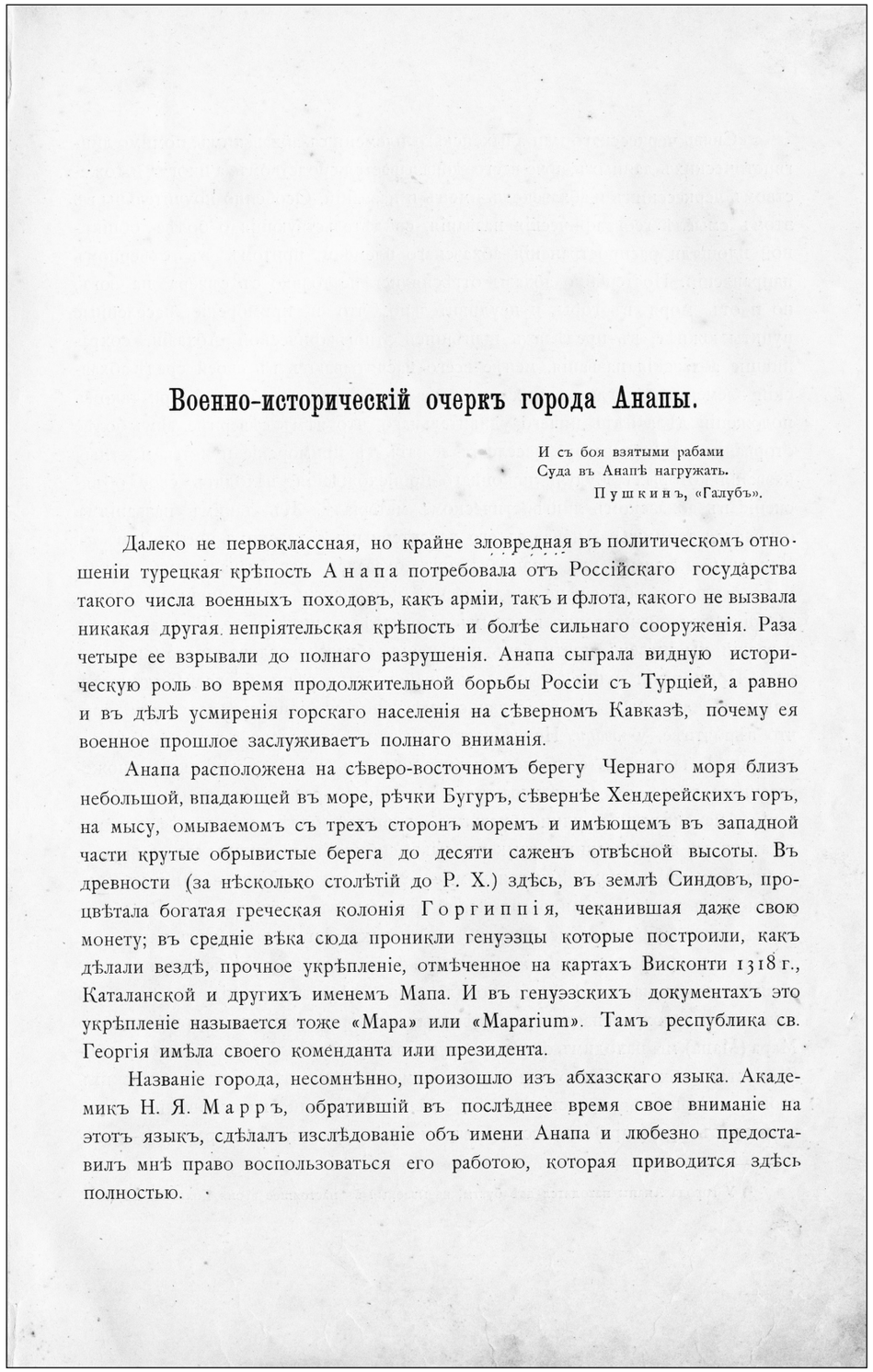
Известно, что Николаем Ивановичем для Императорской Археологической комиссии систематически приобретались у местного населения случайно обнаруживаемые в Анапе предметы древности. Так в Императорском Эрмитаже сформировалась богатейшая коллекция горгиппийских надписей. Некоторые предметы, в том числе надписи, как сообщает академик В. В. Латышев [11, с. 64; 12, с. 74; 13, с. 109], хранились у Веселовского на даче – видимо, они и стали первоосновой фонда первого Анапского музея.

Представляется, что выбор Анапы для Веселовского не случаен. Ведь он был другом другого известного российского археолога и востоковеда – Владимира Густавовича Тизенгаузена, в 1870–1880-х гг. активно исследовавшего курганы в окрестностях Анапы [15, с. 150–155; 21, с. 236; 5] и, несомненно, привившего своему младшему коллеге интерес к анапским древностям. Известно, что Н. И. Веселовский сохранил один из текстов «Археологической оды», посвящённой Тизегаузену археологом Е. Е. Люценко, и несколько стихов самого Владимира Густавовича [10, с. 64–89].

Нередко Николай Иванович вёл раскопки в нескольких местах одновременно. Известны имена трёх приказчиков, руководивших артелями рабочих на раскопках курганов: Иван Маленко, Дмитрий Ефимов и Иван Свидин [22, с. 263–265]. Первые двое – анапчане.

Несмотря на профессиональную загруженность, учёный находил время активно участвовать в общественной жизни полюбившейся им Анапы – об этом свидетельствуют газеты начала XX в. Анапчанам тоже по душе пришёлся столичный профессор – известно, что Н. И. Веселовский был избран в Анапскую городскую думу [24, с. 255].

Его перу принадлежат десятки трудов по различным вопросам археологии и истории. Временной охват его научных интересов: от III тыс. до н. э. до истории России и стран Востока конца XVIII – начала XIX в. Своеобразным подарком анапчанам стал вышедший в 1914 г. «Военно-исторический очерк истории г. Анапа». Будучи знатоком восточных, в том числе турецких, письменных источников, учёный сумел максимально привлечь их и представить развёрнутую картину строительства в Анапе в конце XVIII в. турецкой крепости, описать

Военно-историческій очеркъ города Анапы.

И съ боя взятыми рабами
Суда въ Анапѣ нагружать.
Пушкинъ, «Галубъ».

Далеко не первоклассная, но крайне зловредная въ политическомъ отношеніи турецкая крѣпость Анапа потребовала отъ Россійскаго государства такого числа военныхъ походовъ, какъ арміи, такъ и флота, какого не вызвала никакая другая непріятельская крѣпость и болѣе сильнаго сооруженія. Раза четыре ее взрывали до полнаго разрушенія. Анапа сыграла видную историческую роль во время продолжительной борьбы Россіи съ Турціей, а равно и въ дѣлѣ усмиренія горскаго населенія на сѣверномъ Кавказѣ, почему ея военное прошлое заслуживаетъ полнаго вниманія.

Анапа расположена на сѣверо-восточномъ берегу Чернаго моря близъ небольшой, впадающей въ море, рѣчки Бугуръ, сѣвернѣе Хендерейскихъ горъ, на мысу, омываемомъ съ трехъ сторонъ моремъ и имѣющемъ въ западной части крутые обрывистые берега до десяти саженъ отвѣсной высоты. Въ древности (за нѣсколько столѣтій до Р. Х.) здѣсь, въ землѣ Синдовъ, процвѣтала богатая греческая колонія Горгиппія, чеканившая даже свою монету; въ средніе вѣка сюда проникли генуэзцы которые построили, какъ дѣлали вездѣ, прочное укрѣпленіе, отмѣченное на картахъ Висконти 1318 г., Каталанской и другихъ именемъ Мапа. И въ генуэзскихъ документахъ это укрѣпленіе называется тоже «Мара» или «Maparium». Тамъ республика св. Георгія имѣла своего коменданта или президента.

Названіе города, несомнѣнно, произошло изъ абхазскаго языка. Академикъ Н. Я. Марръ, обратившій въ послѣднее время свое вниманіе на этотъ языкъ, сдѣлалъ изслѣдованіе объ имени Анапа и любезно предоставилъ мнѣ право воспользоваться его работою, которая приводится здѣсь полностью.

Первая страница книги Н. И. Веселовского «Военно-исторический очерк города Анапы». Экземпляр, хранящийся в Анапском археологическом музее

основные события её истории, а также дать подробное описание шести походов русских войск на эту крепость [2].

Благодаря хранящейся в Краснодарском государственном историко-археологическом музее-заповеднике им. Е. Д. Фелицына переписке Николая Ивановича с директором Кубанского войскового музея Иваном Ефимовичем Гладким удалось выяснить, как появилась эта книга. Дело в том, что известна статья Н. И. Веселовского с тем же названием, опубликованная в «Записках разряда военной археологии и археографии Русского военно-исторического общества» [3]. В письме от 28 июня 1911 г. Николай Иванович сообщает, что сотрудничает с Русским военным историческим обществом – гонорара за публикации нет, зато каждому автору выдаются 100 экземпляров оттисков статьи [8, с. 47]. Судя по всему, получив причитавшиеся ему 100 экземпляров оттисков с дополнительно отпечатанным титулом, Н. И. Веселовский отдал их в переплётную мастерскую и получил 100 экземпляров книги с тем же названием. Значительная часть тиража распространялась в Анапе.

Последнее письмо Е. И. Гладкому из Анапы датировано 28 августа 1917 г. В нём Николай Иванович сообщает о намерении уехать в столицу: «7 сентября выезжаю в Петроград, где придётся испытать форменный голод» [8, с. 5]. Эта поездка оказалась роковой. 12 апреля 1818 г. Н. И. Веселовского не стало.

В 1918 г. в 65-м выпуске «Известий Императорской Археологической комиссии» появилось короткое сообщение о кончине учёного с указанием, что в следующем выпуске, посвящённом памяти ушедшего археолога, появится подробный некролог. Но следующий выпуск «Известий» так и не вышел. В стране бушевала Гражданская война, было не до археологии и уж тем более не до увековечения памяти известного учёного.

Таким образом, получилось, что кончина Николая Ивановича Веселовского ознаменовала собой смену двух эпох в науке – на смену российской археологии пришла археология советская. Тем не менее преемственность сохранилась – все последующие поколения исследователей продолжают изучать открытые Н. И. Веселовским памятники древних культур, с благодарностью вспоминая своего талантливого предшественника.

И сегодня, спустя более чем столетие, мы отдаём дань памяти выдающемуся исследователю археологии и истории Анапы, отмечая, что он подарил ей не только очерк военной истории, но и археологический музей.

1. Бардадым В. Николай Иванович Веселовский // Бардадым В. Радетели земли кубанской. Краснодар : Советская Кубань, 1998. 268 с.

2. Веселовский Н. И. Военно-исторический очерк города Анапы. Петроград : тип. Главного управления уделов, 1914. 74 с.

3. Веселовский Н. И. Военно-исторический очерк города Анапы // Записки разряда военной археологии и археографии Императорского Русского военно-исторического общества. Т. 3. Санкт-Петербург : тип. Главного управления уделов, 1914. С. 27–98.

4. Выдающиеся учёные Санкт-Петербурга и изучение древних культур и цивилизаций Центральной Азии и Кавказа. Санкт-Петербург : Европейский Дом, 2003. 28 с.

5. Горончаровский В. А. Барон Тизенгаузен и античные древности Анапского района // Анапа, 2008. 18 марта. № 28 (2506).

6. Длужневская Г. В. Археологические исследования в Центральной Азии и Сибири в 1859–1959 годах (по документам Научного архива ИИМК). Санкт-Петербург : ЭлекСис, 2011. 296 с.

7. Длужневская Г. В. Археологические исследования в европейской части России и на Кавказе в 1859–1919 годах (по документам Научного архива ИИМК РАН). Санкт-Петербург : ЛЕМА, 2014. 218 с.

8. Золотарева Н. А. Письма Н. И. Веселовского в коллекции КГИАМЗ // Древности Кубани. Краснодар, 2003. Вып. 21. С. 45–51.

9. Манцевич А. П. Курган Солоха. Ленинград : Искусство, 1987. 143 с.

10. Маркевич А. Стихотворения археологов Е. Е. Люценка и барона В. Г. Тизенгаузена // Известия Таврической учёной архивной комиссии. Симферополь, 1910. № 44. С. 64–89.

11. Латышев В. В. Греческие и латинские надписи, найденные в южной России в 1892–1894 годах // Материалы по археологии России. 1895. № 17. 86 с.

12. Латышев В. В. Эпиграфические новости из южной России (Находки 1909 и 1910 годов) // Известия Императорской Археологической комиссии. 1910. Вып. 37. С. 65–75.

13. Латышев В. В. Эпиграфические новости из южной России (Находки 1912 года) // Известия Императорской Археологической комиссии. 1913. Вып. 47. С. 104–116.

14. Новичихин А. М. Рождение Анапского музея // Анапское Черноморье. 1995. 17 мая. № 78 (9832).

15. Новичихин А. М. «По распоряжению Императорской Археологической комиссии...» (Из истории изучения анапских древностей) // Социально-культурный сервис и туризм: проблемы и перспективы развития. Москва : ВШК, 2006. Вып. 1. С. 150–155.

16. Отчёт Императорской Археологической комиссии за 1894 г. Санкт-Петербург, 1896. 171 с.

17. Отчёт Императорской Археологической комиссии за 1895 г. Санкт-Петербург, 1897. 201 с.

18. Отчёт Императорской Археологической комиссии за 1903 г. Санкт-Петербург, 1906. 245 с.

19. Отчёт Императорской Археологической комиссии за 1908 г. Санкт-Петербург, 1912. 226 с.

20. Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на Юге России. Санкт-Петербург : Императорская Археологическая комиссия, 1913. 12 с.

21. Тихонов И. Л. Русский востоковед, нумизмат, археолог В. Г. Тизенгаузен // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. Антиковедческо-историографический сборник памяти Я. В. Доманского. Санкт-Петербург : Нестор-история, 2007. С. 220–244.

22. Тихонов И. Л. Археологические исследования Н. И. Веселовского на Кубани // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар, 2009. С. 362–365.

23. Тункина И. В. История изучения // Античное наследие Кубани. Т. I. Москва : Наука, 2010. С. 20–129.

24. Харалдина З. Е. Дачники в жизни Анапы на этапе становления курорта // Фелицынские чтения (XV). Провинциальный город в социокультурном пространстве XVIII–XXI вв. Краснодар : ООО Вика-принт, 2014. С. 253–257.

1. Bardadym V. Nikolai Ivanovich Veselovsky // Bardadym V. Guardians of the Kuban Land. Krasnodar : Sovetskaya Kuban, 1998. 268 p.

2. Veselovsky N. I. Military-historical Sketch of the City of Anapa. Petrograd : Printing House of the Main Administration of the Shire, 1914. 74 p.

3. Veselovsky N. I. Military-historical Sketch of the City of Anapa // Notes of the Category of Military Archaeology and Archeography of the Imperial Russian Military Historical Society. Vol. III. Saint Petersburg. P. 27–98.

4. Outstanding Scientists of Saint Petersburg and the Study of Ancient Cultures and Civilizations of Central Asia and the Caucasus. Saint Petersburg : European House, 2003. 28 p.

5. Goroncharovsky V. A. Baron Tizengauzen and of Antiquity Anapa District // Anapa. 2008. March 18. № 28 (2506).

6. Dluzhnevskaya G. V. Archaeological Research in Central Asia and Siberia in 1859–1959 (According to the Documents of the Scientific Archive of the IHMC). Saint Petersburg : ElekSis, 2011. 296 p.

7. Dluzhnevskaya G. V. Archaeological Research in the European Part of Russia and the Caucasus in 1859–1919 (According to the Documents of the Scientific Archive of the IHMC RAS). Saint Petersburg : LEMA, 2014. 218 p.

8. Zolotareva N. A. Letter of the N. I. Veselovsky in the Collection of KHAMR // Kuban Antiquities. Krasnodar, 2003. Vol. 21. P. 45–51.

9. Mantsevich A. P. Solokha Burial. Leningrad : Art, 1987. 143 p.

10. Markevich A. Poems of the Archaeologists E. E. Lucenko and Baron V. G. Tizengauzen // News of the Tauride Scientific Archive Commission. Simferopol, 1910. №. 44. P. 64–89.

11. Latyshev V. V. Greek and Latin Inscriptions Found in the Southern Russia in 1892–1894 // Materials on Archaeology of Russia. 1895. № 17. 86 p.

12. Latyshev V. V. Epigraphic News from the Southern Russia (Finds of 1909 and 1910) // News of the Imperial Archaeological Commission. 1910. Vol. 37. P. 65–75.

13. Latyshev V. V. Epigraphic News from the Southern Russia (Finds of 1912) // News of the Imperial Archaeological Commission. 1913. Vol. 47. P. 104–116.

14. Novichikhin A. M. The Birth of the Anapa Museum // Anapa Black Sea coast. 1995. May 17. № 78 (9832).

15. Novichikhin A. M. «By Order of the Imperial Archaeological Commission...» (From the History of Studying Anapa Antiquities) // Socio-Cultural Service and Tourism: Problems and Prospects of Development. Moscow: VShK, 2006. Vol. 1. P. 150–155.

16. Report of the Imperial Archaeological Commission for 1894. Saint Petersburg, 1896. 171 p.

17. Report of the Imperial Archaeological Commission for 1895. Saint Petersburg, 1897. 201 p.

18. Report of the Imperial Archaeological Commission for 1903. Saint Petersburg, 1906. 245 p.

19. Report of the Imperial Archaeological Commission for 1908. Saint Petersburg, 1912. 226 p.

20. Rostovtsev M. I. Antique Decorative Painting in the South of Russia. Saint Petersburg : Imperial Archaeological Commission, 1913. 12 p.

21. Tikhonov I. L. Russian Orientalist, Numismatist, Archeologist V. G. Tizengauzen // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. Ancient studies-Historical and Historiographical Collection in Memory of the Y. V. Domansky. Saint Petersburg : Nestor-History, 2007. P. 220–244.

22. Tikhonov I. L. Archaeological Research of the N. I. Veselovsky in Kuban // Fifth Kuban Archaeological Conference. Conference Proceedings. Krasnodar, 2009. P. 362–365.

23. Tunkina I. V. History of Study // Ancient Heritage of Kuban. T. I. Moskow : Science, 2010. P. 20–129.

24. Kharaldina Z. E. Summer Residents in the Life of Anapa at the Stage of Becoming a Resort // Felitsyn Readings (XV). A Provincial City in the Socio-Cultural Space of the XVIII–XXI Centuries. Krasnodar : Vika-print LTD, 2014. P. 253–257.

Annotation. *The article is devoted to the contribution of an outstanding Russian scientist, Professor of St. Petersburg University N. I. Veselovsky to the study of the archeology and history of the city Anapa.*

Keywords: *N. I. Veselovsky, Anapa, archeology, history.*

УДК930. 271

Н. А. Павличенко

ВТОРАЯ НАДПИСЬ ГЕРАКА, СЫНА ПОНТИКА, ГЛАВНОГО ПЕРЕВОДЧИКА АЛАНОВ[1]

THE SECOND INSCRIPTION OF HERAKAS, SON OF PONTIKOS, THE CHIEF INTERPRETER OF THE ALANS

Аннотация. *В статье представлен найденный в 2017 г. на некрополе Кыз-Аул фрагмент мраморной плиты с греческой надписью на одной его стороне и частью рельефа на другой. Надпись датируется 204 г. н. э. Сохранившийся текст позволяет восстановить имя и титулатуру Герака, сына Понтика, главного переводчика аланов и управляющего царским двором.*

Ключевые слова: *Боспор, Кыз-Аул, главный переводчик аланов.*

В 2017 г., во время исследования склепа № 10 греческого некрополя Кыз-Аул около деревни Яковенково, в юго-восточной части Керченского полуострова, вместе с разновременной керамикой (от IV–III вв. до н. э. до VIII–X вв. н. э.) в заполнении одной из камер склепа № 10 был обнаружен фрагмент мраморной плиты[2].

В настоящее время этот фрагмент хранится в Лапидарии Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника (ВКИКМЗ, № КП-192234).

Размеры плиты: высота – 18,5 см, ширина – 26,3 см, толщина – 3,8 см, высота букв – 0,15–0,16 см. Верхняя часть плиты, её левая и частично правая стороны обломаны. На одной стороне сохранилось семь строк греческой надписи (в некоторых строках сохранились следы линеек), на другой стороне видна часть рельефа – обращённые вправо голова и шея лошади.

В последней строке надписи мы видим дату по понтийской эре – 501 г., 25-й день месяца даисия, то есть 204 г. н. э. Начало этой строки не сохранилось, но, вероятнее всего, дата указана посредством обычной для первых веков н. э. формулы: *в таком-то году, месяца такого-то, дня такого-то* – [ἐν τῷ] αφ’, Δα-

[1] Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы: 0184-2019-0005 «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

[2] Подробнее об обстоятельствах находки и археологическом контексте см. в «Отчёте о результатах археологических исследований...» Н. Ф. Федосеева [14, с. 27–45] и первой публикации этого памятника в петербургском журнале «Hyperboreus» [30, p. 315–336]; первые отклики А. Аврама [BE, 2019. № 341] и А. В. Белоусова [2, с. 192 № 44] о публикации этого памятника см. в эпиграфических обзорах.

Фрагмент плиты, найденный на некрополе Кыз-Аул в 2017 г., с надписью на одной стороне и остатками рельефа на другой стороне плиты. Вторая надпись Герака, сына Понтика

εισίου κε’. Надпись, таким образом, датируется временем царствования боспорского царя Савромата II. Кроме того, буквы АРХЕРМ в пятой строке, следующие непосредственно за генитивом Ποντικοῦ, позволяют восстановить здесь имя Герака, сына Понтика, главного переводчика аланов. Он уже известен нам по надписи [6, № 1053], найденной в Тамани на месте крепости Фанагория в 1910 г. (ВКИКМЗ, инв. № КЛ-109, КП 68674) [7, № 1053; 19, S. 229, Kat. 1. 26]. На одной стороне этой плиты высечены тамга Савромата II и строительная надпись, в которой сообщается, что некое здание построено попечением Герака, сына Понтика, в 505 г. б. э., то есть в 208 г. н. э. На другой стороне – рельеф, изображающий сцену прощания, и эпитафия, датирующаяся по характеру шрифта I в. н. э. [6, № 1085].

Шрифт первой и второй надписей с упоминанием Герака, сына Понтика, имеет очень мало сходных черт, хотя эти надписи были найдены достаточно близко друг от друга. Наиболее характерны различия в написании *эпсилон*, *ню* и особенно *омеги*. *Омега* первой надписи имеет курсивное написание, во второй же она выглядит как круг правильной формы с сомкнутыми внизу концами на горизонтальной гасте. Ближайшую аналогию для такого варианта написания *омеги* можно найти в фанагорийском священном законе [6, № 1005; 7, № 1005]. Это позволяет, во-первых, относить эту надпись скорее к началу III в. н. э., а не к I или II в. н. э., как предполагали В. В. Латышев, С. А. Жебелев и позднее издатели КБН [6, № 1005]. Во-вторых, можно с осторожностью предположить, что вторая надпись Герака, сына Понтика, вырезана в той же мастерской, что и фанагорийский священный закон.

В первой строке сохранились только три буквы. Это окончание генитива единственного числа и начало следующего слова. Для этой строки, как и для начала надписи в целом, возможно только гипотетическое восстановление.

Во второй строке сохранилось только начало (к сожалению, две или три последние буквы утрачены) participium aoristi activi женского рода глагола καταπίπτω. В тех случаях, когда речь идёт о каких-либо конструкциях, он имеет значение «рушиться» [29, p. 144 s. v. καταπίπτω; And. *Demysteriis*. 108]. В этом значении καταπίπτω часто встречается в надписях. Так, в аттическом декрете о ремонте святилища Амфиарая в Рамнунте конца III в. до н. э. этот глагол встречается несколько раз в типичном описании требующих ремонта построек [24, № $1322_{4\text{-}6}$]. В астиномном законе из Пергама καταπίπτω употребляется по отношению к упавшим стенам – τῶν δὲ δεομένων ἐπισκευῆς κοινῶ[ν] τοίχων ἢ καταπεσόντων («*когда общие стены нуждаются в ремонте или обрушились*») [33, p. 23 (col. III. 112–114), 61]. Аналогичное значение мог иметь и глагол без приставки: М.-К. Хелманполагает, что формулой [τὸν τοῖχον] τὸμ πεσόντα в счёте делосских гиеропеев 246 г. до н. э. [26, № 290_{123}] обозначалась полностью рухнувшая стена [23, p. 359].

Четыре буквы в начале третьей строки могут быть восстановлены как форма aoristi activi единственного числа от глагола καθιερόω *(«посвящать»)*, который из всех глаголов на -οω лучше всего подходит по контексту, то есть *«он посвятил»*. Учитывая наличие во второй строке причастия от глагола со значением *«рушиться»*, представляется маловероятным, что речь идёт о посвящении статуи императора, как в пантикапейской надписи [6, № 41, 1048]. Скорее объектом посвящения было какое-то здание. В боспорских надписях такого рода употребляются и ἀνατίθημι, и καθιερόω. Последний глагол используется, например, в пантикапейском посвящении Аспургу, вырезанном на плите архитрава здания неясного предназначения (Пантикапей, 23 г. н. э.) [6, № 39].

Второй пример особенно важен для нас, так как он является близкой аналогией для надписи из Кыз-Аула. Это надпись 105 г. н. э. из Гермонассы [6, № $1045_{3\text{-}5}$]. Савромат I, восстановив от основания уничтоженные временем портики, которые окружали храм, посвятил их Афродите Апатурии [-- τὰς] περιναΐους στοὰ[ς τὰ]ς τῶν[--] / [--χρόνωι κα] θῃρημένας ἐκ θεμελίων διεγείρας / [-- Ἀφρο]δείτηι Ἀπατουριάδι καθειέρωσεν.

Маловероятно, что кто-нибудь будет посвящать божеству или царю Боспора разрушенное здание. Следовательно, если предположить, что наша надпись составлена по той же схеме, тогда в утраченных верхних строках надписи должна была быть глагольная форма, конкретизирующая действия, связанные с разрушенной постройкой, например какая-то форма от глаголов со значением *«восстанавливать*, *вновь строить, возобновлять»* – ἀνασκευάζω, ἐπισκευάζω, (ἀν)οικοδομέω или другого глагола с близким значением. [ΚΑ]ΤΑΠΕΣΟΥΣ, по-видимому, следует восстанавливать как аккузатив, зависящий от этой глагольной формы. В причерноморских надписях II–III вв. н. э. причастие от глаголов καθαίρω, καταφέρω, διαφθείρω, καταφθείρω и ἀμελέομαι] [6, s. v.; 8, с. 229–231], характеризующих разную степень разрушения постройки, обычно ставилось в форме participium aoristi или perfecti passivi. Тем не менее есть случаи, когда эта характеристика выражена и посредством participium aoristi activi – как, например, в упомянутых ранее счетах делосских гиеропеев или в пергамском астиномном законе.

Тогда, учитывая размер лакуны в начале второй строки, и то, что причастие во второй строке имеет форму женского рода, можно дополнить перед ним τὰς στοάς или, например, τὰς πύλας, то есть [*восстановив*] *разрушенную* [*стою*] или *разрушенные* [*ворота*]. Имя же адресата посвящения, очевидно, должно было находиться непосредственно перед [καθιέρ]ωσεν. Кому могло быть посвящено это сооружение? Опять-таки, исходя из размеров лакуны в начале третьей строки, мы можем дополнить e. g., τῷ Διὶ, или Ἡρακλεῖ, или τῷ πόλει.

Вероятнее всего, автором посвящения являлось частное лицо, поэтому источник средств, на которые должны были установить надпись, можно восстановить как ἐκ τῶ[ν ἰδίων ἀναλω]μάτων – посвятил *«на собственные средства»*. И затем в четвёртой и пятой строках следует указание на то, какое именно должностное лицо ответственно за постройку здания – δι᾽ ἐπιμε[λείας Ἡρακᾶ] Ποντικοῦ – *«попечением Герака, сына Понтика»*.

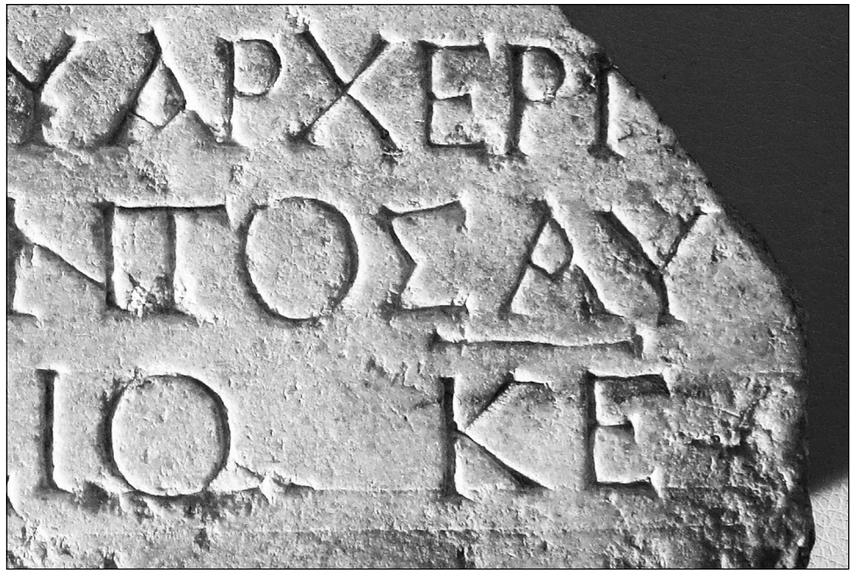
Таким образом, если принять предложенные дополнения, в первых шести строках надписи сообщается о том, что некто, *«*[*восстановив*] *за свой счёт разрушенные* [*сооружения*]*, посвятил их на собственные средства* [*божеству (или городу)?*] *попечением Герака, сына Понтика, главного переводчика аланов»*.

В середине шестой строки мы видим полностью сохранившееся слово ἄρχοντος в форме генитива единственного числа, совпадающей с формой генитива имени Герака, сына Понтика. С большой долей уверенности можно предположить, что это причастие – буквально *«попечением Герака, сына Понтика, управляющего...»*. Боспорские примеры использования причастия от ἄρχω в значении «управлять кем-то/чем-то» хорошо известны. В титулатуре Левкона I, Перисада I, Спартока III и Перисада IV Филометра [6, s. v.; 12, с. 101] субстантивированная форма причастия от глагола ἄρχω использовалась с начала IV в. до н. э. вплоть до последней четверти II в. до н. э. Можно упомянуть также монеты Гигиенонта и Асандра с надписями ἄρχοντος Ὑγιαίνοντος, ἄρχοντος Ἀσάνδρου или ἄρχοντος Ἀσάνδρου Βοσπόρου [1, 2011, с. 182, 183, № 1275, 1276, с. 187, 188, № 1312–1317; 5, табл. XLII. 18, XLIV. 7, 8; 15, с. 165–167, кат. 1–5, с. 175) и титул одного из высших должностных лиц Танаиса конца II – начала III г. до н. э. – ἄρχων Ταναειτῶν [6, № 1242, 1245; 3, с. 163–165]. Во всех этих случаях субстантивированное причастие обозначает человека, управляющего определённой территорией и определённой проживающей на ней группой людей.

Помимо ἄρχων τινός, на Боспоре существовала ещё одна формула, также использовавшаяся для обозначения «человека, управляющего кем-то/чем-то» – ὁ ἐπί τινος. Многочисленные примеры показывают, что формула была универсальной и обозначала как того, кто управлял школой или конюшней, так и наместника города или области [ὁ ἐπὶ τοῦ παδαγωγίου (Пантикапей, II в. н. э.) [6, № 706], ὁ ἐπὶ τοῦ ἱππῶνος (Китей, 234 г. н. э.) [6, № 942], ὁ ἐπὶ τῶν Ἀσπουργιανῶν (Пантикапей, 70-е гг. III в. н. э.) [6, № 36 ($A_{16\text{-}17}$)], ὁ ἐπὶ τῆς Θεοδοσίας (Пантикапей, 70-е гг. III в. н. э.) [6, № 36 (A_{15})] и т. д.

Употребление в подобном значении субстантивированного причастия ἄρχωνι формулы ὁ ἐπί τινος известно также и для Малой Азии, где термин ἄρχων применялся для обозначения главы ассоциации или должностных лиц различного ранга, как, например, в надписи 180–161 гг. до н. э. из Милета – ἐπελθόντες ἐπί τε το ὺς ἄρχοντας καὶ τὴν βουλὴν καὶ τὴν ἐκκλησίαν [$20{,}633_{14}$]. Среди надписей Эфеса II в. н. э. упоминается ἄρχων τῶν ἰατρῶν, то есть глава ассоциации врачей [21, S. 89–92; 31, S. 361–363], в Дидимах в то же время известен ἄρχων ἀρχείου, то есть глава государственного архива (32, № 463_5). В происходящих из Малой Азии надписях, упоминающих гинекономов, их должность, как правило, обозначается как ὁ ἐπὶ τῆς εὐκοσμίας или ὁ ἐπὶ τῆς εὐκοσμίας παρθένων [22, S. 315, № 463] (Пергам, I в. н. э.) [17, № 3185.19] (Смирна). Однако в нескольких малоазийских надписях римского времени магистрат, отвечающий за εὐκοσμία, назван ἐπὶ τῆς εὐκοσμίας ἄρχων [28, X. App. I 187, 69]. Это позволяет предположить, что термин ἄρχων мог иметь то же значение, что ὁ ἐπί τινος.

В боспорских надписях также известен случай, когда одна и та же должность обозначалась и посредством формулы ὁ ἐπί τινος, и с помощью другого термина. В эпитафии из Фанагории 179 г. н. э. [6, № 1000] упоминается ὁ πρὶν ἐπὶ τῆς νήσου *(«прежний начальник острова»)*, а в строительной надпи-

Правый нижний угол второй надписи Герака, сына Понтика

си 220 г. н. э. – ὁ νησσάρχης, *«несарх»* [8, с. 231–233][3].

Чем же управлял Герак, сын Понтика? За словом ἄρχοντος следуют буквы AY, однако начало следующей строки, к сожалению, утрачено.

Рассматривая варианты восстановления текста в конце шестой и начале седьмой строк, можно отметить, что формально генитив ἄρχοντος может быть согласован как с предшествующим генитивом [Ἡρακᾶ] Ποντικοῦ, так и со следующим за ним словом, частью которого являются буквы AY в конце шестой строки. Выбирая тот или другой вариант, следует учитывать то, что начиная со слов ἐκ τῶ[ν ἰδίων ἀναλω]μάτων в третьей строке и вплоть до AY в конце шестой строки, текст надписи, содержащий формульные выражения «на собственные средства» и «попечением такого-то», имя и патронимик Герака, сына Понтика, название уже известной нам из КБН [6, № 1053] должности главного переводчика аланов и полностью сохранившееся слово ἄρχοντος, восстанавливаются вполне надёжно. Правый нижний угол плиты сохранился полностью – мы видим пустое поле рамки без каких-либо остатков букв после AY в конце шестой и KE в конце седьмой строк.

Скол в конце шестой строки находится на достаточном расстоянии от *ипсилон*, так что, если бы там была ещё какая-нибудь буква, её часть, несомненно, была бы видна. Всё это позволяет рассчитать среднюю длину строки в пределах 21–23 букв и утверждать, что в конце третьей строки можно дополнить не более трёх букв (N, I, Δ), а в конце четвёртой – не более одной буквы (Λ). В конце пятой строки дополняется только часть *мю* в слове ἀρχερ[μ]/[ηνέως], которая находится непосредственно над *ипсилон* в конце шестой строки.

Таким образом, реконструируемая длина строки и величина лакуны в начале седьмой строки не позволяют видеть в ΑΡΧΟΝΤΟΣΑΥ шестой строке титулатуру Савромата II с переносом части его имени в следующую строку[4]. Кроме того, если мы рассмотрим полностью сохра-

[3] Выражаю благодарность Н. В. Завойкиной, обратившей наше внимание на эту важную аналогию.

[4] Чтение ἄρχοντο(ς) Σαυρομάτου было предложено Ф. В. Шеловым-Коведяевым во время конференции «Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира» в ноябре 2018 г.

нившиеся боспорские надписи первых веков н. э., в которых имеется сочетание титулатуры боспорского царя в генитиве и даты по боспорской эре, то увидим, что царская титулатура всегда помещалась в самом начале текста надписи, дата же по боспорской эре указывалась или непосредственно за титулатурой (см., например, манумиссии и надписи фиасов [6, № 985, 986, 1021, 1123, 1124, 1126, 1135, 1259, 1260], или в самом конце надписи [6, № 58, 76, 897, 1115, 1241–1245, 1281, 1283, 1284; 6, с. 229, 230]). Если же говорить о возможной утрате сигмы в слове ἄρχοντος – ἄρχοντο(ς) Σαυρομάτου, то имеющиеся в корпусе боспорских лапидарных надписей примеры гаплографии или пропуска сигмы перед последующим согласным относятся по большей части к именам собственным частных лиц [6, с. 810], но не к именам или титулатуре боспорских царей.

Представляется, что в данном контексте единственным вариантом восстановления AY в конце шестой строки может быть только αὐ/[λῆς]. То, что восстанавливаемые Λ, Η и Σ в начале седьмой строки не заполняют всю длину лакуны, не препятствует такой реконструкции, так как перед обозначением даты в последней строке надписи часто можно видеть пустое пространство (см., например: [7, № 53, 54, 1053, 1115, 1279] и особенно [7, № 1045]). Таким образом, полный титул Герака в нашей надписи должен был звучать как *«Герак, сын Понтика, главный переводчик аланов, управляющий царским двором»*. Должность управляющего царским двором хорошо известна по боспорским надписям I – начала III в. н. э. из Пантикапея [6, № 49, 78, 98], Гермонассы [6, № 1055] и Фанагории [6, № 1005]. К сожалению, ни одна из этих надписей не проясняет, в чём состояли его обязанности. О том, что управляющий царским двором принадлежал к высокопоставленным боспорянам, косвенно свидетельствует рельеф на надгробии одного из пантикапейцев, занимавшего эту должность в I в. н. э. [7, № 78]. Дафн, сын Психариона, изображён с коротким «всадническим» кинжалом сарматского типа, использовавшимся в том числе и представителями высших слоёв боспорского общества [13, с. 146–150].

Таким образом, текст надписи можно восстановить следующим образом:

1 [--------]ου ε[------]
2 [----κα]ταπεσουσ[--]
3 [--- καθιέρ]ωσεν ἐκ τῶ[ν ἰδ]-
4 [ίων ἀναλω]μάτων δι᾽ ἐπιμε[λ]-
5 [είας Ἡρακᾶ] Ποντικοῦ ἀρχερ[μ]-
6 [ηνέως Ἀλα]νῶν ἄρχοντος αὐ-
7 [λῆς vacat ἐν τῷ] αφ᾽, Δαεισίῳ κε᾽.

«[---такой-то возобновив] разрушенные [постройки?] на [собственные] средства, посвятил (их) [некоему божеству?] попечением Герака, сына Понтика, главного переводчика аланов, управляющего царским двором, в 501 году, дня 25 месяца Даисия».

Естественно, остаётся вопрос, кто именно восстановил разрушенные постройки и посвятил их некоему божеству (?). Вряд ли это царь Савромат II, так как сомнительно, чтобы он стал посвящать что-либо за свой собственный счёт. Вероятно, это был один из жителей Пантикапея, чей высокий социальный статус побуждал его делать городу столь богатые дары.

Также остаётся вопрос, в чём именно заключались обязанности главного переводчика аланов. Помимо надписей Герака, сына Понтика, в нашем распоряжении есть две эпитафии, упоминающие переводчика из Пантикапея [6, № 698], II в. н. э., и переводчика с языка сарматов из Рима [25, № 1636; 18, № 5207, ок. 10–37 г. н. э.]. Это позволяет предположить, что в первые века н. э. при дворе боспорских правителей существовал штат переводчиков, специализировавшихся в переводе в том числе с языков соседних варварских племён.

Принимая во внимание, что и в первой, и во второй надписи Герак, сын Понтика, наблюдает за строительными работами, равно как и то, что он являлся управляющим царским двором (если мы правильно восстановили последнюю строку публикуемой надписи), его функции, без сомнения, выходили за рамки обычного переводчика с аланского языка. Во многих регионах греко-римского мира обязанности ὁ ἑρμηνεύς часто включали различные посреднические функции в торговой и дипломатической сфере (о переводчиках в Египте см., например, [27, p. 457–462]). Таким образом, знание языка аланов могло быть необходимым условием его деятельности как представителя царской администрации, в чьи обязанности входило взаимодействие с аланами, игравшими важную роль в варварском окружении Боспорского царства в первые века н. э. Упоминание царей аланов, на которых чествуемый военачальник наложил справедливое наказание (?), содержится в пантикапейском энкомии времени Савромата II [16, p. 117–128; 11, с. 163–182].

Как уже было сказано выше, публикуемый опистограф был найден не in situ, а в заполнении склепа первых веков н. э., использовавшегося затем и в качестве жилого помещения, и в качестве помещений для скота. Можно предположить, что дорогостоящий мраморный блок первоначально (вероятно, не позднее I–II вв. н. э.) использовался для заготовки надгробной стелы с рельефом [10, с. 217–219], впоследствии же на его оборотной стороне была высечена надпись. Трудно сказать, где это произошло – на поселении, которому принадлежал кызаульский некрополь, или в каком-то другом месте, например в Пантикапее. Спустя некоторое время, уже в VI в. н. э., плита была разбита и небольшая её часть вместе другим мусором попала в склеп № 10.

Судя по сохранившейся части рельефа, для надписи использована, по-видимому, средняя часть мраморной плиты. Утраченные начальные строки надписи содержали только титулатуру Савромата II или, менее вероятно, тамгу, как и в первой надписи Герака, сына Понтика [9, с. 228; 4, с. 191–203], а также имя и должность того, на чьи средства была возведена посвящаемая постройка.

Публикуемая надпись относится к тем боспорским лапидарным памятникам, которые по формальному признаку (наличие глагола καθιερόω) можно относить к посвятительным, но по содержанию являющимися строительными. В условиях постоянных военных конфликтов Савромата II с окружающими Боспор варварскими племенами всегда велись работы по ремонту и восстановлению городских построек [6, № 970, 1237, 1242, 1243; 8, с. 235], что находило отражение в строительных надписях. Вторая надпись Герака, сына Понтика, относится к их числу.

1. Анохин В. А. Античные монеты Северного Причерноморья. Киев : Стилос, 2011. 328 с.
2. Белоусов А. В., Елисеева Л. Г. Греческая и римская эпиграфика Северного Причерноморья. 2018 г. // Аристей. Т. 20. Москва, 2019. С. 157–202.
3. Вдовченков Е. В. Кем были танаиты (к вопросу об этнической принадлежности нового населения Танаиса II–III вв. н. э.) // Вестник Танаиса. 2012. Вып. 3. С. 163–171.
4. Завойкина Н. В. Боспорские фиасы: между полисом и монархией. Москва : Ун-т Дмитрия Пожарского, 2013. 288 с.
5. Зограф А. Н. Античные монеты // МИА. Т. 16. Москва : Изд-во АН СССР, 1951. 264 с.
6. Корпус Боспорских надписей / [авт.-сост.: Т. Н. Книпович, В. Ф. Гайдукевич, А. И. Доватур, Д. П. Каллистов] ; ред. В. Струве. Москва ; Ленинград : Наука, 1965. 950 с.
7. Корпус боспорских надписей: Альбом иллюстраций. Санкт-Петербург : Bibliotheca classica Petropolitana, 2004. XVI + 432 с. : ил. + геогр. карты (вкладыш).
8. Кузнецов В. Д. Новые надписи из Фанагории // ВДИ. 2007. № 1. С. 227–243.
9. Кузнецов В. Д. Тамга Савромата II из Фанагории // ДБ. 2007. Т. 11. С. 225–231.
10. Кучеревская Н. Л. К интерпретации рельефа на опистографе с надписью Герака, сына Понтика, из некрополя Кыз-Аул // Вестник Танаиса. Ростов-на-Дону, 2019. Вып. 5. С. 217–219.
11. Сапрыкин С. Ю., Парфенов В. Н. ΚΑΙΣΑΡΟΤΩΤΕ энкомия из Пантикапея: Домициан или Коммод? (к вопросу о датировке и интерпретации надписи боспорского полководца // ВДИ. 2012. № 1. С. 163–181.
12. Соколова О. Ю., Павличенко Н. А. Новая посвятительная надпись из Нимфея // Hyperboreus. 2002. Vol. 8. Fasc. 1. С. 99–121.

13. Трейстер М. Ю. Оружие сарматского типа на Боспоре (об одной группе кинжалов, изображённых на пантикапейских надгробиях I–II в. н. э. // Боспорский феномен. Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху. Санкт-Петербург, 2008. С. 146–160.

14. Федосеев Н. Ф. Отчёт о результатах археологических исследований на территории выявленного объекта археологического наследия некрополя «Кыз-Аул» в 2017 году (Ленинский район, Республика Крым) (Открытый лист № 1347 от 24 июля 2017 г.). Керчь, 2018.

15. Фролова Н. А. Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э. – середина IV в. до н. э. Ч. I. Монетное дело Боспора 49/48 г. до н. э. – 210/211 г. н. э.). Москва : Эдиториал УРСС, 1997. 448 с.

16. Bowersock G. W., Jones C. P. A New Inscription from the Panticapaeum // ZPE. 2006. Vol. 156. P. 117–128.

17. Corpus inscriptionum Graecarum.Vol. II. Ed. A. Boeckhius. Berolini : Ex officina academica, 1843.

18. Corpus inscriptionum Latinarum. Vol. VI, pars secunda. Ed. E. Bormann, G. Henzen, Chr. Hvelsen. Berolini : Apud G. Reimerum, 1882. [V]–VIII, [875]–1746 p.

19. Die Krim. Goldene Inselim Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten. Begleitbuch zur Ausstellung. Bonn : LVR-Landes Museum Bonn, 2013. 460 p.

20. Dittenberger W. Sylloge inscriptionum Graecarum. 4 vols. Leipzig : Apud S. Hirzelium, 1915–1924.

21. Engelmann H. Ephesische Schriften // ZPE. 1990. Vol. 84. P. 89–92.

22. Fränkel M. Die Inschriften von Pergamon. Vol. II. Berlin: Verlag von W. Spemann, 1895. 536 p.

23. Hellmann M.-Chr. Recherches sur le vocabulaire de l'architecture grecque d'après les inscriptions de Délos. Paris : De Boccard, 1992. 471 p.

24. Inscriptiones Graecae II et III: Inscriptiones Atticae Euclidis anno posteriores, partes I–III / ed. Johannes Kirchner. Berlin : Walter de Gruyter, 1913–1940.

25. Inscriptiones Graecae. Vol. XIV. Inscriptiones Siciliae et Italiae, additis Galliae, Hispaniae, Britanniae, Germaniae inscriptionibus/ ed. G. Kaibel. Berolini : Apud G. Reimerum, 1890. 778 p.

26. Inscriptions de Délos.vol. 1. Comptes des Hiéropes / ed. Félix Durrbach. Paris : H. Champion, 1926.192 p.

27. Mairs R. Interpreters and Translators in Hellenistic and Roman Egypt, in: Schubert P. (eds.) Actes du 26e Congrès international de papyrologie (Genève 2010) // Recherches et Rencontres: Publications de la Faculté des Lettres de l'Université de Genève 30. Genève, 2012. P. 457–462.

28. Monumenta Asiae Minoris Antiqua. Vol. X / B. Levick, S. Mitchell, J. Potter, M. Waelkens (eds). London : Society for the Promotion of Roman Studies, 1993. XIV + 201 p.

29. Orlandos A. K., Traulos I. N. Lexikon archaiōn architektonikōn horōn Athens: En Athēnais Archaiologikē Hetaireia, 1986. 303 p.

30. Pavlichenko N., Fedoseev N. A New Inscription of Herakas, Son of Pontikos, ἀρχερμηνεὺς Ἀλανῶν // Hyperboreus. 2018. Vol. 24. Fasc. 2. P. 315–335.

31. Poland F. Geschichte des griechischenVereinwesens. Leipzig: Teubner, 1909. 655 p.

32. Rehm A. Didyma. II. Teil. Die Inschriften. Berlin : Gebr.Mann, 1958. 391 p.

33. Saba S. The Astynomoi Law of Pergamon. A New Commentary / Die hellenistische Polis alsLebensform, Bd. 6. Heidelberg:Verlag-Antike, 2013. 149 p.

1. Anokhin V. A. Coins of the Northern Black Sea Region of the Classical Period. Kiev : Stilos, 2011. 328 p.

2. Belousov A. V., Eliseeva L. G. The Greek and Latin inscriptions of Ancient North Black Sea Region. 2018 year // Aristeas. Vol. XX. M., 2019. P. 157–202.

3. Vdovchenkov E. V. Who were the Tanaites (the Question of the Ethnic Belonging of the New Population of Tanais of the 2nd–3rd Century AD) // Vestnik Tanaisa. 2012. Vol. 3. P. 163–171.

4. Zavoikina N. V. The Bosporan thiasoi: Between Polis and Monarchy. Moscow : Univ. Dm. Pozharskogo, 2013. 288 p.

5. Zograf A. N. Ancient Coins / MIA. Vol. 16. Moscow : Akademija nauk SSSR Publ., 1951. 264 p.

6. Corpus Inscriptionum regni Bosporani. Moscow ; Leningrad : Nauka, 1965.950 p.

7. Corpus inscriptionum Regni Bosporani: Album imaginum. Saint Petersburg : Bibliotheca classica Petropolitana, 2004. XVI + 432 p. : ill. + tab. geogr.

8. Kuznetsov V. D. New Inscriptions from Phanagoria // VDI. 2007. № 1. P. 227–243.

9. Kuznetsov V. D. Tamga of Sauromates II from Phanagoria // DrevnostiBospora. 2007. T. 11. P. 225–231.

10. Kucherevskaya N. L. Interpretation of the Relief on an Opistograph with an Inscription of Herakas, Son of Pontikos, from the Necropolis of Kyz-Aul) // Vestnik Tanaisa. Rostov-on-Don, 2019. Vol. 5. P. 217–219.

11. Saprykin S. Yu., Parfenov V. N. ΚΑΙΣΑΡΟΤΩΤΕ of the Encomium from Pantikapaion: Domitianus or Commodus? (the Problem of Dating and Interpreting the Inscription of a Bosporan Military Commander) // VDI.2012. № 1. P. 163–181.

12.Sokolova O. Yu., Pavlichenko N. A. A New Dedicatory Inscription from Nymphaion // Hyperboreus. Vol. 8. Fasc. 1. P. 99–121.

13. Treister M. Yu. Weapons of the Sarmatian Type in the Bosporus (a group of daggers represented on Pantikapaion gravestones of the 1st–2nd century AD) // The Bosporus and the Northern Black Sea Region under the Ancient age. Saint Petersburg, 2008. P. 146–160.

14. Fedoseev N. F. Report on the Results of Archaeological Investigations in the Area of the Revealed Object of Archaeological Heritage «Kyz-Aul» in 2017 (Leninsky District, Republic of Crimea) (Archaeological License No. 1347 of July 2017). Kerch, 2018.

15. Frolova N. A. Coinage of the Bosporus (mid-1st century BC – mid-4th century AD) Part I. Coinage of the Bosporus 49/48 BC-210/211 AD. Moscow : Editorial URSS, 1997. 448 p.

16. Bowersock G. W., Jones C. P. A New Inscription from the Panticapaeum // ZPE. Vol. 156. 2006. 117–128 p.

17. Corpus inscriptionum Graecarum. Vol. II. Ed. A. Boeckhius. Berolini: Ex officina academica, 1843.

18. Corpus inscriptionum Latinarum. Vol. VI, pars secunda. Ed. E. Bormann, G. Henzen, Chr. Hvelsen. Berolini : Apud G. Reimerum, 1882. [V]–VIII, [875]–1746 p.

19. Die Krim. GoldeneInselim Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten. Begleitbuchzur Ausstellung. Bonn : LVR-Landes Museum, Bonn, 2013.460 p.

20. Dittenberger W. Syllogeinscriptionum Graecarum. 4 vols. Leipzig : Apud S. Hirzelium, 1915–1924.

21. Engelmann H. Ephesische Schriften // ZPE. 1990. Vol. 84.P. 89–92.

22. Fränkel M. Die Inschriften von Pergamon.Vol.II. Berlin : Verlag von W. Spemann, 1895. 536 p.

23. Hellmann M.-Chr. Recherches sur le vocabulaire de l'architecture grecque d'après les inscriptions de Délos. Paris : De Boccard, 1992. 471 p.

24. Inscriptiones Graecae II et III: Inscriptiones Atticae Euclidis anno posteriores, partes I–III. Ed. Johannes Kirchner. Berlin : Walter de Gruyter, 1913–1940.

25. Inscriptiones Graecae. Vol. XIV. Inscriptiones Siciliae et Italiae, additis Galliae, Hispaniae, Britanniae, Germaniae inscriptionibus / ed. G. Kaibel. Berolini: Apud G. Reimerum, 1890. 778 p.

26. Inscriptions de Délos. vol. 1. Comptes des Hiéropes / ed. Félix Durrbach. Paris : H. Champion, 1926. 192 p.

27. Mairs R. Interpreters and Translators in Hellenistic and Roman Egypt, in: Schubert P. (eds.) Actes du 26e Congrès international de papyrologie (Genève 2010) // Recherches et Rencontres: Publications de la Faculté des Lettres de l'Université de Genève 30. Genève, 2012. P. 457–462.

28. Monumenta Asiae Minoris Antiqua. Vol. X / B. Levick, S. Mitchell, J. Potter, M. Waelkens (eds). London : Society for the Promotion of Roman Studies, 1993. XIV + 201 p.

29. Orlandos A. K., Traulos I. N. Lexikon archaiōn architektonikōn horōn. Athens : En Athēnais Archaiologikē Hetaireia, 1986. 303 p.

30. Pavlichenko N., Fedoseev N. A New Inscription of Herakas, Son of Pontikos, ἀρχερμηνεὺς Ἀλανῶν // Hyperboreus. 2018. Vol. 24. Fasc. 2. P. 315–335.

31. Poland F. Geschichte des griechischen Vereinwesens. Leipzig : Teubner, 1909. 655 p.

32. Rehm A. Didyma. II. Teil. Die Inschriften. Berlin : Gebr.Mann, 1958. 391 p.

33. Saba S. The Astynomoi Law of Pergamon. A New Commentary / Die hellenistische Polis als Lebensform, Bd. 6. Heidelberg : Verlag-Antike, 2013. 149 p.

Annotation. *The paper presents a fragment of a marble plate found in 2017 on the necropolis of Kyz-Aul. On one of its sides, a Greek inscription is carved; on the other part of a relief. The inscription is dated to 204 BC. The preserved text allows us to reconstruct the name and the title of Herakas, son of Pontikos, the chief interpreter of the Alans and the superintendent of the royal court.*

Keywords: *Bosporos, Kyz-Aul, chief interpreter of the Alans.*

УДК 9;904

Н. Г. Свиркина

КРЕМАЦИИ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ МОГИЛЬНИКА ФРОНТОВОЕ-3 (АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)[1]

CREMATIONS OF THE ROMAN TIME FROM THE FRONTOVOYE-3 CEMETERY (ANTHROPOLOGICAL ASPECT)

Аннотация. *В работе представлены результаты анализа кремированных останков из 14 погребений биритуального могильника римского времени Фронтовое-3 (Юго-Западный Крым). Полученные данные могут быть использованы для реконструкции обряда кремации, населения, оставившего могильник.*

Ключевые слова: *кремация, костные останки, римское время, могильник, Юго-Восточный Крым.*

Обряд кремации (трупосожжения) был широко распространён на территории Северного Причерноморья в античное время. Изучение этого явления без анализа самих кремированных останков не позволяет специалистам составить целостное представление о данной традиции.

Ситуация постепенно меняется благодаря появлению работ, доказывающих результативность подобных исследований в отечественной археологии [2, 3, 6]. Кроме того, в последние десятилетия появилась практика сбора и хранения кремированных костных останков, в том числе происходящих из могильников античного периода, найденных на территории Северного Причерноморья. В данной работе представлены результаты исследования костных останков одного из таких памятников.

В полевом сезоне 2018 г. Крымской новостроечной экспедицией ИА РАН обнаружен и полностью исследован уникальный объект археологического наследия – могильник Фронтовое-3 (с. Фронтовое, Нахимовский район, г. Севастополь, Республика Крым).

Всего было обнаружено 332 погребения, из них 328 совершены в первые века н. э. Основные типы захоронений – подбойные могилы, остальные – грунтовые могилы и склепы, в одном случае погребение совершено в амфоре. Также открыты три погребения животных [4, с. 185–186].

Большинство погребённых захоронены по обряду ингумации (трупоположение), однако в 14 случаях на могильниках были встречены кремации. Восемь из них обнаружены в подбойных могилах (при этом для захоронения использовалась отдельная яма), в нескольких случаях захоронения комбинированы. Для погребения индивидов по обряду ингумации и кремации использовалась отдельная камера. Встречены три случая погребения останков ингумации и кремации в одном подбое. Останки одной кремации обнаружены при разборе каменного заклада подбойной могилы. В двух случаях сожжённые кости были помещены поверх ингумации [4, с. 189–192].

Кремированные останки изучены согласно программе, предложенной М. В. Добровольской и дополненной Е. А. Клещенко. Данная программа включает: установление минимального числа индивидов, описание характера комплектности останков (полное/порционное), половозрастные определения, фиксацию патологий, установление наличия или отсутствия костей животных, характеристику веса, цветности останков, установление размера фрагментов, характера деформационных изменений (трещин), фиксацию наличия или отсутствия припеканий на костных останках [1, 3].

Погребение 4. Масса кремированных останков составляет 670 г. Размер фрагментов не превышает 60 мм, а в среднем составляет 20–30 мм. Цветность костей неравномерна: от чёрного и тёмно-коричневого до белого. Трещины преимущественно прямые, но встречаются и дугообразные. Среди фрагментов присутствуют кости свода черепа и трубчатые кости посткраниального скелета, два фрагмента позвонка. Останки принадлежат одному взрослому индивиду[2]. Пол установить не удалось.

Среди костей находилось небольшое количество углей. Был проведён анализ по определению породы дерева, который показал, что это остатки клёна (Acer sp)[3].

Погребение 28. Масса останков 600 г. Размер фрагментов не превышает 60 мм, а в среднем составляет 20–30 мм. Цветность фрагментов, преимущественно однородная: от серого до белого, но присутствуют участки с голубым, синим и тёмно-синим цветом. Трещины, преимущественно прямые, дугообразные встречаются редко. Среди фрагментов присутствуют кости всех отделов скелета. Предположительно, останки принадлежали взрослому индивиду, пол не установлен.

Погребение 30. Общая масса кремированных останков составляет 770 г. Размер фрагментов не превышает 100 мм, а в среднем составляет 30–50 мм. Цветность костей варьирует от чёрного до белого. Трещины преимущественно прямые, дугообразные встречаются редко. Среди фрагментов присутствуют кости всех отделов скелета, за исключением лицевых костей черепа и позвонков. Предположительно, останки принадлежали взрослому мужчине (на основании общей массивности костей).

Погребение 56. Кремированные останки были найдены в могиле с подбоем. Общая масса кремированных останков составляет 760 г. Цветность костей неоднородна, но преобладает светло-серый и белый цвета. Трещины прямые. Останки принадлежат одному взрослому индивиду. Пол не установлен.

Погребение 62, костяк 2. Масса кремированных останков 950 г. Размер фрагментов не превышает 90 мм, но в среднем составляет 30–40 мм. Цветность большинства костей однородная – светло-серая и белая, но присутствуют фрагменты, имеющие неоднородную цветность – от тёмно-серого и синего до белого. Трещины преимущественно прямые, дугообразные встречаются

[1] Исследование выполнено при поддержке фонда РНФ, проект № 20-18-00396 «Варвары и Рим в Юго-Западном Крыму: взаимодействие культур».

[2] Здесь и далее термин «взрослый» употребляется для индивидов возрастом старше 20–25 лет (так как завершены все ростовые процессы).

[3] Определения породы дерева выполнены младшим научным сотрудником лаборатории палеоархивов природной среды Института географии РАН Н. С. Семеняк.

редко. Среди фрагментов присутствуют кости всех отделов скелета, за исключением позвонков. Предположительно, останки принадлежали женщине (общая грацильность костей; слабо выражен рельеф на костях черепа) старше 30 лет (на фалангах выделены края, признаки начала облитерации затылочного шва). На фрагменте черепа зафиксирован участок с пигментом коричневого цвета, вероятно, от контакта с железом и пигмент зелёного цвета, предположительно, от контакта с металлом (бронза, медь?).

Погребение 78[4]. Масса кремированных останков около 1200 г. Размер фрагментов не превышает 85 мм, а в среднем составляет 25–30 мм. Цвет костей неоднороден (от чёрного до белого), но превалирует белый. Трещины преимущественно прямые, дугообразные встречаются редко. Среди фрагментов присутствуют кости всех отделов скелета. Пол не установлен, взрослый индивид.

Погребение 84. Масса кремированных останков составляет 900 г. Максимальный размер фрагментов 60 мм, а в среднем составляет 20 мм. Цветность костей неравномерна – от коричневого и чёрного до белого. Трещины преимущественно прямые. Среди фрагментов присутствуют кости всех отделов скелета, за исключением позвонков, рёбер, большинства эпифизов. Предположительно, останки принадлежали мужчине (общая массивность, выраженная выйная линия на затылочной кости) старше 30 лет (фрагмент затылочной кости с признаками облитерации шва).

Погребение 112, костяк 2. Общая масса останков около 100 г. Размер фрагментов не превышает 50 мм, а в среднем составляет 20–30 мм. Цветность фрагментов преимущественно однородная – от серого до белого, но присутствуют участки с тёмно-синим и тёмно-серым цветом. В руках кости пачкаются (как мел); фрагменты отличаются хрупкостью. Трещины преимущественно прямые. Анатомически определимые части – мелкие фрагменты свода черепа и трубчатых костей и фрагмент надколенника. Останки принадлежали взрослому индивиду.

Погребение 129. Масса кремированных останков около 460 г. Размер фрагментов не превышает 60 мм, а в среднем составляет 20–30 мм. Цветность фрагментов неоднородная – от чёрного до белого. Трещины преимущественно прямые, в редких случаях дугообразные. Анатомически определимые части – мелкие фрагменты свода черепа и трубчатых костей и фрагмент второго шейного позвонка. Останки принадлежали взрослому индивиду.

Погребение 184. Масса кремированных останков составляет 1430 г. Размер фрагментов не превышает 70 мм, а в среднем составляет 20–30 мм. Цветность фрагментов неоднородная – от тёмно-синего до белого. Трещины преимущественно прямые, дугообразные встречаются редко. Среди фрагментов присутствуют кости всех отделов скелета. Предположительно, останки принадлежали взрослому мужчине. На некоторых фрагментах имеются следы контакта с металлом (патина зелёного цвета на ногтевой фаланге кисти, позвонке и трубчатой кости).

Погребение 215. Масса кремированных останков около 2000 г. Размер фрагментов не превышает 90 мм, а в среднем составляет 30–40 мм. Цветность костей неравномерна: от тёмно-синего до белого. Отметим, что кости правой ноги прогорели сильнее левой. Трещины преимущественно прямые, дугообразные встречаются редко. Среди фрагментов присутствуют кости всех отделов скелета. Предположительно, останки принадлежали мужчине (общая массивность костей, выраженный рельеф на костях черепа) старше 40 лет (фрагменты затылка с заросшим швом, дегенеративные изменения на позвонках). Зафиксированы следующие патологические особенности: прижизненная утрата моляров (как минимум на нижней челюсти), на телах шейных и поясничных позвонков – краевые разрастания, остеохондроз зафиксирован на телах двух поясничных позвонков, на шероховатой линии одной из бедренной костей дегенеративные изменения (возможно, последствие воспаления). Эпигенетический признак – вставочная кость в черепном шве.

Погребение 243, костяк 1. Масса кремированных останков 670 г. Размер фрагментов не превышает 80 мм, а в среднем составляет 20–30 мм. Цветность фрагментов преимущественно равномерная – белого и светло-серого цвета, но также встречаются участки с неравномерной цветностью от чёрного до голубого. Трещины преимущественно прямые. В руках кости пачкаются (как мел). Анатомически определимые фрагменты – кости свода черепа и трубчатые кости посткраниального скелета. Останки принадлежали взрослому индивиду.

Погребение 281, костяк 2. Общая масса кремированных останков составляет 1350 г. Размер фрагментов не превышает 120 мм, а в среднем составляет 30–40 мм. Цветность костей равномерна: от голубого до белого. Трещины имеют различную форму. Среди фрагментов присутствуют кости всех отделов скелета. Останки принадлежали взрослому индивиду. На фрагменте черепа, позвонках, рёбрах, локтевой, бедренной и тазовой кости зафиксированы участки с пигментацией зелёного и коричневого цветов, возможно, от контакта с металлом.

Среди костей человека обнаружено несколько кремированных фрагментов костей животного.

Погребение 295. Масса кремированных останков составляет 300 г. Размер фрагментов не превышает 60 мм, а в среднем составляет 25–30 мм. Цветность костей преимущественно однородная (светло-серый – белый), но также присутствуют фрагменты с более неоднородной цветностью от тёмно-синего и голубого до белого. Трещины преимущественно прямые, дугообразные встречаются редко. Анатомически определимые фрагменты – кости свода черепа и трубчатые кости. Останки принадлежали взрослому индивиду. Зафиксирован фрагмент кости с припёкшимся стеклом (?).

Из приведённых выше описаний следует, что все кремации индивидуальные (содержат останки одного индивида), в изученной серии присутствуют только взрослые индивиды, прослеживается тенденция к сбору и погребению всего скелета[5], отсутствуют кости животных (исключение – погребение 281). Характер трещин на фрагментах свидетельствует о проведении сожжения через непродолжительное время после смерти [7, с. 43]. Разнообразие цвета костных останков в зависимости от погребения указывает на вариативность температурного воздействия [8].

Схожие характеристики имеет синхронная серия кремаций, происходящая из склепов Восточного некрополя Фанагории (Таманский полуостров, Краснодарский край). Однако эта выборка не велика (всего пять объектов), что затрудняет их сопоставление [5].

Подводя итог, отметим, что представленные характеристики серии кремированных останков из погребений памятника Фронтовое-3 позволяют реконструировать отдельные элементы обряда сожжения, которое практиковало население, оставившее могильник.

[4] Кости из этого погребения поступили на анализ без паспорта. Принадлежность к погребению 78 установлена постфактум.

[5] Отсутствие в могилах следов прокала грунта и остатков погребального костра (зола, уголь) указывает на то, что сожжение производилось не в другом месте, а потом останки приносили на место погребения.

1. Добровольская М. В. К методике изучения материалов кремации // Краткие сообщения института археологии РАН. 2010. Вып. 224. С. 85–97.

2. Клещенко Е. А. Историческая динамика погребальной обрядности населения Молого-Шекстинского междуречья в I тыс. н. э. (опыт применения биоархеологического подхода при изучении материалов кремаций) // Краткие сообщения института археологии РАН. 2016. Вып. 245-1. С. 36–58.

3. Клещенко Е. А., Решетова И. К. Палеоантропологические материалы в реконструкциях образа жизни и погребальной обрядности раннесредневекового населения Восточной Европы. Москва : Институт археологии РАН, 2019. 224 с.

4. Свиридов А. Н., Язиков С. В. Погребальные обряды могильника римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму // Краткие сообщения института археологии РАН. 2019. Вып. 255. С. 185–201.

5. Свиркина Н. Г., Володин С. А. Результаты комплексного исследования кремаций I в. до н. э. – II в н. э. из склепов Восточного некрополя Фанагории // Краткие сообщения института археологии РАН. 2020. Вып. 260 (в печати).

6. Успенский П. С., Добровольская М. В., Клещенко Е. А., Шишлов А. В., Федоренко Н. В. Воинские погребения по обряду трупосожжения биритуального могильника Кедровая Роща // Краткие сообщения института археологии РАН. 2013. Вып. 231. С. 141–153.

7. Schmidt C. W., Symes S. A. (eds). The Analysis of Burned Human Remains. London : Elsevier. 296 p.

8. Walker R. L., Miller K. R. Time, Temperature and Oxygen Availability: an Experimental Study of the Effect of Environmental Condition on Color and Organic Content of Cremated Bone // American Journal of Physical Anthropology. Hoboken. 2005. № 40.

1. Dobrovolskaya M. V. On the Method of Investigations of Cremation Materials // Brief Communications of the Institute of Archaeology. 2010. Vol. 224. P. 85–97.

2. Kleshchenko E. A. Historical Dynamics of Funeral Rites Practiced by the Population of the Mologa – Sheksna Interfluve in the First Millennium AD (Experience in Application of the Bioarchaeological Approach to the Studies of Cremation Remain) // Brief Communications of the Institute of Archaeology. 2016. Vol. 241-1. P. 36–58.

3. Kleschenko E. A., Reshetova I. K. Paleoanthropological Materials in Reconstruction of Lifestyle end Funeral Rites of Early Medieval Population of Eastern Europe. Moskow : Institute of Archeology RAS, 2019. 224 P.

4. Sviridov A. N., Yazikov S. V. Burial Rites at the Frontovoye-3 Cemetery in the Southwest Crimea // Brief Communications of the Institute of Archaeology. 2016. Vol. 255. P. 185–201.

5. Svirkina N. G., Volodin S. A. The Result of Complex Study of Cremation I в. BC – II AD from Crypts of the Eastern Necropolis of Fanagoria // Brief Communications of the Institute of Archaeology. 2020. Vol. 260 (in press).

6. Uspensky P. S., Dobrovolskaya M. V., Kleshchenko E. A., Shishlov A. V., Fedorenko N. V. Military Cremation Burials in the Biritual Cemetery Kedrovaya Roshcha // Brief Communications of the Institute of Archaeology. 2013. Vol. 231. P. 141–153.

7. Schmidt C. W., Symes S. A. (eds). The Analysis of Burned Human Remains. London: Elsevier. 296 p.

8. Walker R. L., Miller K. R. Time, Temperature and Oxygen Availability: an Experimental Study of the Effect of Environmental Condition on Color and Organic Content of Cremated Bone // American Journal of Physical Anthropology. Hoboken. 2005. № 40.

Annotation. *The paper presents the results of the anthropological analyses of cremated remains from 14 burials of Roman time found in Frontovoye-3 cemetery (Southwestern Crimea). The data obtained can be used to reconstruct the cremation rite, which was practiced by the ancient population.*

Keywords: *cremation, bone remains, Roman time, cemetery, Southwest Crimea.*

УДК 902.2

П. Г. Столяренко, А. А. Супренков, М. А. Топоривская

РАБОТЫ ВОСТОЧНО-КРЫМСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В ПЕРВОМ ПОЛУГОДИИ 2020 ГОДА

WORKS OF THE EAST CRIMEAN ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION IN THE FIRST HALF OF 2020

Аннотация. *В данной статье кратко представлены результаты работ Восточно-Крымской археологической экспедиции Института археологии РАН на территории города Керчи и Ленинского района Республики Крым. Охранно-спасательные раскопки проводились на грунтовом могильнике Капканы Северный I[1] и поселениях Аджиэль II и III[2].*

Ключевые слова: *охранные раскопки, Европейский Боспор, некрополь, поселение, эпоха эллинизма.*

В 2020 г. работы Восточно-Крымской археологической экспедиции Института археологии Российской академии наук начались в конце февраля и в силу того, что они были связаны с охранно-спасательными раскопками при инфраструктурном строительстве, продолжились и во время известных событий второго квартала года.

Первая обследуемая экспедицией группа археологических объектов располагалась на северо-востоке города Керчи, к северу от микрорайона Капканы[3]. Данный район насыщен разнообразными археологическими памятниками преимущественно античного времени. Западнее Капкан находятся «малые» города Боспора: Мирмекий и некое городище на Змеином мысу, восточнее – также предположительно – Парфений и Порфмий.

Одним из первых исследователей, оставивших информацию о здешних памятниках, были П. Дюбрюкс и Е. Е. Люценко. Последний, посетив этот район в 1874 г., довольно подробно описал остатки античного поселения у деревни Джанкой (Каменка), севернее восточной части упомянутого селения. Вскользь упоминает он и несколько больших курганов, а также поселения, расположенные непосредственно на его территории.

В 1891 г. А. А. Бобринский провёл раскопки на Змеином мысу, а также был исследован участок некрополя, да-

[1] Работы велись на основании Открытых листов № 398–400, выданных на имя соавтора.

[2] Работы проведены на основании Открытого листа № 2514, выданного на имя соавтора.

[3] Авторский текст данной части статьи П. Г. Столяренко.

тированный I в. н. э. В том же году им была раскопана курганная насыпь в прибрежной части посёлка Капканы, содержавшая 36 погребений, относящихся к I в. н. э.

В 1909 г. В. В. Шкорпилом на скалистой гряде, тянущейся от побережья к северу, восточнее посёлка Капканы, изучен некрополь, на котором выявлено 23 могилы I–II вв. н. э. В настоящее время эта территория занята заводом им. Войкова.

В 1920-е гг. разведки в северо-восточной части Керченского полуострова провёл К. Э. Гриневич. Им был обследован ряд памятников, среди которых и городище, отождествляемое с Парфением.

Следующий этап изучения этого района связан с разведками В. В. Веселова в 1950–1960-х гг. Выявлено довольно много новых объектов, таких, например, как предполагаемый Порфмий, некрополь, вероятно принадлежавший Парфению, поселения Капканы I, II, III, городище эпохи бронзы Каменка и другие, а также обследованы ранее известные памятники: Парфений, Джанкой (Каменка античная) и ряд других.

В середине 1950-х гг. некрополь в районе посёлка Войкова, примечательный небольшими склепами, трапециевидной в сечении формы, исследовала С. И. Капошина.

Вплоть до 1980-х гг. археологическая деятельность в этой части полуострова ограничивалась работой отрядов Боспорской археологической экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, проводивших масштабные раскопки Мирмекия и предполагаемого Порфмия. Эти изыскания впоследствии были продолжены В. Ю. Вахтиной, Ю. А. Виноградовым и А. М. Бутягиным. Следует упомянуть также работы В. Д. Рыбаловой на поселении эпохи бронзы Каменка в 1950-х – первой половине 1960-х гг. С 1980 г. они велись под руководством А. Е. Кислого. В 1994 г. И. А. Емцем проведены раскопки некрополя у посёлка Стройгородок, содержавшего захоронения эллинистического и римского времени. Весь этот район неоднократно посещал в 1980–1990-х гг. сотрудник Керченского музея О. Д. Чевелёв.

С 2006 г. в течение ряда лет проводились исследования городища, вероятно являвшегося Парфением (С. С. Бессонова, 2006, 2008 гг.; П. Г. Столяренко 2011–2013, 2015 гг.). В 2009–2015 гг. в северо-восточной части Керчи экспедицией Керченского музея под руководством П. Г. Столяренко продолжались и археологические разведки, в ходе которых уточнены локализация и датировка ряда памятников, в том числе в окрестностях посёлка Капканы, и выявлено несколько новых объектов.

Среди новых работ упомянем разведку, которая велась авторами статьи в 2014 г. Была обследована северо-восточная окраина Керчи в связи с проектированием строительства моста через Керченский пролив. Было осмотрено около двадцати известных памятников археологии, несколько выявлено впервые [2, с. 66–67].

Участок работ 2020 г. располагается приблизительно в 1 км к северу от побережья пролива и в 0,5 км к северу от северо-западной окраины посёлка Капканы, территориально являющегося микрорайоном Керчи. Рельеф местности здесь относительно ровный, с общим уклоном к югу, в сторону пролива; рассечён неглубокими меридионально направленными балками и небольшими широтно ориентированными кряжами. На участке раскопа и в непосредственной близости к нему рельеф был нарушен разновременными земляными работами. Кроме того, на площади раскопов шли две грунтовые дороги, находились две линии электропередач и одна траншея кабеля. Воронки и окопы времён Великой Отечественной войны на отдельных участках прорезали культурные напластования до материка. Но в целом дневная поверхность не нарушена.

На двух раскопах открыты остатки двух протяжённых кладок (стен). Первая была почти полностью разрушена

и представляла собой «линейный» каменный завал, ориентированный в широтном направлении. Протяжённость его в пределах раскопа 1 составила около 45 м при ширине до 2 м. Этот завал состоял из необработанных или грубо обколотых камней местного известняка-ракушечника различных размеров. Северо-западнее развала стены № 1, уже на площади раскопа 2, под мощным каменным завалом, выявлена стена № 2, ориентированная меридионально. В пределах раскопа она имела протяжённость в несколько десятков метров при ширине 1,1 м. Кладка двухлицевая, трёхслойная, из обработанных и грубо отёсанных камней разных размеров.

Пространство между раскопами 1 и 2, где вышеописанные кладки, вероятно, каким-то образом сочленялись, пока осталось неисследованным.

Интерпретация этих «стен» затруднительна. Исходя из их параметров, в первую очередь протяжённости, можно предположить, что они предназначались для вычленения и организации какой-то территории определённого хозяйственного или, что менее вероятно, ритуального назначения. Возможно, стена № 2 имеет непосредственное отношение к грунтовому античному некрополю, простирающемуся к западу от неё. Во всяком случае, стратиграфические наблюдения свидетельствуют в пользу их синхронности.

Данный некрополь исследован на небольшой площади, но уже очевидно, что некоторые погребения концентрировались на отдельных участках, образуя небольшие группы с признаками регулярности в расположении. Всего к настоящему времени раскопано 10 погребальных сооружений, предварительно датированных в пределах второй половины IV – II в. до н. э. Это разнообразные по типологии и погребальному обряду захоронения.

1. Погребения в небольших склепах, камера которых представляет каменный ящик, сооружённый из необработанных плит (без перекрытия?) (№ 1 и 3, рис. 2). Они имели входную яму-дромос, устроенную с запада, и содержали соответственно шесть и три погребения. Костяки, сохранившие анатомический порядок, лежали с *восточной* ориентацией, вытянуто на спине, за исключением одного взрослого индивида с сильно согнутыми в коленях ногами, помещённого в меньшую по размерам гробницу (№ 3). Останки первоначальных захоронений были смещены к восточным торцевым частям могил.

2. Погребения в неглубоких грунтовых ямах с перекрытием и без него, (шесть могил: № 5–10). Они сочетают различные варианты ориентации и положения погребённых. В трёх случаях (№ 7–9) зафиксирована **южная** ориентация, погребальный инвентарь присутствовал лишь в одной из них (№ 7). Ещё одна могила (№ 8) содержит парное захоронение. Положение погребённых – вытянутое на спине, в одном случае (№ 9) ноги вертикально согнуты в коленях. Погребения с **восточной** ориентацией в грунтовых могилах выявлены в двух случаях. В безынвентарном погребении № 5 костяк располагался в скорченном положении на левом боку. В могиле № 10 погребённый лежал на спине с согнутыми в коленях ногами, вероятно завалившимися в правую сторону. Единичный пример **северной** ориентации на исследованном некрополе представляет грунтовое погребение № 6, где погребённый располагался вытянуто на спине.

3. Погребение в глубокой грунтовой яме с перекрытием (№ 4) содержало детское, вероятно вытянутое на спине, захоронение головой на восток.

4. Погребальное сооружение № 2 располагалось отдельно, к юго-западу от основного участка некрополя. Оно представляет собой очень грубое подобие склепа, стены которого возведены на плотной материковой глине из мелкого бутового камня на высоту не более 0,5 м. Причём они скорее напоминали каменные «набросы», нежели собственно кладку. Дно подквадратной в плане

ВКАЭ-20. Некрополь Капканы Северный. Раскопы 1–2 в процессе работ. Вид с севера. Фото А. А. Супренкова

камеры дополнительно заглублено. Вход в неё (дромос) располагался с юга. Камера содержала разрозненные кости трёх индивидуумов. Невыразительный и немногочисленный погребальный инвентарь датируется эпохой эллинизма. Не исключено, что это была своего рода «костница», сооружённая для одноразового перезахоронения.

В центральной части некрополя, особенно на участке между погребениями № 1 и 3, были выявлены многочисленные скопления керамики, в том числе развалы нескольких сосудов эллинистического времени. Безусловно, часть этих обломков, в первую очередь со следами термического воздействия, являлась остатками тризн и других погребальных обрядов. Другая принадлежала инвентарю разорённых в ходе повторных захоронений могил. В пользу этого свидетельствуют и несколько небольших скоплений человеческих костей. При этом следов недавней грабительской деятельности на некрополе не зафиксировано.

По предварительным заключениям, все одиночные захоронения, содержавшие погребальный инвентарь, можно датировать второй половиной IV–III вв. до н. э., а последние по времени относились ко II в. до н. э. Таким образом, этот небольшой участок некрополя, возможно, с перерывами, функционировал на протяжении почти двух веков.

Сочетание различной ориентации и положения погребённых характерно и для других синхронных некрополей Европейского Боспора, что, по мнению ряда исследователей, свидетельствует об этнорелигиозной разнородности местного населения в эллинистическую эпоху.

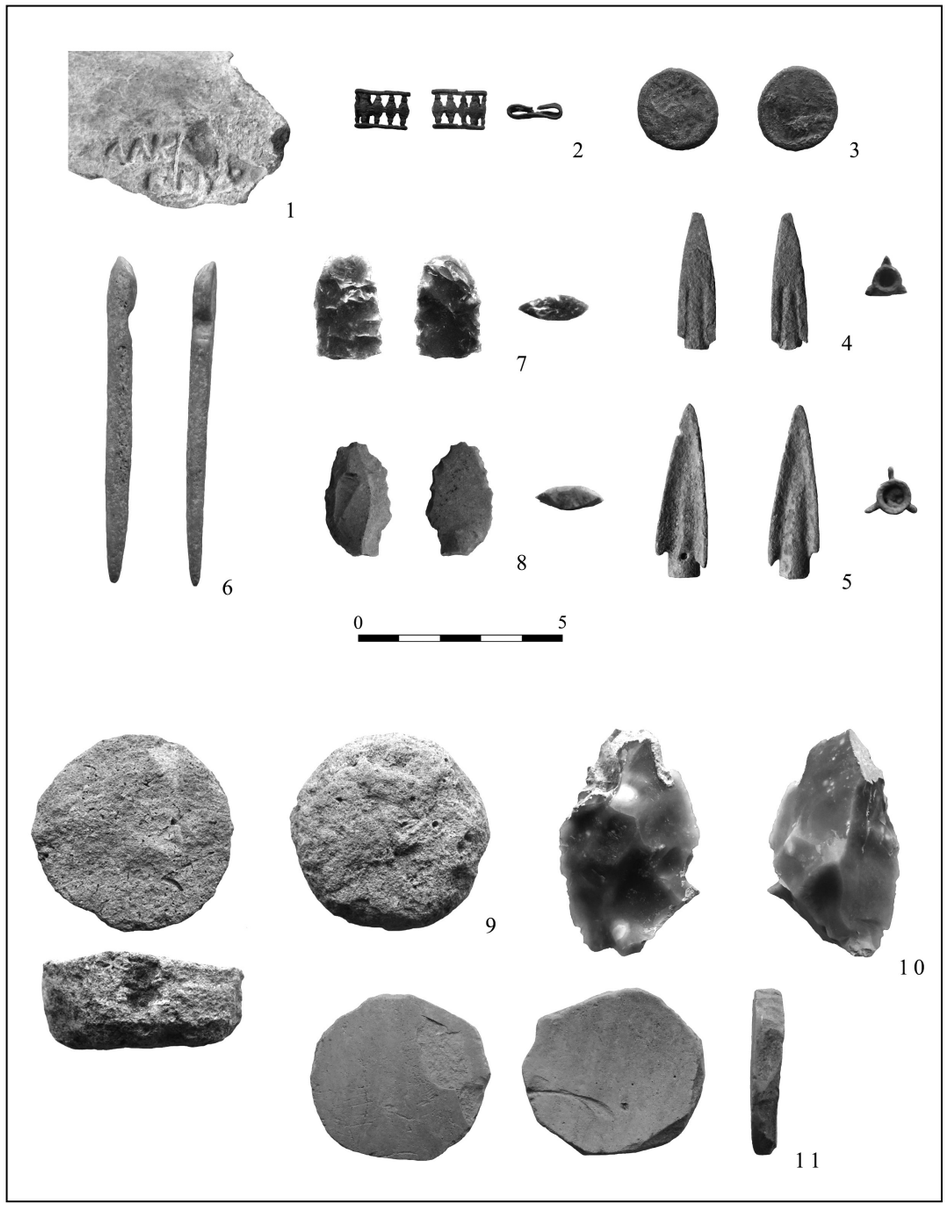
Пока довольно сложно интерпретировать некоторые из выявленных здесь археологических объектов, понять их взаимосвязь и функциональное назначение, а в отдельных случаях определиться с хронологией.

Следующим участком работ были начатые осенью 2019 г. раскопки на античных сельских поселениях Аджиэль II и III[4], расположенных поблизости друг от

[4] Авторский текст данной части статьи М. А. Топоривской.

ВКАЭ-2020. Некрополь Капканы Северный 1. Погребение 4, вид с востока. Автор фото П. Г. Столяренко

Поселение Аджиэль III. Археологический материал из раскопов 2019–2020 гг.
Автор иллюстрации М. А. Топоривская:
1 – горло с частью клейма красноглиняной амфоры (Гераклея, IV–III вв. до н. э.); слой 1;
2 – накладка бронзовая; слой 1; 3 – монета бронзовая; подъёмный материал;
4 – наконечник стрелы бронзовый, трёхгранный втульчатый; подъёмный материал;
5 – наконечник стрелы бронзовый, трёхгранный втульчатый; слой 1;
6 – проколка костяная; подъёмный материал; 7 – наконечник кремнёвый; слой 1;
8 – наконечник кремнёвый; слой 1; 9 – тёрочник каменный; гумус;
10 – нуклеус кремнёвый; гумус; 11 – крышка из стенки красноглиняной амфоры; слой 1

друга, на северном склоне Аджиэльской балки, к западу от села Чистополье и к юго-востоку от села Белинского. Здесь на площади около 3200 кв. м исследованы массив распаханного культурного слоя мощностью до 1 м и несколько углублённых в материк археологических объектов (хозяйственных ям). В центральной части южного раскопа на поселении Аджиэль III были выявлены культурные напластования небольшой мощности, датируемые эпохой бронзы. Следует отметить близость указанных поселений к известному городищу Белинское, исследуемого много лет археологической экспедицией под руководством В. Г. Зубарева [1]. Однако хронология обнаруженного нами материала говорит о том, что эти памятники не связаны друг с другом. Приведём краткую характеристику находок[5].

В культурном слое поселения Аджиэль II обнаружено несколько десятков профилированных фрагментов амфор нескольких центров производства. Наиболее многочисленны венчики, ручки и ножки хиосских амфор IV–III вв. до н. э. Отдельно отметим «колпачковую» ножку IV в. до н. э. Другие центры представлены несколькими ножками синопских амфор IV–III вв. до н. э. и ручками и ножками гераклейских амфор того же времени. К центру производства Фасоса отнесены ручка и венчик конца V – начала III в. до н. э. и последней четверти IV – первой половины III в. до н. э. Менда и Кос представлены по одному фрагменту: ручкой и ножкой амфор.

Материал, происходящий из слоёв памятника Аджиэль III, более многочисленный: около 300 профилированных керамических фрагментов амфорной тары, столовых и лепных сосудов. Несмотря на упомянутую распашку, в центральной части раскопа 1 удалось также выделить участок с непотревоженным слоем светло-серого суглинка, который может быть отнесён к эпохе бронзы. Отсюда происходят кремнёвые отщепы, а также наибольшая концентрация фрагментов лепных сосудов.

Амфорная тара представлена профилированными частями преимущественно гераклейских сосудов IV–III вв. до н. э. Выделим ножку амфоры типа CIII по Внукову, 20–15 гг. I в. до н. э. – первой трети I в. н. э. Остальные амфорные обломки относились к тем же центрам производства, что и на поселении Аджиэль II (Хиос, Фасос, Синопа, Менда). Отметим профилированные фрагменты амфор типа Пепарет IV–I вв. до н. э., ручку красноглиняной амфоры второй четверти VI – VII в. н. э. и стенку с верхним прилепом ручки красноглиняной амфоры центра понтийского производства.

Столовая тонкостенная посуда представлена обломками венчиков, ручек, доньев, преимущественно красноглиняных открытых сосудов, а также некоторым количеством кувшинов. Присутствовали отдельные фрагменты сероглиняных и коричневоглиняных изделий. Упомянем два фрагмента ручек красноглиняных гончарных сосудов, вероятно, боспорского производства.

Лепная посуда в обломках большей частью обнаружена в слоях гумуса и серого суглинка под ним.

Из индивидуальных находок[6] выделим фрагменты двух венчиков и ручки амфор с клеймами, крышку, изготовленную из стенки красноглиняной амфоры, медную боспорскую монету, два трёхгранных бронзовых втульчатых наконечника стрел, бронзовую накладку, два обломка железных ножей, железный гвоздь, два кремнёвых наконечника, каменные тёрочник и оселок, костяную проколку.

В результате проведённых работ участки поселений Аджиэль II и III, попадающие «под застройку», были полностью исследованы.

[5] Определение археологического материала А. В. Смокотиной и М. А. Никитиной.

[6] После камеральной обработки археологические находки будут переданы в Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник.

1. Зубарев В. Г. Античное поселение у села Белинское (АР Крым) // Вестник Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого. Гуманитарные науки. Тула, 2004. № 1. С. 38–44.

2. Супренков А. А. Столяренко П. Г. Античные сельские поселения на востоке Керчи (по результатам разведочных работ 2014 г.) // КСИА. 2016. Вып. 243. С. 66–77.

1. Zubarev V. G. Antique Settlement near the Village of Belinskoye (Republic of Crimea) // Bulletin of the Tula State Pedagogical University L. N. Tolstoy. Humanitarian sciences. Tula, 2004. No 1. P. 38–44.

2. Suprenkov A. A. Stolyarenko P. G. Antique Rural Settlements in the East of Kerch (according to the Results of Exploration Work in 2014) // KSIA. 2016. Issue 243. P. 66–77.

Annotation. *This article briefly presents the results of the work of the East Crimean archaeological expedition of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences in the territory of the city of Kerch and the Leninsky district of the Republic of Crimea. Salvage excavations were carried out at the subsoil burial ground of Kapkany Severny 1 and the settlements of Agiel II and III.*

Keywords: *salvage excavations, European part of the Bosporan kingdom, necropolis, settlement, Hellenistic era.*

УДК 902.01

В. П. Толстиков

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ФОРТИФИКАЦИИ АКРОПОЛЯ ПАНТИКАПЕЯ

NEW MATERIALS ON THE FORTIFICATION OF THE ACROPOLIS OF PANTICAPEUMS

Аннотация. *В этой статье, обобщающей материалы археологических исследований Боспорской экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина за 75 лет раскопок на горе Митридат, представлены этапы развития системы обороны акрополя Пантикапея в период от рубежа VII–VI вв. до н. э. до I в. до н. э. Рассмотрены особенности конструкции и планировки археологически исследованных остатков укреплений и их датировка.*

Ключевые слова: *Пантикапей, фортификация акрополя, цитадель акрополя.*

В круге вопросов, связанных с изучением градостроительной и планировочной структуры Пантикапея, особое место занимает проблема фортификации акрополя столицы Боспора. Благодаря археологическим раскопкам Боспорской экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина, длящимся на данный момент уже 75 лет, удалось выявить и исследовать отрезки линий укреплений, относящихся к трём историческим этапам развития архитектурно-планировочной среды центрального района древнего города. Эти этапы коррелируются с разработанной автором этих строк последовательностью строительных периодов.

Укрепления первоначального ядра апойкии на Верхнем плато горы Митридат

На *Первый строительный период* (615–550 гг. до н. э.) приходятся возникновение и первый этап развития первоначального ядра ионийского поселения-*апойкии* на Верхнем плато Первого кресла горы Митридат (раскоп Новый Верхний Митридатский (НВМ) (рис. 1). Здесь в 2014–2016 гг. впервые в истории раскопок городища Пантикапей были открыты надёжно датируемые, сооружённые на материковом грунте древнейшие остатки наземных монументальных построек. Речь идёт о каменных цоколях прямоугольного в плане здания Д-3, сооружённого в перевязь с внутренним фасом каменного цоколя оборонительной стены (рис. 2А). На этих основаниях покоились стены из сырцового, то есть необожжённого, кирпича. Кровля здания, сооружённая, по-видимому, из деревянных брусьев и досок, могла быть плоской, что позволяло значительно расширить боевую площадку – *верганг* оборонительной стены, превращая этот пункт обороны в своеобразный внутренний бастион. На вероятность такого предположения указывает и специфика планировки трассы оборонительной

стены в пункте её соединения со зданием. Здесь фиксируется прямоугольный выступ шириной 0,6 м, который мог являться нижней ступенью лестницы, ведшей вдоль внутреннего фаса стены наверх – на её боевую площадку, составлявшую в этом пункте единую платформу с кровлей здания (рис. 2Б).

В слое пожарища, мощность которого достигала 1,4 м, перекрывавшем остатки этих сооружений, были обнаружены многочисленные фрагменты восточногреческой, а также протокоринфской, ранней аттической, хиосской и анатолийской керамики. Весьма показательны многочисленные находки в слое пожа-

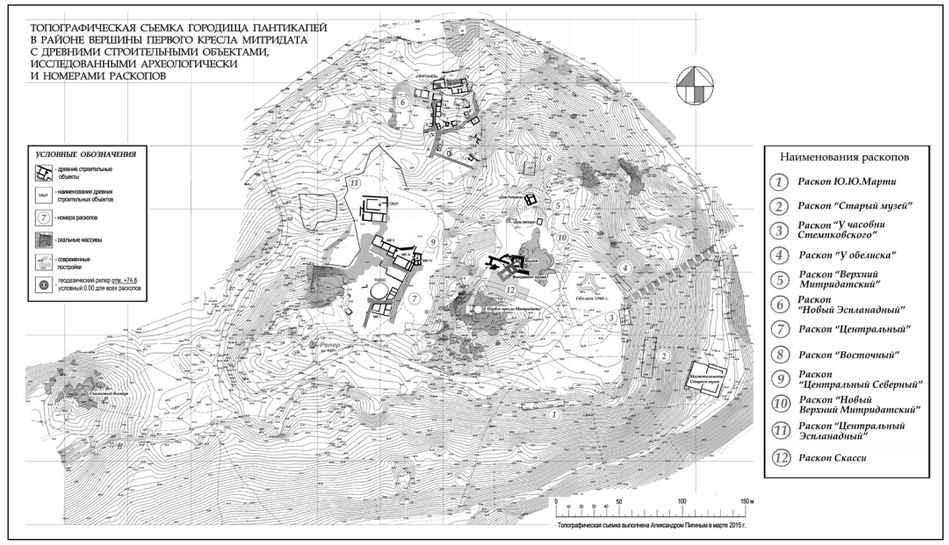

Рис. 1. План района Первого кресла горы Митридат с указанием раскопов

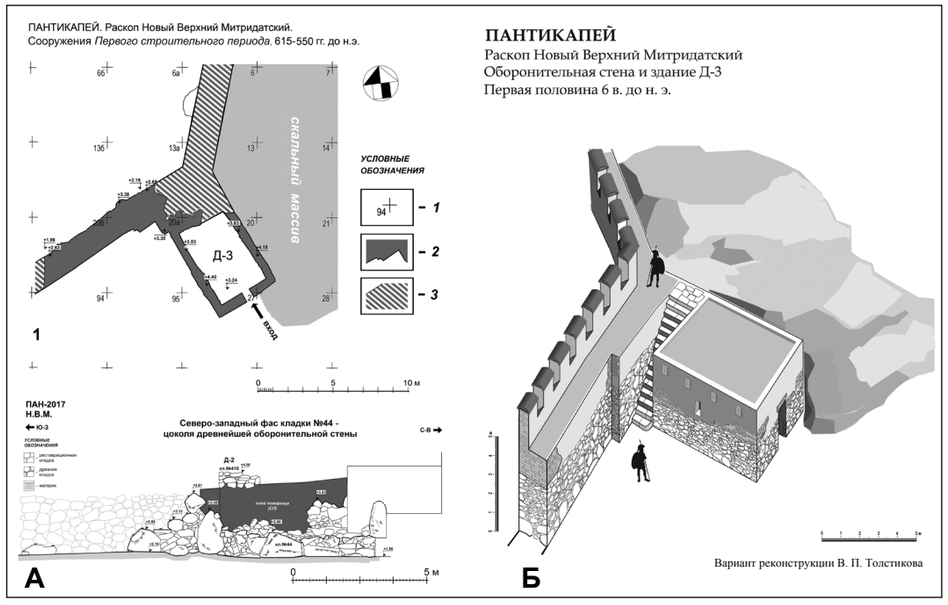

Рис. 2
2А. Раскоп НВМ. План-схема отрезка цоколя оборонительной стены и здания Д-3. Внешний фас кладки № 44 – оборонительной стены Первого периода
2Б. Древнейшие укрепления апойкии. Реконструкция-аксонометрия В. П. Толстикова

рища предметов вооружения, а именно: более двадцати бронзовых наконечников стрел ранних типов скифского облика; рукоять и верхняя часть клинка железного скифского меча-акинака; бронзовые панцирные чешуйки. Эти предметы, а также обнаруженная в слое пожарища человеческая кость свидетельствуют о том, что причиной катастрофы явилось военное нападение, скорее всего – налёт скифов-номадов (рис. 3).

Приведённые выше данные раскопок позволяют предполагать, что первоначально территория апойкии ограничивалась Верхним плато, периметр которого уже на рубеже VII–VI вв. до н. э. был защищён оборонительной стеной. Собственно говоря, это первоначальное кольцо стен можно рассматривать в качестве древнейшего акрополя Пантикапея, его ядра, из которого начал развиваться город.

Значение оборонительной функции Верхнего плато, укреплённого самой природой и первыми обитателями Пантикапея, должно было ещё более возрасти со второй половины VI в. в связи с формированием здесь раннего теменоса, а затем и возведения на нём первого храма Аполлона – главного божества-покровителя ионийского эллинства [4, с. 21–25].

Оборонительные сооружения на северном склоне Западного плато и их функциональное назначение

Раскопки к западу от вершины Первого кресла горы Митридат – на Западном плато – показали, что в *Четвёртый строительный период (520–485 гг. до н. э.)* здесь фиксируется расширение населённой территории раннего Пантикапея в западном и северо-западном направлении. Этот период отмечен существенным прогрессом в развитии архитектурно-планировочной среды центрального района поселения. Здесь, в *Фазе 2,* был возведён монументальный архитектурный ансамбль, включавший четыре многокамерных комплекса (МК I–IV), объединённых уличной сетью а также *толос* – круглая в плане постройка диаметром не менее 15 м, служившая функциональным и компози-

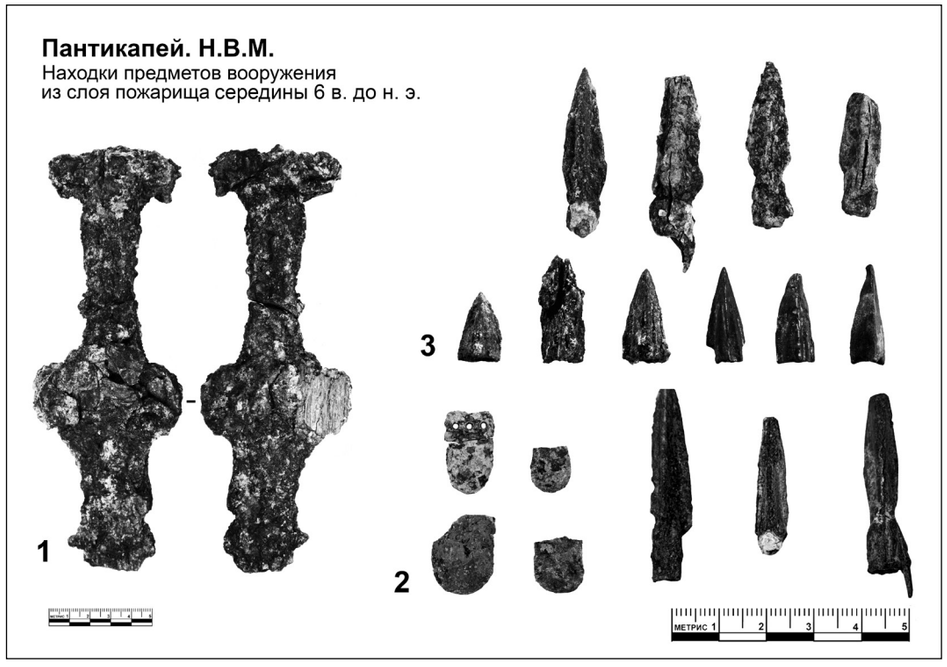

Рис. 3. Раскоп НВМ. Предметы вооружения из слоя пожарища середины VI в. до н. э.

ционным центром ансамбля. Не исключено, что толос, сочетавший сакральные и административные функции, являлся ранним *пританеем* – местом совместных трапез и совещаний полисных магистратов [4, с. 29–33] (рис. 4А).

Пятый строительный период (485–455 гг. до н. э.) на территории Западного плато и его северного склона характеризуется кардинальными изменениями архитектурно-планировочной среды, а именно её регрессом, обусловленным, по-видимому, имевшим место новым военным конфликтом. Раскопки близ МК II и МК III выявили участки слоя пожарища, образованного скоплением углей, золы, сажи, горелого рушенного сырца, закопчённой керамики, датирующего разрушение этих построек. Возле западного фаса и юго-западного угла МК III, в мощном слое пожарища на участке площадью не более 15 кв. м, было найдено компактное скопление около двадцати наконечников стрел, причём один из них обнаружен торчащим в шве между камнями цоколя здания, а два наконечника найдены в развале его сырцовой стены. Показательно, что все монументальные постройки, включая и толос, были разрушены и уже не восстанавливались. Более того, им на смену приходят заглублённые в виде прямоугольных в плане котлованов структуры (№ 3, 4, 6, 7), некоторые из них выкапываются непосредственно в руинах разрушенных и частично выбранных на камень монументальных построек предшествовавшего периода.

Этот, по-видимому, критический для города период характеризуется сооружением новой линии укреплений, которая была призвана защитить периметр Западного плато. К настоящему времени общая фиксируемая протяжённость археологически исследованного отрезка северного фронта этих укреплений достигает 46 м. В качестве составных элементов в их трассу были включены МК II и МК IV, превращённые в единую линию обороны с помощью объединившей их куртины, снабжённой небольшой вылазной калиткой. Обращает на себя внимание тот факт, что трасса этих укреплений учитывала наличие существовавших ранее, в предшествующий строительный период, монументальных зданий, которые к моменту этой фортификационной акции подверглись разрушению. При строительстве новой линии укреплений внешняя стена МК II – мощная цокольная кладка № 204/А высотой 1,4 м – была надстроена с помощью нескольких ярусов очень крупных глыб. В результате высота вновь восстановленного цоколя могла достигать минимум 3,5–4,0 м. Само это здание, пристроенное к крупному массиву скалы, было полностью реконструировано, включая фундаменты его стен-перегородок и входной проём с лестницей на восточной его стороне. В результате внешняя стена МК II была превращена в отрезок оборонительной линии, а само здание стало своего рода бастионом, расположенным вдоль внутренней её стороны[1]. Применение такого конструктивно-планировочного решения позволило древним фортификаторам не просто существенно расширить боевую площадку – верганг укреплений на данном участке, но создать на плоской кровле целую боевую позицию глубиной около 5 м и протяжённостью по фронту более 18 м. Из помещения III лестница № 222 вела непосредственно на защищённую зубцами платформу на кровле здания. Расчёты показывают, что общая высота куртины в пределах МК II могла достигать 7 м.

Непосредственно к востоку от МК II по трассе сооружаемых укреплений никаких синхронных построек не существовало. МК III, видимо, из-за специфики рельефа склона был сооружён на 6 м южнее, хотя и имел с МК II единую ориентацию. В силу этого древним строителям пришлось на отрезке между МК III и МК IV возвести специальный отрезок куртины. Для повышения эффективности обороны ему придали в плане очертания «зубца пилы», на выступающей стороне которого был устроен проём вылазной калитки шириной 0,8 м. Внутри калитка была снабжена вымосткой из крупных полигональных плит, а также водостоком, отводившим атмосферные осадки за пределы обороняемой территории акрополя. Проход калитки оформляли две параллельные кладки из крупных, плотно пригнанных между собой полигональных камней.

Интересна и показательна конструкция самой куртины. Она оформлена двумя параллельными отрезками двухпанцирных кладок, сложенных из мелких и средних постелистых камней известняка, тщательно пригнанных между собой. Пространство между ними заполнено утрамбованными чередующимися слоями крошки, золы, щебня и глины. В результате получилась достаточно прочная конструкция, сооружение которой не потребовало особых усилий и затрат. Эта куртина соединила МК II и МК IV, замкнув их в единый фронт обороны. МК IV, подобно МК II, также был реконструирован и включён в трассу укреплений. Таким образом, на данном участке северного склона Западного плато была создана эффективная система укреплений с продуманной организацией вылазок: внутри, непосредственно позади вылазной калитки, образовалось замкнутое со всех сторон пространство, своего рода «двор-ловушка». С западной стороны двор ограничивал восточный фасад МК II, с восточной – западный фасад МК IV, с юга он был полностью блокирован северной стеной МК III, а с северной стороны – трассой куртины (рис. 4Б).

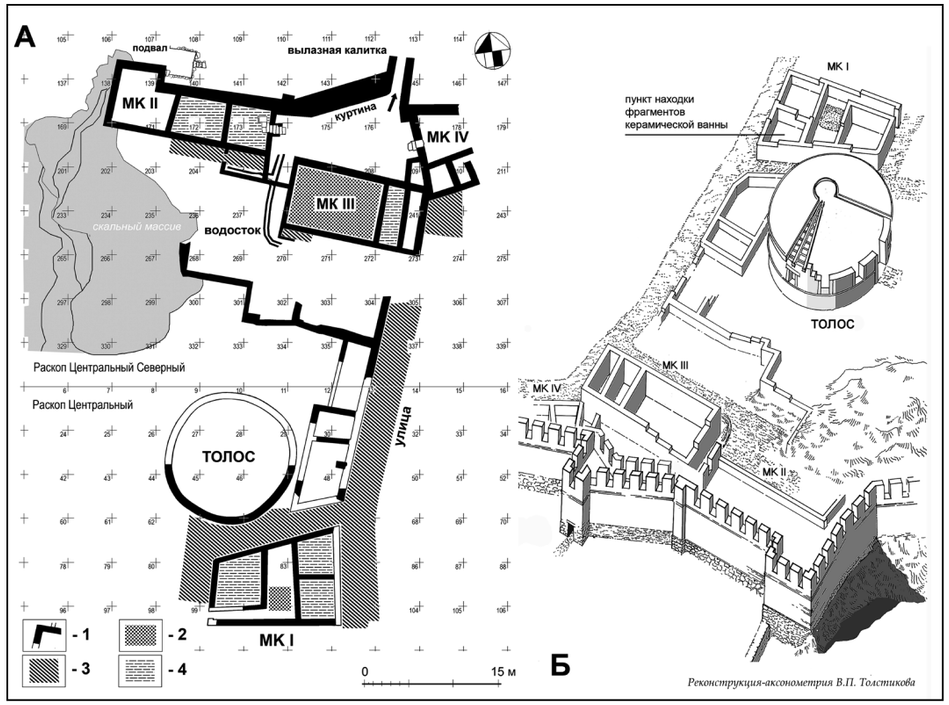

Рис.4
4А. Западное плато Первого кресла горы Митридат. План-схема общественного ансамбля с толосом:
1 – трассы стен; 2 – мощение двора; 3 – вымостки улиц; 4 – глинобитные полы
4Б. Укрепления акрополя, включившие МК II и МК IV. Реконструкция-аксонометрия В. П. Толстикова

[1] Подобная система, включающая ряды специальных камер, засвидетельствована уже для укреплений VII в. до н. э. Примером могут служить оборонительные стены во Врулии на острове Родос. Близкими в планировочном отношении являются и недавно открытые укрепления Фанагории, датируемые второй половиной I – началом V в. до н. э. [6, 52, 53, рис. 37].

Приведённые факты позволяют заключить, что новое кольцо укреплений акрополя сооружалось в экстремальной обстановке, после разрушения монументальных построек на Западном плато вследствие катастрофических событий военного характера.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что район рядовой жилой застройки на северном склоне Западного плато, исследованный в пределах Нового Эспланадного раскопа, по какой-то серьёзной причине не был включён в пределы обороняемой территории, что может служить ещё одним фактом, фиксирующим известную ограниченность времени, сил и средств Пантикапейского полиса на момент военного конфликта. Вероятно, он мог быть оставлен населением и разрушен в ходе военных действий, причём у защитников города на данный момент не было достаточных сил для обороны более протяжённого периметра укреплений.

Цитадель на Верхнем плато Первого кресла горы Митридат

В 1977–1979 гг. Боспорская археологическая экспедиция ГМИИ им. А. С. Пушкина вела исследования на самой высокой точке горы Митридат – на скале Первого кресла (отм. +90...+92 над уровнем моря). В процессе этих работ был впервые снят план подтёсов, служивших ложами для квадровой кладки на поверхности этого скального массива, выполнена их нивелировка, а также произведены раскопки сохранившихся отрезков кладок и участков культурного слоя (рис. 5А). Исследования подтвердили предположение, высказанное ещё Полем Дюбрюксом, о существовании здесь, на господствующей высоте территории акрополя столицы Боспора, оборонительного комплекса типа изолированного форта. Говоря о центральной части этого скального массива (№ 71), Дюбрюкс сообщает о вытесанных в нём с западной и южной сторон ступенях. Исследователь называет эту скалу основанием сигнальной башни, указывая: *«...то, что именуют сиденьем или креслом, было ступенями для подъёма на эту башню»* [1, с. 287].

Детальное изучение системы регулярных вертикальных и горизонтальных подтёсов на поверхности скального массива позволило сделать вывод, что они, а также сохранившиеся местами остатки кладок фиксируют план этого сооружения, центральным элементом которого служила прямоугольная в плане башня, площадь в основании которой могла составлять не менее 70 кв. м. Не исключено, что высота башни превышала 20 м и она могла выполнять как оборонительные, так и сигнальные функции [2, с. 47–52] (рис. 5Б).

Линия внешних укреплений цитадели

В процессе археологических исследований на раскопе НМВ в 2010–2020 гг. были открыты кладки, образовывавшие линию укреплений, защищавших с северной стороны Верхнее плато Первого кресла горы Митридат. Общая протяжённость этой линии обороны, исследованная на данный момент, составляет 37 м. Для удобства изложения представлю сначала общую характеристику каждого её элемента в отдельности (рис. 6).

Кладка № 17 расположена в пределах квадратов 35, 36, 37, 44 и сохранилась на значительную высоту. Она имеет трёхслойную конструкцию с забутовкой из крупного и среднего рваного камня на глинистом растворе. По внешнему, северному её фасу кладка открыта на протяжении 11,4 м. Фундамент сложен из крупных и средних иррегулярных глыб известняка, плотно пригнанных между собой, без соблюдения рядности. Глыбы фундамента имеют размеры: (дл.) 0,80 × (выс.) 0,60 м, 1,05 × 0,28 м, 0,62 × 0,58 м, 0,45 × 0,30 м. Выше во внешнем панцире заметны признаки соблюдения рядности, причём с этого уровня в ней используются регулярные тёсаные блоки, имеющие следующие размеры: (дл.) 0,75 × (выс.) 0,25 м,

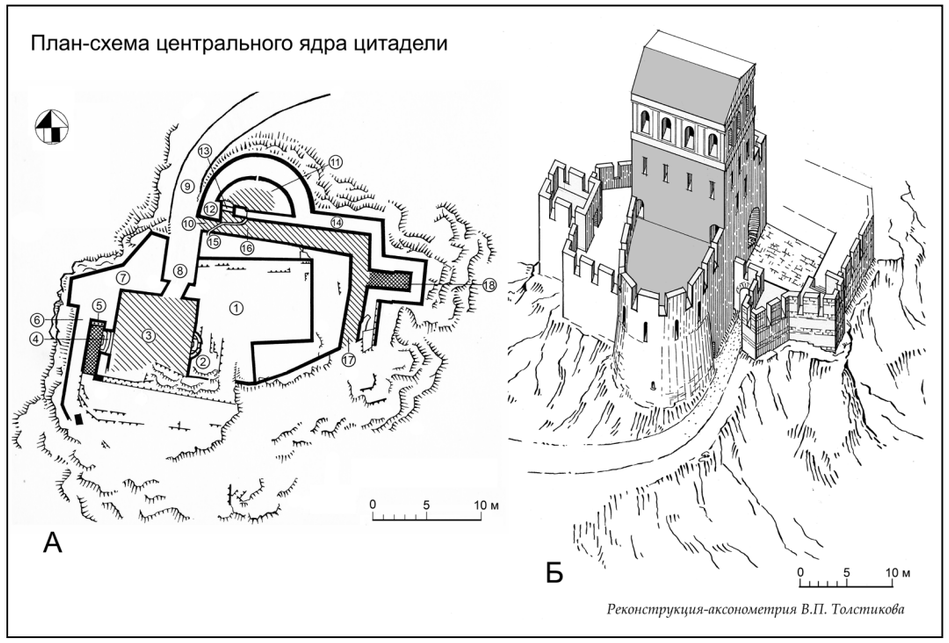

Рис. 5
5А. План-схема центрального ядра цитадели
5Б. Центральное ядро цитадели на скале Первого кресла. Вид с севера.
Реконструкция-аксонометрия В. П. Толстикова

Рис. 6. План-схема отрезка внешних укреплений северного фронта обороны цитадели с обозначением номеров кладок

0,43 × 0,40 м, 0,60 × 0,25 м. В некоторых пунктах промежутки между блоками заполнены бутом, а местами блоки чередуются с рваным камнем. Общая сохранившаяся высота кладки № 17 достигает 2,92 м при толщине 3,4 м. Восточное продолжение кладки № 17 обрывается выборкой. С запада трасса кладки завершается в пределах квадрата 35. В кладке № 17 можно предположить наличие двух строительных фаз.

В *фазе 1* в трассе кладки № 17 в пределах квадрата 35 имелся прямоугольной выступ, оформленный отрезками кладок № 17а и № 17б. Так же как и северный фас кладки № 17, этот выступ был сложен из тёсаных блоков с соблюдением рядности. На углу, оформленном кладками № 17а и № 17б, в первоначальном положении сохранились три блока. Угол этот носит признаки значительной деформации: отрезки кладок № 17а и № 17б несколько смещены с первоначального места и наклонились.

Эта деформация является следствием того, что несколько позднее – в *фазе 2* – западное продолжение трассы укреплений подверглось кардинальной перестройке. Было сооружено новое западное продолжение этой трассы, образованное кладками № 34 и № 35, о которых речь пойдёт ниже. Одной из важных особенностей кладки № 17 является то, что при её сооружении были вторично использованы тёсаные блоки, фрагменты архитектурных ордерных деталей и скульптуры предшествующего периода, а именно IV в. до н. э. Так, например, при расчистке восточного конца кладки в её забутовке был обнаружен обломок антаблемента ионического ордера – крупный, тщательно выполненный известняковый дентикул с фризом жемчужника[2]. При расчистке подошвы южного фаса кладки № 17, непосредственно под её основанием, был найден крупный обломок известнякового фриза с горельефным изображением[3]. Предположительно, *фазу 1* кладки № 17 можно отнести к рубежу III–II вв. до н. э.

Кладка № 34 залегает на квадратах 27, 28, имея направление юго-восток – северо-запад, аналогичное кладке № 17. Её максимальная протяжённость по внешнему – северному – фасу составляет 4,2 м при толщине 1,5 м. Кладка опирается на мощный фундамент, сложенный из крупных и средних глыб известняка, промежутки между которыми забиты щебнем. Так же как и у кладки № 17, фундамент этой кладки прорезает все нижележащие культурные напластования и более ранние строительные остатки и впущен в материковый грунт. Общая сохранившаяся высота кладки равна 3,21 м. Она имеет трёхслойную конструкцию, причём оба её внешних панциря сооружены из тёсаных прямоугольных блоков известняка с соблюдением рядности. Наряду с целыми тёсаными блоками в кладке использованы их обломки, а также бутовый камень. Известняковые блоки, из которых сложена кладка № 34, имеют размеры (выс. × дл.): 0,30 × 1,75 м, 0,20 × 1,25 м, 0,24 × 0,49 м.

Кладка № 35 расположена в пределах квадратов 20б, 94, 95 и также идёт по трассе юго-восток – северо-запад. Исследованная её протяжённость по внешнему – северо-восточному – фасу составляет 10,5 м; северо-западное продолжение сильно повреждено позднейшей выборкой камня. Кладка сложена из крупных глыб известняка и тёсаных блоков, имеющих размеры (выс. × дл.): 0,45 × 0,53 м, 0,40 × 0,70 м, 0,40 × 1,15 м. Общая сохранившаяся высота кладки № 35 достигает 2,00 м. Фундамент, сооружённый из крупных и средних иррегулярных глыб известняка, не доходит по поверхности материкового грунта, что отличает этот отрезок линии укреплений от рассмотренных выше кладок № 17 и № 34. Такое более мелкое заложение фундамента может объясняться, по-видимому, значительным понижением поверхности материка на данном участке.

В пункте соединения кладок № 17 и № 34 сохранились кладки № 20, 28 и 36 – фундаменты стен прямоугольной в плане башни, фланкировавшей рассматриваемую линию укреплений. Кладка № 20 представляет собой отрезок фундамента мощной стены, лежащей по трассе север – юг. Её южный торец пристроен встык к северному фасу кладки № 17, а северный частично заходил на скальный массив, причём в этом пункте поверхность скалы обработана горизонтальной подтёской. Толщина кладки достигает 2,45 м. Она имеет трёхслойную конструкцию: внешние панцири сложены из крупных, слегка подтёсанных известняковых камней подпрямоугольных и полигональных очертаний без соблюдения рядности. Размеры камней: 0,8 × 0,85 × 0,8 м, 0,75 × 0,4 × 0,45 м, 0,75 × 0,7 × 0,9 м. Всё пространство между панцирями забутовано крупным и средним рваным камнем, видимо, на глинистом растворе. Основание кладки впущено до поверхности материка. Наибольшая сохранившаяся на момент открытия высота кладки № 20 по восточному фасу достигала 1,42 м.

Кладка № 28 имеет конструкцию, аналогичную кладке № 20, при максимальной толщине 2,3 м. Она расположена по трассе восток – запад и образует прямой угол с кладкой № 20. Кладка сильно повреждена и деформирована позднейшими выборками, особенно пострадали северный фас и северо-западный её угол. Реконструируемая длина по внешнему – северному – фасу составляет 10,2 м.

Кладка № 36 была открыта в пределах квадрата 20 и расположена по трассе север – юг, т. е. параллельно кладке № 20. Как было сказано, она образует прямой угол с кладкой № 28, но при этом имеет несколько иную конструкцию: сохранившаяся нижняя часть её фундамента имела вид субструкции, из плотно уложенного крупного и среднего рваного камня. Она была несколько заглублена в культурный слой, но не прорезала его, и её основание не доходило до поверхности материка. Сохранившаяся глубина заложения фундамента не превышала 0,3–0,5 м при ширине 2,5–2,7 м.

Анализ специфики планировки и взаимосвязи приведённых выше трасс кладок позволяет сделать вывод о том, что мы имеем дело с отрезком оборонительной линии, защищавшей северный фронт Верхнего плато вершины Первого кресла Митридата. Первоначально в *фазах 1* и *2*, которые можно отнести к рубежу III–II вв. до н. э., трасса укреплений представляла собой простую линию стен. После перестройки в *фазе 3*, которую можно датировать в пределах II–I вв. до н. э., она была усилена фланкирующей башней размерами в плане ~ 10 × 8 м, выступавшей к северо-востоку за фронт линии стены на 7–11 м (рис. 7).

Ряд характерных особенностей рассматриваемых укреплений (нарушение рядности кладок панцирей, использование наряду с тёсаными блоками иррегулярных камней и, главное, вторичное применение квадров, взятых из более ранних построек, а также обломков архитектурных ордерных деталей и скульптуры IV в. до н. э.) указывает на то, что сооружение этой линии укреплений производилось в один из кризисных моментов истории Пантикапея. Таким периодом могли быть годы после серии землетрясений, имевших место во второй четверти III в. до н. э. В результате этой природной катастрофы были разрушены или повреждены многие монументальные сооружения на акрополе Пантикапея, например так называемый второй храм Аполлона, возведённый около середины V в. до н. э. в аттическом варианте ионического ордера [3, с. 47–52].

В процессе раскопок 2019–2020 гг. было установлено, что к внутреннему фасу отрезка линии укреплений – кладке № 35 – были пристроены помещения, расположенные в два ряда, – помеще-

[2] Этот обломок антаблемента может принадлежать раннему храму Аполлона.

[3] Сохранилась верхняя часть стоящей, повёрнутой вправо фигуры в лёгком подпоясанном хитоне; правая рука опущена вдоль тела, левая придерживает у плеча неидентифицированный предмет – возможно, струнный музыкальный инструмент типа кифары (ПАН-2019. Оп. № 142).

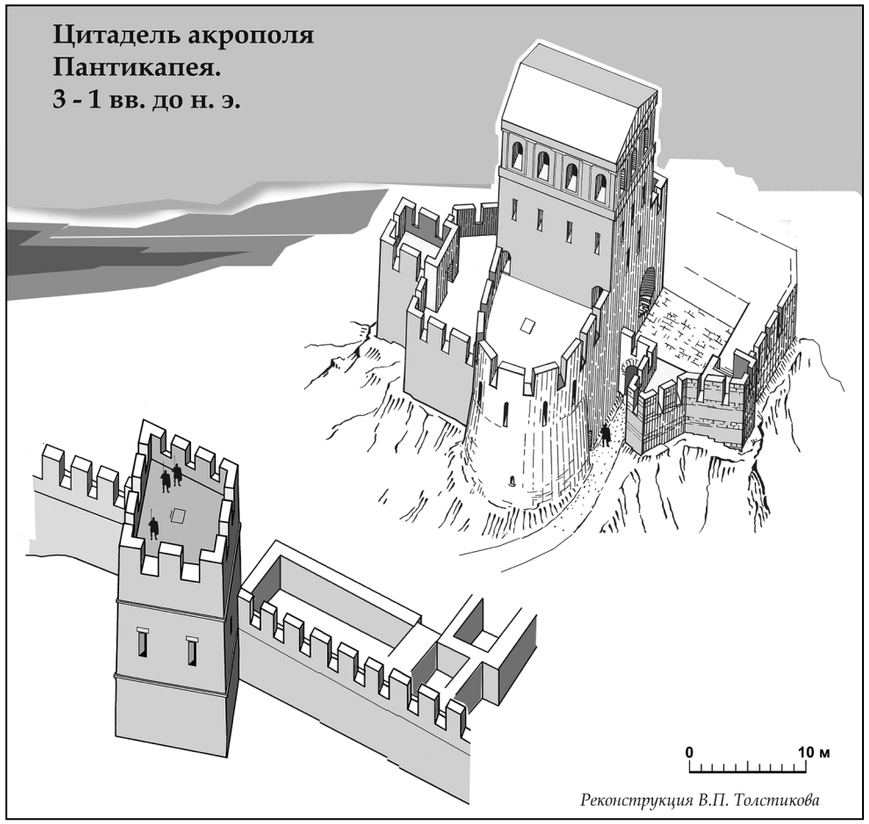

Рис.7. Цитадель акрополя столицы Боспора в 1 в. до н. э.
Реконструкция-аксонометрия В. П. Толстикова

ния 1, 2, 3. Стены в помещении 3 были покрыты штукатуркой, имитирующей фризы из пёстрого мрамора. В слое разрушения этого помещения сделана уникальная находка. Обнаружены три монеты: статер царя Асандра и два ауреуса[4]. Эти монеты, так же как и два ауреуса Юлия Цезаря, найденные в 1978 г. в водостоке северного скального коридора в самой цитадели[5], определённо свидетельствуют о том, что рассматриваемые укрепления акрополя Пантикапея функционировали в 40–20-е гг. I в. до н. э. Более того, эти находки позволяют предполагать, что именно здесь, в цитадели, могла под усиленной охраной храниться царская казна, в составе которой были и суммы, выделявшиеся Римом царю союзного Боспора для оплаты расходов на оборону границ от варваров (рис. 8).

[4] 1. Ауреус. Рим. Республика. Данный выпуск, предположительно, относится к началу 45 г. до н. э. до возращения Цезаря из Испании. Av. Бюст Виктории вправо в драпировке; позади, C·CAES снизу вверх; спереди, DIC·TER сверху вниз. Точечный ободок. Rv. Кувшин; слева, L·PLANC снизу вверх; справа, PRAEF·VRB сверху вниз. Точечный ободок. Раскоп НВМ-2020. Опись монет № 21.

2. Ауреус. Рим. Республика (Брундизиум и Рим?). 29–27 гг. до н. э. Октавиан. Av. Бюст Дианы вправо в драпировке, лук и колчан за спиной. Rv. IMP CAESAR на архитраве четырёхколонного храма. Внутри – военный и морской трофеи, установленные на проре корабля; трискелис на фронтоне. Раскоп НВМ-2020. Опись монет № 22.

[5] 1. Ауреус. Рим. Республика. 45 г. до н. э. Золото. Дм. 21,0 мм. Вес. 8,13 г. ГМИИ. Инв. № 347. Av. Бюст богини Виктории вправо, по сторонам C.CAES – DIC.TER; точечный ободок. Rv. Жертвенный одноручный сосуд, по сторонам L.PLANC – PRAEF.VRB; точечный ободок. Раскоп Цитадель, северный коридор. ГМИИ. Инв. № 348.

2. Ауреус. Рим. Республика. 44 г. до н. э. Золото. Дм. 21,0 мм. Вес. 7,93 г. Av. Бюст богини Венеры вправо, по сторонам C.CAES – DIC. QVAR; точечный ободок. Rv. CO[S.]QVINC в лавровом венке, точечный ободок. Раскоп Цитадель, северный коридор. ГМИИ. Инв. № 347.

Рис. 8. Монетные находки из помещений цитадели акрополя Пантикапея:
1, 2, 4, 5 – ауреусы Римской республики; 3 – статер царя Асандра

1. Дюбрюкс П. Собрание сочинений. Т. 1. Тексты / сост. и отв. ред. И. В. Тункина. Санкт-Петербург : Коло, 2010. 726 с.

2. Толстиков В. П. О системе обороны акрополя Пантикапея // Сообщения ГМИИ им. А. С. Пушкина. Вып. 7. Москва : Советский художник, 1984. 422 с. : ил.

3. Толстиков В. П. К проблеме землетрясения III века до н. э. на Боспоре (По материалам раскопок Пантикапея и Нимфея) // Боспорский город Нимфей: новые исследования, материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья : международная конференция, посвящённая 60-летию Нимфейской археологической экспедиции и 70-летию со дня рождения Н. Л. Грач : тезисы докладов. Санкт-Петербург, 1999. С. 72–75.

4. Толстиков В. П. Очерк градостроительной истории центрального района Пантикапея в конце 7 – середине 5 в. до н. э. // В. П. Толстиков, Н. С. Асташова, Г. А. Ломтадзе, О. Ю. Самар, О. В. Тугушева. Древнейший Пантикапей. От апойкии – к городу. По материалам исследований Боспорской (Пантикапейской) экспедиции ГМИИ имени А. С. Пушкина на горе Митридат. Москва : Перо, 2017. 400 с. : ил.

5. Толстиков В. П. Очерк градостроительной истории центрального района Пантикапея // Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства : каталог выставки / общ. ред : В. Кузнецов, В. Толстиков. Москва : Новые решения, 2017. 438 с. : ил.

6. Завойкин А. А., Толстиков В. П. Очерк политической истории Пантикапея и Фанагории // Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства : каталог выставки / общ. ред : В. Кузнецов, В. Толстиков. Москва : Новые решения, 2017. 438 с. : ил.

1. Paul Dubrux. Collected Works. V. 1. Texts. Compiler and executive editor I. V. Tunkina. SPb. : “Kolo” Publishing House. 2010. 726 p.

2. Tolstikov V. P. About the Defense System of the Acropolis of Panticapaeum // Messages of the State Museum of Arts named after A.S. Pushkin. Issue VII. Moscow : Soviet Artist. 1984. 422 p. : ill.

3. Tolstikov V. P. To the Problem of the Earthquake of the 3rd Century BC in the Bosporus. (Based on the Materials from the Excavations of Panticapaeum and Nympheus) // Bosporus City

of Nympheus: New Studies, Materials and Issues of Studying the Ancient Cities of the Northern Black Sea Region. International conference dedicated to the 60th anniversary of the Nymphaean archaeological expedition and the 70th anniversary of the birth of N. L. Grach. Abstracts of reports. SPb., 1999. P. 72–75.

4. Tolstikov V. P. Essay on the Urban History of the Central Region of Panticapaeum in the Late 7th – mid 5th Centuries BC // // V. P. Tolstikov, N. S. Astashova, G. A. Lomtadze, O. Yu. Samar, O. V. Tugusheva. The Ancient Panticapaeum. From Apoikia to the City. Based on the research materials of the Bosporus (Panticapaeum) expedition of the State Museum of Arts named after A. S. Pushkin on the Mount Mithridates. M. : Pero, 2017. 400 p .: ill.

5. Tolstikov V. P. Essay on the Urban History of the Central Region of Panticapaeum // Panticapaeum and Phanagoria. Two Capitals of the Bosporus Kingdom. Exhibition Catalog / General edition: V. Kuznetsov, V. Tolstikov. M. : New ѕolutions, 2017. 438 p . : ill.

6. Zavoikin A. A., Tolstikov V. P. Essay on the Political History of Panticapaeum and Phanagoria // Panticapaeum and Phanagoria. Two Capitals of the Bosporus Kingdom. Exhibition Catalog. General edition: V. Kuznetsov, V. Tolstikov. M. : New Solutions, 2017. 438 p . : ill.

Annotation. *This article summarizes the materials of the archaeological research of the Bosporus expedition of the Pushkin state Museum of fine arts for 75 years of excavations on mount Mithridates, presents the stages of development of the defense system of the Acropolis of Panticapeum in the period from the turn of the 7th–6th centuries BC to the 1st century BC.*

Keywords: *Panticapaeum, fortification of the Acropolis, citadel of the Acropolis.*

УДК 911.53; 902/904

Г. В. Требелева, А. С. Кизилов

ЕЩЁ РАЗ К ВОПРОСУ О ПОНТИЙСКОМ ЛИМЕСЕ: ПРИНЦИПЫ РАСПОЛОЖЕНИЯ ДРЕВНИХ ФОРТИФИКАЦИОННЫХ СООРУЖЕНИЙ ЧЕРНОМОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ КАВКАЗА

ONCE AGAIN TO THE QUESTION ABOUT PONTIAN LIMES: PRINCIPLES OF LOCATION OF ANCIENT FORTIFICATION STRUCTURES OF THE BLACK SEA COAST OF THE CAUCASUS

Аннотация. *Локализация античных крепостей на Черноморском побережье Кавказа всегда вызывала дискуссии. Однако, анализируя принципы возникновения фортификационных объектов, можно не только подтвердить спорные аспекты локализации крепостей, но и спрогнозировать наличие объектов, на данный момент не выявленных наукой.*

Ключевые слова: *Черноморское побережье Кавказа, античные крепости, расстояние дневного перехода, гавани, Понтийский лимес.*

Расположение античных крепостей, городов и поселений на Черноморском побережье Кавказа всегда вызывало дискуссии, связанные с вопросом об их локализации. Одним из важных аргументов в данном случае являлся сам факт наличия либо отсутствия выявленного археологического памятника. Однако наука обладает далеко не полным списком памятников. Сопоставляя расстояние дневного перехода каботажного флота в античное время, географическое и ситуационное удобство рассматриваемых объектов (наличие бухты, судоходной реки, выходы караванных путей) и описания в трудах древних географов и историков, можно не только подтвердить спорные аспекты локализации крепостей, но и спрогнозировать наличие объектов, ещё не выявленных наукой. Данная статья не может охватить все археологические объекты побережья, но освещён принцип их расположения. Участок побережья, рассматриваемый в статье, исторически испытывал на себе культурное влияние как территорий Боспорского и Понтийского царств, так и территорий распространения колхидской культуры – таким образом, Римская империя размещала свои форпосты не на пустовавших местах.

Важно отметить, что рассматриваемый участок побережья между территорией Боспорского царства и землями Диоскуриады является наименее изученным. Маркерным критерием в нашем исследовании может являться период

создания Российской империей торговых факторий и крепостей береговой линии в первой половине XIX в., поскольку в данном случае мы располагаем максимально полной и достоверной информацией как с исторической, так и с географической точки зрения.

Крайней восточной точкой Боспорского царства является Геленджик, где наличие древнегреческого поселения колонистов и последующих факторий разных времён не вызывает сомнений. Далее же на восток мы имеем объекты с сомнительной локализацией.

Первым на юго-восток от Геленджика располагалось Новотроицкое укрепление (рис. 1, № 1), ныне посёлок Криница на берегу реки Пшада. Известный путешественник Дюбуа де Монпере писал в своих воспоминаниях: «Положение Пшада настолько кажется выгодным и удобным, что было бы удивительно, если бы греки, так хорошо умевшие пользоваться подобными местными условиями, не сделали бы этого на этот раз. Тетбу де Мариньи, имевший возможность на досуге изъездить эти окрестности, сообщает в описании своего путешествия, что он видел довольно широкую дорогу, которая вела к руинам древней крепости на верхушке горы, господствующей над долиной на юго-восток от Пшада. Все склоны холмов вокруг Пшада усеяны также могильными курганами большего или меньшего размера» [13, с. 80].

В связи с этой информацией уместно будет отметить факт недавнего открытия в мире археологии башни римского времени возле посёлка Архипо-Осиповка (рис. 1, № 2). Изначально развалины башни ассоциировались с крупным курганом, который, собственно, и предполагалось исследовать. Однако в результате раскопок на месте предполагаемого кургана оказались развалины римской башни [3, с. 26–27]. В этой связи логично будет предположить, что среди многочисленных неисследованных археологами курганов могут оказаться остатки фортификационных сооружений.

В самом же посёлке Архипо-Осиповка располагалось Михайловское укрепление (рис. 1, № 3) на левом берегу реки Вулан. Следует отметить фактор, который объясняет причину, по которой ряд укреплений древности не совпадает по месту расположения с крепостями XIX в., – это изменение типа и дальнобойности стрелкового оружия. Места, неуязвимые для лучников, оказались беззащитными перед огнестрельными обстрелами с господствующих поблизости высот. Река Вулан образует глубокую и спокойную внутреннюю лагуну, способную принять немало маломерных торговых судов. Таким образом, мы видим, что данное место географически очень благоприятно для постройки укреплений. А изменение места античного укрепления и укрепления XIX в. связано с изменением типа орудий. Но, так или иначе, оба укрепления стоят в устье одной и той же реки.

Юго-восточнее Архипо-Осиповки, на месте посёлка Лермонтово, во время Кавказской войны располагалось укрепление Тенгинское (рис. 1, № 4). Удобная и глубокая лагуна реки Шапсухо и поныне имеет яхтенную стоянку, что подтверждает её судоходность и в более раннее историческое время. Не исключено, что здесь также могут оказаться остатки античных укреплений.

Расположенный далее посёлок Новомихайловский известен наличием древней крепости Дузу-Кале (рис. 1, № 5), расположенной в устье реки Нечепсухо. Сохранившаяся часть надписи на камне из крепости Дузу-Кале об отпущении на волю рабов, подобная надписям из Пантикапея, Фанагории и Горгиппии, содержит имя царя Котиса I и дату 356 г. боспорской эры, соответствующую 59 г. н. э. [12, с. 39]. Кроме крепости Дузу-Кале, на юго-восточной окраине посёлка Новомихайловского, находится вторая небольшая крепость. «Найденный при раскопках материал укладывается в рамки конца IV – VI в. н. э.» [1, с. 93].

Далее следует Вельяминовское укрепление (рис. 1, № 6), ныне – Туапсе. Вероятно, возможные остатки древней архитектуры либо безвозвратно утеряны в раннем периоде строительства города, либо находятся в виде курганных развалин на мысе Кодош, где и по сей день дислоцируются воинские части на закрытых к доступу территориях.

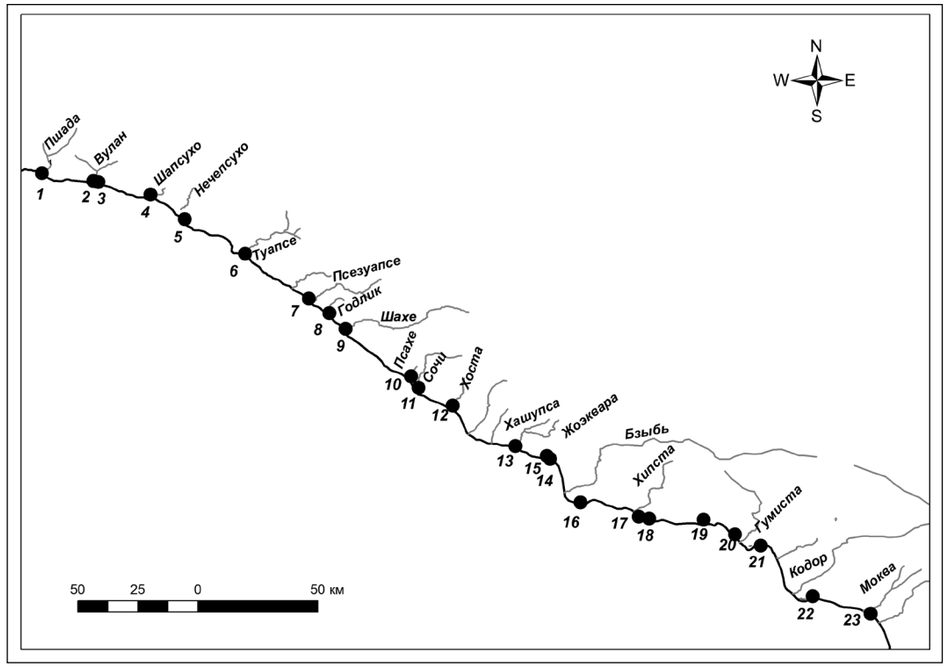

Схема расположения памятников по побережью

Важно отметить на данном этапе следующее. Именно от Туапсе и практически до Гагры по побережью протянулась железнодорожная магистраль, которая безвозвратно уничтожила десятки памятников времён античности. Лишь некоторые из них оказались упомянутыми в отчётах археологов конца XIX – начала XX в.

Лазаревское укрепление (рис. 1, № 7) – ныне микрорайон города Сочи Лазаревское. Расположение форта Лазаревского на правом берегу Псезуапсе продиктовано стратегией берегового крейсирования периода Кавказской войны, но с позиции стратегии контролирования караванных путей гораздо более выгодным является место расположения крепости на реке Годлик (рис. 1, № 8). Ю. Н. Воронов в одном из своих исследований отмечает: «Псевдо-Арриан в V в. н. э. упоминает крепость Багу, которая, вероятно, может быть сопоставлена с укреплением, находящимся к юго-востоку от Лазаревского, на самом берегу моря (Чемитоквадже). Крепость расположена на береговой возвышенной (20–25 м над уровнем моря) террасе, на левом берегу реки Годлик» [5, с. 80].

Далее, на юго-восток, в период Кавказской войны существовало Головинское укрепление (рис. 1, № 9). Однако наличие более древней крепости до сих пор не выявлено. При этом в окрестностях форта неоднократно при строительных земляных работах обнаруживали крупные фрагменты кирпичей не российского стандарта. Среди имеющихся в научном описании габаритов древних кирпичей имеется полный аналог их размера из крепости Харакс в Крыму [7, с. 151, табл. 43]. Более того, существует до сих пор не подтверждённая информация: «У истока р. Шяхе находятся развалины древнего города, остатки колонн и другие признаки искусного зодчества, доказывающие что там некогда обитал народ образованный; еще более подтверждается таковая догадка между сих развалив находимыми древними монетами и медалями, и подает повод заключить, что на сем месте существовал город, принадлежавший к Греческим Кубанским поселениям» [8].

Очевидно, что торговый маршрут в районе среднего течения реки Шахе разделялся на рукава. Именно это объясняет наличие древней крепости Мамай-Кале (рис. 1, № 10) в Центральном районе города Сочи на правом берегу реки Псахе. Дюбуа де Монпере отмечал в своих воспоминаниях: «Мне рассказывал Тауш, что он видел в Мамай, большой камень <...> Повернув камень, он увидел в рамке цепочки скульптурной работы три ряда рельефных фигур в римских одеяниях, но без всяких надписей» [1, с. 89]. Поселение VI–I вв. до н. э. в устье реки Псахе известный археолог Ю. Н. Воронов считал греческим, а по вещевому комплексу – связанным с Боспорским царством [5, с. 90]. В начале нашей эры на Черноморском побережье Кавказа появляются опорные базы римлян. Многие историки относят к ним и крепость на реке Псахе, идентифицируя её с крепостью Мохора [5, с. 91].

При впадении реки Сочи в море, на её левом берегу, был построен форт Александрия (Навагинское укрепление) (рис. 1, № 11). Во время олимпийского строительства в центре Сочи здесь были обнаружены остатки античной крепости [10, с. 113].

Относительно Хосты (рис. 1, № 12) наличие подобного пункта косвенно подтверждается имеющейся информацией о сооружении, сложенном «из плит песчаника с характерными прослойками тонкого византийского кирпича», срытом «при установке финских сборных домов для размещения жителей, лишившихся своих домов при грандиозном оползне в районе старого известкового завода в 1956 г.» [17, с. 14]. Описание кладки Opus mixtum позволяет сделать вполне реальное предположение о том, что некая крепость могла быть на этом месте, учитывая то, что хостинский мыс Видный неоднократно упоминается в античных источниках как важный географический ориентир – Гераклов мыс.

В рассматриваемой нами цепи прибрежных колониальных фортификаций в районе впадения крупной реки Псоу стратегически должна была быть крепость. На левом берегу реки Псоу, вдоль морского побережья, расположен один из наиболее ярких раннехристианских памятников Абхазии – Цандрипшская базилика (рис. 1, № 13), находившаяся неподалёку от места впадения небольшой реки Махадыр [15, с. 163–172]. Храм был построен на самом берегу моря, на площади приморской, по-видимому, византийской крепости, основательно разрушенной в последние десятилетия [4]. Однако в результате многолетнего поиска в 2019 г. удалось обнаружить и зафиксировать и остатки стены этой крепости [2, с. 207–225].

Следующей по побережью является крепость Абаата (рис. 1, № 14), идентифицируемая с укреплением Нитика, упомянутом в «Перипле» Арриана. Расположена она в устье реки Жоэквара [9, с. 32–36]. Очень важным и интересным нам кажется также факт существования вверх по ущелью реки Жоэквара башни Марлинского (рис. 1, № 15), построенной в честь декабриста А. Бестужева-Марлинского в XIX в., как многие считают, на остатках более древнего сооружения – башни Митридата [9, с. 33].

Следующим важным объектом является, конечно же, Великий Питиунт (рис. 1, № 16) на Пицундском мысу. Его локализация не вызывает сомнений.

В 20 км юго-восточнее Пицундского мыса расположен архитектурный средневековый комплекс Айлага-Абыку (рис. 1, № 17) в местечке Бамбора. Название Айлага-Абыку с абхазского переводится как «путающая вышка» или «сумасшедший выступ». Особого интереса заслуживает сообщение о Бамборской крепости, описание которой мы находим в сообщениях Дюбуа де Монпере [13, с. 114–115], а изображение – в рисунках французского путешественника и военного разведчика Луи Ле Бретона [18]. Сразу стоит отметить, что российский форт Бамборы на месте точно не локализован. В данный момент на его предполагаемом месте находится аэропорт. Не исключено, что форт был основан на месте более древнего фортификационного сооружения, поскольку его стратегическое место к этому располагает. В 3,5 км от храма Айлага-Абыку, в районе современной Гудауты, почти на побережье моря находится знаменитое поселение Кистрик (рис. 1, № 18), стоит оно на берегу одноимённого ручья, слои которого датируются от неолита до античности. Таким образом, хотя мы и не наблюдаем на данном участке остатков античных прибрежных крепостей, но они тут явно «напрашиваются», и этот фактор, как нам кажется, стоит учитывать при дальнейших исследованиях. Здесь хочется отметить, что крепость Нитика и Великий Питиунт разделяет расстояние примерно в 20 км.

Далее, в 20 км от Алага-Абыку, по побережью расположен Новый Афон, где на Иверской горе локализуется знаменитая крепость Анакопия (рис. 1, № 19), идентифицируемая с древней Трахеей, главной крепостью абазгов, упомянутой в источниках. А в устье реки Псырцха ещё в первой половине XX в. были зафиксированы следы поселения античного времени.

Примерно через 20 км по побережью расположен современный Сухум, где традиционно локализуются древняя Диоскурия и Себастополис (рис. 1, № 21). Древнегреческие слои Диоскурии всё же вызывают дискуссии, а вот следы римских укреплений сомнения не вызывают [6]. Рядом с Сухумом, на правом берегу реки Гумиста, находится древнее Эшерское городище (рис. 1, № 20). Оно пережило расцвет во второй половине IV – начале III в. до н. э. В конце II – начале I в. до н. э. была сооружена оборонительная стена двухметровой толщины с башнями, которые располагались на расстоянии полёта стрелы, т. е. в 30–40 м. Предполагается, что их возвели при Митридате VI Понтийском, который построил в Колхиде 75 крепостей, защищаясь от Рима. Приблизительно в середине или третьей четверти I в. до н. э. Эшерское городище, расположенное на холме, было взято штурмом, а поселение предано разрушению и огню [16].

На 25 км южнее Сухума, за рекой Кодор, находится местность Балан со знаменитым озером Скурча – очень удобной гаванью для малогабаритных судов. Именно здесь, по мнению ряда учёных, как XIX в., так и современных, и должна локализоваться Диоскурия, а не в Сухуме [11; 14]. И хотя явных следов её пока не обнаружено, следы поселения античного времени, начиная с конца VII – начала VI в. до н. э., здесь присутствуют (рис. 1, № 22). Ещё через 20 км на юг от местности Балан мы попадаем в древний античный город Гюэнос (рис. 1, № 23).

В заключение хочется добавить, что, анализируя географические и геополитические принципы возникновения фортификационных объектов, изложенные в данной статье, можно с большой степенью вероятности применить их и для исследования территорий, расположенных юго-восточнее по побережью.

1. Анфимов Н. В. Зихские памятники Черноморского побережья Кавказа // Северный Кавказ в древности и в средние века / ред. В. И. Марковин. Москва : Наука, 1980. С. 92 – 112.

2. Аргун А. В. Историческая география Северо-Восточного Причерноморья по данным античных периплов Флавия Арриана и Псевдо-Арриана // Международная научная конференция, посвящённая 100-летию З. В. Анчабадзе. АГУ, АБИГИ. Сухум, 2020. С. 207–225.

3. Бонин А. В. Мелешко Б. В. Башня близ п. Архипо-Осиповка – восточный рубеж Боспорского царства: сборник научных трудов // ΣΥΜΒΟΛΑ: Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия / ред.: А. А. Масленников [и др.]. Москва ; Киев, 2010. Вып. 1. С. 24–27.

4. Воронов Ю. Н. В мире архитектурных памятников Абхазии. Москва: Искусство, 1978 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://apsnyteka.org/1055- voronov_v_mire_arhitekturnyh_pamyatnikov_abkhazii.html.

5. Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979. 125 с.

6. Горлов Ю. В., Требелева Г. В. Археологическая топография Сухумской бухты – Геоинформационная система археологических памятников Сухумской бухты. Москва, 2007 [Электронный ресурс]. CD-ROM.

7. Зеест И. Б. Керамическое производство и античные керамические строительные материалы / отв. ред. И. Б. Зеест. Москва : Наука, 1966. 158 с.: ил.; 29 см. (Археология СССР : Свод археологических источников / АН СССР, Ин-т археологии ; под общ. ред. акад. Б. А. Рыбакова. Вып. Г1, 20).

8. Зубов П. П. Картина Кавказского края, 1823. I. Народ Адехе или Черкесы Закубанские [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://drevlit.ru/docs/kavkaz/XIX/1820-1840/Zubov_P_P/text31.php.

9. Канделаки Д. А. Гагрская крепость Абаата // Лавровский сборник. Материалы XXXVIII и XXXIX Среднеазиатско-Кавказских чтений 2014–2015 гг. : Этнология, история, археология, культурология. Санкт-Петербург, 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://apsnyteka.org/file/kandelaki_d_gagrskaia_krepost_abaata.pdf.

10. Кизилов А. С., Глазов К. А., Кудин М. И. К вопросу об античной датировке древней крепости в центре города Сочи // VII «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Материалы международной археологической конференции. Краснодар, 2017. С. 113–121.

11. Кудрявцев К. Д. Сборник материалов по истории Абхазии Сухум. Издание Наркомпроса ССР Абхазии, 1926 (на обложке – 1922) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://apsnyteka.org/179-kudriavtsev.html#5

12. Латышев В. В. Эпиграфические новости из южной России. Находки 1907 года // Известия императорской археологической комиссии (ИАК). Санкт-Петербург, 1908. Вып. 27. С. 15–41.

13. Монпере Дюбуа де Ф. Путешествие вокруг Кавказа: у черкесов и абхазов, в Колхиде, в Грузии, в Армении и в Крыму. Сухуми : АбГИЗ, 1937 г. 180 с.

14. Новый след: археологи ищут древнегреческий город Диоскуриада в Адзюбже [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sputnik-abkhazia.ru/Abkhazia/20190906/1028346922/Novyy-sled-arkheologi-ischut-drevnegrecheskiy-gorod-Dioskuriada-v-Adzyubzhe.html.

15. Требелева Г. В. К вопросу реконструкции границ раннесредневековых государственных образований на территории Абхазии // Проблемы истории, филологии и культуры (ПИФК). 2019. № 4. С. 163–172.

16. Шамба Г. К. Эшерское городище (Основные результаты археологических раскопок 1968, 1970–1977 гг.). Тбилиси : Мецниереба, 1980. 66 с.

17. Широков И. В. Тарасов А. А. Наша маленькая Хоста: исторический очерк. Москва, 2011. 170 с.

18. Breton L. Lithographe [Panoramas, vues et plans de villes et forts russes de la mer Noire] / Lith. par L. Le Breton. 1854. 12] [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://gallica.bnf.fr/services/engine/search/sru?operation=searchRetrieve&version=1.2&collapsing=disabled&rk=257512;0&query=%28%28dc.creator%20all%20%22Le

1. Anfimov N. V. Zikh monuments of the black sea coast of the Caucasus // The North Caucasus in antiquity and the middle ages / resp. ed. V. I. Markovin. Moscow : Nauka, 1980. P. 92–112.

2. Argun A. V. The Historical Geography of the North-Eastern Black Sea Region According to the Data of the Ancient Periplus Flavius Arrian and Pseudo-Arrian. // International Scientific Conference Dedicated to the 100th Anniversary of Z.V. Anchabadze. ASU, ABIGI. Sukhum, 2020. P. 207–225.

3. Bonin A. V. Meleshko B. V. Tower near Arkhipo-Osipovka Settlement – Eastern Border of the Bosporus Kingdom // ΣΥΜΒΟΛΑ: Ancient World of the Northern Black Sea Region. The Latest Finds and Discoveries / ed. A. A. Maslennikov [et al.]. Moscow ; Kiev, 2010. P. 24–27

4. Voronov Yu. N. In the World of Architectural Monuments of Abkhazia. Moscow: Art, 1978 [Electronic resource]. Access Mode: http://apsnyteka.org/1055-voronov_v_mire_arhitekturnyh_pamyatnikov_abkhazii.html.

5. Voronov Yu. N. Antiquities of Sochi and its Environs. Krasnodar, 1979. 125 p.

6. Gorlov Yu. V., Trebeleva G. V. Archaeological Topography of Sukhumi Bay – Geoinformation System of Archaeological Sites of Sukhumi Bay. Moscow, 2007 [Electronic resource]. CD-ROM.

7. Zeest I. B. Ceramic production and antique ceramic building materials / responsible editor I. B. Zeest. Moscow: Nauka, 1966. 158 p.: ill.; 29 cm. (Set of archaeological sources / USSR Academy of Sciences. Institute of archaeology. Archeology of the USSR. Under the General editorship of academician B. A. Rybakov; Issue G 1, 20).

8. Zubov P. P. Painting of the Caucasus Region, 1823. I. The People of Adeje or Circassian Zakubansky [Electronic resource]. Access mode: http://drevlit.ru/docs/kavkaz/XIX/1820-1840/Zubov_P_P/text31.php.

9. Kandelaki D. A. Gagra Fortress Abaat // Lavrovsky Collection: Materials XXXVIII and XXXIX of the Central Asian-Caucasian readings 2014–2015: Ethnology, History, Archeology, Cultural Studies. Saint Peterburg, 2015 [Electronic resource]. Access Mode: http://apsnyteka.org/file/kandelaki_d_gagrskaia_krepost_abaata.pdf.

10. Kizilov A. S. Glazov K. A. Kudin M. I. On the Issue of Antique Dating of an Ancient Fortress in the Center of Sochi // VII «Anfimov readings» on the Archeology of the Western Caucasus. Materials of the International Archaeological Conference. Krasnodar, 2017. P. 113–121.

11. Kudryavtsev K. D. Collection of Materials on the History of Abkhazia Sukhumi: Edition of the People's Commissariat of the SSR of Abkhazia, 1926 (on the cover – 1922) [Electronic resource]. Access Mode: http://apsnyteka.org/179-kudriavtsev.html#5.

12. Latyshev V. V. Epigraphic News from Southern Russia. Finds of 1907 // News of the Imperial Archaeological Commission (IAK). Saint Peterburg, 1908. Issue 27. P. 15–41.

13. Montpere Dubois de F. Traveling around the Caucasus: with Circassians and Abkhazians, in Colchis, in Georgia, in Armenia and in the Crimea. Sukhumi : AbGIZ, 1937. 180 p.

14. A new Trace: Archaeologists are Looking for A Greek City of Dioskuriada in Adzyubzhe [Electronic resource]. Access mode: https://sputnik-abkhazia.ru/Abkhazia/20190906/1028346922/Novyy-sled-arkheologi-ischut-drevnegrecheskiy-gorod-Dioskuriada-v-Adzyubzhe.html.

15. Trebeleva G. V. On the Issue of Reconstruction of the Borders of Early Medieval State Formations on the Territory of Abkhazia // Problems of History, Philology and Culture (PIFK). 2019. No 4. C. 163–172.

16. Shamba G. K. Escher Mound (Main results of Archaeological Excavations of 1968, 1970–1977). Tbilisi: Metzgireba, 1980. 66 p.

17. Shirokov I. V. Tarasov A. A. Our Little Hosta: Historical Essay. Moskow, 2011. 170 p.

18. Breton Louis. Lithographe [Panoramas, vues et plans de villes et forts russes de la mer Noire] / Lith. par L. Le Breton. 1854. 12) [Electronic resource]. Access Mode: https://gallica.bnf.fr/services/engine/search/sru?operation=searchRetrieve&version=1.2&collapsing=disabled&rk=257512;0&query=%28%28dc.creator%20all%20%22Le.

Annotation. *The localization of ancient fortresses on the Black Sea coast of the Caucasus has always caused discussions. However, analyzing the principles of the emergence of fortifications, it is possible not only to confirm the controversial aspects of the localization of fortresses, but also to predict the presence of objects that are not currently identified by science.*

Keywords: *The Black Sea coast of the Caucasus, ancient fortresses, the distance of the daytime passage, harbor, Pontic Limes.*

УДК 9, 902, 904

М. Ю. Трейстер

БРОНЗОВЫЙ АРИТЕР ИЗ РАСКОПОК ЕЛИЗАВЕТОВСКОГО ГОРОДИЩА

ЕЩЁ РАЗ О БРОНЗОВЫХ СОСУДАХ С СЕВЕРНЫХ БАЛКАН НА БОСПОРЕ

BRONZE ARYTER FROM THE EXCAVATIONS OF ELIZAVETOVSKOE FORTIFIED SETTLEMENT

ONCE MORE ON THE BRONZE VESSELS FROM NORTH BALKANS IN THE BOSPORAN KINGDOM

Аннотация. *Статья является предварительной атрибуцией бронзового сосуда, найденного при исследованиях греческого поселения Елизаветовского городища в доме, приписываемом оптовому торговцу конца IV – первой трети III в. до н. э. Основываясь на опубликованном рисунке, автор определяет сосуд как аритер – локальную форму, получившую особенно широкое распространение в Эпире и Македонии.*

Ключевые слова: *Боспор, Елизаветовское городище, греческие импорты, бронзовые сосуды, Македония, Эпир.*

При исследованиях подвального помещения дома № 30 греческого поселения на Елизаветовском городище в дельте Дона в 1993 г. были обнаружены многочисленные находки, включая фрагменты более чем 100 амфор Херсонеса, Синопы, Гераклеи Понтийской и Фазоса, деревянные пиксиды и гребни [1, с. 258, табл. 71, рис. 116, *1*–2; 2, с. 37–39, рис. 1, *1-2* (здесь как подвал дома № 29);]. Комплекс интерпретируется как склад торговца-оптовика на поселении, а сам подвал, судя по анализу амфорного материала, просуществовал до 270-х гг. до н. э. [4, с. 487–491]. Упомянутый лишь в одной из отчётных публикаций бронзовый сосуд (рис. 1) [2, с. 38–39, рис. 1, *3*] не был специально атрибутирован, хотя и заслуживает пристального внимания.

Представленная работа основана на опубликованном рисунке данного сосуда (см. рис. 1). Неизвестно, сохранился ли он и имеются ли в отчёте его фотографии, поскольку статья подготовлена в период карантина, связанного с коронавирусом, и, несмотря на желание В. П. Копылова помочь мне в розысках, у одного из авторов раскопок не было доступа ни к отчёту, ни к хранилищу.

Сосуд с утраченной нижней частью высотой не менее 14 см имеет тулово, плавно расширяющееся кверху и образующее ребро при переходе к сужающемуся плавно вогнутому горлу с широким горизонтально отогнутым краем. Петлевидная вертикальная ручка припаяна верхним атташем непосредственно под краем сосуда. Ручка овального сечения в верхней части имеет два вертикальных плоских полусферических выступа с отверстием для крепления шарнира (?), на котором могла вращаться крышка. Нижний атташ ручки – листовидной формы, с двумя валиками с каждой стороны у основания – припаян непосредственно под горизонтальным ребром тулова.

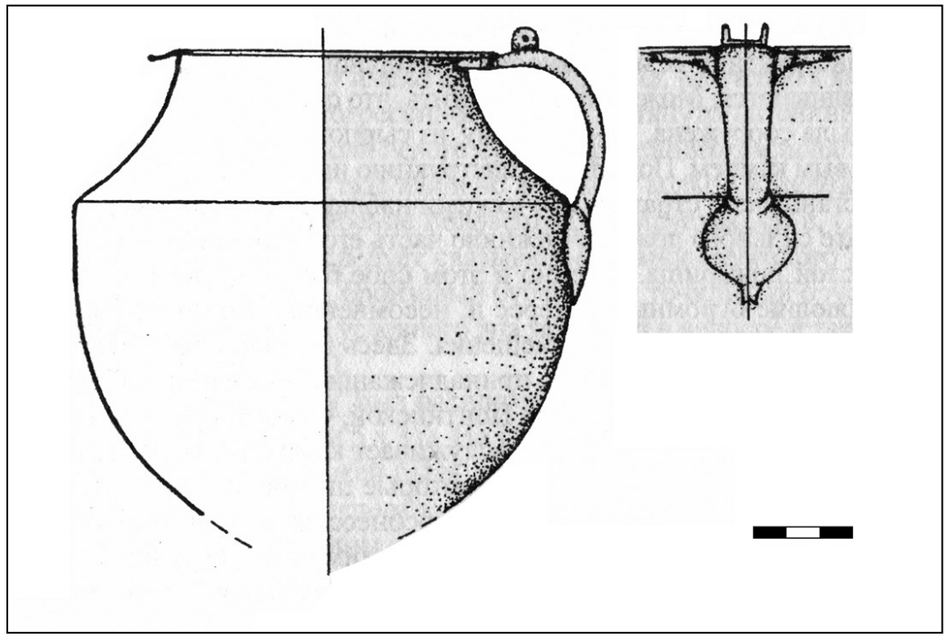

Рис. 1. Бронзовый аритер из раскопок Елизаветовского городища (по: Марченко К. К., Копылов В. П., Житников В. Г. Итоги исследований 1993–1994 гг. на Елизаветовском городище в дельте Дона // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Азов : Краеведческий музей, 1997. С. 38. Рис. 1, 3)

Этот тип сосудов называется chytrai/ aryter. Форма – локальная македонская, появляется среди металлических сосудов еще в VI в. до н. э. и получает особенно широкое распространение в керамике эллинистического времени. Выделяются несколько типов сосудов этой формы, которые, как предполагается, служили для наполнения жидкостью маленьких сосудов для питья [15, p. 397] или сосудов для омовения [21, p. 234], при этом сосуд из Елизаветовского городища соответствует сосудам формы 3, по классификации С. Ротрофф [20, p. 170–172, charts 17, 18, 32, figs. 73–74, pls. 62–63 – chytrai form 3], или B, по другим классификациям [10, p. 324, pls. 158, 162ε-στ; 26, p. 137–139, 140, fig. 7, type B, neck-aryter].

Все бронзовые сосуды рассматриваемой формы датируются не позднее IV в. до н. э. и, таким образом, являются предшественниками керамических [20, p. 171]. Вероятно, наиболее ранний из них происходит из погребения № 67 некрополя Синдос в Македонии и датируется последней четвертью VI в. до н. э. [13, vol. 1, p. 120; vol. 2, p. 813, no. VAS250; 15, p. 397, 409, no. 34]. К наиболее поздним относится сосуд из гробницы B в Дервени (рис. 2, *3*) [23, p. 75–76, no. B41, pl. 86; 14, 236, no. 1.Φ; 24, p. 541, no. 3, pl. 66δ].

Бронзовые аритеры (см. обзоры [11, p. 556–559; 27, p. 756; 24, p. 533–542; 21, p. 234]) получили особенно широкое распространение в Эпире и Македонии – А. Тулумтзиду учла 14 находок целых бронзовых сосудов и их ручек из этих регионов, датирующихся преимущественно

второй половиной IV в. до н. э. [24, p. 540–542, pls. 64–66] (на самом деле их больше, так как в список вошли не все бронзовые сосуды этого типа). Среди них происходящие из Эпира (Додона [27, p. 756], Витса (рис. 2, *1*) [22, p. 165–166, figs. 35–36; 24, p. 542, no. 11, pl. 64η; 28, p. 288–289, pls. 16, 17, 39, 286; 29, p. 97, 161, fig. 108], Вотоноси [24, p. 533, 536, 672, pl. 65ζ-η; 27, p. 754–756, nos. 9–10, figs. 16–17], Лиатовони [29, p. 97, 143, 160, figs. 54, 104], Элее в Феспротии (рис. 2, *4*) [21, p. 234, fig. 92a; 24, p. 542, no. 14, pl. 65δ]) и Македонии (см. выше, а также Олинф (ручка) [19, p. 206, no. 661, pl. LV; 24, p. 533, no. 3, pl. 64γ], Палиурия в районе Гревены [16, p. 886, fig. 15; 24, p. 541–542, no. 10, pl. 65γ]); впрочем, известны также по находкам в Акарнании (Тюреон [24, p. 534, pl. 64θ]), Коринфе (ручки) [12, p. 70, pl. 49, nos. 522-523; 24, p. 534] и неизвестного происхождения из Греции в собрании А. Иоласа [11, p. 555–559, no. 5, figs. 23–24]. Несколько бронзовых сосудов рассматриваемого типа были найдены в погребениях V–IV вв. до н. э. в Апулии (некрополи Рудия и Рутильяно) [22, p. 84–86, nos. 172–176; p. 165–166; 30] и на Сицилии (Сиракузы) (рис. 2, *2*) [18, S. 36, Taf. 2, *2*; 24, p. 532, pl. 64ζ] – обстоятельство, позволяющее предполагать возможность изготовления таких сосудов не только на севере Балканского полуострова, но и в Южной Италии [22, p. 165–166; 17, p. 86, no. 24].

Судя по рисунку сосуда из Елизаветовки, выступы в верхней части ручек служили для крепления шарнира подвижной крышки. Так это или нет, можно проверить, только исследовав сосуд, если он сохранился, *de visu*. У других сосудов близких пропорций из некрополей Витсы (рис. 2, *1*) [22, p. 165–166, figs. 35–36; 24, p. 542, no. 11, pl. 64η; 28, p. 288–289, δ 1–4, fig. 81, pls. 16, 17, 39, 286; 29, p. 97, 161, fig. 108], Вотоноси [24, p. 533, 536, 672, pl. 65ζ-η; 27, p. 754–756, nos. 9–10, figs. 16–17], Элее (рис. 2, *4*) [21, p. 234, fig. 92a; 24, p. 542, no. 14, pl. 65δ]) в Эпире и из Дервени в Македонии (рис. 2, *3*) [21, p. 75–76, no. B41, pl. 86; 14, 236, no. 1.Φ; 24, p. 541, no. 3, pl. 66δ] в верхней части ручек имеются выступы в форме катушки. Нельзя исключать возможности того, что на самом деле именно такой выступ был и на ручке сосуда из Елизаветовки. Отметим также, что выступы в форме катушек, иногда представляющих собой два диска с узкой, соединяющей их в центре трубочкой, как на ручке сосуда из Арты (древ. Амбракии) [24, p. 542, no. 12, pl. 65ε] или на сосуде из Тюреона [24, p. 534, pl. 64θ], характерны именно для бронзовых сосудов рассматриваемой группы, происходящих из Эпира и Македонии. Известны лишь два сосуда из Южной Италии (Рутильяно [22, p. 85, no. 173]) и Сицилии (рис. 2, *2*) (Сиракузы [18, S. 36, Taf. 2, *2*; 24, p. 532, pl. 64ζ] с ручками, оформленными таким образом.

В Причерноморье бронзовые сосуды такой формы до сих пор не известны. Учитывая тот факт, что автор имел возможность работать только с рисунком сосуда, не берусь делать предположения о том, следует ли его относить к изделиям македонской (или шире – северобалканской) мастерской или южноиталийской, хотя первое предположение представляется более вероятным не только по причине особенностей оформления верхней части ручки, но и учитывая находки бронзовых сосудов македонско-фракийского круга IV в. до н. э. на Боспоре [5, с. 181; 8, с. 629–632, 637; 25, p. 64–66, fig. 13]. Наряду с найденным в более позднем комплексе на территории Верхнего Подонья бронзовым котлом [9, с. 167–171, рис. 11] бронзовый аритер из Елизаветовского городища, предположительно происходящий из комплекса, связанного с оптовой торговлей, расширяет наше представление об импортных бронзовых сосудах IV в. до н. э. на Боспоре. Он маркирует один из возможных путей проникновения бронзовых сосудов фрако-македонского круга в Скифию [6, с. 142–145; 7, с. 234–236; 8, с. 637], учитывая находку бронзовой биконической ойнохои из кургана № 9/1909 Елизаветовского могильника [3, с. 112–113, рис. 118], датируемого амфорным материалом около 390-х гг. до н. э. [4, с. 165–167].

Рис. 2. Бронзовые аритеры из Македонии, Эпира и Сицилии:
1 – Витса (по: Vokotopoulou, I. 1986. Vitsa. Τα νεκροταφεία μιας μολοσσικής κώμης. Athens: Ταμειου Αρχαιολογικων Πορων και Απαλλοτριωσεων: Υπουργειο Πολιτισμου, 1986, pl. 286a);
2 – Сиракузы (по: Touloumtzidou A. Μετάλλινα αγγεία του 4ου-2ου αι. π.Χ. από τον ελλαδικό χώρο. Διδακτορική διατριβή. Thessalonike: Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης, 2011, pl. 64ζ);
3 – Дервени (по: Themelis P., Touratsoglou I. Οι Τάφοι του Δερβενίου. Athens: Ταμείο Αρχαιολογικών Πόρων, 1997, pl. 86); 4 – Элея (по: Touloumtzidou A. Μετάλλινα αγγεία του 4ου-2ου αι. π.Χ. από τον ελλαδικό χώρο. Διδακτορική διατριβή. Thessalonike: Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης, 2011, pl. 65δ)

1. Марченко К. К., Житников В. Г., Копылов В. П. Елизаветовское городище на Дону (Pontus septentrionalis II, Tanais 2). Москва : Палеограф, 2000. 281 с.

2. Марченко К. К., Копылов В. П., Житников В. Г. Итоги исследований 1993–1994 гг. на Елизаветовском городище в дельте Дона // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Азов : Краеведческий музей, 1997. С. 37–39.

3. Миллер А. А. Раскопки в районе древнего Танаиса // ИАК. 1910. Вып. 35. С. 86–130.

4. Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1999. 680 с.

5. Трейстер М. Ю. Металлические сосуды из Зеленского кургана и некоторые находки из Карагодеуашха (к вопросу о контактах Северной Греции и Боспора во второй половине IV в. до н. э. // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Ч. 2. Санкт-Петербург, 2002. С. 180–186.

6. Трейстер М. Ю. Жаровня из Гаймановой Могилы (к вопросу о скифо-македонских контактах в третьей четверти IV в. до н. э.) // РА. 2006. № 4. С. 142–145.

7. Трейстер М. Ю. Импортная металлическая посуда в Скифии. Атрибуции и интерпретация исторического контекста // ПИФК. 2010. Вып. 1 (27). С. 217–251.

8. Трейстер М. Ю. Бронзовые сосуды из ниши северного погребения Гаймановой Могилы // Бидзиля В. И., Полин С. В. Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев, 2012. С. 629–637.

9. Трейстер М. Ю. Импортные бронзовые кованые котлы Азиатской Сарматии // Scripta antiqua. 2019. Т. 8. С. 147–208.

10. Akamatis I. Εκ του κεραμικού της Πέλλας. Το κλειστό σύνολο του στρώματος καταστροφής και η χρονολόγησή του. Οι χώροι Α και 1 // Ζ΄ Επιστημονική συνάντηση για την ελληνιστική κεραμική. Αίγιο 4-9 Απριλίου 2005: Πρακτικά. Athens: Ταμείο Αρχαιολογικών Πόρων και Απαλλοτριώσεων. P. 381–392.

11. Andrioménou A. Vases et lampes de bronze dans des collections privées d'Athènes // BCH. 1975. T. 99.1. P. 535–580.

12. Davidson G. R. The Minor Objects (Corinth XII). Princeton: American School of Classical Studies at Athens, 1952. 366 p.

13. Del Socorro N. *Rites funéraires dans le royaume Téménide* et ses régions environnantes à la période archaïque. Thèse de doctorat: Histoire et archéologie des mondes anciens. Paris: Université Paris Ouest, 2017. Vol. 1. 268 p. Vol. 2. 1111 p.

14. Grammenos D. (ed.). Ο χρυσός των Μακεδόνων. Από την έκθεση του Αρχαιολογικού Μουσείου Θεσσαλονίκης. Thessalonike : ΖΗΤΡΟΣ, 2007. 338 p.

15. Ignatiadou, D. 2012: The Sindos Priestess // 'Princesses' of the Mediterranean in the Dawn of History. Athens, 2012. P. 388–411.

16. Karamitrou-Mentesidi G. Φράγμα Ιλαρίωνος 2006: Ερευνα στην Ελάτη, Παναγιά και Παλιουριά // ΑΕΜΘ. 2006. Vol. 20. P. 875–894.

17. Montanaro A. C. I vasi di bronzo della « Collezione Sansone» di Mattinata (FG) // Mélanges de l'École française de Rome. 2015. T. 127.1. P. 57–95. |

18. Riz A. E. Bronzegefässe in der römisch-pompejanischen Wandmalerei (Deutsches Archäologisches Institut. Abteilung Rom. Sonderschriften 7). Mainz : Philipp von Zabern, 1990. 115 s.

19. Robinson D. M. Metal and Minor Miscellaneous Finds (Excavations at Olynthus Part X). Baltimore : Johns Hopkins Press, 1941. 593 p.

20. Rotroff S. Hellenistic Pottery, The Plain Wares (The Athenian Agora, XXXIII). Princeton: American School of Classical Studies, 2006. 438 p.

21. Sideris A. Metal Vases & Utensils in the Vassil Bojkov Collection. Sofia: Thrace Foundation, 2016. Vol. 1. 355 p.

22. Tarditi C. Vasi di bronzo in area Apulia. Produzioni greche ed italiche di età arcaica e classica (Università di Lecce. Dipartimento di Beni culturali Settore storico-archeologico Collana del Dipartimento). Galatina : Congedo Editore, 1996. 233 p.

23. Themelis P., Touratsoglou I. Οι Τάφοι του Δερβενίου. Athens: Ταμείο Αρχαιολογικών Πόρων, 1997. 378 p.

24. Touloumtzidou A. Μετάλλινα αγγεία του 4ου-2ου αι. π.Χ. από τον ελλαδικό χώρο. Διδακτορική διατριβή. Thessalonike : Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης, 2011. 724 p.

25. Treister M. Metal Vessels from Zelenskaya Gora Barrow and Related Finds from Karagodeuashkh // AWE. 2003. Vol. 2.1. P. 51–77.

26. Tzanavari K. 2012. Pottery Production in Macedonia during the 3rd and 2nd Centuries BC. From the Influence of Athenian Kerameikos towards Local Creations // Topics on Hellenistic Pottery in Ancient Macedonia. Athens : Archaeological Receipts Fund, 2012. P. 126–157.

27. Vocotopoulou [Vokotopoulou] J. [I.]. Le trésor de vases de bronze de Votonosi // BCH. 1999. T. 99.2. P. 729–788.

28. Vokotopoulou I. 1986. Βίτσα. Τα νεκροταφεία μιας μολοσσικής κώμης. Athens: Ταμειου Αρχαιολογικων Πορων και Απαλλοτριωσεων : Υπουργειο Πολιτισμου, 1986. 397 p.

29. Zachos K., Ntouzouglou A., Aggeli A., Adam E., Giouni P., Katsadima I., Kontogianni Th., Kotzampopoulou E., Pliakou G., Faklari Y. Επανέκθεση Αρχαιολογικού Μουσείου Ιωαννίνων : Η Μουσειολογική Μελέτη // Ηπειρωτικά Χρονικά. 2007. Vol. 41. P. 35–168.

30. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.antike-tischkultur.de/griechkoch-topfbronzechytra.html.

1. Marchenko K. K., Zhitnikov V. G., Kopylov V. P. Elizavetovskoe Fortified Settelement on the Don River (Pontus septentrionalis II, Tanais 2). Moscow : Palaeograph, 2000. 281 p.

2. Marchenko K. K., Kopylov V. P., Zhitnikov V. G. Results of 1993–1994 Investigations at the Elizavetovskoe Fortified Settlement in Don Delta // Historical-archaeological Investigations in Azov and in the Lower Don Area in 1994. Azov : Local Lore Museum, 1997. P. 37–39.

3. Miller A. A. Excavations in the Region of Ancient Tanais // Reports of Archaeological Commission. 1910. Iss. 35. P. 86–130.

4. Monakhov S. Yu. Greek Amphoras in the Pontic Area. The Complexes of the Ceramic Containers. Saratov : Saratov Univ. Publ., 1999. 680 p.

5. Treister M. Yu. Metal Vessels from Zelesnkoi Burial-mound and Some Finds from Karagodeuashkh (to the Question of the Contacts of the North Greece and the Bosporus in the Second Half of the 4th Century BC // The Bosporan Phaenomenon: Burial Monuments and Sanctuaries. Pt. 2. Saint Petersburg, 2002. P. 180–186.

6. Treister M. Yu. A Brazier from Gaimanova Mogila (to the Question of the Scytho-Macedonian Contacts in the Third Quarter of the 4th Century BC) // Russian Archaeology. 2006. № 4. P. 142–145.

7. Treister M. Yu. Imported Metalware in Scythia. Attributions and the Interpretation of Historical Context // Problems of History; Philology and Culture. 2010. Iss. 1 (27). P. 217–251.

8. Treister M. Yu. Bronze Vessels from the Niche of the Northern Burial of Gaimanova Mogila // Bidzilya V. I., Polin S. V. Scythian Royal Kurgan Gaimanova Mogila. Kiev, 2012. P. 629–637.

9. Treister M. Yu. Imported Bronze Hammered Cauldrons of the Asian Sarmatia // Scripta antiqua. 2019. Vol. VIII. P. 147–208.

10. Akamatis I. Εκ του κεραμικού της Πέλλας. Το κλειστό σύνολο του στρώματος καταστροφής και η χρονολόγησή του. Οι χώροι Α και 1 // Ζ΄ Επιστημονική συνάντηση για την ελληνιστική κεραμική. Αίγιο 4-9 Απριλίου 2005: Πρακτικά. Athens: Ταμείο Αρχαιολογικών Πόρων και Απαλλοτριώσεων. P. 381–392.

11. Andrioménou A. Vases et lampes de bronze dans des collections privées d'Athènes // BCH. 1975. T. 99.1. P. 535–580.

12. Davidson G. R. The Minor Objects (Corinth XII). Princeton: American School of Classical Studies at Athens, 1952. 366 p.

13. Del Socorro N. *Rites funéraires dans le royaume Téménide* et ses régions environnantes à la période archaïque. Thèse de doctorat: Histoire et archéologie des mondes anciens. Paris: Université Paris Ouest, 2017. Vol. 1. 268 p. Vol. 2. 1111 p.

14. Grammenos D. (ed.). Ο χρυσός των Μακεδόνων. Από την έκθεση του Αρχαιολογικού Μουσείου Θεσσαλονίκης. Thessalonike: ΖΗΤΡΟΣ, 2007. 338 p.

15. Ignatiadou, D. 2012: The Sindos Priestess // 'Princesses' of the Mediterranean in the Dawn of History. Athens, 2012. P. 388–411.

16. Karamitrou-Mentesidi G. Φράγμα Ιλαρίωνος 2006: Ερευνα στην Ελάτη, Παναγιά και Παλιουριά // ΑΕΜΘ. 2006. Vol. 20. P. 875–894.

17. Montanaro A. C. I vasi di bronzo della « Collezione Sansone » di Mattinata (FG) // Mélanges de l'École française de Rome. 2015. T. 127.1. P. 57–95.

18. Riz A. E. Bronzegefässe in der römisch-pompejanischen Wandmalerei (Deutsches Archäologisches Institut. Abteilung Rom. Sonderschriften 7). Mainz : Philipp von Zabern, 1990. 115 s.

19. Robinson D. M. Metal and Minor Miscellaneous Finds (Excavations at Olynthus Part X). Baltimore : Johns Hopkins Press, 1941. 593 p.

20. Rotroff S. Hellenistic Pottery, The Plain Wares (The Athenian Agora, XXXIII). Princeton: American School of Classical Studies, 2006. 438 p.

21. Sideris A. Metal Vases & Utensils in the Vassil Bojkov Collection. Sofia: Thrace Foundation, 2016. Vol. 1. 355 p.

22. Tarditi C. Vasi di bronzo in area Apulia. Produzioni greche ed italiche di età arcaica e classica (Università di Lecce. Dipartimento di Beni culturali Settore storico-archeologico Collana del Dipartimento). Galatina : Congedo Editore, 1996. 233 p.

23. Themelis P., Touratsoglou I. Οι Τάφοι του Δερβενίου. Athens: Ταμείο Αρχαιολογικών Πόρων, 1997. 378 p.

24. Touloumtzidou A. Μετάλλινα αγγεία του 4ου-2ου αι. π.Χ. από τον ελλαδικό χώρο. Διδακτορική διατριβή. Thessalonike : Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης, 2011. 724 p.

25. Treister M. Metal Vessels from Zelenskaya Gora Barrow and Related Finds from Karagodeuashkh // AWE. 2003. Vol. 2.1. P. 51–77.

26. Tzanavari K. 2012. Pottery Production in Macedonia during the 3rd and 2nd Centuries BC. From the Influence of Athenian Kerameikos towards Local Creations // Topics on Hellenistic Pottery in Ancient Macedonia. Athens : Archaeological Receipts Fund, 2012. P. 126–157.

27. Vocotopoulou [Vokotopoulou] J. [I.]. Le trésor de vases de bronze de Votonosi // BCH. 1999. T. 99.2. P. 729–788.

28. Vokotopoulou I. 1986. Βίτσα. Τα νεκροταφεία μιας μολοσσικής κώμης. Athens : Ταμειου Αρχαιολογικων Πορων και Απαλλοτριωσεων: Υπουργειο Πολιτισμου, 1986. 397 p.

29. Zachos K., Ntouzouglou A., Aggeli A., Adam E., Giouni P., Katsadima I., Kontogianni Th., Kotzampopoulou E., Pliakou G., Faklari Y. Επανέκθεση Αρχαιολογικού Μουσείου Ιωαννίνων : Η Μουσειολογική Μελέτη // Ηπειρωτικά Χρονικά. 2007. Vol. 41. P. 35–168.

30. [Electronic resource]. Access mode: https://www.antike-tischkultur.de/griechkochtopfbronzechytra.html.

Annotation. *The article is a preliminary attribution of a bronze vessel, found during the excavations of the Greek trading post on the Elizavetovskoe fortified settlement in the house attributed to the wholesale trader of the second half of the late 4th – first third of the 3rd century BC. Basing on the published drawing, the author defines the vessel as aryter, the local form, which was especially widespread in Epirus and Macedonia.*

Keywords: *the Bosporus, Elizavetovskoe fortified settlement, Greek imports, bronze vessels, Macedonia, Epirus.*

УДК 902.64

О. В. Шаров

СТЕКЛЯННЫЙ СТАКАН ИЗ СКЛЕПА ДЕМЕТРЫ

GLASS BEAKER FROM THE CRYPT OF DEMETER

Аннотация. *Склеп Деметры в Керчи – один из самых знаменитых и известных расписных склепов Боспора первых веков н. э. Несмотря на блестящие труды М. И. Ростовцева и В. Ф. Гайдукевича, до сих пор неясным остаётся вопрос вторичного захоронения в склепе и состав инвентаря этих погребений. Автор статьи установил, что целый ряд предметов хронологически может относиться только к поздним захоронениям в склепе Деметры. Данная статья посвящена хронологии стеклянного стакана, который, согласно приведённым данным, можно уверенно датировать серединой I – II в. н. э. и относить к инвентарю вторичных погребений в склепе Деметры.*

Ключевые слова: *склеп Деметры, Боспор, погребение, саркофаг, хронология, стеклянный стакан, римское время.*

В 2020 г. научная общественность отмечает 125-летие открытия знаменитого склепа Деметры в Керчи. Готовится большая коллективная монография, посвящённая этому событию, где будут представлены рисунки всех вещей, относящихся к этому склепу и хранящихся в фондах Государственного Эрмитажа, первые фотографии склепа М. С. Рубанчика 1896 г., акварели росписи склепа П. Ридигера 1896 г., неизвестные ранее архивные документы, в частности, о покупке земельного надела А. П. Зайцевой в 1908 г. и о судьбе склепа в годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время [5].

В преддверии этих значимых научных событий хотелось бы предложить небольшую заметку об одной из находок в склепе Деметры − стеклянном стакане, дата которого очень спорна, так как ряд авторов считает его (на основании предложенной даты) принадлежащим к основному погребению [2, с. 62], а ряд других относит его к инвентарю поздних, вторичных погребений [12; 13].

Коснёмся вопроса местонахождения стеклянных сосудов в склепе. Как уже неоднократно отмечалось [4; 12; 13], никаких сведений о составе и положении вещей в склепе от хозяйки Анны Зайцевой и её сына Ивана Зайцева ни В. В. Шкорпилу, ни К. Е. Думбергу получить не удалось. Все данные получены М. И. Ростовцевым от одного из находчиков, который открыл катакомбу в 1895 г. «Склеп, как сказано, найден был не разграбленным, но всё же, по всей вероятности, был потревожен вторым погребением. На это, по крайней мере, указывает порядок, в котором находились вещи в склепе в момент его открытия. Порядок этот сделался мне известным, со слов лица, открывшего склеп, дававшего мне, правда, об этом сведения почти десять лет после открытия − в 1905 году» [6, с. 206].

М. И. Ростовцев пишет, что вдоль длинных стен склепа стояли деревянные

саркофаги, у каждого камня, на которых они стояли, лежали по две бронзовых ноги. Над нишей стены против входа висела уздечка с бронзовым набором. Остальные предметы были обнаружены в беспорядке в разных местах склепа. Однако известно и точное положение целого ряда вещей в склепе.

1. В северном углу, у восточного саркофага, стоял бронзовый канделябр высотой 138 см. Рядом с ним была серебряная раковина. Золотые перстни лежали под этим саркофагом – один у ног, другой у головы. В южном углу восточной стены, у этого же саркофага, стояла *стеклянная ойнохоя синего цвета* [рис. 1, 3].

2. В северном углу, у западного саркофага, лежала *куча разбитых стеклянных сосудов* и стояла *ойнохоя бледно-зелёного цвета с рельефными украшениями* [рис. 1, 1]. Здесь же найдены золотой лавровый венок, дутые золотые бусы, две золотые бляшки с оттисками монет I в. н. э. и «остальное мелкое золото».

У входа, с наружной стороны, в западном углу, лежали два праха, сброшенные в беспорядке в кучу [6, с. 206; 1, с. 407–408].

«Всё это показывает, что покой склепа был потревожен уже в античное время, но не с целью ограбления, а с целью нового погребения. Новые самозванные претенденты на склеп, вероятно, удовольствовались тем, что наскоро выгребли два старых праха, может быть, взяли попавшие им в руки наиболее ценные вещи, при хозяйничании в склепе перебили *много стеклянной посуды*, но, в общем, оставили склеп нетронутым и только заменили в саркофагах старые трупы новыми. Второе погребение было, по всей вероятности, очень бедным, к нему вряд ли относится хотя бы одна из найденных в склепе вещей» [6, с. 206].

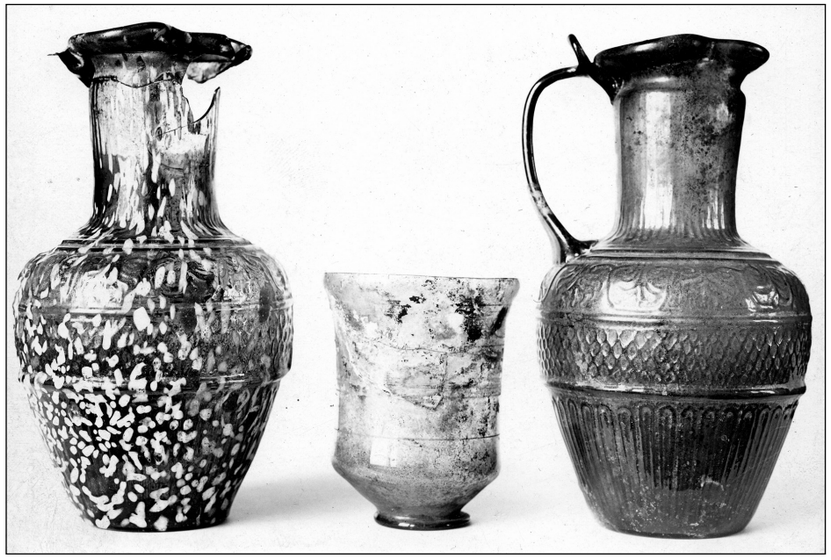
Неоднократно отмечалось, что погребения в деревянных саркофагах (предположительно, в восточном саркофаге – основное мужское погребение, в западном – женское) археологически синхронны и относятся к первой половине I в. н. э. [12; 4, с. 121]. О вторичных погребениях можно судить лишь по трилистникам одного из золотых венков, которые, согласно исследованиям М. Ю. Трейстера [9, с. 58–59, рис. 3], относятся уже к II в. н. э. Новые владельцы были похоронены с вещами первых владельцев склепа, как и считал М. И. Ростовцев. Тем не менее среди остальных вещей, найденных в склепе – висящих на стене (уздечка с фалярами) и лежащих в беспорядке на полу склепа – есть предметы более позднего времени, позволяющие выделить также более поздние комплексы погребений.

Автор данного исследования показал в ряде статей [11; 12; 4; 13], что целый ряд предметов *(железный распределитель ремней,* ***стеклянный стакан****, бронзовые фалары, золотые венки, каменное навершие меча/кинжала)* по своей хронологии может относиться только к вторичным захоронениям в склепе Деметры.

Стеклянный стакан, согласно приведённым аналогиям, датирован мною в очень широком диапазоне: I–IV вв. н. э. [13]. В настоящее время на основании новых данных можно значительно сузить дату данного стеклянного сосуда.

Обратимся к его детальному описанию, сделанному хранителем коллекции склепа Деметры в античном отделе Государственного Эрмитажа, ведущим российским специалистом по стеклу Н. З. Куниной.

Стеклянный стакан (инв. № П. 1896.31). Высота 9 см, диаметр края 7,3 см. Диаметр выступающей нижней части 6,3 см. Диаметр поддона 3,7 см (см. рисунок, *2*). Стакан сделан из тонкого, почти бесцветного стекла с лёгким голубовато-зеленоватым оттенком; в месте утолщения [поддон] стекло ярко-зелёное. Стенки стакана слабо вогнуты. Нижняя часть тулова скошена ко дну. Слегка отогнутый край стакана, выпуклый снаружи, внутри, соответственно, вогнут. Дно вогнуто внутрь и окружено плоским кольцевым поддоном, составляющим с ним одно целое. Стенки сосуда украшены пятью горизонтальными гравированными поясками: в средней части тулова проходит сдвоенный поясок из двух близко расположенных линий; выше и ниже его, на

Склеп Деметры. Погребальный инвентарь (Научный архив ИИМК РАН, альбом № Q 828.6): 1 – стеклянный кувшин синего/голубого стекла; 2 – стеклянный стакан; 3 – стеклянный кувшин зеленоватого стекла

равных от него расстояниях находится по одному пояску, а пятый расположен под краем стакана. Стаканы этого типа, распространённые в античном мире, являются одним из вариантов так называемых *carchesium.* Судя по качеству и цвету стекла, они, вероятно, происходят из мастерских Восточного Средиземноморья» [2, с. 61–62].

Н. З. Кунина относила стеклянный стакан из склепа Деметры, следуя Дж. Хейсу, к производству мастерских Сирии (как и стеклянные кувшины) и датировала все три сосуда на основании совместных находок первой половиной I в. н. э. При этом она привела и иные даты для стеклянного стакана: от 40–70 гг. I в. н. э. до начала II в. н. э. [2, с. 62]. Попытаемся разобраться с этими датами.

Н. З. Кунина привела в качестве близкой аналогии стеклянный стакан бледно-зелёного стекла из коллекции Онтарио-музея сирийского или палестинского производства. Его максимальный диаметр 78 мм, высота 99 мм, он имеет пять гравированных линий. Дж. Хейс датировал его на основании аналогий поздним I – ранним II в. н. э. [18, Fig. 3, № 137, P. 57]. На мой взгляд, стакан из Онтарио-музея имеет более вытянутые стройные пропорции и более широкий поддон и не может, по моему мнению, являться близкой аналогией боспорского сосуда. С моей точки зрения, более близок к сосуду из склепа Деметры стеклянный стакан также из коллекции Онтарио-музея, по мнению Дж. Хейса, кипрского производства [18, Fig. 5, № 174, p. 63]. Это стакан светло-жёлтого янтарного цвета, стройных очертаний, с двумя гравированными линиями. Его высота – 77 мм, максимальный диаметр – 66 мм. Автор датирует его только II в. н. э. [18, p. 63].

Материалы некрополей острова Самотраки, изданные Е. Б. Дусенбери в 1967 г., также представляют некоторые аналогии боспорского сосуда [16]. В некрополях Самотраки найдены несколько сотен стеклянных сосудов, большинство из которых являются частями закрытых комплексов, а сотни других фрагментов обнаружены в заполнении земли между захоронениями, которые представляют собой обломки разрушенных гробниц и следы погребальных обрядов. Большинство стеклянных предметов происходят

из римских захоронений. Сосуды всех видов, найденные в погребениях, выполняли особые функции на церемониях [16, p. 34–36]. Стакан из некрополей острова Самотраки желтовато-зелёного стекла, приведенный Н. З. Куниной в качестве аналогии боспорскому сосуду, на мой взгляд, не может являться таковым [16, № 42, p. 46, Fig. 42]. Он имеет не цилиндроконическое тулово с ребром в нижней части, как у сосуда из склепа Деметры, а биконическое, сильно изогнутое тулово с максимальным диаметром в нижней части. Венчик сосуда с Самотраки слабо выделен, и край обработан. Приведённая Н. З. Куниной дата стеклянного стакана (третья четверть I в. н. э.) основана на датах погребения по обряду кремации третьей четверти I в. н. э. и на находках аналогичных стеклянных сосудов в слое 79 г. н. э. из Помпей [16, p. 46].

Обратимся к классической работе Клазины Айсингс [19]. Автор создала свою типологию стеклянных сосудов римского времени, собрав все доступные для её времени закрытые комплексы со стеклянными сосудами, и на основании дат комплексов смогла датировать каждый выделенный ею тип стеклянного сосуда. По моему мнению, в типологии К. Айсингс нет близких аналогий сосуду из склепа Деметры, если не считать сосуд формы 36, которую автор называет «karchesium». Он практически идентичен по своей форме стеклянному сосуду типа кратера с острова Самотраки, который приводит в качестве близкой аналогии для стакана из керченского склепа Н. З. Кунина. К. Айсингс датирует его на основании закрытых комплексов достаточно широко: в пределах 40–80 гг. н. э. – II в. н. э. [19, p. 50–52]. Я полагаю, что это совершенно разные морфологические типы стеклянных сосудов: первый сосуд типа Айсингс 36: сосуд в виде стеклянного кратера на высоком кольцевом поддоне или высокой ножке с биконическим туловом и сильно изогнутыми стенками. Второй сосуд: керченский стакан/кубок – цилиндроконический, с ребром в нижней части тулова, на кольцевом поддоне с пятью гравированными линиями. Следует особо отметить, что К. Айсингс в своей классификации стеклянных сосудов не учитывала ни цвет стекла, ни технологию, не пыталась определить или просто указать центры производства и т. д.

Коллекция музея стекла в городе Корнинге, штат Нью-Йорк, изданная Д. Вайтхаусом в 1997 г., представляет очень большую коллекцию стеклянных сосудов, часть которых имеют определённо морфологическое сходство с боспорским стаканом из склепа Деметры [24, Fig. 378]. По внешним морфологическим признакам стакан из коллекции «Sangeorgi» музея в Корнинге близок боспорскому сосуду, за исключением декора: на сосуде из Керчи пять гравированных линий и необработанный край, а на сосуде из музея в Корнинге два рельефных валика (в нижней части тулова и на горле), а также обработанный край. Автор датирует сосуд поздним I – ранним II в. н. э. и считает его аналогичным форме Айсингс 21 [24, p. 224], с чем мы также не можем согласиться, так как это совершенно две разные формы сосудов. Форма Айсинг 21 – это высокий конический кубок на высоком кольцевом поддоне с декором в виде прошлифованных овалов в центральной части тулова [19, p. 37–38].

Каталог паннонского стекла Ласло Баркоци [14] также представляет нам некоторые аналогии боспорского сосуда. Близкие аналогии по форме сосуда даёт нам тип 32 стеклянных сосудов Паннонии, которые автор определил как «высокие широкие кубки с изогнутыми стенками» [14, p. 71–72, Taf. VI, 65; Taf. LXXI, 65]. Сосуды данного типа датируются всем I в. н. э., хотя сосуд, близкий по форме керченскому, датируется первой половиной I в. н. э. Он имеет более значительные параметры: высоту 98 мм и наибольший диаметр тулова 82 мм и не имеет шлифованных/гравированных линий по тулову, поэтому по этим признакам может считаться лишь отдалённой аналогией.

В качестве близкой аналогии можно предложить кубок с широким закруглённым венчиком, изогнутым цилиндроконическим туловом на высоком кольцевом поддоне светло-зелёного стекла типа 33 по Л. Баркоци. Этот тип определён автором как «конические кубки с кольцевыми шлифованными линиями на кольцевом поддоне» [14, p. 72]. Он по своим морфологическим характеристикам достаточно близко напоминает стакан из Керчи. Его высота 73 мм, максимальный диаметр тулова 74 мм, он также имеет три прошлифованных/гравированных линии и датируется автором I–II вв. н. э. [14, p. 72; Taf. VI. 68; LXXI, 68].

Тип 59 Л. Баркоци указывает на дальнейшее развитие данной формы стеклянных выдувных сосудов (кубки-стаканы). Это тип «кубков с изогнутыми стенками на кольцевом поддоне». Они имеют необработанный, срезанный край, становятся более стройными, кольцевой поддон имеет 6–8 выступов-псевдоножек. Высота сосуда 96 мм, максимальная ширина 75 мм, датируется автором уже всем III в. н. э. [14, p. 91, Taf. XII, 130].

Стеклянные сосуды Аугста/Кайзераугста [23; 17] содержат ряд типов сосудов, типологически близких по форме и цвету стекла сосуду из склепа Деметры. По Беат Рютти – это тип AR37: «высокие кубки на кольцевом поддоне», к которому относятся сосуды близких очертаний и пропорций [23, S. 54, № 1131–1147, Taf. 49]. Дата сосудов типа AR37 очень широкая: от эпохи Клавдия – Нерона до II в. Некоторые их них могут датироваться позднее. Автор сопоставляет данный тип с формой Isings 34 [23, S. 54]. Форма Айсингс 34 – это высокий конический кубок на кольцевом поддоне с двумя поясками прошлифованных/гравированных кольцевых линий по тулову[1]. Представленный К. Айсингс сосуд имеет высоту 125 мм и датируется второй половиной I – IV в. н. э. [19, p. 48–49]. По своим параметрам и морфологическим признакам он не может являться близкой аналогией керченскому сосуду.

Сильвия Фюнфшиллинг продолжила обработку стекла из раскопок Аугста/Кайзераугста 1981–2010 гг., использовав всю типологию стеклянных сосудов Б. Рютти (AR1-AR180), но при этом дополнив её (AR181-AR215) и уточнив хронологию каждого типа [17, S. 15–16]. Она привела ряд новых стеклянных сосудов из раскопок Аугусты Раурики в 1981–2010 гг., а также предложила дату для каждого типа: тип AR37 она датировала поздним I – ранним II в. н. э. [17, Abb. 153, *5, 6, 8, 9*, S. 121] и дала все его возможные варианты [17, Abb. 153, *7, 10, 11*, S. 121]. Именно предложенные ею варианты типа AR37 и имеют сходство с типом Айсингс 34. Также С. Фюнфшиллинг пишет о типологическом развитии формы AR37 в более поздние формы AR38–40, которые датируются от эпохи Флавиев до конца II в. н. э. [17, Abb. 157, 10; 375.10; S. 122, 306–307].

Следует отметить, что, несмотря на морфологическое сходство, у поздних рейнских кубков/стаканов на кольцевом поддоне AR38–40 более широкое тулово и мягкий плавный переход от нижней части тулова к верхней.

Обратимся к другим работам. И. Лазар выделяет морфологически близкие кубки среди стеклянных сосудов из региона Словакии. Они украшены при помощи гравировки горизонтальными линиями и датируются очень широко: I–IV вв. [21, p. 61, sl. 23].

Е. Рут-Джексон-Таль рассмотрела стеклянные сосуды, найденные в пещерах-убежищах времени антиримского восстания 135–136 гг. в Иудее. Среди них есть стеклянные стаканы с обрезанным краем и с гравированными поясками, близкие по своей морфологии керченскому стакану. Один из таких стеклянных стаканов с гравировкой тремя поясками найден в Больших пещерах, в пещере VIII/9, и датируется автором в рамках 70–135/136 гг. [20, p. 42–44, Fig. 12–6].

В каталоге музея «Fortuna Fine Arts» в Нью-Йорке представлены фото двух стеклянных кубков с цилиндроконическим туловом, с ребром в нижней части тулова, на высоком кольцевом поддоне, с необработанным краем и горизонтальными гравированными линиями по тулову. Авторы датируют такие кубки только II в. н. э. [22, № 49].

[1] Первый поясок из двух линий, второй – из трёх линий.

Н. П. Сорокина подобные стаканы относила к типу II своей классификации стеклянных сосудов некрополя Кеп и датировала их все I в. н. э., но при этом она отмечала, что данный тип «продолжает развитие вплоть до позднеантичного времени, претерпевая изменения в некоторых деталях, как, например, устройстве дна, другой обработке края сосудов, цвете стекла» [7, с. 136–138, рис. 6, 3–5].

Н. З. Кунина и Н. П. Сорокина в статье о бальзамариях Боспора привели комплекс из некрополя Тузла, могилы 31, 1911 г., в котором вместе с бальзамарием типа I, 2, А в комплексе представлен стеклянный стакан, морфологически близкий стакану из склепа Деметры. Стакан имеет ребро в нижней части тулова и пять гравированных горизонтальных линий на тулове [3, рис. 6, 19–21]. Авторы считают, что этот комплекс датируется не ранее середины – третьей четверти I в. н. э. на основании даты появления подобных стеклянных стаканов [3, с. 157, рис. 6, 19–21].

Авторы публикации могильника «Совхоз 10» среди стеклянной погребальной посуды выделили в типе VIII, варианте 2 стаканы с цилиндрическим туловом, морфологически близкие керченскому стакану из склепа Деметры [8, с. 120, рис. XXVIII, 2]. Это два стакана цилиндрической формы, высотой 80 мм, диаметром венчика 60 мм, диаметром дна 38 мм. Дно толстое, края срезаны, стекло голубоватое (могила № 134) или светло-оливковое (могила № 137). В верхней части сосудов выгравированы три полоски. Аналогичные стаканы, по мнению авторов публикации, найдены как в комплексах середины – третьей четверти I в. н. э. [3, с. 157], так и в комплексах II–III вв. н. э. [15, № 51]. В могиле № 137 могильника «Совхоз 10» стакан встречен вместе с краснолаковым сосудом I в. н. э. и бусами I–II вв., а в могиле № 134 вместе с ним находились краснолаковая миска I–II вв. и бусы I–II вв., что позволяет датировать первый комплекс I в. н. э., а второй – II в. н. э. [8, с. 120–121]. В итоге на основании материалов могильника «Совхоз 10» можно говорить о дате стеклянных сосудов типа VIII, варианта 2 в интервале I–II вв. н. э.

Среди стеклянных сосудов, хранящихся в фондах Центрального музея Тавриды, есть стакан на кольцевом поддоне с цилиндрическим туловом и слегка отогнутым венчиком. Стакан из прозрачного стекла с голубоватым оттенком (№ КП-617/А-21783) имеет высоту 70 мм, диаметр венчика 65 мм и диаметр дна 40 мм [10, с. 43, № 10]. Тулово украшено шлифованными горизонтальными линиями. Автор датирует стаканы этого типа очень широко: в пределах I–IV вв. н. э.

Подведём предварительные итоги. Стеклянный стакан, судя по описанию М. И. Ростовцева, стоял в северном углу, у западного саркофага. Сосуд имеет более узкую дату (середина I – II в. н. э.), чем предложенная автором ранее [4], и не может датироваться лишь на основании даты двух других стеклянных сосудов, как это было предложено Н. З. Куниной. [2, с. 60–62]. Согласно результатам проведённого анализа, данный стеклянный сосуд может относиться только к вторичным поздним погребениям в склепе Деметры.

1. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1949, 624 с.

2. Кунина Н. З. Стеклянные сосуды из керченского склепа Деметры // EUCARISTHRION. Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского [1928–2004]. Санкт-Петербург, 2007. С. 57–62.

3. Кунина Н. З., Сорокина Н. П. Стеклянные бальзамарии Боспора // Труды Государственного Эрмитажа 1972. Вып. 13. С. 146–177.

4. Медведева М. В., Шаров О. В. Склеп Деметры в Керчи [по материалам Научных архивов ИИМК РАН и Государственного Эрмитажа] // Российские археологи XIX – начала XX в. и

курганные дрЦω ажа] // Российские археологи XIX – начала XX в. и

торговли от Колхиды и других побережий Чёрного моря через всю Эгеиду и материковую Грецию до Египта (ср. [27, p. 135]), доминировании (Priscian. 751) в известное время синопского флота в Понте (см. [27, p. 134]) и реперного положения (оно скорее следствие предыдущего) Синопы в географических расчётах [27, p. 135]. Но и в весьма большой вероятности существования в ней *двух* греческих колонизационных волн [26, p. 192, 194; 18, S. 41, 49; 20, p. 42; 22, p. 68, 71; 16, p. 75].

Нельзя пренебрегать сведениями о Синопе и её районе у Эвмела Коринфского (вторая половина VIII в. до Р. Х.); о том, что Геродот (Hdt. 4. 12) считал её «штаб-квартирой» киммерийцев; об основании, согласно Евсевию, Трапезунта Синопой в 756 г. до Р. Х.; о том, что, по Полибию (Polyb. 4. 56), синопский полис был *восстановлен* после киммерийского разгрома (ср. [27, p. 133, 148–149; 26, p. 191; 5, с. 36; 28, p. 117; 20, p. 34–35, 42; 22, p. 68]).

Не стоит и придавать, хотя это до сих пор и делается [21, S. 315; 17, p. 71, 74; 25, p.82; 6, с. 45; ср. 24, p. 568], слишком большого значения отсутствию там археологического материала, предшествующего последней четверти VII в. до Р. Х. Ведь история раскопок Синопы Э. Акургалом и Л. Будде в 1951–1953 гг., не оставившая даже планов и достаточного количества иллюстраций (см. [17, p. 74]), в условиях современного города и существования в нём налагающей жёсткие ограничения на исследования и их фиксацию военно-морской базы Турции (и ergo НАТО), весьма скромна по объёмам и потому нерепрезентативна по результатам. Значит, считать последние решающим фактором не приходится.

Наоборот, заслуживает всяческого внимания археология иного рода. Синопа – единственная хорошо укрытая гавань на всём южнопонтийском побережье [5, с. 36], что объясняет выдающуюся роль, сыгранную ею в период милетской колонизации [5, с. 45; 29, p. 118; 18, S. 49].

Не возьмусь вместе с М. И. Ростовцевым [29, p. 63] утверждать, что милетские переселенцы попали на Боспор по краткому пути через Чёрное море – из Синопы. Но ведь находки (Усатово, Бородинский клад) указывают на связи Северо-Западного Причерноморья с Эгеидой уже во II тыс. до Р. Х. [5, с. 42]. О раннеантичной торговой активности в Понте предлагают задуматься невозможное без знания района Нижнего Дуная имя Ἰστροκλῆς в граффито середины VII в. до Р. Х. из слоя Старой Смирны [18, S. 49), субгеометрическая керамика с Березани, ранняя родосская – с Немировского городища, коринфская расписная переходного стиля – с юга России [28, p. 118–119; cf. 117]. А знаменитая ойнохоя из кургана на Темир-горе показывает, что и Восточный Крым был хорошо известен около 630 г. до Р. Х. [28, p. 118, 123].

Неудивительно, ведь эллинскому мореходству предшествуют плотные контакты Юго-Восточного и Западного Причерноморья, особенно интенсивные со второй половины II тыс. до Р. Х. Именно тогда (а то и ранее) догреческое поселение на месте Синопы оказывается связано с Балканами, Кавказом и Южнорусскими степями. Аборигены на своих лёгких судах ходят отсюда по всему южному Черноморью и достигают даже Западного Понта [16, p. 73–74; 6, с. 45; ср. 5, с. 40–41].

Наконец, нельзя пройти мимо локальной религиозной традиции. Античные авторы сообщают о культе и оракуле в Синопе фессалийского героя, участника экспедиции аргонавтов и/или спутника Геракла, Автолика (Strabo 12. 3. 11; Plut. Luc. XXIII; App. Mithr. 83), а эпиграфика фиксирует почитание его брата Флогия [5, с. 42; 18, S. 226; 24, p. 572]. Так что, если отрешиться от зауженного понимания материальной культуры, становится ясно, что область Синопы притягивала к себе греков задолго (выселок Хаброна был первым опытом [5, с. 42; 20, p. 33, 42; 24, p. 567]) до окончательного закрепления здесь милетской апойкии [5, с. 36, 42; 24, p. 569 sqq.].

Проясняется и причина центрального положения, занятого Синопой в милетской колонизации Понта [5, с. 37, 43, 45; 28, p. 119–120]. Предваряющая же вторую половину VII в. до Р. Х. довольно долгая история визитов эллинов к месту будущего полиса объясняет размах собственно синопского освоения побережья (основания Китора, Котиоры, Керасунта, Трапезунта) и Hinterland'а [5, с. 36, 43; 6, с. 46–48], да и возможное участие Синопы в заселении раннего Херсонеса Таврического [29, p. 63 (ср. [9, с. 246, 248–249]); 28, p. 120, 122; 30, p. 409 suiv.; 21, S. 309–310].

Кроме того, полностью раскрываются предпосылки масштабов синопской торговли, мореплавания и влияния на распространение и развитие в Причерноморье милетских культурных и политических институтов. На этом фоне становится совершенно понятной причина столь плотных – охватывающих не только деловую и официальную, но и учебную и семейную сферы (см. выше параграф *«Синопейцы на Боспоре»*) – связей с Синопой Боспора.

II

К событиям начала и конца V в. до Р. Х. в Пантикапее

Постоянно подтверждаемая новыми данными, исключительная позиция Синопы среди милетских, и не только, колоний Понта призывает вернуться к осмыслению ряда вытекающих отсюда последствий. Как показал 40 лет тому назад Ю. Г. Виноградов [1; 2], их нельзя сводить лишь к тесным экономическим (недаром первый ольвийский декрет – НО 1, начала V в., – ателия синопейцу, а интересное граффито открывает, что синопский импорт, в том числе σινωπίς, красной охры, начинает расти с того же времени) связям с нею Западного и Северо-Западного Причерноморья как минимум с конца VI в. до Р. Х., к принятию в Ольвии изгнанного синопского тирана да и характерному совпадению παράσημα – орёл, клюющий/терзающий дельфина – Синопы, Истрии и Ольвии [1, с. 70, 79–80, 88–89; 2, с. 67; 18, S. 240].

Гораздо информативнее и важнее *институциональные* корреляции. Сами вышеназванные гербы, как и частная ольвийская отливка монетного суррогата – «дельфинчиков» [1, с. 54], указывают на почитание во всех трёх апойкиях главного в Милете, хранителя его архивов [18, S. 57, 130, 142], Аполлона Дельфиния. В ранней Ольвии он занимал такое же положение, как в метрополии, и жертвы ему возносили на древнейшем теменосе [1, с. 54; 18, S. 139, 164, 190].

На Боспоре его культ давно выявлен в Гермонассе (КБН 1038: ср. [18, S. 142] и буквально только что [12, с. 113, прим. 18 и с. 114, рис. 5; 14, с. 216–218] – в Пантикапее. Ономастика же говорит о его присутствии в Горгиппии (КБН 1137Б2.7, ср. [18, S. 142]).

Боспорский материал требует обратить более пристальное внимание на «специализацию» Аполлона Дельфиния (см. [19, S. 2–22; 3, с. 115], а также на связанные с ним факты из политических практик Милета и его колоний. Божество в ипостаси Дельфиния прямо связано с полисной организацией [18, S. 143; ср. 14, с. 217–218]. В Милете оно объединяет коллегию родовой (в источниках *expressis verbis* называются семьи Ониадов и Эпименидов) аристократии – мольпов. Их глава, эсимнет, около 650 г. до Р. Х. становится высшим магистратом – эпонимом – города [19, S. 7; 18, S. 134, 136, 139, 201 сл., ср. 130, 183; 3, с. 113].

Мольпы напрямую фигурируют в Айгиале (мольпархи) и Ольвии [18, S. 134, 142; 4, с. 49; 3, с. 114–115]. Эсимнеты – в той же Ольвии (как и в Милете, они возглавляют мольпов и служат эпонимами) и на клеймах Синопы, из чего можно сделать вывод, что они занимали в ней тот же пост, что в Милете и Ольвии [18, S. 142, 195–196, 199–200; 3, с. 113–115). Nomina, содержащие компоненту Μολπ~ и потому допускающие функционирование института мольпов, был в Проконнесе, ***Пантикапее*** (КБН 19 и 210), ***Кепах*** [7, с. 88 слл.] и Киосе [18, S. 134–135]. Более того, жреческий ранг кепского Мольпагора даёт основание гипотезе, что там существовал и эсимнет.

Дельфинион в Ольвии тоже хранил полисный архив [18, S. 140; 3, с. 115]. Ранее я [14, с. 216–217] высказал мысль, что аналогичным депозитарием в Пантикапее мог быть храм Аполлона Ἰητρός. Однако, исходя из всего массива приведённых данных, теперь я не склонен исключать, что хранилищем полисных актов в столице Боспора было святилище Аполлона Дельфиния. Не таковому ли принадлежат фрагменты раннего самосского ордера, которые традиционно (см. [8, с. 16–17 и 45–46, № 3–7]) принято связывать с первой фазой бытования на акрополе храма «Врача»?

And, last but not least. *Эсимнетия* в Милете и его колониях *изначально* была предназначена *для улаживания* социальных *распрей* и возвращения к «отеческим порядкам» (см. [3, с. 113 – с библиографией]). В Ольвии с её помощью был преодолён стасис, возникший из-за прибытия новой волны поселенцев из метрополии – эпойков – в первой четверти V в. до Р. Х. [2, с. 73]. Такие параллели вкупе с вероятием (см. выше) существования коллегии мольпов (а значит, и эсимнета) в Пантикапее позволяет предположить, что фактически переосновавшими полис ἀρχαὶ ἀνακτισταί – властями – восстановителями [11, с. 469 слл. (ср. Bull. ép. 76, 252: ἀνανεωτής «reconstructeur» в более позднее время)] – были именно мольпы с их эсимнетом во главе.

В дальнейшем же реконструируемое как минимум для Пантикапея и Кеп [18, S. 142 usw.] наличие в милетских апойкиях обоих берегов Керченского пролива единого института мольпов, по-видимому, могло внести весомую лепту в зарождение объединения (симмахии вначале?) боспорских полисов. Во всяком случае, позднейшее принесение в Синдскую Гавань/Горгиппию культа Аполлона Дельфиния (ср. [18, S. 142]), с которым была неразрывно увязана мольпова коллегия, явно обрисовывает подобную перспективу.

С другой стороны, должность эсимнета часто бывала трамплином для достижения тирании [15 Bd. I, S. 94 und Bd. II, S. 574; 18, S. 202; 3, с.113]. Такая её история может прояснить природу не только прорыва к единоличной власти в 438/7 г. до Р. Х. Спартока I (фракийские имена его династии были бы находящей себе в эллинском мире аналогии традицией аристократического боспорского рода) – с первой позиции в коллегии мольпов (она, возродив в 480 г. до Р. Х. полисную жизнь, продолжала руководить Пантикапеем 42 года, передавая эсимнетию от одного своего члена другому: отчего Диодор (Diod. 12. 31, 1) именно так, и никак иначе, пишет – «власть *получил*» Спарток), – но и уникального в греческой практике явления: выдачи тиранами Боспора ателий, проксений и политий (дарование коих ранее должны были контролировать мольпы) от своего имени.

1. Виноградов Ю. Г. Синопа и Ольвия в V в. до н. э. I // ВДИ. 1981. № 2. С. 65–90.
2. Виноградов Ю. Г. Синопа и Ольвия в V в. до н. э. II // ВДИ. 1981. № 3. С. 49–75.
3. Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса. Москва : Наука, 1989. 285 с. : ил.
4. Карышковский П. О. Ольвийские мольпы // Северное Причерноморье. Киев : Наукова думка, 1984. С. 42–51.
5. Максимова М. И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1956. 472 с. : ил.
6. Сапрыкин С. Ю. Древнее Причерноморье. Москва : Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2018. 743 с.
7. Сокольский Н. А. Культ Афродиты в Кепах конца VI–V в. до н. э. // ВДИ. 1973. № 4. С. 88–92.
8. Толстиков В. П., Асташова Н. С., Ломтадзе Г. А., Самар О. Ю., Тугушева О. В. Древнейший Пантикапей: От апойкии – к городу. Москва : Перо, 2017. 400 с. : ил.
9. Тюменев А. И. Херсонесские этюды // ВДИ. 1938. № 2. С. 245–275.
10. Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора в VI–IV вв. до н. э. Москва : Наука, 1985. 187 с. : ил.

11. Шелов-Коведяев Ф. В., Толстиков В. П. Боспор в первой четверти V в. до Р. Х. // ДБ. Т. 18. 2014. С. 452–504.
12. Шелов-Коведяев Ф. В. Прощание с Дитагойей // Аристей. Т. 16. 2017. С. 107–115.
13. Шелов-Коведяев Ф. В. К ранней истории Фанагории // ПИФК. 2018. № 3. С. 98–106.
14. Шелов-Коведяев Ф. В. Аполлон ΙΗΤΡΟΣ и Артемида Пифийская // МАСП. 2019. Вып. 14. С. 216–224.
15. Berve H. Die Tyrannis bei den Griechen. Bd. I. München: C.H. Beck, 1967. XII+509 S. Bd. II. München: C.H. Beck, 1967. XII+285 S.
16. de Boer J. G. Sinope and Colchis: Colonisation, or Greek Population in «*poleis* barbaron» // The Danubian Lands between the Black, Aegean and Adriatic Seas. Oxford: Archaeopress Publishing Ltd., 2015. P. 73–80.
17. Doonan O. P. Sinope Landscapes. Philadelphia: University of Pennsylvania, 2004. 189 p., fig.
18. Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien. Fr.a.Main-Bern-N.Y.: P. Lang, 1983. 588 S. Abb. Taf.
19. Graf F. Apollon Delphinios // Muz. Helv. 1979. Bd. 36. H. 1. S. 2–22.
20. Ivantchik A. I. Les legends de la foundation de Sinope // REA. 1997. T. 99, n°s 1–2. P. 33–45.
21. Ivantchik A. I. Die Gründung von Sinope und die Probleme der Anfangsphase der griechischen Kolonisation der Schwarzmeergebietes // The Greek Colonisation of the Black Sea Area. Stuttgart : Franz Steiner, 1998. S. 297–330.
22. Ivantchik A. I. Sinope et les Cimmériens // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2010. Vol. 16. P. 65–72.
23. Klaffenbach G. Bemerkungen zum griechische Urkundenwesen // Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprache. Bd. VI. 1960. S. 5–25.
24. Manoledakis M. On the Cults of Sinope and the Founders of the City // Ancient Sacral Monuments in the Black Sea. Thessaloniki : Kiriakidis Brothers, 2010. P. 563–576.
25. Manoledakis M. Greek Colonies and the Southern Black Sea Hinterland // The Danubian Lands between the Black, Aegean and Adriatic Seas. Oxford : Archaeopress Publishing Ltd., 2015. P. 81–89.
26. Miltner F. Die erste Milesische Kolonisation im Südpontus // Anatolian Studies Presented to W.H. Buckler. Manchester : University Press, 1939. P. 191–196.
27. Robinson D. M. Ancient Sinope // AJPh. Vol. 27. No 2. P. 125–153.
28. Roebuck C. Ionian Trade and Colonization. N.Y. : Archaeological Institute of America, 1959. 148 p., fig.
29. Rostovtseff M. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford: Clarendon Press, 1922. XVI+260 p., Pl., fig.
30. Vinogradov Ju. G. Pontische Studien. Mainz : Ph. von Zabern, 1997. X+703 S. Taf.
31. Wilhelm A. Über die öffentliche Aufzeichnung von Urkunden // Beiträge zur griechischen Inschriftenkunde. Wien : A. Hölder, 1909. S. 229–299.

1. Vinogradov Ju. G. Sinope and Olbia in V B.C. I // JAH. 1981. № 2. P. 65–90.
2. Vinogradov Ju. G. Sinope and Olbia in V B. C. II // JAH. 1981. № 3. P. 49–75.
3. Vinogradov Ju. G. Political History of the Olbian Polis. Moscow: Nauka Publ., 1989. 285 p., fig.
4. Karyshkovskii P. O. The Olbian Molpoi // North Shore of the Black Sea. Kiev : Naukova Dumka Publ., 1984. P. 42–51.
5. Maksimova M. I. Ancient Cities of the South-East Shore of the Black Sea. Moscow ; Leningrad : Academy of Sciences of the USSR Publ., 1956. 472 p., fig.
6. Saprykin S. Yu. Ancient Black Sea Area. Moscow: Russian Christian Humanitarian Academy Publ., 2018. 743 p.
7. Sokol'ski N. A. Aphrodite's Cult in Kepoi at End of VI–V B. C. // JAH. 1973. № 4. P. 88–92.
8. Tolstikov V. P., Astashova N. S., Lomtadze G. A., Samar O. Yu., Tugusheva O. V. The Oldest Panticapaeum: From Apoikia – to City. Moscow : Pero Publ., 2017. 396 p., fig.
9. Tyumenev A. I. Chersonesos' Studies // JAH. 1938. № 2. P. 245–275.
10. Shelov-Kovedyaev F. V. History of Bosporus in VI–IV B. C. Moscow : Nauka Publ., 1985. 187 p., fig.
11. Shelov-Kovedyaev F. V., Tolstikov V. P. Bosporus in the first quarter of V B. C. // BA. T. 18. 2014. P. 452–504.
12. Shelov-Kovedyaev F. V. Good-bye to Ditagoiya // Aristeas. T. 16. 2017. P. 107–115.
13. Shelov-Kovedyaev F. V. For the Oldest History of Phanagoria // PHPhC. 2018. № 3. P. 98–106.

14. Shelov-Kovedyaev F. V. Apollo ΙΗΤΡΟΣ and Artemis Pythia // MASP. 2019. Issue 14. C. 216–224.

15. Berve H. Die Tyrannis bei den Griechen. Bd. I. München: C.H. Beck, 1967. XII+509 S. Bd. II. München : C.H. Beck, 1967. XII+285 S.

16. de Boer J. G. Sinope and Colchis: Colonisation, or Greek Population in «*poleis* barbaron» // The Danubian Lands between the Black, Aegean and Adriatic Seas. Oxford : Archaeopress Publishing Ltd., 2015. P. 73–80.

17. Doonan O. P. Sinope Landscapes. Philadelphia : University of Pennsylvania, 2004. 189 p., fig.

18. Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien. Fr.a.Main-Bern-N.Y. : P. Lang, 1983. 588 S. Abb. Taf.

19. Graf F. Apollon Delphinios // Muz. Helv. 1979. Bd. 36. H. 1. S. 2–22.

20. Ivantchik A. I. Les legends de la foundation de Sinope // REA. 1997. T. 99, n°s 1–2. P. 33–45.

21. Ivantchik A. I. Die Gründung von Sinope und die Probleme der Anfangsphase der griechischen Kolonisation der Schwarzmeergebietes // The Greek Colonisation of the Black Sea Area. Stuttgart : Franz Steiner, 1998. S. 297–330.

22. Ivantchik A. I. Sinope et les Cimmériens // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2010. Vol. 16. P. 65–72.

23. Klaffenbach G. Bemerkungen zum griechische Urkundenwesen // Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprache. Bd. VI. 1960. S. 5–25.

24. Manoledakis M. On the Cults of Sinope and the Founders of the City // Ancient Sacral Monuments in the Black Sea. Thessaloniki : Kiriakidis Brothers, 2010. P. 563–576.

25. Manoledakis M. Greek Colonies and the Southern Black Sea Hinterland // The Danubian Lands between the Black, Aegean and Adriatic Seas. Oxford: Archaeopress Publishing Ltd., 2015. P. 81–89.

26. Miltner F. Die erste Milesische Kolonisation im Südpontus // Anatolian Studies Presented to W. H. Buckler. Manchester : University Press, 1939. P. 191–196.

27. Robinson D. M. Ancient Sinope // AJPh. Vol. 27. No 2. P. 125–153.

28. Roebuck C. Ionian Trade and Colonization. N.Y.: Archaeological Institute of America, 1959. 148 p., fig.

29. Rostovtseff M. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford : Clarendon Press, 1922. XVI+260 p., Pl., fig.

30. Vinogradov Ju. G. Pontische Studien. Mainz : Ph. von Zabern, 1997. X+703 S. Taf.

31. Wilhelm A. Über die öffentliche Aufzeichnung von Urkunden // Beiträge zur griechischen Inschriftenkunde. Wien : A. Hölder, 1909. S. 229–299.

Annotation. *The Paper – (1) publishes the new Bosporan Decree from the Excavations of Panticapaeum in 2018, (2) analyzes the Relations between Bosporus and Sinope and the Position of Sinope in the Black Sea Area, (3) and formulates the Hypothesis that (4) the ἀρχαὶ ἀνακτισταί of Panticapaeum at the End of First Quarter of V B.C. have been the Molpoi under Governance of Aisymnet and (5) the Person who was the Aisymnet 42 Years later can arrive to the Position of Tyrant.*

Keywords: *Decree, Bosporus, Sinope, Molpoi, Aisymnet, Tyrant, polis.*

УДК 902/ 904, 903. 4(470.477.75)

С. А. Шестаков

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ КАМЕННОГО ВЕКА НА КЕРЧЕНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ И НА СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

RESULTS OF STUDYING THE STONE AGE IN THE KERCHEN PENINSULA AND IN THE ADJACENT TERRITORIES

Аннотация. *Автор, указав достижения прежних исследователей, подводит некоторые итоги изучения каменного века. Приведён список открытых памятников. Во втором списке все известные памятники на Керченском полуострове и на сопредельных территориях сгруппированы по рекам, балкам и по приморскому положению. Ландшафтный метод отражает особенности памятников и способствует оптимизации археологических разведок.*

Ключевые слова: *каменный век, палеолит, мезолит, неолит, Керченский полуостров.*

Предметы каменного века в пределах Керчи известны ещё при раскопках некрополя, где несколько кремнёвых отщепов обнаружил В. В. Шкорпил [4, с. 76] в античных погребениях. Какие-то находки каменного века из Керчи принадлежат довоенному времени. Они находились в экспозиции Керченского музея. Каменный век Восточного Крыма привлекал внимание многих исследователей. Московский специалист по крымскому палеолиту Б. И. Татаринов, прибывший в Керчь для разведки, вероятно, предполагал наличие среднего палеолита на Керченском полуострове. Результаты его работы неизвестны. Здесь, в окрестностях Керчи, средний палеолит впервые открыт только в 1966 г. Н. Д. Прасловым, П. В. Фёдоровым и В. М. Муратовым в двух пунктах: Тобечикское озеро и Нимфей (бывший мыс Кара-Бурун) [3, с. 185]. Семь предметов, найденных там, блестяще подтвердили гипотезу Б. Татаринова, погибшего на фронте в годы Великой Отечественной войны. Оба пункта находятся в настоящее время в приморском положении. В эпоху мустье уровень Чёрного моря был значительно ниже теперешнего, стоянки находились на более значительном удалении от берега и нынешнего уреза воды в Керченском проливе. Пункты среднего палеолита в Восточном Крыму немногочисленны, находки на них единичны. Не обнаружены лишь памятники позднего палеолита, которые вообще исключительно редки в Крыму. Постпалеолитические и неолитические культуры каменного века в Восточном Крыму исследовал Л. Г. Мацкевой [2], чем заложил основы изучения мезолита и неолита на Керченском полуострове.

Автор приступил к исследованиям каменного века в 1975 г., проводя собственные разведки и обработки кремней, обнаруженных активистами музея. Некоторая часть находок на исследованных памятниках автором опубликована [7, 153–157]. Здесь приводится полный список вновь открытых памятников, значительная часть которых обнаружена замечательными людьми. Их имена навечно связаны с открытыми ими памятниками каменного века. Автор бесконечно им благодарен!

Краевед Борис Ильич Бабич (24 июля 1954 – 10 февраля 2013) – с 1970 г. активист отдела древней истории Керченского музея – недалеко от ликвидированной деревни Кезы, на вспаханном поле вблизи Кезинской балки нашёл кремнёвое изделие. Пункт с единичной находкой получил название Кезы. Подобный предмет был найден ранее активистом отдела ***Владимиром Анатольевичем Долониным*** на городище Нимфей.

Скульптор Александр Иванович Мельник открыл пункт с находками мустьерского времени на левом берегу Камышбурунской балки – Камыш-Бурун 2. Число находок – 4. Таким образом, на Керченском полуострове выявлено четыре пункта с находками среднего палеолита. Общее количество находок на этих четырёх памятниках – 12 кремнёвых изделий.

Следует отметить случайную находку вкладыша кукрекского типа на ранее открытом пункте Биэли. Вкладыш найден жителем Керчи ***Рыдченко*** и доставлен автору.

На обилие кремнёвых находок у села Ивановка [5, с. 227] указал житель Керчи ***Павел Валентинович Ворсин***, и он оказал содействие в исследовании неолитического местонахождения на принадлежащем тогда ему участке.

Виктор Алексеевич Шестаков указал на находку кремнёвой пластинки в Старом Крыму на холме Кемаль-Ата в устье Георгиевской долины.

Далее перечислены исследованные пункты в порядке открытия с указанием лиц, их открывших:

1. **Старый Крым I** – неолит. В. А. Шестаков, ноябрь 1975 г. – 2 предмета.

2. **Чапаевка** (Советский район) – палеолит. С. А. Шестаков, 22.06.1978, 11.11.2004 – 83 предмета.

3. **Биэли** – мезолит. С. А. Шестаков, 25.04.1979 – 2 предмета.

4. **Эльтиген I** – неолит. С. А. Шестаков, апрель 1983, 1997, 1999, 2000 гг. – 11 предметов. Исследовался также А. И. Мельником и Натальей Николаевной Симоновой.

5. **Ак-Бурун II** – неолит. С. А. Шестаков, лето 1988 г. – 1 предмет.

6. **Опук** – неолит. С. А. Шестаков, лето 1991 г. – 2 предмета.

7. **Камышбурунская Коса** (Горпляж) – неолит. Галина Семёновна Шестакова, 13.07.1992, С. А. Шестаков, 1992, 1999 гг. – 5 предметов.

8. **Михайловка** – неолит. С. А. Шестаков, 15.08.1999. 51 предмет: кремни – 2, керамика – 31, кости животных – 16.

9. **Керченский ЦПКиО** – неолит. С. А. Шестаков, апрель, июнь 1999 г. 5 предметов – перемещены с песком с Камышбурунской косы.

10. **Карантинный Мыс**, устье речки Московской – неолит. Виктор Васильевич Вахонеев, 09.09.2000, С. А. Шестаков – 16 предметов.

11. **Кезы** – палеолит. Б. И. Бабич, август 2001 г., С. А. Шестаков – 1 предмет.

12**. Александровка –** неолит. С. А. Шестаков, 03.08.2002, 2005, 2008, 2009 гг. 60 предметов: кремни, керамика, охра.

13. **Чауда** – месторождение кремня. Николай Анатольевич Рак и С. А. Шестаков. 25.09.2003. Огромное количество обломков и осколков кремня, среди которых артефактов не обнаружено.

14**. Старый Крым II**, на левом берегу надпойменной террасы, – неолит. С. А. Шестаков, лето 2004 г., 14 сентября 2007 г. – 5 предметов. Стоянку Старый Крым, расположенную на двух речных площадках по правому берегу речки Чурук-Су, открытую Мариновичем и Ровицким в 1929–1930 гг. [1, с 70–72], обнаружить не удалось.

15**. Эльтиген II** – неолит. С. А. Шестаков, 18.08.2004, 2006, 2008 гг. – 2 предмета.

16. **Пансионат «Киев»** (ныне санаторий «Москва – Крым»), на приморской террасе – неолит. С. А. Шестаков, 22.05.2006, 22,05.2014 – 6 предметов. Территориально по материалу близок к пункту Карантинный Мыс.

17. **Крепость «Керчь»**, на обваловке капонира № 3, – неолит. Андрей Николаевич Прокопьев и Надежда Константиновна Шепель – работники музея, 6 февраля 2008 г. – 1 предмет. Происходит, несомненно, из стоянки, находившейся на месте крепости.

18. **Камыш-Бурун**, депо – неолит. С. А. Шестаков, 31.08.2008 – 1 предмет.

19. **Южный Чурбаш**, на горе. С. А. Шестаков, 21.10.2008 – 3 предмета.

20**. Камыш-Бурун II** – период мустье. А. И. Мельник, июнь, октябрь 2009 г. – 6 предметов.

21. **Керчав-Илгасы**, терраса правого берега, – неолит. С. А. Шестаков, 08.09.2009 – 1 предмет.

22. **Ленинское**, западный берег водохранилища, – неолит. С. А. Шестаков, 11.09.2009 – 1 предмет.

23. **Фронтовое IV**, к западу от водохранилища – неолит. С. А. Шестаков, 14.09.2009 – 2 предмета.

24. **Сараймин** – неолит. С. А. Шестаков, 18.09.2009, 17.10.2009, 12.11.2009 – 8 предметов.

25. **Бабчик** – неолит. С. А. Шестаков, 06.10.2009 – 1 предмет.

26. **Приозёрное I** (запад) – неолит. С. А. Шестаков, 25.09.2009 и ещё пять посещений – 5 предметов.

27. **Приозёрное II** (юго-восток). С. А. Шестаков, 05.10.2009 – 6 предметов.

28. **Аджимушкай** – неолит. С. А. Шестаков, 28.06.2010 – 1 предмет. Сверло.

29. **Марат-2** – неолит. С. А. Шестаков, 13.08.2010 – 1 предмет. Обушковая пластинка.

30. **Камыш-Бурун III** – неолит. Нина Дмитриевна Шестакова, 25.08.2013 – 3 предмета.

31. **Кубалач в Тополёвке, Ак-Су** [8, с. 148–151]. Палеолит. С. А. Шестаков, Н. Д. Шестакова, 19.05.2014 – 89 предметов.

32. **Тополёвка, «Старая Крепость».** С. А. Шестаков, 20.04.2015 – 3 предмета.

33. **Льговка.** Каменный век. Н. Д. Шестакова, Наталия Евгеньевна Рашевская, Алексей Николаевич Рашевский, 06.10 2015 – 5 предметов.

34. **Архадерес-Миндальное.** Солнечная Долина. Колоссальное количество кремней. С. А. Шестаков, Н. Д. Шестакова, 20.10.2015. Все кремни – обломки. Изделия могут быть найдены на террасах в обводнённых балках.

35**. Стадион «Металлург»** – неолит. Н. Д. Шестакова, 2019 г. – 1 предмет. Перемещён с песком с Камышбурунской косы.

Таким образом, в Восточном Крыму известно не менее четырёх палеолитических памятников и 67 памятников мезолита и неолита. По наблюдениям Л. Г. Мацкевого, поселения каменного века Керченского полуострова приурочены к антецедентному положению в пропилах в Парпачском хребте реками. Мы приведём их не в обычно установившемся порядке, а в порядке относительно расположения рек и балок Керченского полуострова и сопредельных территорий.

В бассейне речки Койасанская (Сухая), приуроченные к пропилу в Парпачском хребте:

Фронтовое I – находки: 12441;
Фронтовое II – находки: 5;
Фронтовое III – находки: 423;
Фронтовое IV – находки: 1;
Кой-Асан I – находки: 166;
Кой-Асан II – находки: 49.

Озеро:

Ачи – находки: 5.

В бассейне речки Луговской и её притоков, приуроченные к Парпачскому хребту:

Луговое I – находки: 4035;
Луговое II – находки: 174;
Луговое III – находки: 11;
Луговое IV – находки: 15;
Ерофеево – находки: 5.

В бассейне речки Самарли и её притоков:

Ленинское I – находки: 6908;
Ленинское II – находки: 22;
Ленинское III – находки: 21;

Фонтан I – находки: 14;
Фонтан II – находки: 9;
Фонтан III – находки: 7;
Астанино – находки: 8.

В бассейне речки Ташлыяр:

Новониколаевка – находки: 8.

В бассейне речки Чурубашской, на речных надпойменных террасах:

Михайловка – находки: 3 кремня, 23 фрагмента керамики, 8 костей животных;
Ивановка – находки: 197 кремней, 23 фрагмента керамики;
Приозёрное I – находки: 5;
Приозёрное II – находки: 6;
Александровка – находки: 28 кремня, 2 охры, 10 керамики.

В районе балки речки Аджиэльской:

Алексеевка – находки: 830;
Нариманова – находки: 24;
Горностаевка I – находки: 270;
Горностаевка II – находки: 40.

В бассейне Биельской речки, притоке Мелек-Чесме:

Биэли – находки: 2.

У Камышбурунской балки:

Камыш-Бурун I: 1;
Камыш-Бурун II: 6.

В бассейне речки Сарайминской:

Сараймин: 8.

В Бабчикской балке:

Бабчик – находки: 1.

Приморские пункты и приуроченные к балкам:

Митридат I – находки: 8;
Барзовка – находки: 12;
Чокрак – находки: 10;
Героевское I – находки: 1;
Эльтиген I – находки: 11;
Эльтиген II– находки: 2;
Камышбурунская Коса – находки: 3;
Камыш-Бурун III – находки: 1.
Карантинный Мыс – находки: 16 кремней;
Пансионат «Киев» – 6;
Опук – 2 предмета.

В балках Феодосийского залива:

Чёрная Балка I – находки: 98;
Чёрная Балка II – находки: 92;
Чёрная Балка III – находки: 61;
Чёрная Балка IV – находки: 92;
Песчаная Балка I – находки: 10;
Чауда – месторождение кремня.

Присивашье:

Шубино – находки: 37;
Чапаевка – находки: 83; ручей уничтожен мелиоративными работами Северо-Крымского канала.

Юго-Восточный Крым на поднятых высоко террасах над речными долинами:

Старый Крым I – находки: 1.
Старый Крым II – находки: 1.

К реке Мокрый Индол:

Кубалач – находки: 89;
«Старая крепость» – находки: 3;
Курское – находки: 7;
Льговка – находки: 5.

Данный порядок выявляет закономерность расположения памятников каменного века в ландшафте, происходит группировка поселений относительно рек. Таким образом, первым признаком расположения поселений является приуроченность к рекам как источникам воды для людей и водопоя животных, вторым – антецедентное положение в пропиле при наличии удобных площадок для размещения стойбища, третий признак – расположение на надпойменных террасах, что исключает затопление жилищ при паводках. Ландшафтный метод позволяет успешно вести археологическую разведку памятников каменного века. Находки из разведок пополнят экспозицию Керченского музея [6, с. 48, 50].

1. Заболоцкий П. Н. Очерки доисторического прошлого истории Крыма. Следы каменного века в юго-восточном Крыму // Сборник статей по экономике, быту и истории Феодосийского района. Феодосия, 1931. Вып. 1. С. 68–80.

2. Мацкевой Л. Г. Мезолит и неолит Восточного Крыма. Киев, 1975.

3. Праслов Н. Д. Палеолитические находки в Восточном Крыму // АО. 1966. С. 185–187.

4. Шестаков С. А. Первобытные археологические находки на античных поселениях Керченского полуострова // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Материалы III Боспорских чтений. Керчь, 2002. С. 276–279.

5. Шестаков С. А. Новые памятники каменного века в Крыму // Научный сборник Керченского заповедника. Керчь, 2008. Вып. 2. С. 225.

6. Шестаков С. А. Некоторые замечания в связи с разработкой концепции экспозиций «Первобытный строй на Керченском полуострове» и «Античный Боспор» // Научный сборник Керченского заповедника. Симферополь, 2011. Вып. 3. С. 48–65.

7. Шестаков С. А. Новые исследования по каменному веку в Восточном Крыму // Вестник Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Симферополь ; Керчь, 2018. Вып. 1. С. 153–157.

8. Находки каменного века у горы Кубалач в Республике Крым // Вестник Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Симферополь ; Керчь. 2019. Вып. 2. С.148–151.

1. Zabolotsky P. N. Essays on the prehistoric past of the history of Crimea. Traces of the Stone Age in the southeastern Crimea // Collection of articles on the economy, life and history of the Feodosia region. Feodosia, 1931. Issue 1. P. 68–80.

2. Matskevoj L. G. Mesolithic and Neolithic of Eastern Crimea. Kiev, 1975.

3. Praslov N. D. Paleolithic finds in the Eastern Crimea // AO. 1966. P. 185–187.

4. Shestakov S. A. Primitive archaeological finds in the ancient settlements of the Kerch Peninsula // Cimmerian Bosporus and Pontus in the period of antiquity and the Middle Ages. Materials of the III Bosporus readings. Kerch, 2002. P. 276–279.

5. Shestakov S. A. New monuments of the Stone Age in Crimea // Scientific collection of the Kerch nature reserve. Kerch, 2008. Issue 2. P. 225.

6. Shestakov S. A. Some remarks in connection with the development of the concept of the expositions «Primitive system on the Kerch Peninsula» and «Antique Bosporus» // Scientific collection of the Kerch nature reserve. Simferopol, 2011. Issue 3. P. 48–65.

7. Shestakov S. A. New research on the Stone Age in Eastern Crimea // Bulletin of the Eastern Crimean Museum-Reserve. Simferopol ; Kerch, 2018. Issue I. P. 153–157.

8. Finds of the Stone Age near Mount Kubalach in the Republic of Crimea // Bulletin of the East Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve. Simferopol ; Kerch, 2019. Issue II. P. 148–151.

Annotation. *The author, indicating the achievements of previous researchers, summarizes some of the results of the study of the Stone Age. There is a list of open monuments. In the second list, all known monuments on the Kerch Peninsula and in adjacent territories are grouped by rivers, gullies and by coastal position. The landscape method reflects the characteristics of the monuments and optimizes archaeological explorations.*

Keywords: *Stone Age, Paleolithic, Mesolithic, Neolithic, Kerch Peninsula.*

Список сокращений

ААЭ –	Артезианская археологическая экспедиция МПГУ
АН СССР –	Академия наук СССР
БИ –	Боспорские исследования. Симферополь, Керчь
ВДИ –	Вестник древней истории
ВКИКМЗ –	Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник
ВЛКСМ –	Всесоюзный Ленинский Коммунистический союз молодёжи
ГАИМК –	Государственная академия истории материальной культуры
ГБУ РК ВКИКМЗ –	Государственное бюджетное учреждение Республики Крым «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник»
ГМИИ –	Государственный музей изобразительных искусств
ДБ –	Древности Боспора
ИАК –	Императорская археологическая комиссия
ИАК–	Известия археологической комиссии
ИГАИМК –	Известия ГАИМК
ИИМК –	Институт истории материальной культуры
ИА РАН –	Институт археологии Российской академии наук
КБН –	Корпус боспорских надписей. М. ; Л., 1965
КБН-Альбом –	Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций. СПб., 2004
Киргизская ССР –	Киргизская Советская Социалистическая Республика
КСИА –	Краткие сообщения Института археологии АН. М.
ЛИ –	личное имя
ЛОБК –	Ленинградское областное бюро краеведения
ЛОИА –	Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАСП –	Материалы по археологии Северного Причерноморья
МИА –	Материалы и исследования по археологии СССР
МИЗИС –	Музей изящных искусств
МПГУ –	Московский педагогический государственный университет
НО –	Надписи Ольвии
ОАК –	Отчёт Императорской археологической комиссии. СПб.
ОКН –	объект культурного наследия
ПИФК –	Проблемы истории, филологии, культуры
РА –	Российская археология
РАН –	Российская академия наук
РГАК –	Российская государственная археологическая комиссия
РККА –	Рабоче-крестьянская Красная армия
РКП(б) –	Российская Коммунистическая партия большевиков
РСФСР –	Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
Р. Х. –	Рождество Христово
СА –	Советская археология. Москва
СГАИМК –	Сообщения ГАИМК
Т –	том
ТВ –	траншея выборки
ACSS –	Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden – Boston
АЕМΘ –	Το Αρχαιολογικό Έργο στη Μακεδονία και Θράκη
AJPh –	American Journal of Philology
AWE –	Ancient West and East
BA –	Bosporan Antiquities
BE –	Bulletin épigraphique. Paris
BCH –	Bulletin de correspondance hellénique
Bull. ép. –	Bulletin épigraphique
CIG –	Corpus inscriptionum Graecarum. Berlin
CIL –	Corpus inscriptionum Latinarum. Berlin
ff. –	folgende(n)
ID –	Inscriptions de Délos. Paris
IG –	Inscriptiones Graecae. Berlin
JAH –	Journal of Ancient History
MAMA –	Monumenta Asiae Minoris Antiqua
Mus. Helv. –	Museum Helveticum
NARA –	National Archives and Records Administration
PHPhC –	Problems of History, Philology, Culture
REA –	Revue des études anciennes
SEG –	Supplementum epigraphicum Graecum
sqq. –	sequentes
Syll³ –	Dittenberger W. Sylloge inscriptionum Graecarum. 4 vols. Leipzig: Apud S. Hirzelium, 1915–1924
suiv. –	suivant(s, ~es)
usw. –	und so weiter
vs –	versus
ZPE –	Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn

Список терминов

Антаблемент – одна из трёх основных частей архитектурного ордера, а именно система горизонтального перекрытия, опирающегося на колонну или иную несущую конструкцию.

Апойкия – поселение, основанное в результате колонизационного процесса за пределами полиса-метрополии.

Ауреус (лат. *aureus*) – древнеримская золотая монета. Введена в обращение во время Второй Пунической войны. Первоначально использовалась исключительно в качестве наградной монеты – для раздачи войскам в награду за одержанные победы.

Верганг – площадка на гребне оборонительной стены или на верхней площадке башни, защищённая вертикальной стенкой с зубцами и бойницами.

Дентикулы (лат. *зубец*), или «ордерные сухарики», – ряд небольших прямоугольных выступов, расположенных в виде орнамента под карнизом в ионическом и коринфском ордере.

Куртина – отрезок оборонительной стены между двумя башнями или бастионами.

Толос – в античной архитектуре – круглая в плане постройка общественного характера, обычно служившая святилищем или пританеем – зданием для заседаний полисных магистратов.

Трискелис (греч. *трёхногий*) – название символа. Солярный знак в виде трёх соединенных в центре элементов (например, согнутых в коленях ног), символизирующий движение.

Сведения об авторах

УМРИХИНА Татьяна Викторовна, кандидат философских наук, генеральный директор ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (Россия, г. Керчь)

БЕЙЛИН Денис Владиславович, научный сотрудник отдела античной археологии ФГБУН «Институт археологии Крыма» РАН (Россия, г. Симферополь)

БЕЛИК Юрий Леонидович, кандидат исторических наук, заведующий научно-исследовательским отделом «Керченская крепость» ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (Россия, г. Керчь)

БУТЯГИН Александр Михайлович, заведующий сектором археологии Северного Причерноморья ФГУК «Государственный Эрмитаж», преподаватель ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», начальник Мирмекийской и Стабианской археологических экспедиций (Россия, г. Санкт-Петербург)

БЫКОВСКАЯ Наталья Владимировна, заместитель генерального директора ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (Россия, г. Керчь)

ВИНОГРАДОВ Юрий Алексеевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт истории материальной культуры» РАН (Россия, г. Санкт-Петербург)

ВИНОКУРОВ Николай Игоревич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», директор Центра археологических исследований МПГУ, руководитель Артезианской археологической экспедиции (Россия, г. Москва)

ЖАНТЕЛИЕВА Нурзада Гарибовна, старший преподаватель кафедры регионоведения и кыргызоведения факультета истории и регионоведения Кыргызского национального университета им Ж. Баласагына (Кыргызстан, г. Бишкек)

ЗУБАРЕВ Виктор Геннадьевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и археологии ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет им. Л. Н.Толстого» (Россия, г. Тула)

КИЗИЛОВ Андрей Сергеевич, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник лаборатории этносоциальных проблем ФГБУН «Федеральный исследовательский центр «Субтропический научный центр» РАН (Россия, г. Сочи)

КЛЕМЕШОВА Марина Евгеньевна, младший научный сотрудник отдела сохранения археологического наследия ФГБУН «Институт археологии» РАН (Россия, г. Москва)

КОЛОСОВ Владимир Павлович, младший научный сотрудник Отдела Античного мира ФГУК «Государственный Эрмитаж», заместитель начальника Мирмекийской и Стабианской археологических экспедиций (Россия, г. Санкт-Петербург)

КУЛИКОВ Алексей Владиславович, научный сотрудник ФГБУН «Институт археологии Крыма» РАН (Россия, г. Симферополь)

КУЧЕРЕВСКАЯ Нина Львовна, кандидат культурологии, заведующий отдела «Лапидарий» ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (Россия, г. Керчь)

ЛИТВИНОВА Елизавета Геннадьевна, архитектор ООО «Мастерская Лозинский и партнёры» (Россия, г. Москва)

ЛОЗИНСКИЙ Игорь Захарович, профессор кафедры общественных зданий ФГБОУ ВО «Московский архитектурный институт (Государственная академия» (МАрхИ), руководитель ООО «Мастерская Лозинский и партнёры» (Россия, г. Москва)

МАЙКО Вадим Владиславович, доктор исторических наук, директор ФГБУН «Институт археологии Крыма» РАН (Россия, г. Симферополь)

МАЛЫШЕВ Алексей Александрович, кандидат исторических наук, заведующий отделом скифо-сарматской археологии ФГБУН «Институт археологии» РАН (Россия, г. Москва)

МЕДНИКОВА Мария Борисовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела теории и методики ФГБУН «Институт археологии» РАН (Россия, г. Москва)

МИЛИХИНА Надежда Михайловна, младший научный сотрудник ФГБУН «Институт истории материальной культуры» РАН (Россия, г. Санкт-Петербург)

МИХАЙЛОВ Арсений Михайлович, научный сотрудник ООО «Крымский региональный центр археологических исследований» (Россия, г. Симферополь)

НОВИЧИХИН Андрей Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Анапского археологического музея – филиала ГБУК КК «Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына» (Россия, г. Анапа)

ПАВЛИЧЕНКО Наталья Андреевна, старший научный сотрудник Отдела истории античной культуры ФГБУН «Институт истории материальной культуры» РАН (Россия, г. Санкт-Петербург)

РУКАВИШНИКОВА Ирина Викторовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела скифо-сарматской археологии ФГБУН «Институт археологии» РАН (Россия, г. Москва),

СВИРКИНА Наталия Геннадиевна, младший научный сотрудник лаборатории контекстуальной антропологии ФГБУН «Институт археологии» РАН (Россия, г. Москва)

СМЕКАЛОВ Сергей Львович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Учебно-практической лаборатории «Палата древностей» ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого» (Россия, г. Тула),

СТОЛЯРЕНКО Павел Геннадьевич, старший лаборант Отдела сохранения археологического наследия ФГБУН «Институт археологии» РАН, старший лаборант Восточно-Крымской археологической экспедиции (Россия, г. Москва)

СУПРЕНКОВ Александр Анатольевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела сохранения археологического наследия ФГБУН «Институт археологии» РАН, заместитель начальника Восточно-Крымской археологической экспедиции (Россия, г. Москва)

ТОЛСТИКОВ Владимир Петрович, кандидат исторических наук, заведующий Отделом искусства и археологии Античного мира ФГБУК «Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина», начальник Боспорской (Пантикапейской) археологической экспедиции (Россия, г. Москва)

ТОПОРИВСКАЯ Марина Анатольевна, старший лаборант Отдела сохранения археологического наследия ФГБУН «Институт археологии» РАН, старший лаборант Восточно-Крымской археологической экспедиции (Россия, г. Москва)

ТРЕБЕЛЕВА Галина Викторовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела классической археологии ФГБУН «Институт археологии» РАН (Россия, г. Москва)

ТРЕЙСТЕР Михаил Юрьевич, доктор исторических наук, научный сотрудник Германского археологического института (ФРГ, г. Берлин)

ШАРОВ Олег Васильевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт археологии» РАН (Россия, г. Москва)

ШЕЛОВ-КОВЕДЯЕВ Фёдор Вадимович, кандидат исторических наук, независимый исследователь (Россия, г. Москва)

ШЕСТАКОВ Семён Алексеевич, старший научный сотрудник историко-археологического отдела ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (Россия, г. Керчь)

ЯРЦЕВ Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, профессор кафедры истории и археологии ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого» (Россия, г. Тула)

СОДЕРЖАНИЕ

Т. В. Умрихина
Приветственное слово 4

Д. В. Бейлин, И. В. Рукавишникова
Археологические разведки
в Ленинском районе Республики Крым в 2019 году 6

А. М. Бутягин, В. П. Колосов, Н. М. Милихина
Новые находки античной скульптуры из Мирмекия 18

Ю. А. Виноградов
Из истории Таманской экспедиции ГАИМК 25

Н. И. Винокуров
Исследование пространства между крепостными стенами
и рвом ранней цитадели городища Артезиан.
Первые результаты раскопок 2019 года 31

Н. Г. Жантелиева
Жизненный путь, научная и организационная деятельность
Александра Натановича Бернштама 47

Д. В. Журавлёв, Н. В. Быковская
Позднегреческие светильники и их имитации
в собрании Восточно-Крымского
историко-культурного музея-заповедника 52

В. Г. Зубарев, С. В. Ярцев, С. Л. Смекалов
Материал позднеантичного и раннесредневекового
времени из раскопок городища «Белинское» в 2019 году....67

М. Е. Клемешова
Об одной группе лепной керамики
из некрополя Волна-1 на Тамани....74

Н. Л. Кучеревская, Ю. Л. Белик
К интерпретации тамгообразных знаков
на памятнике из раскопок Биели 78

И. З. Лозинский, Е. Г. Литвиненко
Керчь – двухъярусный город....84

В. В. Майко, А. В. Куликов, А. М. Михайлов
Нюрнбергские счётные жетоны из раскопок
2017–2018 годов поселений Керченского полуострова....95

А. А. Малышев, М. Б. Медникова
О перспективах изотопного изучения
мобильности населения в период Боспорского царства
на полуострове Абрау 105

А. М. Новичихин
Н. И. Веселовский – археолог и историк Анапы 111

Н. А. Павличенко
Вторая надпись Герака, сына Понтика,
главного переводчика аланов....119

Н. Г. Свиркина
Кремации римского времени могильника Фронтовое-3
(антропологический аспект) 128

П. Г. Столяренко, А. А. Супренков, М. А. Топоривская
Работы Восточно-Крымской археологической экспедиции
в первом полугодии 2020 года 133

В. П. Толстиков
Новые материалы по фортификации
акрополя Пантикапея....141

Г. В. Требелева, А. С. Кизилов
Ещё раз к вопросу о Понтийском Лимесе:
принципы расположения древних фортификационных
сооружений Черноморского побережья Кавказа....153

М. Ю. Трейстер
Бронзовый аритер из раскопок Елизаветовского городища.
Ещё раз о бронзовых сосудах
с северных Балкан на Боспоре....160

О. В. Шаров
Стеклянный стакан из склепа Деметры....167

Ф. В. Шелов-Коведяев
Боспор и Синопа 175

С. А. Шестаков
Итоги изучения каменного века
на Керченском полуострове
и на сопредельных территориях 183

Список сокращений 188

Список терминов....190

Сведения об авторах 191

ТАВРИЧЕСКИЕ СТУДИИ

№ 22 (2020)

Редактор *Г. Н. Гржибовская*
Технический и художественный
редактор *Е. В. Мажарова*
Корректор *Т. Н. Юкало*
Вёрстка *В. А. Бибик*

Подписано к печати 30.09.2020
Формат 189х283. Усл. печ. л. 20,5
Гарнитура Times New Roman
Тираж 300 экз.

Издательство «Антиква»
295000, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пер. Героев Аджимушкая 6, оф. 3,
тел. : +79788913701 e-mail: antikva07@mail.ru

———

Типография ИП Гальцовой Н. А.
Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пгт Аграрное, ул. Парковая, 7, кв. 908